Министерство образования и науки Российской Федерации
ГОУ ВПО «Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д.Ушинского»

Вопросы отечественной и зарубежной истории, политологии, теологии, образования

Материалы конференции «Чтения Ушинского»

Ярославль
2009

ББК 63.3 (2) Я 434 +
63.3(0) Я 434
УДК 930, 930: 372.8,
93/99; 930.9, 93/99 (4/9)
В 748

Печатается по решению
редакционно-издательского
совета ЯГПУ им.К.Д.Ушинского

В 748 Вопросы отечественной и зарубежной истории, политологии, теологии, образования [Текст]: материалы конференции «Чтения Ушинского». – Ярославль: Изд-во ЯГПУ им. К.Д.Ушинского, 2009. – 344 с.

В данном сборнике опубликованы тексты докладов ежегодной научной конференции «Чтения Ушинского» за 2009 год, сгруппированные по кафедрально-тематическому принципу. Они отражают результаты преимущественно инициативных научных исследований преподавателей кафедр всеобщей истории, отечественной истории, политологии и социологии, теории и методики преподавания истории и обществоведческих дисциплин, вновь создаваемой кафедры теологии.

УДК 930, 930: 372.8, 93/99; 930.9, 93/99 (4/9)
ББК 63.3 (2) Я 434 + 63.3(0) Я 434

Редколлегия: Л.М.Архипова, профессор, доктор истор. наук
(отв. ред.),
Г.Н.Кочешков, профессор, доктор истор. наук,
М.В.Новиков, профессор, доктор истор. наук
(отв. ред.),
А.Б.Соколов, профессор, доктор истор. наук,
А.С.Ходнев, профессор, доктор истор. наук

ISBN 978-5-87555-502-6

© ГОУ ВПО «Ярославский
государственный педагогический
университет им. К.Д.Ушинского», 2009
© Авторы материалов, 2009

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

© Е.Е.Лях (ЯГПУ)

Опыт выбора веры в текстах новозаветных апокрифов

Среди множества проблем, всегда волновавших человека, немалое место занимала проблема его духовного самоопределения. Особенно ярко она встает в эпохи духовных потрясений. Одной из таких эпох является I – V века - время перехода от античного мировоззрения к христианскому.

В рассматриваемое время это был выбор вероисповедания, определявшего мировоззрение, публичную и частную жизнь человека. Безусловно, такой выбор был глубоко индивидуален и определялся различными факторами и обстоятельствами. Далеко не всегда он фиксировался человеком. Одним из блестящих примеров осмысления своего духовного самоопределения, своего выбора веры является знаменитая «Исповедь» Августина Аврелия.

Однако попытки ответить на вопрос, почему человек избрал или отверг ту или иную веру, встречаются не только в литературе христианских интеллектуалов, но и в массовой литературе I – V веков, в частности в раннехристианских новозаветных апокрифах.

Рассчитанные на широкую читательскую аудиторию, апокрифы и содержательно, и стилистически отличаются от «высокой» литературы интеллектуалов. В них чаще всего отсутствуют сложные духовные переживания, утонченная рефлексия. Авторы апокрифов пытаются доходчиво объяснить себе и читателям, почему, при каких условиях человек принимает или отвергает христианскую веру, как изменяется при этом его жизнь. В своих объяснениях они используют аргументацию, систему понятий, символов, близких и понятных их читательской аудитории.

В данной работе будет рассмотрен только один вопрос, входящий в комплекс проблем, связанных с проблемой само-

определения – вопрос о том, каковы причины обращения к новой христианской вере с точки зрения авторов новозаветных апокрифов.

Эти причины мы можем условно разделить на две группы: «естественные», то есть не нарушающие обычный ход вещей, не содержащие элементы чудесного, и «сверхъестественные», включающие элементы чуда. Необходимо отметить, что это деление очень условно. Оппозиции «естественное» - «сверхъестественное» для авторов и читателей того времени не существовало. Мир «естественного» и «сверхъестественного» воспринимался ими одинаково реально, как два пласта бытия. Чудо являлось проявлением «сверхъестественного» в «естественном» мире, это реальность, в которую они верили и прихода которой ждали.

Рассмотрим «естественные» причины обращения. К ним, в первую очередь, относится апостольская проповедь. Эту миссию возложил на апостолов Христос. «И сказал им: идите по всему миру и проповедуйте Евангелие всей твари» (Мк.16.15); (Мф.28.19-20). Наиболее яркими примерами обращения через проповедь являются уверование знатных язычниц Феклы и Мигдонии. «И когда Павел говорил сие посреди церкви в доме Онисифоровом, некая дева Фекла, дочь Феоклеи, обрученная мужу Фамиру, села у ближнего окна дома своего и слушала день и ночь слово Божие, через Павла возвещаемое..., и не отходила от оконца, но в вере исполнялась ликованием» [5. VII]. И когда произносил проповедь Иуда Фома, «... вся толпа слушала ... . И супруга Кариша, приближенного царя Маздая (то есть Мигдония), выпрыгнула и вышла из паланкина, и на землю упала у ног апостола, и просила его..., чтобы также получить милость Бога этого, которого ты проповедуешь [1. С. 210]. Через проповедь уверовали «многие люди из Азии», которые «с любовью слушали Иоханнана, и уверовали, и утверждались проповедью его» [4. С. 313]. Сила апостольского слова привела этих людей к христианству.

Апокрифы не раз подчеркивают большую значимость обращения через проповедь. Апостол Иоханнан говорит язычнику Секунду: «Прими же то, что я рассказал перед тобою, но если хочешь ты пойди со мной в область Галилейскую, и я по-

кажу тебе тех умерших, и слепых, и из горбатых, которых Он очистил и исцелил. ... Но, если не захочешь ты идти и уверуешь ты, будешь больше ты, чем я, который видел Его и был с Ним» [4. С.319]. Почему авторы придавали такое значение обращению через проповедь? Вероятно, потому, что это обращение, с точки зрения авторов апокрифов, являлось показателем веры - ценнейшего дара в человеке.

Другой «естественной» причиной обращения был образ жизни христиан, наглядно дававший представление об их вере. «Что бы они ни говорили другим, как бы ни направляли их, они проявляли то же самое своими собственными поступками. И те, кто слышал (их проповеди), видел вместе с их словами также и дела, так что многие стали учениками без особых усилий и в Христа-владыку уверовали» [9. С.110]. О примерах такого пишет и раннехристианский писатель Евсевий. Милосердное поведение христиан во время чумы и голода при императоре Максимине стало причиной обращения в веру многих. В отличие от язычников, «впавших в состояние бесчувственности и жестокосердия», христиане «среди этих безысходных бедствий на деле обнаруживали свою сострадательность и человеколюбие; ежедневно и безропотно достойным образом хоронили умерших..., в каждом городе собирали изголодавшихся людей и раздавали им хлеб, так что все признали Бога христиан» [3. IX.8.7-13].

Нельзя не сказать и о такой причине обращения, вероятно, особенно распространенной в послеапостольское время, как стойкость христианских мучеников в судах, во время казней. Случаи такого обращения упоминаются у Евсевия. Человек, приведший его (то есть Иакова), на суд, видя, как Иаков свидетельствует о своей вере, «...был потрясен и заявил, что он также христианин» [3. II.9.2]. Для римлян, у которых культ был «делом в прямом смысле общественным, а религия ... не была силой, двигавшей поступки человека» [14. С.172-173], подобная стойкость была удивительна. В их глазах только безумцы или люди, нашедшие сокровище дороже, чем жизнь, могли идти на такие муки. Этим сокровищем была вера. Но эти обращения были немногочисленны, так как одних поведение мучеников заставляло задуматься о причинах стойкости

христиан, о новой вере, а других, что было чаще, - раздражало и озлобляло [3. IV.15.6].

Итак, «естественными» причинами, приводившими людей к христианству, по мнению авторов апокрифов, были проповедь, соответствующий ей образ жизни, презрение христиан к смерти и мученическая смерть исповедников.

В абсолютном большинстве случаев авторы апокрифов «естественные» причины обращения соединяют со «сверхъестественными», что еще раз подтверждает условность их разделения. Чаще всего причиной уверования показана не просто проповедь, а проповедь, сопровождаемая различными чудесами и знамениями, которые совершали апостолы. Знамения и чудеса в форме исцеления, воскрешения или необычного наказания привлекали внимание людей, показывали могущество, силу Христа и Его последователей, служили доказательством истинности учения. И ранние, и более поздние апокрифы признавали этот путь обращения наиболее доступным. Об этом часто говорится в них. «Знамения, совершившиеся во имя Его, свидетельствуют о нашей вере, что истинна она и верна» [9. С.94]. «Мы просим Тебя,... чтобы Ты воскресил именем Твоим святым эту женщину... к славе Твоей великой, к вере Божественности Твоей и к утверждению веры Твоей в тех, кто стоит около» [1. С.190].

Самыми распространенными и убедительными, по мнению авторов апокрифов, являлись случаи уверования через исцеление от болезней и воскрешения умерших. О них рассказывают как апокрифы II-III веков, так и более поздние - IV-V веков. Обращение через чудо воскрешения описано, например, в третьем деянии Иуды Фомы апостола. Оно рассказывает, как воскрешенный юноша бросается к ногам апостола и «восславляет Бога, благодаря которому он вернулся к жизни» [1. С.175]. После исцеления своего сына полностью уверовал в Иисуса Христа язычник Секунд [4. С.319-320]. Исцеления и воскрешения, совершенные Иисусом Христом, были причиной уверования в Него царя Авгара. [9. С.78]. Среди сюжетов катакомбной живописи одним из самых распространенных (около 50 раз) является сюжет «воскрешения Лазаря», наглядно показывающий могущество христианского Бога и напоминающий о

нем [11. С.174]. И.С.Свенцицкая отмечает, что для первых христиан чудеса «...были, прежде всего, чудесами исцеления, ибо их Мессия выступал как спаситель, целитель души и тела» [12.С.173].

Авторы апокрифов описывают многочисленные случаи обращения через знамения и чудеса. Видение окончательно убедило царя Авгара в том, что Аддай является учеником Иисуса Христа. Знамения и чудеса, совершаемые Симоном в Риме во имя Христа, были причиной уверования многих людей [10. С. 377]. «Евангелие Петра» рассказывает, как чудеса и знамения, происходившие при распятии Христа, изменили отношение к Нему иудеев. «Собравшись, книжники, и фарисеи, и старейшины услышали, что народ ропщет, ... говоря: «Если при смерти Его такие великие знамения явились, то видите, сколь Он праведен» [12. С. 120]. Вера христианки Феклы, придававшая ей силы, ее стойкость, уже сама по себе являвшаяся чудом, а также чудесное избавление Феклы от мученической смерти было причиной обращения многих, видевших это. «...Когда же увидел весь город чудеса великие, которые совершил Бог с Феклой, восславили они Бога» [5. С.428-430].

Не только удивительные знамения, спасения от смерти, исцеления становились причинами обращения. Немалую роль в обращении людей играли жуткие видения наказания, страх. Страшные видения посмертных мук грешников были причиной уверования девушки, описанные в шестом деянии Иуды Фомы апостола. После ее рассказа «... те толпы уверовали и вверили себя Богу Живому и Иисусу Христу и наслаждались делами благословенными Высочайшего и служением Ему святым» [1. С.193]. В «Истории Филиппа, апостола и благовестника» рассказано, как наказание и страх перед более могущественным и сильным Богом заставили поначалу богохульствовавшего еврея Ханнания уверовать в Христа и исповедовать Его [6. С. 390-397]. Этот же апокриф рассказывает о том, как страх, охвативший уличенных в преступлении евреев, стал причиной их уверования, а наказание 40 не уверовавших священников явилось причиной обращения всех, кто видел это наказание [6. С.404]. Страх перед мальчиком Иисусом, удивление силой и мудростью Его заставили людей, живших рядом

с Ним, признать Его «... за великого Бога, или ангела, или того, кого они не знают» [2. VII]. Причиной обращения Иосифа, земного отца Иисуса, был тоже страх, в котором он пребывал перед кончиной. [5. XII]. Интересно отметить, что страх показан причиной обращения к христианству, в основном, иудеев.

Рассказы апокрифов о многочисленных случаях уверования через чудо согласуются с каноническими писаниями, в которых исцеления, воскрешения, знамения, совершаемые Иисусом Христом и апостолами, являются также главной причиной обращения людей. «Вы не уверуете, если не увидите знамений и чудес» (Деян.4.48). Исцеление Петром и Иоанном хромого, их проповедь привели к обращению многих, слушающих их (Деян.3.-4.4). Проповедь Филиппа в городе Самарийском и исцеление многих людей закончились принятием ими христианства (Деян.3.5-13). Необычное землетрясение, происшедшее только в камере, где находился апостол Павел было причиной уверования стража темницы (Деян.17.25-32).

Интересным является тот факт, что чудеса при обращении людей занимают разное место в Евангелиях и деяниях. В Евангелиях чудеса следуют за обращением, а в деяниях предшествуют ему. Так, в евангелие прокаженный, прося у Христа исцеления, уже называет Его Господом (Мф.8.2-4;Лк.5.12). Сотник, просящий исцеления для своего слуги, также сразу признает Христа Богом (Мф.8.5-13;Лк.7.2-10). Воскрешенный Лазарь был братом Марии, признававшей Христа Богом (Иоанн.11.2-45). Вероятно, авторы Евангелий считали, что Христу для обращения было достаточно проповеди или просто призыва, а апостолам для убеждения слушателей необходимы чудеса.

Необходимо отметить, что авторы апокрифов писали не просто о чудесах удивляющих и поражающих воображение. Они рассказывали о чудесах, приносящих быструю, реальную пользу, избавление, награду или наказание. Чудеса в апокрифах становятся символами помощи нуждающимся, спасения верующих и наказания неверующих [12. С. 65]. В апокрифах III-V в. количество чудес резко возрастает. Изменяется и их характер: они становятся более невероятными и включают в себя элементы колдовства и магии. Эти изменения объясняют-

ся притоком в христианство во второй половине III в. неофитов из языческой среды [13. С.57-58], а также следствием социально-психологической обстановки в римском обществе того времени [12. С.167].

Кроме проповеди, образа жизни апостолов, чудес, совершаемых ими, авторы апокрифов выделяют и некоторые другие причины обращения человека к христианству. В «Деяниях Иуды Фомы апостола» рассказывается о том, что причиной обращения юноши стала «красота» Бога и «облик Его светлый» [1. С.177]. «Взгляни на Него, и Он не отвернется от тебя, и обратись к Нему, и Он не оставит тебя, ибо красота Его побудит тебя любить Его, и Он не оставит тебя, чтобы ты отвратился от Него», - говорит Иуда Фома. Апокриф не объясняет, что понимается под «светлым обликом» и «красотой» Бога. Но так как упоминаний о видении Бога в тексте нет, и видение Его не могло быть дано нехристианину, то под «красотой» могли пониматься дела, поступки Бога. О них ранее говорит сам юноша: «... Ты милосердный, милостями Своими распростер над нами доброту Твою. ... И не зачел нам грехи наши, но оживил нас добротой Твоей, и показал мне слабость мою, и посеял во мне небесную любовь Твою, и открыл уста мои, которые были закрыты... « [1. С.176]. Именно о «красоте» Христа, Его доброте как об одной из причин обращения говорят и другие фрагменты апокрифов. «Благодарение Тебе, Иисус Христос... за то, что ни за злодейства наши не вознаградил нас, ни в соответствии с грехами нашими не поступил с нами. Ибо мы не знали Тебя, Господи. А Ты в милосердии Твоем послал нам Спасителя. Слава благодати Твоей, которая в изобилии для нас» [6. С.395]. О необыкновенном милосердии Бога говорит и «Послание к Диогнету». «Он предал Сына Своего в искупление за нас, Святого за беззаконных, Невинного за виновных, Праведного за неправедных, Нетленного за тленных, Бессмертного за смертных. Ибо что другое могло прикрыть грехи наши, как ни Его праведность» [8. С.381]. Итак, под «красотой» Бога понимались милосердие, благие дела Его, приводящие людей к христианству.

В восьмом деянии Иуды Фомы апостола описана другая причина обращения - знания юности, возрожденные под влия-

нием проповеди апостола. Юноша Визан, сын царя Маздая, говорит апостолу Иуде Фоме: «... Я стал слугою этого Бога нового, которого проповедуешь ты, ибо во всем том, что ты говоришь, пребывал я в юности моей, до тех пор, пока не принудил меня Маздай, отец мой, и дал мне Менашар в супруги» [1.С. 225].

«Евангелие детства» называет еще одну интересную причину обращения. Это мудрость Христа. Мудрость ответов мальчика Иисуса, объяснявшего символы, выраженные в написании первой буквы и разъяснявшего Закон и речи пророков, была причиной того, что Его учителя признавали Его «...неземным рождением рожденным, ... еще до сотворения мира, ... кем-то великим, Богом или ангелом» [2. V], «...полным великой благодати и мудрости» [2. XV].

Какими бы простыми и наивными ни казались эти причины сейчас, нетрудно заметить, что они продолжают жить и в какой-то мере определять духовный выбор человека в современном мире.

Библиографический список

1. Деяние Иуды Фомы апостола // Мещерская, Е.С. Апокрифические деяния апостолов [Текст] / Е.С. Мещерская. - М.: Присцельс, 1997. - С. 156-300.
2. Евангелие детства // Свенцицкая, И.С. Апокрифические евангелия [Текст] / И.С. Свенцицкая. - М.: Присцельс, 1996. - С.179-186.
3. Памфил, Евсей. Церковная история [Текст] /Евсевий Памфил. - М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1993. - 456 с.
4. История Иоханнана апостола, сына Зеведеева // Мещерская, Е.С. Апокрифические сказания апостолов [Текст] / Е.С Мещерская. - М.: Когелет, 1997. - С.310-363.
5. История Феклы, ученицы Павла апостола // Мещерская, Е.С. Апокрифические деяния апостолов [Текст] / Е.С Мещерская. - М.: Присцельс, 1997. - С.412-440.
6. История Филиппа апостола и евангелиста // Скогорев, А.П. Апокрифические деяния апостолов [Текст] / А.П. Скогорев. - СПб.: Алетейя, 2000. - С. 327-358.

7. Иустин. Апология I //Иустин философ и мученик Творения [Текст] / Иустин. - М.: Университетская типография, 1992. - С.31-124.
8. Послание к Диогнету //Творения Иустина Философа [Текст]. - М.: Паломник, 1997. - С.371-368.
9. Учение Аддая апостола, пророка и благовестника // Мещерская, Е.С. Апокрифические деяния апостолов [Текст] / Е.С. Мещерская. - М.: Присцельс, 1997. - С.75-111.
10. Учение Симона Кифы в Риме городе //Мещерская, Е.С. Апокрифические деяния апостолов [Текст] / Е.С. Мещерская. - М.: Присцельс, 1997. - С.373-378.
11. Вейдле, В. Умирание искусства [Текст] / В. Вейдле. - СПб.: Аксиома, 1996. - 332 с.
12. Свенцицкая, И.С. Апокрифические сказания об Иисусе, святом семействе и свидетелях Христовых [Текст] / И.С. Свенцицкая. - М.: Когелет, 1999. - 176 с.
13. Скогорев, А.П. Апокрифические деяния апостолов [Текст] / А.П. Скогорев. - СПб.: Алетейя, 2000. - 480 с.
14. Штаерман, Е.М. От религии общины к мировой религии// Культура Древнего Рима [Текст]. - М.: Наука, 1995. - Т.I. - С.106-209.

© Р. Ю. Белькович (ГУ-ВШЭ, Москва)

Концепция автономии в США XVII-XIX вв.

Возникновение и развитие государственности в США связано с рядом особенностей, обусловивших формирование особого типа сознания переселенца. Специфической его характеристикой является стремление к автономии: территориальной, социальной и интеллектуальной.

К числу факторов, определивших эту тенденцию, следует отнести, во-первых, особый характер территории североамериканского континента и неравномерность его освоения. Непрерывное движение на запад материка сохраняло возможность изолированного существования индивидов и групп, не связанных требованиями закона и морали. Таким образом, государственная власть фактически распространялась скорее по персональному, нежели по территориальному принципу. Су-

веренитет Англии был условен - отдельный индивид всегда имел возможность выйти из-под юрисдикции Короны, переместившись на фронтир. Необходимость вести постоянную борьбу за выживание, не полагаясь на помощь социальных институтов, требовала принятия индивидом на себя полной ответственности за собственную судьбу. С другой стороны, способность человека выживать без опоры на государство подрывала веру в необходимость последнего.

Во-вторых, на возникновение особого типа политического сознания в США повлияло и развитие торговли. Ещё в Англии стал формироваться новый образ автономного экономического субъекта [1]. В рамках свободных рыночных отношений, пришедших на смену средневековой практике торговых ограничений, каждый участник товарообмена обладал экономическим суверенитетом и не зависел от воли цеха или корпорации. Индивидуалистический характер новых экономических отношений сообщал импульс, необходимый для роста самосознания человека как автономной единицы социального взаимодействия. Принципы рынка проецировались и на иные сферы жизни: идея достижения общего блага через индивидуальное процветание каждого, идея полной личной ответственности за успехи и неудачи, и, конечно, идея договорного характера взаимоотношений самостоятельных субъектов. Рынок предполагает независимого субъекта, свободно распоряжающегося собственными средствами и способностями. Вмешательство иных лиц в его дела есть угроза самому рыночному механизму. Именно схема взаимоотношений в рамках свободного рынка, исключающая принуждение, и становится образом любого человеческого взаимодействия.

В-третьих, существенное влияние на общественную мысль оказывали идеи Просвещения, в частности - идея естественного права и теория договорного характера государства. Если для европейского населения эти концепции представляли собой умозрительные абстракции, не связанные с реальной политической практикой, то жители американских колоний, вынужденные организовывать социальное взаимодействие фактически *ex nihilo*, на своём примере демонстрировали реальную возможность воплощения этих идей в жизнь. Модель

афинского полиса, не реализуемая в Европе Нового времени, приобретает новое значение на североамериканском континенте. Небольшое поселение, основанное на общности культурных и экономических интересов, распределение власти в котором находится под контролем всех его обитателей, становится идеальным типом социального общежития, который на протяжении всей истории США будет противостоять тенденциям к политической и территориальной централизации. Отсутствие наследственной аристократии с неизбежностью порождало идею формального равенства людей в их правах.

Все эти обстоятельства привели к возникновению в политической мысли США концепции автономии. Следует отметить ключевые этапы её развития.

Первой стадией следует считать распространение на территории колоний религиозного радикализма, принесённого переселенцами из Европы, в рамках которого получила обоснование идея освобождения человека и его сознания от оков традиционных коллективистских догм. Радикалы ставили под сомнение монополию священства на общение с Богом, утверждая, что Святой Дух имманентно присутствует во всём и во всех. Единственный способ постижения Бога - использование собственного разума. Требование свободы совести приобрело важный политический характер. Радикалы переставали признавать любую внешнюю по отношению к их личным взаимоотношениям с Богом власть [2]. Это отделение мирской власти от божественной в целом соответствует более глобальному экзистенциальному разрыву, нашедшему впоследствии выражение в деизме, приверженцами которого являлись, в том числе, Т. Джефферсон, Т. Пэйн и другие деятели американской революции. Свобода совести означала, прежде всего, свободу использования способностей индивидуального сознания вне зависимости от требований доминирующих социальных институтов.

Вторым важнейшим этапом развития идеи автономии становится Американская Революция. Война за независимость являлась внешней формой политической революции, победа которой означала победу философских концепций Просвещения. Идеи свободы, равенства, естественных прав вышли за

пределы интеллектуальных дискуссий и стали основой для нового типа общества, аксиомой которого являлось право на самоуправление (self-government). Принципиально новой для истории стала концепция независимости отдельно взятого человека, а не коллективного образования. Именно наличие права на самоуправление у каждого из представителей американского народа порождало это право для нации в целом. Таким образом, в действительности война за независимость Соединённых Штатов являлась войной за независимость индивида. Эту идею кратко выразил в 1787 г. Джон Стивенс, писавший о том, что новая нация должна была продемонстрировать миру: «каждый человек способен самостоятельно управлять собой» [3. P. 275].

Третьим этапом развития идеи автономии стало аболиционистское движение. Идее самоуправления, на которой была основана американская республика, противоречил институт рабовладения, сохранявшийся после принятия конституции. Поскольку рабовладение опиралось на действовавшую правовую систему, мишенью критики стало само государство, защищавшее этот институт. Ответом на подобные действия государства уже не могло быть восстание нации в целом, так как часть её была непосредственно заинтересована в сохранении рабовладения. В связи с этим рождается идея личного гражданского неповиновения. Одним из первых её апологетов являлся Уильям Ллойд Гаррисон, который уже в 1835 году на страницах издания «Либерэйтор» («Liberator») заявил о том, что в случае, если законы и власти потребуют от него содействия в поимке беглых рабов, он не станет подчиняться ни законам, ни властям. Аболиционисты не просто призывали к отмене рабства, они объявляли о необходимости личного выхода из «союза с рабовладельцами» [4. С. 3-7]. С их точки зрения, государство, защищая владение человека человеком, лишается всякой власти над теми, кто отказывается примириться с таким положением дел. Для индивида возникает тот же самый выбор, который существовал ранее у населения американских колоний в целом - следует ли повиноваться власти, которую переселенцы считали нелегитимной, или необходимо вступить с нею в открытый конфликт. Наиболее известным сторонником

прямого действия в области взаимоотношения человека и государства в США является Генри Д. Торо. Его эссе «О гражданском неповиновении» представляет собой апологетику индивидуального сознания и чувства справедливости, противопоставленных обезличенной машине государственного принуждения [5].

Кульминацией развития идеи автономии в США становится в середине XIX века анархо-индивидуализм. У анархо-индивидуалистов право на самоуправление приобретает абсолютный и логически завершённый характер. Если критика аболиционистами государства проистекала из неприятия ими отдельных элементов системы власти, то анархо-индивидуализм видел в государстве как таковом основного врага любой автономии. Аболиционисты ставили под вопрос те или иные положения Конституции, анархисты же оспаривали саму принципиальную легитимность этого документа, а также существование прав и обязанностей, из него вытекающих. Принудительное присоединение южных штатов в результате Гражданской войны стало свидетельством насильственного характера современной им государственной власти. Анархо-индивидуалисты, считавшие себя наследниками идей Джефферсона, выступали за независимость, то есть суверенитет каждого индивида. Если независимость могли объявить миллионы людей, живущие на другом континенте, таким же правом обладает и один человек, живущий на отдельной ферме. Анархо-индивидуалисты считали суверенитет государства несовместимым с автономией индивида и не признавали возможность растворения прав последнего в структуре социальных институтов [6].

Анархо-индивидуалисты в большинстве своём исповедовали ненасильственные формы сопротивления государству и отказывались участвовать в выборах. В связи с этим их непосредственное влияние на политическую жизнь США было очень незначительным. Централизация государства и усиление борьбы с инакомыслящими в США в конце XIX - начале XX веков привели к фактической ликвидации этого движения. Однако его значение для развития идеи автономии в США до сих пор остаётся недооценённым в истории политической мысли.

Библиографический список

1. Macpherson, C.B. The Political Theory of Possessive Individualism: Hobbes to Locke [Text] / C.B. Macpherson. - Oxford: Clarendon Press, 1962.
2. Bailyn, B. The Ideological Origins of the American Revolution [Text] / B. Bailyn. - Cambridge: Belknap Press of Harvard University Press, 1967.
3. Appleby, J. The Radical Double-Entendre in the Right to Self-Government [Text] / J. Appleby // The Origins of Anglo-American Radicalism. - London: George Allen & Unwin, 1983.
4. Phillips, W. Can Abolitionists Vote or Take Office under the United States Constitution? [Text] / W. Phillips. - N.Y.: American Anti-Slavery Society, 1845.
5. Торо, Г.Д. О гражданском неповиновении [Текст] / Г.Д. Торо // Высшие законы / Г.Д. Торо. - М.: Республика, 2001.
6. Белькович, Р.Ю. Против государства. Радикальный конституционализм Лисандера Спунера [Текст] / Р.Ю. Белькович // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2008. - №6. - С. 108 - 127.

© А.С. Осипов (ЯГПУ)

Индустрия развлечений в Англии в середине XVIII в. Театр Дэвида Гаррика

«Если человек утомлен Лондоном, значит, он утомлен жизнью», – эти слова английского писателя и публициста Сэмуэля Джонсона (1709-1784) отражают взгляд современника на жизнь Лондона, а может, и всей Британии в XVIII в.: веселье и всевозможные развлечения, типичные для английской столицы, не давали никому скучать [1. С. 101].

Изучению социальной истории и истории повседневности уделяется в последнее время все больше внимания в исторической науке. Во-первых, интерес вызывает то, как жили люди, о чем они думали, что читали, что ели, как проводили свободное время и как развлекались. А во-вторых, в последнее время наблюдается явная тенденция к отходу от изучения исключительно экономической и политической истории. Еще несколько десятилетий назад знаменитый историк Дж. М. Тре-

вельян подчеркивал, что социальная история — это огромный кладезь информации, помогающий историку всесторонне изучить различные аспекты жизнедеятельности общества, государства и человека.

XVIII в. стал, пожалуй, важнейшим периодом в развитии сферы досуга и развлечений в Англии – она становится профессиональной. Конечно, и раньше были люди, чьей профессией было веселить людей: бродячие музыканты, циркачи, артисты, но именно в XVIII в. предприимчивые люди начали создавать настоящую индустрию досуга, превращая это в прибыльный бизнес. Примером могут служить Ричард Нэш, превративший Бат в знаменитейший курорт, на который съезжались люди со всех концов Англии; позднее – в первой половине XIX в. – владельцы железных дорог, которые осознали, что любовь англичан к путешествиям и туризму (то есть пассажирские перевозки) может принести не меньше денег, чем транспортировка угля.

Важную роль в развитии индустрии досуга и развлечений играл знаменитый английский актер, драматург и талантливый управленец Дэвид Гаррик.

Начало жизненного пути будущего великого актера было довольно тривиальным. Он родился в 1717 г. в семье небогатого офицера, в которой, кроме самого Дэвида, было еще шесть детей. Дэвид был самым заметным ребенком в семье: он отличался острым умом, тягой к знаниям, подвижностью и пр.

В десять лет Гаррик поступил в грамматическую школу Личфилда, где основными предметами были латынь и греческий. Ученики, однако, любили театральные постановки и организовали представление по комедии Дж. Фаркера «Офицер-вербовщик». Гаррик выступил в двух ролях — актера (он играл сержанта Кайта) и режиссера. Спектакль был тепло встречен взрослыми зрителями.

В 1728 г. в Личфилд пришло письмо от дяди Дэвида Гаррика из Лиссабона. Он просил отправить племянника в Португалию, где мальчик будет обучаться торговому делу и бухгалтерским премудростям. В Лиссабоне Гаррик был радостно встречен не только дядей, но и всем веселым обществом английских купцов. Дэвид пел им песни, читал длинные моно-

логи, а иногда исполнял сцены из пьес. Однако, не обнаружив призвания коммерсанта, он вернулся домой.

После возвращения из Португалии Дэвид пытался заниматься математикой, юриспруденцией, однако никакого интереса ни к математике, ни к юриспруденции не проявлял и пропадал в лондонских театрах. Но и тут удача его не оставила. По инициативе старшего брата Питера была создана винторговая фирма «Гаррик и К°» с отделениями в Лондоне и Личфилде. Небольшой винный погребок Дэвида находился как раз напротив «Ковент-Гардена» — одного из двух (второй именовался «Друри-Лейн») ведущих драматических театров города, неподалеку от другого театра, «Гудменс-Филдс».

Скоро актеры «Гудменс-Филдс» почувствовали в Гаррике своего человека. Живой, подвижный, остроумный, он стал близким другом многих актеров Лондона, их «поверенным» в делах как театральных, так и сердечных. В 1740 году заболел известный лондонский Арлекин Ричард Йетс, и Джиффард, руководитель театра, попросил Гаррика выступить вместо Йетса. Дэвид надел маску Арлекина и сыграл так, что никто не заметил подмены.

В мае 1741 года Джиффард взял Гаррика с собой на летние гастроли. К счастью, с ним вместе поехал популярный в то время актер Чарлз Маклин. Ему удалось покончить с напевной декламацией, шедшей от актеров театра классицизма. Он заставлял своих учеников произносить реплики самым обыденным тоном, а затем закреплять эти интонации, приноравливать к условиям сцены. Гаррик учился у Маклина недолго, но при его феноменальных способностях этого оказалось достаточно. Русский актер И.А. Дмитревский, встречавшийся с Гарриком и видевшим его игру, пишет: «Гаррика трудно назвать актером, и это лучшая похвала, которую ему можно сделать, - писал современник. - В его исполнении нет ничего специфически актерского; когда он играет на сцене, зрители видят перед собой не актера, а изображаемого актером человека» [2].

Гаррику не было и 25 лет, когда в марте 1742 года он сыграл роль короля Лира, человека в годах. Работа над образом была нелегкой. Наибольшую тревогу у Гаррика вызывала сцена сумасшествия, он стремился сделать ее правдивой и

впечатляющей. Неподалеку от театра жил человек, который когда-то, играя с двухлетней дочкой, уронил ее из окна. Ребенок погиб, а отец сошел с ума. Несчастный в определенный час подходил к окну и, оглашая улицу ужасными криками, «ронял» воображаемого ребенка [3. С. 171]. Гаррик внимательно наблюдал за ним, что помогло актеру исполнить сцену помешательства в «Короле Лире» с удивительной силой. В том же 1742 г. владелец Друри-Лейна Флитвуд предложил Гаррику контракт на следующий сезон с огромным окладом в 500 фунтов стерлингов. И уже в мае 1742 года Дэвид в составе труппы Друри-Лэйна выступал в Ирландии.

Сезон 1746-47 г. Гаррик встретил в составе труппы Ковент-Гардена, что принесло Гаррику успех и материальное благополучие. Друзья уговорили его стать совладельцем Друри-Лейна. Соглашение было подписано в 1747 г. Гаррик должен был заниматься творческими вопросами — подбором репертуара и актеров, постановкой спектакля.

Пребывание Гаррика в Друри-Лейне составило целую эпоху в истории театра. Друзья говорили, что общаться с Гарриком было непросто. Характер прихотливый, не всегда можно было угадать, чего от него ждать. Но как только доходило до дела, он становился тверд и последователен. Твердую руку «маленького тирана» (так вскоре актеры прозвали Гаррика) труппа почувствовала на первых же репетициях: он требовал точного знания роли.

Став руководителем одного из двух оставшихся после «акта о цензуре» 1737 г. лондонских театров, Гаррик стал проводить реформы, которые не только позволили превратить Друри-Лэйн в один из самых популярных театров королевства, но и сделать театр прибыльным бизнесом.

До прихода в театр Гаррика людям из высшего сословия в театрах создавались все условия для хорошего отдыха. Для них устанавливались специальные кабинки, которые часто располагались прямо на сцене. Аристократы могли переговариваться между собой, обращаться к актерам или даже могли перейти с одного края сцены на другой, чтобы пообщаться с сидящими там знакомыми. Люди сидели практически на сцене,

что едва ли способствовало улучшению качества игры актеров [4. P.171].

Гаррик изменил эту ситуацию, отодвинув зрительские места от сцены, отделив тем самым зрителей от актеров. Освещение также способствовало тому, что зрительный зал и сцена были отделены друг от друга: теперь основное освещение направлялось на сцену, а в зале свет был приглушен. Кроме того, при Гаррике была проведена реконструкция зрительного зала, что позволило несколько увеличить количество мест.

Большой проблемой английского театра была публика. Театр привлекал людей из разных слоев общества, и не всегда на спектакли приходили благовоспитанные джентльмены. Публика собиралась в театре примерно за час до начала представления, начинали «болтать, веселиться, петь песни, бросать друг в друга фрукты...» Более того, очевидец вспоминает, что однажды один из присутствовавших в театре развлекал публику тем, что изображал, как мычит корова [5. P.174]. Гаррик не оставил без внимания и эту проблему, создав в театре некое подобие системы «фэйс-контрол».

Возвращаясь к тезису о том, что сфера досуга в XVIII в. становится профессиональной, можно отметить, что Гаррику удалось, говоря современным языком, сделать из театра хороший бизнес. Друри-Лэйн не получал от государства никакой финансовой помощи, поэтому владельцам театра приходилось справляться самостоятельно. Конечно, основной доход театр получал от продажи билетов, цены на которые были не низкими. Так, на пьесу Сэмуэля Джонсона «Ирен» места в «кабинках» стоили по пять шиллингов, в «яме» - три шиллинга, в галерее – от одного до двух шиллингов. (Один шиллинг - средний размер заработка крестьянина в день) [4. P.337].

При Гаррике доход театра составлял около £ 40 000, а сам Гаррик имел £ 3 000 – 6 000 годового дохода, что было достаточно солидной суммой для того времени. Для сравнения можно отметить, что годовой доход юриста составлял в среднем £ 80-200, а простой солдат получал лишь £ 14 годового жалования [4. P.341].

С каждым годом развития и процветания Друри-Лэйн Гаррик становился одним из влиятельных и авторитетных людей искусства. Свидетельством этому может служить обращением к нему Лоренса Стерна за помощью. Стерн в одном из писем пишет: «Мистер Гаррик оказывает мне куда больше внимания, чем-то, на какое я мог надеяться; сегодняшний вечер я провел с ним, и он пообещал, что в самом скором времени множество великих людей будут слезно просить меня с ними отобедать; он дал мне право пользоваться его ложами и весь год жить у него в доме и делает все необходимое, чтобы либо оказать мне услугу, либо повысить мою репутацию. Он полностью взял на себя книготорговцев и обеспечит моей книге высокую цену...» [8]. Из этого письма видно, что Гаррик был не только вхож в мир «великих людей», но и пользовался там определенным авторитетом и влиянием.

Рассмотрение феномена развлечений, в частности перемены, происходившие в театре Гарика, позволяет увидеть изменения в сфере досуга. Так, в предшествующие периоды развлечения простых людей и знати существенно различались, а в рассматриваемый период происходит стирание этих различий. Изучение проблемы развлечений дает возможность проследить процесс объединения людей разных сословий в единое сообщество. Таким образом, развлечения можно считать одним из механизмов конструирования национальной идентичности.

Важную роль в процессе постепенного объединения общества в сфере досуга играет появление и развитие индустрии развлечений. Все чаще людей, желающих отдохнуть и весело провести время, разделяют не сословные границы, а их способность заплатить определенную сумму денег за то или иное развлечение. Этот факт достаточно существенен, так как не всегда знатное происхождение означало, что человек обладает большим состоянием, и наоборот, предприимчивые горожане становились все более и более состоятельными людьми, готовыми платить большие деньги за веселое времяпрепровождение.

Библиографический список

1. Мастера афоризма [Текст]. - М., 2002.
2. Волковский театр [Электронный ресурс]. – Режим доступа.- http://www.volkovteatr.ru/pages/media/media2_3_rus.htm
3. Кагарлицкий, Ю.И. Литература и театр в Англии XVIII-XIX вв.: авторы, сюжеты, персонажи [Текст] / Ю.И. Кагарлицкий. – М., 2006. - С. 171.
4. Olsen, K. Daily Life in 18-th Century England [Text]/ K. Olsen K. - L.: Greenwood Press, 1999.
5. Brewer, J. The Pleasure of the Imagination: English Culture in the Eighteenth Century [Text] / J. Brewer. - N. Y., 1997. - P. 174.
6. Стерн, Л. Письма [Электронный ресурс]. – Режим доступа. - http://lib.ru/INOOLD/STERN/stern_letters.txt

© Ю. Е. Барлова (ЯГПУ)

Жизнь английской бедноты XVIII столетия в трактате Ф. М. Идена «Положение бедных»

В конце XVIII века в Великобритании развернулись общественно-политические дебаты о бедности – о ее природе, причинах и наиболее приемлемой государственной политике в отношении тех, кто попал в нужду. Обсуждение бедности и нищеты строилось вокруг двух противоположных точек зрения. На одном «дискуссионном полюсе» находились апологеты принципа *«личной обусловленности»* бедности (люди сами виноваты в своей нищете), на другом располагались те, кто смотрел на проблему нищеты с общефилософских гуманистических позиций. В этих дискуссиях выделялся трехтомный труд, опубликованный в 1797 году английским аристократом Фредериком Мортоном Иденом и отличавшийся от большинства работ, написанных в то время на тему бедности хотя бы общим объемом книги - более 900 страниц. Полное название работы - «Положение бедных, или история трудящихся классов в Англии, со времени завоевания до настоящего времени, где, в частности, рассмотрены их домашнее хозяйство в плане питания, одежды, обогрева жилища, привычки, а также различные планы, которые время от времени предлагались и принимались для помощи бедным, вкупе с приходскими отчетами

о функционировании работных домов и домов трудолюбия; а также состояние «дружественных обществ» и иных общественных организаций,... хронологические и компаративные таблицы по ценам на хлеб, продовольствие и иные товары..., и многие оригинальные источники по вопросам национальной важности» [2. The title page].

Судьба этой книги неоднозначна – как в России, так и за рубежом. При относительной разработанности проблем истории английской экономической и социальной мысли в отечественной историографии труд Идена у нас практически неизвестен. На Западе книга часто цитировалась, но также не получила широкой известности. Вплоть до выхода в 1997 г. сборника австралийского Института статистической информации, посвященного двухсотлетию опубликования работы Идена [3], отсутствовали фундаментальные научные исследования как об этом труде, так и о его авторе. Думается, что восполнение этого пробела – актуальная для историка задача.

Сэр Фредерик Мортон Иден (18 июня 1766 г. – 14 ноября 1809 г.) принадлежал к старинной аристократической семье. В числе его предков, родственников и потомков было много известных парламентариев, политических и общественных деятелей. Один из них - английский премьер-министр и выдающийся политик XX века Энтони Иден, который считал своего прапрадеда образцом для подражания. «Труд своей жизни» Иден написал в возрасте 31 года.

Какие причины заставили аристократа взяться за исследование положения бедных в Англии и Уэльсе? Сам Иден отвечал на этот вопрос так: в сложной экономической ситуации 90-х гг. XVIII века, когда «жизнь становилась все труднее, а целые семьи – более уязвимыми в экономическом плане», было очень важно «повысить *качество аргументов*», перейдя от теоретизирования о виновности или моральной деградации бедняков к «эмпирическому, то есть практическому, изучению условий их жизни» [2. P.24]. Иными словами, если дискурс эпохи рассматривал проблему бедности с точки зрения «неадекватности» самих бедных, то Иден предпринял «действия по поиску фактов».

Однако изучение условий проживания трудящейся бедноты было очень сложной задачей – хотя бы потому, что в Британии на тот момент еще не была проведена даже первая перепись населения. Все это ставит закономерный вопрос о методах сбора информации, которыми пользовался исследователь. Судя по оставшейся корреспонденции, в начале 90-х гг. XVIII века он переписывался с духовенством приходов, но затем такой подход «разочаровал» его, так как получаемая информация «была не полной», а некоторые приходские чиновники вообще отказывались рассказывать о бедняках [2. P. 206]. В итоге в основу исследования были положены специально разработанные Иденом анкеты – «опросники, которыми он вооружил чрезвычайно способного человека», посылая его в поездки по приходам. Что касается самих анкет, то за их основу Иден, по собственному признанию, взял «опросники сэра Джона Синклера, автора «Статистического доклада о Шотландии», и немного переработал их. Анкеты Идена содержали 21 вопрос для каждого прихода, в числе которых – число семей, уплачивающих налог на дом или окна, наличие и число сдаваемых в аренду многоквартирных домов, число гостиниц и питейных заведений в приходе, вопросы, связанные с поддержкой бедных в работных домах или за их пределами, число и состояние «дружественных обществ». Кроме анкет, Иден разработал специальные таблицы для заполнения по результатам посещения приходов и изучения приходских книг: «таблицу меню в работном доме или доме призрения», «таблицу ежегодной смертности», «таблицы крещений, похорон, браков, налогов на бедных». Некоторые из таблиц он впоследствии включил в обширное Приложение к работе.

Труд «Положение бедных» состоит, как уже упоминалось, из трех томов. Первый том полностью посвящен истории британского законодательства о бедных и системы социальной помощи с XIV века до современного Идену периода – конца XVIII столетия. Второй том представляет собой практическую часть исследования – описание условий жизни трудящейся бедноты в каждом приходе, с размышлениями, попытками обобщений и анализа. Наконец, в третьем томе Иден заканчи-

вает описания по приходам и обобщает сведения по отдельным аспектам жизни бедноты в таблицах.

Подобно большинству своих современников, Иден выделял три класса бедствующих людей: неспособные к работе, «трудолюбивые и работающие» (трудящаяся беднота) и ленивые. Эта классификация, впрочем, несколько отличалась от общепризнанной. Протестантизм утвердил, согласно знаменитому исследователю М. Фуко, «новый тип социальной чувствительности», воспринимавший бедность как знак божьей кары, и, следуя этой традиции, британский общественно-политический дискурс делил бедняков не на три, а на *две* группы – *хороших* (которые терпят и работают) и *дурных* (которые просят о помощи, пытаясь изменить свою участь) [1]. Иден же, по сути, обращает наше внимание на то, что неработающий бедняк может быть не только ленив, но также стар, болен, немощен.

Как явствует из заглавия книги, особое внимание Иден уделял все же классу «трудящейся бедноты». Логика его исследования основана на последовательном рассмотрении так называемого *«закрытого»* и *«открытого»* призрения трудящихся бедняков. Первое подразумевало помощь бедным при условии их изоляции в специальных закрытых учреждениях – домах призрения или работных домах. Второй тип социальной помощи предполагал помощь бедным «на дому».

Вопрос о *работных домах* занимает в книге Идена очень много места. Это отчасти корректирует наши традиционные представления о том, что система работных домов в Англии, о которой мы знаем преимущественно из романов Ч. Диккенса, утвердилась лишь после знаменитой реформы 1834 года. Как свидетельствуют наблюдения Идена, в основном во всех английских приходах в XVIII в. были работные дома. Однако население приходов относилось к ним со страхом: только в одном приходе работный дом был назван «желанным местом» [2. P. 191].

Пытаясь объяснить это, автор ссылается на разговоры с приходскими чиновниками и свою переписку с ними. Опросив большое количество людей (пусть через представителя), Иден делает вывод, что угнетенные семьи предпочитали голодать

среди своих друзей и соседей в родной деревне, нежели угнетающую альтернативу быть лучше накормленными и одетыми в доме призрения – «пристанище, - по словам одного жителя Кумберленда, - толпы идиотов и бродяг» [2. P. 150]. В другом месте он высказывает уже собственное мнение, в котором ставит под сомнение целесообразность существовавшего в XVIII веке применения системы работных домов: «если наши симпатии – со скромными бедными, вынужденными принимать эти условия, то что говорить о множестве жен и детей ополченцев и солдат, сражавшихся за свою страну? Многим из них никогда не понадобилась бы помощь, если бы их мужья и отцы не погибли. Но для них правительство не предлагает ничего, кроме отношения, такого же, как к вонючему, кишащему паразитами бродяге, представшему перед дверью работного дома» [2. Xliv.].

Таким образом, Иден делает вывод о том, что общепризнанные нормы навязывали бедняку *социальный стыд*: лучше быть скромным бедным, чем просить приход о помощи. С помощью такого «манипулирования сознанием» работные дома подспудно использовались для уменьшения расходов на бедных, которых «отталкивали» от подачи прошений о помощи и побуждали работать на себя.

Однако была, по мнению Идена, еще одна причина нежелания бедняков идти в работный дом - в среднем плохие условия в таких учреждениях. Он приводит свидетельства антисанитарии, отсутствия кроватей, одеял и простыней в спальнях. Во многих работных домах в этом, как считает Иден, были виноваты сами обитатели: например, там, где разрешалось выносить еду из общей столовой в спальни, бедняки хранили ее без соблюдения надлежащих условий или же продавали за пределами работного дома, а иногда обменивали на пиво или крепкий алкоголь [2. P. 360].

Те бедняки, которые жили за пределами домов призрения или работных домов, именуются в труде Идена *«независимыми бедными»*. Автор описывает их жилье, доходы, питание, одежду и т.д., представляя очень подробные сведения по каждому исследованному им и его помощником приходу Англии и Уэльса.

В некоторых разделах работы Иден, анализируя факты из жизни бедняков, делится собственными идеями о том, как сами нуждающиеся могут без особых затрат улучшить свое качество жизни. Интересен, например, отрывок из второй главы второго тома, в котором Иден пишет о различиях в питании и одежде бедняков юга и севера Англии. Приведем его с некоторыми сокращениями. «Беды бедняков, - предполагает Иден, - во многом происходят и оттого, что они или по невежеству, или согласно общим обычаям или предрассудкам, остаются приверженными древним и неадекватным обычаям одеваться, питаться и распоряжаться частными средствами... Можно попытаться...снабдить бедняков способами сокращения их расходов, без уменьшения уровня комфорта». «На Юге беднейшие трудящиеся привыкли к монотонной пище из сухого хлеба и сыра в течение всей недели... Если трудящийся достаточно богат, чтобы позволить себе мясо раз в неделю, он обычно жарит его, а если неподалеку есть пекарня – несет туда для запекания, и даже если он варит его, то и не думает сделать из него суп, который будет более питательным. На севере же Англии, в Шотландии и Уэльсе, беднейшие трудящиеся награждают себя разнообразными блюдами, незнакомыми южанам». Одним из таких блюд Иден называет «пудинг быстрого приготовления из овсяной муки, воды и соли, достаточный для насыщения двух человек. Он подается с небольшим количеством молока или пива, или же с кусочком масла посредине, или с каплей патоки. Цена его не превысит двух пенсов». Среди экономичных «кулинарных находок» бедняков севера автор также отмечает «огромное множество дешевых и питательных супов, которые готовятся с ячменем или ячменным хлебом» [2. P. 402-404].

Похожие различия замечены Иденом и в одежде бедняков различных областей страны. «В срединных и южных районах трудящийся обычно покупает значительную часть своей одежды у лавочника. Вблизи крупных городов рабочий люд редко приобретает новую одежду; они носят уцененные пальто, предметы секонд-хенд. Их жены редко что-то шьют, разве что для маленьких детей. На севере, наоборот, все, что носится, шьется дома, за исключением головных уборов и обу-

ви. Иногда черная и белая шерстяные нити смешиваются при прядении, и в этом случае ткань, сделанная из этой пряжи, не нуждается в покраске. Там, правда, тоже есть бедные, которые не могут себе позволить даже прялку купить, и для них есть лавочки с одеждой – но по ценам, более низким, чем могут быть затрачены на изготовление одежды на дому; однако самошитая одежда все же теплее и служит дольше» [2. P. 404].

Любопытны размышления Идена, касающиеся угнетенного *положения женщин* в бедных семьях как одного из препятствий к улучшению бедняками своего благосостояния. Он, в частности, писал: «если право каждого труженика распоряжаться результатами своего труда считать главным стимулом к усердию, то (неудивительно), что в условиях, когда женщина *не имеет* права распоряжаться собственностью, она так мало вкладывает в фонд, предназначенный для содержания семьи... Есть немало примеров, когда у тупого, пьющего и ленивого мужика - умная и трудолюбивая жена, у которой могут быть и возможности, и способности зарабатывать достаточно много, чтобы прокормить детей. Но ее пугает труд, из твердой уверенности в том, что ее супруг отберет у нее даже самую малую толику того, что она заработала, но не смогла утаить от него...» [3. P. 89].

Обширное пространство в конце третьего тома «Положения бедных» занимают *таблицы* с перечислением профессий бедняков и их семейных доходов. Список профессий, носителей которых Иден относит к бедствующим людям, интересен как сам по себе, так и в свете преобладавшего в ту эпоху и не раз упоминавшегося нами мнения о том, что «беден тот, кто не хочет работать». К нуждающимся слоям Иден причисляет представителей таких трудовых профессий, как рабочие доков, различного рода сельскохозяйственные рабочие, шахтеры, каменщики, ткачи, бондари, садовники, портные, «держатели лошадей на постоялом дворе», конюхи, приходские казначеи; встречаются в таблице, правда, и необычные для нас роды занятий – например, «изготовитель оправ для очков»; также в числе нуждающихся в таблицах упоминаются «вдовы» или просто «женщины».

Данные о доходах бедных семей оживляют наши представления о том, каков должен быть уровень жизни для того, чтобы считаться «бедным» или «нуждающимся» в Британии XVIII века. Дело в том, что в конце XVIII века считали, что в Британии слишком высок процент населения, зависящий от организованного милосердия. «Это общество, - писал, например, граф Алексис де Токвиль, - лечит беды, которые в других местах не замечают... В иных странах, где большинство населения плохо одето, живет в плохих условиях, плохо питается, разве кто задумается о чистых одеждах, о *здоровой* пище, о *комфортном* жилье для бедных? Большинство же англичан, имея все это сами, считают отсутствие этого пугающим бедствием» [4. P. 5]. Этому панегирику плохо соответствовали цифры, приводимые Иденом. Например, приходской казначей в Брэдфорде-на-Эйвоне зарабатывал в год 64 фунтов стерлингов, хлеб же обходился его семье в 39 фунтов, так что, по словам самого казначея, на одежду его семье уже не хватало. Приведенные в таблице профессии приносили доход, в среднем половина которого уходила на еду. Но были и такие трудящиеся семьи, которые получали в неделю 8 или 9 шиллингов (по грубым подсчетам, в год это около 22 фунтов), то есть, если учесть, во сколько обходился хлеб, они «ходили полуголодные и полуодетые» [2. P. 344]. Общий вывод, к которому можно прийти, проанализировав приведенную Иденом статистику, заключается в том, что в целом на питание (в основном на хлеб) уходило до 75% доходов семей, которые могли быть причислены к категории нуждающихся, а иногда и больше.

Какова же позиция автора, проделавшего такую колоссальную исследовательскую работу, по вопросу о том, что следует делать государству и обществу для бедных? Показательно, что в труде «Положение бедных» нет специального раздела, посвященного каким-либо рекомендациям на эту тему. Проанализировав текст работы вкупе с общественной деятельностью автора, можно выделить три направления, в которых Идену виделось решение проблем нищеты: усовершенствование и детализация законодательной базы, обеспечивавшей функционирование системы социальной помощи; повышение эффективности и жизнеспособности семьи как ячейки общест-

ва (например, «оптимизация потребления»); сведение к минимуму рисков попадания в крайнюю нужду с помощью страхования и так называемых «дружественных обществ» - добровольных институтов, создаваемых потенциально уязвимыми группами для самозащиты путем распределения рисков в своем кругу.

Труд Идена, как уже упоминалось, не получил широкой известности - ни непосредственно после выхода в свет, ни в XIX веке, несмотря на то, что на него ссылались даже те мыслители-классики, которые были прямо противоположны по своим убеждениям. И Томас Мальтус в своем «Опыте о законах народонаселения», и Карл Маркс в «Капитале» демонстрировали одинаковое уважение к Идену и одинаково избирательно цитировали его. Однако сам Иден был одинаково далек и от мальтузианства, и тем более от марксизма. В отличие от обоих теоретиков, он не предлагал никакого «золотого правила», и его подход – «осмыслить бедность как данность и найти решения, которые...уменьшили бы уязвимость индивида или семьи перед лицом финансовых трудностей», - был характерен, скорее, для социального эмпирика. Наверное, поэтому о нем вспомнили лишь с появлением первых исследований бедности такого рода на рубеже XIX и XX вв.

Библиографический список

1. Фуко, М. История безумия в классическую эпоху [Текст] / М.Фуко. - Спб.,1997.
2. Eden, F. M. The State of the Poor [Text]/F.M. Eden. – 3 vol. - L.: Routlege, 1928.
3. Pyatt, F. G. and Ward, M. Identifying the Poor. Papers on Measuring Poverty to Celebrate the Bicentenary of the Publication on 1797 of "The State of the Poor" by Sir Frederic Morton Eden [Text] / F.G. Pyatt and M. Ward. - IOS Press/ISI, 1999.
4. Slack, P. Poverty and Policy in Tudor and Stuart England [Text] / P Slack/ - L.: Longman, 1993.

© А.Э. Афанасьева (ЯГПУ)

Новые подходы к истории медицины в зарубежной историографии

За последние десятилетия история медицины претерпела ряд существенных трансформаций: из замкнутой узкопрофессиональной дисциплины, ориентированной преимущественно на студентов медицинских факультетов, она превратилась в подвижную, открытую самым разным подходам и веяниям область исследования на передовом крае исторической науки. Внушительное количество конференций, семинаров и прочих научных форумов, неуклонно растущее число издательских проектов, посвящённых истории медицины, делают её одной из наиболее динамично развивающихся областей гуманитарного знания.

Со времени своего появления в XIX веке история медицины создавалась представителями медицинской профессии и была призвана зафиксировать процесс последовательного приращения медицинского знания; в центре её внимания поэтому оказывались выдающиеся врачи, учёные и совершённые их усилиями важнейшие медицинские открытия. В трудах известных историков медицины XIX – начала XX века прошлое дисциплины имело вид триумфального марша врачей по пути неуклонного прогресса в методах диагностики и техниках лечения болезней. «Великий эпос медицины» служил легитимации профессиональной идентичности врачей, маркируя постепенное превращение медицины из ремесла и искусства в науку.

Ситуация изменилась в 60-е гг. XX в., когда движения социального протеста, развернувшиеся в Европе и США, поставили на повестку дня вопросы, связанные с «историей масс». Складывание новой социальной истории повлекло за собой перемены и внутри истории медицины, которая в эти годы выходит за пределы медицинских факультетов и концептуализируется исследователями как часть более широкой истории общества. Интеллектуальным стимулом к новому видению медицинской истории послужили работы Т. Парсонса, Т. МакКюона и, конечно, Т. Куна, ставшие основой для отрица-

ния универсалистских претензий современной науки и осознания границ возможностей медицины.

Социальная история медицины формировалась в ходе острых дебатов и противостояния историков и врачей; последние рассматривали деятельность историков как вторжение дилетантов в сферу профессиональной медицинской компетенции - причём дилетантов, претендующих на «ниспровержение основ» истории медицины. Заметную роль играли и политические разногласия сторон – консервативной медицинской профессуры и социальных историков, нередко занимавших леворадикальные позиции.

Представители нового направления сосредоточились на изучении медицины в контексте исторического развития общества. Исследователей интересовали вопросы рождаемости и смертности, динамика заболеваемости населения, формы медицинской помощи от магии и знахарства до «лабораторной медицины» новейшего времени, взаимоотношения между различными группами целителей, возникновение институтов современного здравоохранения. Эти и многие другие проблемы рассматривались в тесной связи и на фоне экономических, социальных, политических процессов.

Обращение к новым предметам изучения повлекло за собой использование методов, техник и теорий других дисциплин - исторической демографии, социологии, этнографии, психологии, феминистских исследований. Как вспоминают современники, «множественные профессиональные идентичности» становились в то время нормой [1. P. 176].

Проблемный профиль социальной истории медицины с самого начала был чрезвычайно разнообразен; исследователей, однако, объединяло критическое отношение к «триумфалистской» истории медицинского прогресса, приверженность квантитативным методам анализа, благодаря которой социальная история медицины обрела своё узнаваемое «лицо», и склонность к игнорированию теоретико-методологических вопросов, в чём целый ряд учёных 1990-х гг. видел слабость этого направления.

Чтобы дать более конкретное представление о предмете социальной истории медицины, позволю себе остановиться несколько более подробно на её ключевых темах.

Новый ракурс рассмотрения получили традиционные вопросы профессионализации медицины: обращаясь к сюжетам о профессиональной организации врачей - борьбе медиков за укрепление собственных позиций и независимость профессии, исследователи выясняли, каким образом западной «научной» медицине удалось с течением времени вытеснить все прочие формы и традиции врачевания и приобрести статус единственно авторитетной системы медицинского знания. Описывая историю создания медицинских заведений – госпиталей и клиник, учёные акцентировали внимание на их социальных функциях и на процессе утраты пациентом возможности распоряжаться собственным телом: в противоположность «доклиническому» периоду (до начала XIX века), когда большинство больных лечились дома и обладали значительной самостоятельностью в выборе врачевателей, лекарств и медицинских процедур, с утверждением массовой клинической медицины больные превращались в обезличенных пациентов без права голоса, становясь объектами медицинского наблюдения.

Одним из важнейших понятий социальной истории медицины стал термин «медикализация». В общих чертах он означает монополизирование современной медициной права определять «истинные» потребности человека, распространять свою компетенцию на различные социальные и культурные проблемы, ранее считавшиеся моральными или правовыми, устанавливать «научно обоснованные» стандарты жизни и поведения. Результатом медикализации общества становится ситуация, когда каждый человек на протяжении всей своей жизни является объектом медицинского контроля: медики не только подразделяют людей «на тех, кто может водить машину, кто имеет право не ходить на работу, кто должен содержаться под замком, кто может быть солдатом, кому позволено пересекать границы и готовить еду...» - врачи диктуют решительно всем, что нужно употреблять в пищу, как много надо двигаться, когда следует спать и так далее [2. P. 76 - 77].

Характерным для социальной истории медицины является внимание к пациенту как активному участнику процесса медицинского взаимодействия. Первый призыв к изучению истории пациентов озвучил в 1985 году известный английский исследователь Рой Портер. Учёный указал, что игнорирование точки зрения и опыта больного чреваты искажением картины исторического прошлого, ведь относящиеся к медицине события, как правило, представляли собой сложные социальные ритуалы, в которых помимо больного и врача принимали участие родные пациента и прочие члены сообщества. Опираясь на «твёрдую почву материальных условий прошлых сообществ», сведений о рождаемости, смертности, браках, уровне жизни, история больных должна, по мнению историка, реконструировать образ мыслей и действий людей прежних эпох: их отношение к жизни и смерти, к телу и его разным органам, способы выражения боли и объяснения недомоганий, мотивации выбора лекарств и врачевателей; другими словами, Портер предложил «заглянуть внутрь пациентов» [3. P. 185 - 186].

С сюжетами «истории пациента» тесно связаны проблемы так называемого «медицинского рынка» - ещё одной важной темы, разработка которой началась в рамках социальной истории медицины. Концепция медицинского рынка предполагает наличие множества альтернативных форм лечения, доступных заболевшему, из которых он и делает свой осознанный выбор, необязательно в пользу «учёного» медика. Врачеванием, помимо докторов, могли заниматься цирюльники, знахари-травники, костоправы, повивальные бабки, коновалы, колдуньи, священники и странствующие вырыватели зубов [3. P. 188]. В борьбе за клиентов участники рынка использовали различные рекламные стратегии и дискредитирующие конкурентов кампании: так, например, стремление профессиональных врачей с университетским образованием обвинить традиционных повитух в невежестве в XVIII – XIX вв., с точки зрения рыночной модели, было средством вытеснить с рынка медицинских услуг более успешных соперников.

Список тем, разрабатываемых в рамках социальной истории медицины, можно продолжать ещё долго – это история

эпидемий, история парамедицинских профессий, история колониальной медицины, история тела и т.д.

В конце 80-х гг. на волне «лингвистического поворота» проблемное поле истории медицины расширилось за счет обращения к языковой стороне исторической реальности, а инструментарий пополнился благодаря методам, заимствованным из литературоведения и лингвистики. Кроме того, история медицины испытала значительное влияние культурной антропологии, у истоков которой стоял К. Гирц, с её вниманием к коллективным представлениям и разгадыванию смыслов, лежащих в основе повседневных практик. Образовавшаяся предметная область получила обозначение «культурной истории медицины», что должно было отделить её от социальной. Фактически же, особенно в последнее время, границы культурной и социальной истории медицины оказываются весьма подвижными. Конечно, это не подразумевает механического объединения различных исследовательских программ и методов: речь идёт, скорее, об оформлении нового, социокультурного, подхода «к изучению исторического прошлого с новой масштабной задачей - раскрыть культурный механизм социального взаимодействия» [4. С. 22].

Ученые исследуют особенности производства медицинского знания и культурные контексты медицинских дискурсов и практик, подчеркивая зависимость медицинских представлений от социальных доктрин и культурных стереотипов эпохи. Под влиянием постструктурализма и деконструктивизма в центре внимания исследователей оказываются язык и нарративные категории; признаётся значимость индивидуальных, частных голосов, в связи с чем всё возрастающую роль играют литературные источники [5. P. 12].

Важное место в культурной истории медицины отводится изучению материальных объектов. Исследования материальной культуры позволяют обнаружить механизмы формирования идентичности, тесно связанные с практиками потребления тех или иных товаров – так, целая потребительская индустрия складывается вокруг важнейших событий в жизни людей, например, деторождения. С другой стороны, изучение истории бытования отдельных медицинских объектов – их по-

явления, попыток введения в обиход, распространения - выводит на широкие обобщения о меняющихся конфигурациях отношений власти в медицине. Так, в работе Й. Лахмунда, посвящённой изобретению стетоскопа в начале XIX века, исследуется процесс «введения звука в медицину», в ходе которого были по-новому определены взаимоотношения между медициной, пациентом и его телом. «По мере того как звуки внутри тела приобретали для постановки диагноза большее значение, чем дискурсивно артикулированный опыт больного (ранее основное значение в диагностике имел опрос пациента – А.А)... врач становился необходимым специалистом по репрезентации реальности болезни, которая теперь оказывалась перемещённой внутрь тела» [6. С. 135].

Наконец, культурная история медицины уделяет большое внимание визуальным исследованиям; историки используют изображения для изучения иконографии здоровья и болезни в различных культурных традициях; визуальные материалы рассматриваются как объекты, через интерпретацию которых можно получить доступ к индивидуальным и коллективным представлениям («культурным фантазиям») о здоровье, болезни и теле [7].

История медицины в настоящее время выходит далеко за рамки привычной истории дисциплины - нарратива о накоплении медицинских знаний и эволюции медицинских техник. Развиваясь в русле социокультурных подходов, она рассматривает медицину – понимаемую в самом широком смысле – в качестве неотъемлемой части культуры любого общества, его социальных практик и представлений о себе самом. Применяя методы, заимствованные из других наук, новая история медицины стремится глубже проникнуть в механизмы функционирования общества, его символический порядок, создать многомерную картину исторического прошлого.

Библиографический список

1. Reverby, S. M., Rosner, D. "Beyond the Great Doctors" Revisited: A Generation of the "New" Social History of Medicine [Text]. /Locating Medical History: Stories and Their Meanings. -

Ed. by F. Huisman and J. H. Warner. - Baltimore and London: The Johns Hopkins University Press, 2007. P. 167 – 193.
2. Illich, I. Limits to Medicine. Medical Nemesis: The Expropriation of Health [Text]. - London: Marion Boyars, 1976.
3. Porter, R. The Patient's View: Doing Medical History from below [Text]. //Theory and Society. – 1985. - Vol. 14. - No. 2. – P. 175 - 198. См. также русский перевод статьи: Портер, Р. Взгляд пациента. История медицины «снизу» [Текст] /Р. Портер. // Болезнь и здоровье: новые подходы к истории медицины / под ред. Ю. Шлюмбома, М. Хагнера, И. Сироткиной. - СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге; Алетейя, 2008. - С. 41 – 72.
4. Репина, Л. П. Интеллектуальная история на рубеже XX – XXI веков [Текст] /Л. П. Репина //Новая и новейшая история. – 2006. - №1. – С. 12 – 22.
5. Framing and imagining disease in cultural history [Text]. /Ed. by G. S. Rousseau. - Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2003.
6. Лахмунд, Й. Изобретение слушающей медицины. К исторической социологии стетоскопа [Текст] / Й. Лахмунд. / Болезнь и здоровье: новые подходы к истории медицины // под ред. Ю. Шлюмбома, М. Хагнера, И. Сироткиной. - СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге; Алетейя, 2008. - С. 104 – 136.
7. Gilman, S. L. Picturing Health and Illness: Images of Identity and Difference [Text]. – Baltimore and London: The John Hopkins UP, 1995.

© Ю.С.Никифоров (ЯГПУ)

Методологическая культура историка последней четверти XIX – начала XX вв. (по воспоминаниям представителей «русской исторической школы»)

Последняя четверть XIX века была временем настоящего расцвета исторической науки в России. Достаточно назвать имена таких корифеев, как В.О.Ключевский, С.М. Соловьев – в области изучения отечественной истории, В.И. Герье, М.С.Куторга – в сфере всеобщей истории. Неизбежным следствием развития академической науки стало формирова-

ние внутри исторического сообщества «особой системы ценностей и представлений, разделяемых в обществе на определенной стадии развития» [16. С.81], того, что можно назвать культурой историка.

Сам термин культура в современной историографии используется во множественном и все более расширяющемся смысле. К примеру, одно из ключевых определений в духе «новой культурной истории» дает Клиффорд Гирц: «Культура — исторически передаваемая система значений, воплощенная в символах, система унаследованных представлений, выраженных в символической форме, посредством которых люди передают, сохраняют и развивают свое знание жизни и отношение к ней» [4. С.29]. Результатом сближения истории и антропологии стало появление работ, посвященных «культуре предпринимательства», «культуре абсолютизма», «придворной культуре» [17]. Как остроумно замечает Питер Берк, «мы на пути к культурной истории всего на свете: снов, еды, эмоций, путешествий, памяти, жестов, юмора, экзаменов и т.д.» [1. С.18]. Перспективным кажется проанализировать и культуру историка.

Культуру историка следует, на наш взгляд, рассматривать как **многослойное явление**, включающее в себя несколько аспектов.

Во-первых, это культура ученого-исследователя - методологическая культура, включающая особенности научного труда и творческой лаборатории историка (научная аргументация и тематика исследований, работа с источниками и научной литературой, методологические взгляды и мировоззрение).

Во-вторых, культура педагога-преподавателя, включающая особенности подготовки лекций, стиль преподавания, идеалы образования и воспитания.

В-третьих, культура коммуникации, включающая стиль взаимоотношений с коллегами, руководством, студентами, взаимодействия учитель-ученик, личностные черты и их влияние на культуру историка, особенности участия в различных научных обществах и фондах, сотрудничества в газетах и журналах, социокультурной ситуации (культурного пространства) их научной работы.

Для рассмотрения феномена культуры историка представляется интересным коснуться творческого наследия двух ярких представителей «русской исторической школы» - воспоминаний Н.И.Кареева [9] и М.М.Ковалевского [10]. Н.И. Кареев (1850-1931) – историк, социолог, педагог-методист, общественный деятель - писал мемуары в 1921 г. в тяжелое послереволюционное время в деревне Аносово Смоленской области. М.М.Ковалевский (1851-1916) – историк, юрист, социолог, общественный деятель, один из руководителей русского масонства - создавал воспоминания, находясь в австрийском плену в начале первой мировой войны (1914 г.). Общим фоном написания мемуаров была ситуация кризиса в жизни ученых. Ценность воспоминаний Кареева и Ковалевского как источников обусловлена и тем, что, по выражению В.В.Кабанова, «профессиональные историки вообще редко пишут мемуары» [8. С.292].

Расцвет творчества ученых пришелся на последнюю четверть XIX - начало XX вв. М.М.Ковалевский успешно работал и в России (1877-1887 – в Московском университете, 1905-1916 – в Петербургском университете), и, во время эмиграции (1887-1905 гг.), за границей (во Франции, Швеции, Бельгии, США). Н.И.Кареев в начале карьеры учительствовал в гимназии (1873-1876 гг.), в 1878-1879 гг. читал лекции в качестве стороннего преподавателя в Московском университете, с 1879 по 1884 состоял экстраординарным профессором Варшавского университета, в Петербурге преподавал одновременно в трех местах – в университете (1885-1899, 1906-1923), а также в Александровском лицее, на Высших Женских курсах, в Политехническом институте.

Эти историки вызывали пристальный интерес таких исследователей, как В.П.Бузескул, В.П.Золотарев, Г.П.Мягков, С.Н.Погодин, Б.Г.Сафронов, О.В.Бодров [3, 6, 11-12, 13, 14-15, 2]. Из последних работ отметим исследования С.А.Зоць и Ю.В.Дунаевой [5, 7].

Рассмотрим более подробно **методологический слой культуры историка**, наиболее важный для понимания образа историка-ученого. Еще в студенческие годы формируются научные интересы будущих великих ученых. Из воспоминаний

Н.И.Кареева мы узнаем, что уже к 1873 году у историка возникает устойчивый интерес не только к всеобщей истории, но и к теоретическим вопросам – философии и социологии [9. С.121]. Сформировавшиеся приоритеты накладывает отпечаток на все важнейшие труды Кареева: «Философские интересы не покидали меня, приняв историко-теоретическую и социологическую окраску» [9. С.251]. Но в студенческие годы главными приоритетами историка были лингвистика и «культурно-исторический интерес» [9. С.116]. Кареев, известный своими социально-экономическими исследованиями, указывает, что в начальный период научной карьеры под влиянием В.И.Герье его в большей степени интересовала духовная культура [9. С.134]. М.М.Ковалевский, подобно Н.И.Карееву, еще в университете под влиянием Каченовского «остановился на выборе специальности» [10. С.78] – государственном праве европейских держав, одном из главнейших научных приоритетов ученого. Следовательно, Герье и Каченовский стали первыми научными наставниками молодых ученых.

Уже в молодые годы у Кареева проявились и черты характера, определившие в будущем его научную карьеру историка. С одной стороны, любознательность и широта интересов – «читал по самым разным предметам, очень разбрасывался, гнался за расширением своих знаний в ущерб их углублению» [9. С.131]. С другой стороны, трудолюбие, кропотливость, усидчивость и систематичность: «Аккуратно ходил на лекции, давал уроки, содержал всецело себя на личный заработок, много читал и даже зубрил» [9. С.113], «3 летних месяца в деревне посвящал чтению и конспектированию книг до восхода солнца» [9. С.131]. Ковалевский отмечает и такую специфическую черту историка, как «созревание внутри себя типа наблюдателя чуждой жизни» [10. С.48]. Точкой соприкосновения Кареева и Ковалевского в конце 70-х гг. также был общий интерес к социологии и к учению О.Конта, в частности [9. С.142]. С высоты своего возраста Кареев дает алгоритм успеха молодым историкам – «чтобы вышел ученый, требуется не только талант и увлеченность, но и склонность к усидчивой, систематической работе» [9. С.186].

Через поэтические метафоры Кареев сравнивает историческую науку с могучим деревом и выделяет 2 этапа в научном исследовании - корни (непосредственная работа над сырым материалом) и крона (исторические обобщения). Н.И.Кареев отмечает, что для него всегда предпочтительней «работа синтетическая, обобщающая и объединяющая, нежели аналитическая, детальная и изолирующая» [9. С.249]. Ученый позиционирует себя как решительный противник «фактопоклонников» и «крохоборов». В этом с ним солидарен и М.М. Ковалевский, указывающий на ограниченность прямых свидетельств-фактов и необходимость широких обобщений с привлечением дополнительных косвенных источников: «Я немало сидел над рукописями и вынес впечатление, что исследование, исключительно на них построенное, будет однобоким и неполным» [10. С.261].

Ковалевский также нещадно критикует статистический метод, подчеркивая «нередкую бедность и отрывочность материалов», и дает свой рецепт-триаду необходимых историку качеств – «логическая работа мысли, полет научной фантазии, умение возводить широкие построения и целые системы» [10. С.261]. Следовательно, обоих ученых объединяет одинаковый стиль мышления – синтетический, склонный к теоретизированию и обобщениям. Словосочетание «полет научной фантазии» часто встречается на страницах мемуаров Ковалевского. Этому фактору в своей триаде историк уделяет особое внимание как направляющему в собственном научном творчестве, особенно в молодые годы [10. С.164. С.261].

Другой важной чертой исторической методологии Кареева и Ковалевского было стремление в духе позитивизма к научной объективности и отрицание всякого субъективизма – вероисповедного, национального, партийного, классового. По убеждению Кареева, «история - самодовлеющая наука, ни в коем случае не прислужница политики» [9. С.250].

Исключительную роль в формировании научного мировоззрения и методологии русского историка последней четверти XIX века играли и заграничные командировки. На этот фактор, в частности, указывает такой исследователь, как Г.П.Мягков [12]. И Кареев, и Ковалевский в воспоминаниях

уделяют целые главы своим поездкам за границу. Ковалевский называет эти периоды жизни «годами заграничного ученичества и странствий» [10]. Особой популярностью у историков пользовались две страны: Германия и, в особенности, Франция.

Ковалевский прямо говорит, что именно во Франции он научился работать: «Извлекать из первоисточников выводы, приводить их в систему, строить гипотезы на счет причинной зависимости между обследованными явлениями и самостоятельно выяснять развитие учреждений в связи со средою, в которой совершается развитие» [10. С.126]. Если во Франции Ковалевский научился работать, то в Англии он определил «направление литературной работы на долгие годы» [10. С.164], разработав под влиянием английских социологов курсы по древнейшей истории права, учреждений, семьи, рода и собственности, которые стали основой будущих сочинений. В целом же «годы ученичества» в Лондоне и Париже между 23 и 30 годами позволили Ковалевскому наметить «все темы, которые разрабатываются и поныне» [10. С.261]. Кареев, рассказывая о своем пребывании в Париже, рисует образ того, что можно назвать счастьем историка – «полнейшая свобода в распоряжении временем, отсутствие внешних обязанностей, возможность всецело предаться работе над научным вопросом в обстановке отличных библиотек и архива» [9. С.146].

Столица Германии, Берлин, также не был обойден вниманием историков «русской школы». Так, Ковалевский отмечает, что «быть в Берлине и не слушать лекции по философии казалось чем-то недопустимым» [10. С.112]. Кареев честно признается, что «из королевской библиотеки Берлина таскал книги на дом, по три названия в день, не возвращая взятых ранее» [9. С.155].

Чем же еще занимались наши историки за рубежом? О слушании лекций за границей оба ученых отзываются критично - как о добавочном занятии. Например, Кареев пишет, что «на лекции в Сорбонну и Коллеж де Франс заходил лишь изредка, чтобы посмотреть знаменитость» [9. С.149]. Вторит ему и Ковалевский: «Проводить годы заграничного ученичества в пассивном восприятии общих обзоров – доказательство не

трудолюбия, а отсутствия самостоятельного научного почина» [10. С.126]. Главное – сбор материала для диссертации в архивах и библиотеках.

По воспоминаниям Ковалевского можно судить о повседневном научном труде историка: «Работа моя в архиве и библиотеке была налажена – я с увлечением проводил в них целые утра, обыкновенно с 10 ч, с коротким перерывом для завтрака, вплоть до 4-5 часов дня» [10. С.168]. За границей М.М.Ковалевский придерживался строгого расписания в своей деятельности: «С 8-9 утра надиктовывал свои труды секретарю, вторую половину дня проводил в библиотеке, гулял по бульвару, а вечером отправлялся в кафе или театр… разнообразие вносили лекции» [10. С.258]. Как видно из цитаты, интенсивность научного труда заставляла историка не только придерживаться определенного распорядка дня, но и прибегать к помощи секретаря.

Дополнительную информацию о научной повседневности историка дает частная переписка М.М.Ковалевского с А.И.Чупровым, из которой можно заключить, что научная работа – тяжкий труд и не всегда доставляет ученому удовольствие: «Читать приходится пропасть – и не всегда с охотой… читаю без отдышки, но не без отвращения» [10. С.658].

Таким образом, культура историка-ученого определялась такими компонентами, как фундаментальная классическая университетская подготовка, дополненная заграничными стажировками, прекрасное владение основными иностранными языками, фанатичный интерес к исследовательской работе в сочетании с системным мышлением, строгое следование критическому методу, трудолюбие и усидчивость как личностные черты, разнообразие научных интересов и творческий подход, умеренный позитивизм как теоретическая основа научной работы, уважительное отношение к рекомендациям научных наставников.

Библиографический список

1. Берк, П. «Антропологический поворот» в гуманитарных науках: индивидуальные версии и конфигурация целого //

Историческая антропология и новая культурная история НЛО.- 2005.- № 75. – С.16-45.
2. Бодров, О.В. Профессор М.М.Ковалевский. У истоков изучения английской общественной и политической мысли в России [Текст] / О.В.Бодров. - Казань, 2006 – 320 с.
3. Бузескул, В.П. Всеобщая история и ее представители в России [Текст] / В.П.Бузескул. - Л., 1929. – 450 с.
4. Гирц, К. Интерпретация культур [Текст] / К. Гирц. – М., 2004. – 380 с.
5. Дунаева, Ю.В. Западноевропейская история в исторической концепции Н.И.Кареева [Текст]: дис. … канд ист. наук / Дунаева Юлия Владимировна. – М., 2002. - 240 с.
6. Золотарев, В.П. Историческая концепция Н.И.Кареева: содержание и эволюция [Текст] / В.П.Золотарев. – Л., 1988. - 220с.
7. Зоць, С.А. Общественно-политическая деятельность и государственно-политические взгляды М.М.Ковалевского [Текст]: дис. … канд. ист. наук / Зоць Светлана Алексеевна. - Орел, 2007. – 230 с.
8. Источниковедение новейшей истории России: теория, методология, практика [Текст] / А.К.Соколов [и др.] – М.: Высшая школа, 2004. – 687 с.
9. Кареев, Н.И. Прожитое и пережитое (подготовка текста, автор вступительной статьи и комментариев В.П.Золотарев) [Текст] / Н.И.Кареев. – Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1990. – 384 с.
10. Ковалевский, М.М. Моя жизнь. Воспоминания. [Текст] М.М.Ковалевский. - М.: РОССПЭН, 2005. – 784 с.
11. Мягков, Г.П. Русская историческая школа Методологические, идейно-политические позиции [Текст] Г.П.Мягков. - Казань, 1988. – 245 с.
12. Мягков, Г.П.Научное сообщество в исторической науке опыт «русской исторической школы» [Текст] / Г.П.Мягков. Казань, 2000 – 286 с.
13. Погодин, С.Н. Русская историческая школа: Н.И. Кареев М.М.Ковалевский, И.В.Лучицкий [Текст] / С.Н.Погодин. Спб., 1997. – 280 с.

14. Сафронов, Б.Г. М.М.Ковалевский как социолог [Текст] / Б.Г.Сафронов. – М., 1961. – 190 с.
15. Сафронов, Б.Г. Н.И.Кареев о структуре исторического знания [Текст] / Б.Г.Сафронов. - М., 1995. – 272 с.
16. Соколов, А.Б. Введение в современную историографию нового и новейшего времени стран Западной Европы и США [Текст]: учебное пособие. – Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2007. – 242 с.
17. Элиас, Н. Придворное общество. Исследования по социологии короля и придворной аристократии [Текст] / Н. Элиас. - М., 2002. – 320 с.

© А. В. Литвинов (ЯГПУ)

К вопросу о модернизации Эфиопии (восприятие инноваций эфиопским традиционным обществом во второй половине XIX – начале XX в.)

Одним из основных условий проведения успешной модернизации является появление человека нового типа, способного воспринять изменения. Несмотря на определенное культурное отставание, в конечном итоге большинство членов общества должно прийти к консенсусу по поводу того, что считать целесообразным, необходимым, морально оправданным и, следовательно, воспринять новые явления своей повседневной действительности. Модернизация государства постоянно сопровождается индивидуальной модернизацией, от протекания которой в значительной степени зависит степень перехода от традиционного общества к современному. Таким образом, время появления общественного консенсуса по поводу инноваций является одним из главных показателей успеха в построении современного общества. Отсутствие согласия, напротив, говорит о торжестве традиционности или формировании смешанного общества. В рамках данной статьи рассматривается восприятие населением Эфиопии реформаторских мероприятий правительства и частных инициатив отдельных эфиопов и иностранцев второй половины XIX – начала XX века, которые в исторической науке принято считать модернизационными.

Первые попытки реформирования эфиопского общества в прогрессивном направлении традиционно относят ко времени правления Теодроса II (1855-1868), который стремился «к контактам с христианскими державами Европы в надежде использовать их достижения для модернизации страны» [3. С. 92], чтобы в Эфиопию «проник свет европейской цивилизации» [6. P. 64]. Правление же Менелика II (1889-1913) «явилось завершающей фазой сложного, начавшегося с середины XIX века процесса развития страны от феодальной раздробленности к политической централизации» [4. С. 3]. Таким образом, как в отечественной, так и в зарубежной историографии выделяются следующие характерные черты эфиопской модернизации: 1) она проводилась «сверху», то есть по воле правителей страны; 2) она имела экзогенный характер, то есть опиралась на контакты с зарубежными странами; 3) к началу XX века она уже была относительно успешной, поскольку привела к политическому объединению и консолидации страны, а следовательно, должна была создать определенный общественный консенсус по отношению к инновациям. Однако, проанализировав восприятие новых явлений эфиопским обществом, можно опровергнуть большинство этих выводов.

Значительное влияние на отношение к инновациям оказывал социальный статус, уровень образования, экономическое положение и иные характеристики членов социума. Исходя из этого, в эфиопском обществе можно условно выделить 5 страт, имеющих свое представление о модернизационных мероприятиях и их последствиях: 1) правители и их ближайшее окружение; 2) традиционная светская элита; 3) духовенство; 4) новая элита (люди, получившие образование современного типа); 5) остальное население Эфиопии. Безусловно, все эти категории оказывали значительное влияние на мировосприятие друг друга, но, в целом, по отношению к новым явлениям они сохраняли относительно своеобразный взгляд.

Инновации, с которыми столкнулось эфиопское общество, можно классифицировать по традиционным группам как экономические, политические, культурные, военные и иные, а также как вредные или полезные по представлениям людей,

допустимые или недопустимые, соответствующие или не соответствующие «вере отцов», т. е. эфиопскому христианству.

Правители Эфиопии рассматриваемого периода (Теодрос II, Йоханныс IV, Менелик II) и их придворное окружение относились к введению инноваций как к средству укрепления собственной власти, поэтому вполне справедливо, что именно они инициировали большинство новшеств в жизнь общества. Однако, чтобы сделать значительную часть инноваций легитимными, приходилось искать им аналогии в традициях страны. Введение новшеств шло по двум основным направлениям: укрепление центральной власти и усиление обороноспособности страны. Централизованная система управления была известна в Эфиопии еще с периода ранней государственности и периодически восстанавливалась местными монархами, поэтому, хотя и вызывала сопротивление региональной знати, но воспринималась большей частью населения как возвращение к традициям аксумского периода (II-XI вв.) или времени правления царя Зара Якоба (1434-1468). Огнестрельное оружие поставлялось в Эфиопию с XVI века, в то время как в XIX произошло только увеличение объема поставок. Как справедливо отметил известный американский востоковед Б. Луис: «Вестернизацию вооружения можно объяснить сугубо военными нуждами, но вестернизация формы знаменует перемены в культуре» [2. С. 66-67]. Как при Теодросе, так и при его преемниках эфиопская армия сохраняла традиционный внешний вид и манеру ведения боя. Попытки перестроить ее на европейский лад терпели крах. Когда военный инструктор Йоханныса IV шотландец Д. Киркхэм стал муштровать эфиопское войско, то солдаты заявили, что «скорее умрут, чем будут так мучиться» [7. P. 148-149]. Император вынужден был предоставить европейцу другую работу. В то же время инновации, которым трудно было найти эфиопские аналоги, не приживались. Например, когда англичане обратились к Теодросу II с просьбой об учреждении консульства, он ответил: «Я не могу разрешить консульства, поскольку в истории нашей страны ничего подобного никогда не было... в основе моего отказа лежит то обстоятельство, что это представляется мне новшеством» [9. P. 182]. Хотя зарубежное представительство могло бы

помочь поставкам огнестрельного оружия из Европы, для Эфиопии, долгое время находившейся в изоляции (XVI – первая половина XIX века), такой шаг представлялся слишком решительным и опасным.

Традиционная эфиопская элита в целом относилась к большинству инноваций отрицательно и препятствовала их появлению на территории своих владений. Исключение составляли только те нововведения, которые могли принести практическую пользу или поднять престиж региональной знати. Крупнейшие феодалы рассматриваемого периода, такие как рас Хайлу из Годжама или негус Вольде Гиоргис из Бегемдыра ограничились коллекционированием мебели и оружия [5. P. 46]. Для покупки и доставки последних они стали строить мосты, улучшать дороги, а также собирать налоги со своих владений не в натуральном виде, а деньгами, что, безусловно, являлось новшеством, но новшеством допустимым и необходимым. Благодаря этому в Эфиопии развивались товарно-денежные отношения, но в основном между знатью и иностранцами. В среде же простого населения наиболее ценной валютой традиционно оставались боеприпасы [10. P. 68-69]. Как писал в своих воспоминаниях русский офицер К. Н. Арнольди: «Вам попадается навстречу нищий, и первое, что он просит у вас, это не деньги и не кусок хлеба, а патрон. Деньги от него могут не принять, а патрон примут всегда и везде» [1. С. 5].

Определенным доверием как в среде знати, так и в среде простого населения пользовалась европейская медицина, поскольку по местным представлениям белый человек приезжал в их страну из Иерусалима или через Иерусалим, одно из центральных мест в топографии феодальной Эфиопии. А паломник из Святой Земли, по поверьям эфиопов, обладал чудодейственными свойствами, мог исцелять болезни, снимать порчи, приносить удачу и делать другие полезные вещи. Поэтому европейские врачи не были редкостью при дворах эфиопской знати [11. P. 3].

Духовенство воспринимало нововведения, приходящие из-за рубежа, отрицательно, всячески преуменьшало их значение и видело во всем происки врагов, желающих погубить

«веру отцов». Например, отрицательную характеристику получили фотоаппараты и телефоны, которые воспринимались как средство контроля за деятельностью людей и получили наименование «дьявольской работы» [8. P. 11]. В то же время духовенство понимало, что власть и влияние в обществе может уплыть из его рук, поэтому глава Эфиопской церкви абуна (митрополит) Матфей был одним из первых, кто пытался использовать книгопечатание, устанавливать зарубежные контакты, создавать в Эфиопии образование нового типа, придав ему духовный характер, что существенно сказалось на настроениях выпускников, становившихся более представителями традиционного, а не современного общества.

Духовенство оказывало значительное влияние на отношения к инновациям простых людей. Однако здесь большую роль играл принцип практической пользы, который мог легитимировать любое необходимое изобретение. В частности, народная молва приписала создание водопровода в императорском дворце сверхъестественной силе Менелика II, напрочь забыв о его истинном строителе швейцарском инженере А. Ильге:

Мы видели чудеса в Аддис-Абебе.
Вода почитает Менелика.
О, Менелик, какую мудрость ты еще принесешь?
Ты уже заставил воду парить в воздухе.
О, Менелик, каким великим ты становишься.
Он заставляет воду подниматься в воздух через окно так,
Что грязный может умыться, а жаждущий напиться [8. P. 11].

В то же время даже полезные в обиходе изобретения, если они противоречили установкам традиционного общества, не получали хождения. Так, удобные ручные мельницы не вошли в применение по причине того, что эфиопские мужчины опасались: женщина станет более свободна от ведения хозяйства и будет праздно проводить время.

Несмотря на всю косность эфиопского традиционного общества, была одна группа, которая могла воспринять инновации и стремилась к росту их числа – это выпускники запад-

но-христианских школ и зарубежных учебных заведений. Они перенимали проповедуемую им культуру и всячески стремились к образованию и просвещению своего народа, веря, что это разрешит все эфиопские проблемы. Но их было немного, и они не пользовались сколь-нибудь значительным влиянием в стране в исследуемый период.

Таким образом, восприятие инноваций эфиопским населением проходило крайне медленно, опираясь на принцип полезности нововведений. Их, как и людей, делили на «своих» и «чужих». В разряд полезных или «своих» попали: современное огнестрельное оружие, европейская медицина и некоторые предметы роскоши и домашнего обихода. Большинство остальных нововведений становились «чужими» и отвергались, так как они не находили параллелей в традициях и истории страны. Следовательно, в первой половине XIX – начале XX века не было создано такой важнейшей предпосылки модернизации, как человек нового типа, и большинство населения объединял традиционный консервативный консенсус. В исследуемый период нельзя говорить об успехах модернизации в Эфиопии.

Библиографический список

1. Арнольди, К. Военные очерки Абиссинии [Текст] / К. Арнольди. – СПб., 1907. – 150 с.
2. Луис, Б. Ислам и запад [Текст] / Бернард Луис. – М.: Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2003. – 322 с.
3. Цыпкин, Г. В. Эфиопоцентризм и эфиопское общество [Текст] / Г. В. Цыпкин // Евроцентризм и афроцентризм накануне XXI века: африканистика в мировом контексте: материалы международной научной конференции, посвященной 70-летию А. Б. Давидсона. – М., 2000. – С. 82-94.
4. Цыпкин, Г. В. Эфиопия от раздробленности к политической централизации [Текст] / Г. В. Цыпкин – М.: Наука, 1980. – 270 с.
5. Bairu Tafla. Two of the Last Provincial Kings of Ethiopia [Text] / Bairu Tafla // Journal of Ethiopian Studies. Vol. 1, 1968. – № 11 – P. 34-56.

6. Darkwah R. H. K. Shewa, Menelik and the Ethiopian Empire. 1813-1889. [Text] / Darkwah R. H. K. – L., 1975. – 253 p.
7. De Cosson A. E. The Cradle of the Nile. [Text] / Andre De Cosson – L., 1877. – Vol. I. – 230 p.
8. Prouty C. Empress Taytu and Menelik II [Text] / Chris Prouty – L.: Ravens Educational Services, 1986. – 372 p.
9. Rubenson S. The Survival of Ethiopian Indepence [Text] / Sven Rubenson – Heinemann, 1976. – 442 p.
10. Skinner R. Abyssinia of Today [Text] / Robert B. Skinner – L.: Longmans, Green, 1906. – 130 p.
11. Zervos A. L'Empire d'Ethiopie. Le Miroir de l'Ethiopie Moderne, 1906-1935 [Text] / A. Zervos – Alexandria, 1936. – 120 p.

© Н.В.Бородкина (ЯГПУ)

Франко-иранские отношения в конце XX – начале XXI в.

Исламская Республика Иран занимает важное геополитическое, стратегическое и военное положение в регионе Большого Ближнего Востока. Иран обладает огромными природными запасами углеводородных ископаемых, по территории Ирана проходит транспортировка нефти и газа. США, Европейский Союз и Россия стремятся иметь тесные дипломатические и экономические контакты с этой страной [3. С. 97].

Государства Западной Европы, США и Российская Федерация имеют разные концептуальные установки в отношении политики с Ираном, в связи с этим периодически на международной арене возникают трения и трудности. Европейские страны члены ЕС поддерживали с ИРИ торговые и дипломатические связи. Интересы ЕС в Иране были связаны в основном с нефтью и торговлей оружием.

Европейские политики перестали видеть в Иране угрозу интересам безопасности своих стран. Возможность создания Ираном ядерного оружия не являлась актуальной для Европы. Руководство ЕС считало, что Тегеран находится на ранней стадии разработки ядерного оружия, а это дает возможность непосредственно влиять на его замыслы. Это было принципиальным различием концепции США по отношению к Ирану и концепции Европейского Союза.

Концепция политики Франции по отношению к Ирану влияла на формирование общеевропейской политики в данном направлении.

Наиболее конструктивно французскую позицию в отношении Ирана обозначил министр иностранных дел Франции Ф. Дуст-Блази: «Иран имеет право претендовать на создание гражданской ядерной энергетики, и международное сообщество должно быть готово помочь иранцам обзавестись соответствующей программой мирного атома. Но и речи не может быть о появлении у Ирана ядерного оружия. Вторая цель - предложить Ирану экономическое, технологическое и политическое партнерство. Третья цель – придать импульс диалогу религий, без которого Ближний Восток рискует погрязнуть в кровопролитных конфликтах и постоянной военной напряженности.... Такова позиция Франции. Эта убежденность была и будет лежать в основе нашей дипломатической активности в отношении иранской проблемы...» [5].

Президент Ж. Ширак по поводу политики в отношении Ирана заявлял: «Иран многое заботит: он хочет состояться как держава, отсюда и его желание завладеть ядерными технологиями и утвердиться в качестве ядерной страны, с которой считаются в регионе. Отсюда и два следствия. В первую очередь Иран хочет иметь нормальные отношения, в том числе и с Соединенными Штатами Америки. Во-вторых, он хочет излагать свою точку зрения, к которой будут прислушиваться, поскольку Иран – важная региональная держава» [4].

Однако концепция политики Франции в Иране основывалась не только на положительном отношении к гражданской ядерной энергетике, экономическом сотрудничестве и готовности к урегулированию конфессионального вопроса. Важной составляющей французской концепции было личное отношение президента Ж. Ширака к ИРИ: «Иран – древняя цивилизация... с Ираном можно обсуждать вопросы.... Я испытываю определенные чувства к Ирану.... Иран всегда с готовностью воспринимал советы, а дипломатия, в конце концов, основывается и на воспоминаниях» [4].

Позитивный настрой президента Ж. Ширака к Ирану повлиял на развитие между Францией и Ираном плодотворно-

го сотрудничества. Французская концепция политики по отношению к ИРИ в период президентства Ж. Ширака позволила Франции в своих отношениях с Ираном пойти «дальше других европейских государств», и когда другие страны ЕС развивали с Ираном «конструктивный диалог», Франция перешла к «конструктивному сотрудничеству» [2. С. 112].

Однако, рассматривая иранскую политику Франции, стоит учитывать не только французскую концепцию, но и конкретные действия французского руководства в отношении Ирана. Подобный анализ позволяет увидеть, общеевропейские или национальные интересы преобладали в иранской политике Франции в период президентства Ж. Ширака.

Принципиально новый этап в отношениях ИРИ и Франции начался в 1997 г., так как после прихода к власти в Иране М. Хатами изменилась политика самого Ирана по отношению к странам Запада.

Западноевропейские компании были наиболее заинтересованы в сотрудничестве в топливно-энергетической сфере. Французские компании первыми, несмотря на американский режим санкций, вышли на иранский топливно-энергетический рынок. Так, уже в сентябре 1997 г. французская компания «Тоталь» подписала крупный контракт на освоение и эксплуатацию иранских газовых месторождений в Персидском заливе. Очевидно, что компания «Тоталь» действовала согласно санкциям правительства Франции [2. С. 112].

Стоит обратить внимание на то, что, например, норвежская компания «Статойл» получила контракт с Ираном на добычу природного газа в месторождении Южный Парс в Персидском заливе только в 2004 г. В 2005 г. французская «Тоталь» уже вела переговоры с иранской стороной (которые увенчались успехом) о подписании контракта на строительство в Иране предприятия по производству сжиженного газа. Данный контракт оценивался в 2 млрд. долларов США [3. С. 98].

Не менее выгодным представлялось для Франции экономическое сотрудничество с ИРИ в области автомобилестроения. Если 90% иранского экспорта во Францию составляла нефть, то иранский импорт из Франции в 2000 – 2001 гг. был в основном представлен поставками промышленного обо-

рудования, запчастей и узлов к автомобилям, которые производились в Иране по французским лицензиям. Иранофранцузское сотрудничество в автомобилестроении расширялось весьма динамично [1. С. 88].

В январе 2000 г. в Париже между французской «Пежо» и иранской компанией «Иран ходроу» было подписано соглашение об организации в Иране сборочного производства легковых автомобилей «Пежо 206XR», с годовым объемом производства 120 тыс. штук. В феврале 2000 г. французская компания «Рено» заключила контракт с иранской автомобилестроительной компанией «Сайпа» о совместном производстве в Иране легковых автомобилей «Аксантия». Стоимость проекта оценивалась около 150 млн. евро. По условиям контракта Иран имел право экспортировать эти автомобили в страны Персидского залива и СНГ. В июне 2000 г. «PSA» («Пежо – Ситроен») провела переговоры с иранскими автомобильными компаниями и договорилась о совместном производстве деталей для французских автомобилей. В октябре 2000 г. иранская «Шахаб ходроу» продала 35% своих акций французской «Рено» [1. С. 86].

Французская компания «Алькатель», которая считается вторым по значимости оператором связи в мире, создала в Иране сеть связи и оказывала интернет-услуги [3. С. 99].

Большие возможности открывались для ЕС в целом, и Франции в частности, в сфере торговли оружием. Франция продвигала на иранский рынок комплексы ПВО «Мистраль» и истребители «Мираж» [2. С.105].

Стоит отметить, что такое тесное экономическое сотрудничество Франции с Ираном невозможно, в первую очередь, без конструктивного политического диалога между Европейским Союзом и Ираном, так как Франция является одним из ключевых государств ЕС.

Показательно, что в 2003 г., когда США настойчиво обвиняли Иран в связи с мировым терроризмом и в разработке ядерного оружия, Европейский Союз начал еще более тесное сближение с ИРИ. В частности, в октябре 2003 г. состоялась встреча министров иностранных дел Франции, Германии и Великобритании с секретарем Высшего совета по национальной безопасности (ВСНБ) Ирана Хасаном Роухани.

Министр иностранных дел Франции Д. де Вильпен назвал эти встречи с иранским руководством важным шагом по пути установления доверия и создания прочных основ для дальнейшего развития отношений между ЕС и Ираном: «Соглашение между Ираном и ЕС – прочный фундамент дальнейшего развития наших отношений. Европа уважает и чтит Иран, страну древней и богатой цивилизации и истории» [6].

Франко – иранские отношения получили новый импульс после состоявшегося в январе 2004 года официального визита в Иран верховного представителя ЕС по внешней политике и безопасности Хавьера Соланы, который обсудил с руководством Ирана возможности укрепления связей между этой страной и ЕС. Уже после парламентских выборов в Иране министр иностранных дел Ирана Камаль Харрази посетил Францию, Италию, Ирландию, Бельгию, Великобританию.

Отношения между Ираном и ЕС базировались на взаимных экономических и политических интересах, поэтому во Франции, равно как и в других европейских государствах, считали, что «нет ничего необычного в том, чтобы поддерживать нормальный диалог с Ираном» [4].

Таким образом, Франция была заинтересована в Иране в экономическом и политическом плане. В силу того, что Иран имеет выгодное геостратегическое положение, политический вес на Ближнем Востоке, ни один ближневосточный конфликт не может быть урегулирован без участия ИРИ. Франция при президенте Ж. Шираке, понимая это, настаивала на усилении влияния ЕС в Иране, так как только в этом случае Евросоюз смог бы вмешиваться в ближневосточные дела. В экономическом плане – Иран являлся широким рынком для инвестиций и источником нефти и газа.

Франция вместе с ФРГ, Великобританией, Италией видели в Иране последний нефтегазовый источник в ближневосточном регионе, который неподконтролен США. Контролирование всего нефтяного и газового рынка Ирана могло дать возможность ЕС создать реальный противовес США, влиявшим на большую часть нефтяного и газового рынка Ближнего Востока.

В целом иранская политика Франции при президенте Ж. Шираке влияла на европейскую политику в Иране. Однако руководство Франции стремилось к тому, чтобы именно французские компании продвигались на иранском рынке.

Библиографический список

1. Задонский, С. М. Внешнеэкономические связи ИРИ [Текст] / С. М. Задонский // Ближний Восток и современность. - М., 2002. - Вып. 14.- С. 82-105.
2. Комиссина, И. Н. Исламская республика Иран и Западная Европа: диалог цивилизаций [Текст] / И. Н. Комиссина // Иран в современном мире. - М., 2003. - С. 103-121.
3. Сажин, В. И. Иран и Европейский Союз [Текст] / В. И. Сажин // Современный исламский восток и страны Запада. – М.: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока., 2004. – С. 97-105.
4. Chirac, J. Liban: le plan Chirac pour sortir de la crise [Текст] / J. Chirac // Le Monde. – 2006. – 27 juillet.
5. Douste-Blazy, Ph. "La Syrie doit jouer le jeu". Propos recueillis par A. Barluet et P. Rousselin [Текст] / Ph. Douste-Blazy // Le Figaro. – 2006. - 29 août.
6. Nucléaire iranien: success européen [Текст] // Le Monde. – 2003. – 23 octobre.

© Г.М. Ермолина (ЯГПУ)

Общественное мнение Великобритании о Германии 1933-1938 гг. (по материалам «Дейли Мейл» и «Панч»)

Проблема взаимоотношений таких крупных держав, как Великобритания и нацистская Германия накануне второй мировой войны, остается актуальной по сей день, но в основном внимание историков сосредоточено на законодательных актах и договорах, регулирующих отношения двух стран. И если мировосприятие простых немцев, которое складывалось в тоталитарном государстве под влиянием пропаганды, изучено [8. С.375-422], то общественное мнение британских подданных зачастую остается за рамками исследований.

Внутриполитическая стабильность нового режима в Германии, связанного с приходом Гитлера к власти, была во многих аспектах ненадежна. Аналогичное заключение можно сделать и о внешнеполитическом положении Германии. Весной 1933 года происходило ухудшение настроений по отношению к Германии из-за событий, происходивших внутри страны, что прямо или косвенно затронуло официальную внешнюю политику всех западных демократических государств. Сначала Гитлер пытался препятствовать заграничной пропаганде, и не только через официальные выступления, в которых он уверял, что новое национальное правительство имеет исключительные мирные цели, но и в ряде интервью иностранной прессе. Таким образом, основным источником при изучении общественного мнения является периодическая печать.

Печатные издания в Великобритании уже с конца 19 века без преувеличения можно назвать энциклопедией жизни всего британского общества. Чрезвычайно высока была их роль в формировании общественного мнения, так как именно в этот период они стали пользоваться по-настоящему массовым спросом. В некотором роде, они и были общественным мнением, так как для того, чтобы какая-нибудь точка зрения стала достоянием всего общества, публикация ее в прессе была обязательной [11. С. 10].

Согласно исследованиям читательской аудитории в 1939 году, 69% населения старше 16 лет читали ежедневные газеты, и 82% - одну из национальных воскресных газет [6. С. 402]. В январе 1938 года на вопрос: читаете ли вы регулярно журналы, ответили «да» - 21% из числа опрошенных [7. С.154].

Среди прессы стоит прежде всего выделить «Таймс» - одно из самых авторитетных и популярных изданий своего времени, «Манчестер гардиан», «Дейли мейл», «Дейли миррор» и прочие популярные газеты и журналы.

Хронологические рамки данной статьи – с 1933-1938 года, начиная с прихода Гитлера к власти 30 января 1933 года и заканчивая Мюнхенским соглашением. Период этот не характеризуется однородностью: так, с 1933 по 1935 года можно говорить о небольшой поддержке нацистского режима в высших слоях общества и в ряде дружественных Германии изданиях («Дейли мейл», «Дейли миррор», «Дейли ньюс»). С 1936 года наступает

период, когда социальные и политические группы прекращают поддержку нацизма или она сводится к минимуму, а в 1938 году Германия оказывается «одинокой» [4. С. 4].

В рамках данной статьи рассмотрение всего комплекса периодической печати невозможно, поэтому основное внимание будет сосредоточенно на двух изданиях – германофобской газете «Дейли мейл» и британском еженедельном журнале «Панч».

«Дейли Мейл» была газетой, которая держалась пронацистской линии, и происходило это благодаря ее владельцу, лорду Ротемиру. Когда Гитлер стал канцлером в 1933 году, Ротемир выпустил серию статей, которые восхваляли нацистский режим. Самой известной из них является напечатанная 10 июля 1933 года под названием «Юный Триумфатор», в которой он заявил, что «был убежден в величии нацистского режима» [1]. Идя в разрез с мнением остальных, одержимый идеями Гитлера, он пытался убедить читателей, что все действия Гитлера были «дарованы» Германии как благо [2]. Ротемир общался с Гитлером как лично, так и по переписке. В 1934 году, после посещения Германии и визита к Гитлеру, в газете была опубликована статья «Все, что Гитлер сделал для Германии, вызывает восторг» [3].

Сходной точки зрения на персону фюрера придерживался и корреспондент этой газеты, неоднократно бравший интервью у Гитлера, – Уорд Прайс. В 1937 году в книге «Я знаю этих диктаторов», которая появилась в 1937 году, Прайс дал характеристику Гитлеру. «За сильным характером, который он показывает на публике, кроется наиприятнейший человек». Поворотным моментом для Прайса, как и для многих людей, поддерживающих политику Гитлера, стал март 1939 года и вторжение немцев в Чехословакию. Последнее его интервью датировано 1939 годом – «Обстоятельства вынудили меня почти 10 лет говорить только о мире, ибо до сего момента достигнутые внешнеполитические успехи были возможны только при постоянно сохраняющемся мире» [9. С. 46].

Таким образом, лорд Ротемир и Прайс (и, соответственно, «Дейли Мейл») вплоть до 1938 года являлись инструментом нацистской пропаганды, но исключительно через интервью Гитлера Прайсу и через восторженные статьи Ротемира. «Дейли мейл» является образцом поддержки режима Гитлера, причем более основанной на личных связях.

Другое отношение высказывает к нацистскому режиму британский еженедельный журнал юмора и сатиры – «Панч». Журнал издавался с 1841 года по 1992 год и с 1996 по 2002 год. Он был основан Генри Мэйхью. На момент создания редакторами стали Мэйхью и Марк Лемон. Первоначально журнал назывался Лондонский Le Charivari, что являлось отсылкой на сатирический журнал Le Charivari, издававшийся во Франции. Вскоре редакторы с тем, чтобы отразить сатирическую и юмористическую направленность журнала, приняли решение поменять название на имя сатирического кукольного персонажа Панча [5. С. 1].

Журнал резко осуждал политику Гитлера. Начало положила карикатура 24 августа 1932 года «Комната гигантов». В окружении портретов Бисмарка, Наполеона, Цезаря и Муссолини задумчиво стоит Гитлер. Его мысли автор карикатуры Леонард Равен Хилл отразил так: «Все, что мне необходимо - это подобно этому, но в современном немецком стиле». Карикатура, где Гитлер принимает даже позу своих предшественников, сравнивает его с диктаторами [10].

В журнале при помощи рисунков показан весь путь восхождения диктатора к власти. «Временный треугольник» (Рис.1) - фон Гинденбург и фон Папен, несущие на плечах Гитлера, восклицают: Он превосходный малый! (В сторону – будь оно проклято!). Новая Германия оказывается под властью Гитлера – вот что подразумевал автор. Бернард Патридж изобразил в стороне публику, которая скандирует лозунги в поддержку Гитлера [10].

Этому же художнику принадлежит и карикатура «Красная угроза», на которой изображен Гитлер, получающий из рук президента Гинденбурга свиток «чрезвычайные полномочия». Президент напутствует фюрера, одетого в древнеримские одежды: «это возможность, данная Богом. Если ты не станешь диктатором сейчас, ты им не станешь никогда». В этой карикатуре художник хотел прокомментировать передачу Германии по наследству, как имущества, и подчеркнуть, что для всех последующих действий Гитлера существовала прекрасная почва [10].

Патридж, продолжая серию карикатур для журнала «Панч», выпускает 17 мая 1933 года ещё одну карикатуру – «Принципы и практика» (Рис. 2). Тема сохраняется – Гитлер и его обращение к народу, где он утверждает, что Германия хочет

мира и люди хотят жить и работать в мире. Автор буквально цитирует майскую речь Гитлера, но обыгрывает ситуацию подругому: под ногами у Гитлера лежит поверженный человек, который подчиняется его воле, а из голенища сапога Гитлера выглядывает проект антиеврейской кампании [10].

Не могли не обратить внимания авторы карикатур и на произведение Гитлера «Моя борьба». Карикатура «Лучший продавец» изображает фюрера за прилавком, где единственным товаром является его книга, а продает он ее с пистолетом в руках. Надпись гласит: миллион копий жизненной истории Гитлера уже продан в Германии. О том, каким методом происходила эта продажа, свидетельствует визуальный источник [10].

Таким образом, художники-карикатуристы «Панча» видели приход Гитлера к власти к Германии и освещали внутреннюю политику этой страны. Что касается международных отношений, то им на ранних этапах посвящено не так и много карикатур. Одна из них называется «Три антимушкетера»(1933). На ней изображены три типичных представителя Англии, Франции и Италии, которые смотрят на Гитлера в форме юного барабанщика и твердят в 3 голоса: «Поставим в тупик (проклянем) этого мальчика!». Карикатура выражает озабоченность европейских сил таким «молодым выскочкой», как Гитлер[10].

Европейские страны изображаются зачастую в роли женщин, а не мужчин. Девушку – Францию Гитлер уговаривает, что он обязательно переймет принципы «Свобода, равенство, братство»;[10]три разгневанные женщины упрекают фюрера в агрессивной внешней политике и т.д. Россия и Америка на карикатурах представлены в образах животных: устоявшийся в сознании иностранцев «русский медведь», который держит в лапах серп и молот, с которым заигрывает Франция (Рис. 3) [10]; и Америка в образе орла, с оливковой ветвью и флагом США в когтях (Рис. 4) [10]. Германия на всех этих карикатурах различна, но везде существует негативное восприятие этой страны как агрессора.

В 1935 г. основной темой карикатур становится гибель Лиги Наций, которая не может сдержать напор агрессивного зверя – монстр с повязкой «война» рвется из-за решетки, которую пытается закрыть хрупкая девушка – Лига Наций (Рис.5) [10].

Адольф Гитлер начинает подготовку к войне, и уже, несмотря на то, что в руках его символы мира – голубь и оливковая ветвь, он отражается к зеркале как завоеватель, и голубь превращается в немецкого орла, а ветвь – в меч [10]. К 1937-1938 годам относятся карикатуры, которые отражают как аншлюс Австрии [10], так и стремление Гитлера захватить мир (Рис. 6) [10].

Таким образом, в британской прессе вопросы, связанные с Германией, находили различное истолкование и отражение. Несмотря на то, что существовали газеты и журналы с выраженной поддержкой фюрера, в основе общественное мнение было отрицательным, и критика Гитлера и его внутренней и внешней политики была открытой.

Рис. 1

Рис. 2

Рис. 3

Рис. 4

Рис. 5

Рис. 6

Библиографический список

1. Daily Mail. - 1933. - 10 July.
2. Daily Mail. - 1934.- 28 December.
3. Daily Mail. – 1933. - 28 November.
4. Griffiths R. Fellow travelers of the right [Text] / R. Griffiths.- London, 1983.
5. M. H. Spielmann. The History of "Punch" [Электронный ресурс]. – Режим доступа.-www.gutenberg.org - свободный.
6. Public opinion 1935-1946/ Ed. By H. Cantril Prinston. [Text]. - London, 1951.
7. Stevenson, J. British society 1914-1945 [Text] / J. Stevenson. - London, 1984.
8. The fascism reader /Edited by A.A. Kallis [Text]. - London, 2003.
9. Бросцат, М. Закат тысячелетнего рейха [Текст] / М.Бросцат. - М., 2005.
10. Рисунки из журнала «Панч» 1932-1939 гг. [электронный ресурс]. – Режим доступа. - http://www.punchcartoons.com/index.html - свободный.
11. Соколов, В.С. Виноградова, С.М. Периодическая печать Великобритании [Текст] / В.С.Соколов, С.М. Виноградова. - Спб., 2000.

© А. М. Ермаков (ЯГПУ)

«Штюрмер» - главная антисемитская газета Третьего рейха

Тщательное изучение нацистского антисемитизма, в частности, развязанной национал-социалистами антисемитской пропаганды, имеет большое научное, образовательное и воспитательное значение. Историка, решившего обратиться к этой проблематике, ожидает изучение бесчисленных опубликованных и неопубликованных источников. Среди них - материалы немецкой прессы. Статьи о евреях, рассчитанные на аудиторию разного возраста и имеющую различный уровень образования, можно без труда обнаружить в любой газете и журнале. Дети и подростки, домохозяйки и военнослужащие, рабочие и интеллектуалы получали через печать свою дозу антисемитских инъекций. Главной антисемитской газетой нацистской Германии считается еженедельник «Штюрмер», издававшийся в 1923-1945 гг. в Нюрнберге гауляйтером Франконии Юлиусом Штрейхером. Еще британский обвинитель на Нюрнбергском процессе Дж. М. Гриффит-Джонс обращал внимание судей на то, что без многолетней антисемитской пропаганды, которую вел издатель Штрейхер, «кальтенбруннеры и гиммлеры не имели бы людей для выполнения их приказов». Гриффит-Джонс специально подчеркнул роль пропагандистской обработки немецких детей и молодежи, осуществлявшейся Штрейхером и «Штюрмером»: их наследие - «почти что целый развращенный народ, отравленный ненавистью, садизмом и убийством» [1].

В годы Второй мировой войны жертвами Холокоста стали около 3 млн советских граждан, но националистическая пропаганда вообще и антисемитская в частности в нашей стране не является только историей. Напротив, после распада СССР отрицание Холокоста стало составной частью идеологий крайне националистического толка [2]. Существуют десятки сайтов, содержащих публикации, отрицающие Холокост и утверждающие, будто современная Россия страдает от засилья евреев. Переведены на русский язык и изданы массовыми тиражами произведения скандально известных зарубежных реви-

зионистов – отрицателей Холокоста Дэвида Ирвинга, Юргена Графа, Ричарда Харвуда, общедоступны в Интернете на русском языке книга Эрнста Цунделя «Шесть миллионов» и глава из книги Роже Гароди «Основополагающие мифы израильской политики». Выдвинутые ими тезисы активно используются в российской экстремистской литературе.

Хотя газета «Штюрмер» и лично Штрейхер сыграли огромную роль в формировании антисемитских взглядов немецкого населения, в России нет не только специальной монографии, но и научной статьи по этой теме. Имеющиеся фрагментарные сведения не всегда точны и нередко лишь повторяют многочисленные слухи о Штрейхере, ходившие в 1920-1940-е гг. В этой связи представляется необходимым изучение целого комплекса вопросов, в том числе касающихся истории издания и распространения «Штюрмера» в Германии. Ответы на них могут стать основой для дальнейшего исследования причин успеха грубой и примитивной антисемитской пропаганды в Третьем рейхе.

Школьный учитель по профессии и радикальный антисемит по убеждениям Юлиус Штрейхер неоднократно предпринимал попытки широкого распространения своих взглядов. Однако основанные им в Нюрнберге газеты «Немецкий социалист» (1920 г.) и «Воля немецкого народа» (1921 г.) быстро разорились. Штрейхер не был обескуражен этими провалами и 20 апреля 1923 г. основал новую газету «Штюрмер», которая в течение почти четверти века была главным антисемитским изданием в Германии. Сначала газета выходила с подзаголовком «Специальная газета борьбы за правду», с июля 1923 по июль 1932 г. – «Нюрнбергский еженедельник борьбы за правду». Затем, вплоть до последнего выпуска, подзаголовок гласил: «Немецкий еженедельник борьбы за правду». С 1927 г. в каждом номере публиковалась вырванная из контекста фраза немецкого историка Генриха фон Тройчке «Евреи – наше несчастье».

Первые номера «Штюрмера» состояли из шести страниц, текст делился на два столбца, в конце газеты было размещено несколько рекламных объявлений. Сначала газета стоила 250 марок, но в связи с гиперинфляцией ее 18-й номер, вы-

шедший в ноябре 1923 г., продавался уже за 1,5 млрд марок. В июле 1923 г. Штрейхер принял решение о еженедельном издании «Штюрмера». Ее выпуск был прерван на несколько месяцев после гитлеровского путча 8-9 ноября 1923 г. и возобновился в марте 1924 г. К этому времени правительству Густава Штреземана удалось стабилизировать национальную валюту, и теперь «Штюрмер» продавался по стабильной цене 20 пфеннигов за номер. Призыв Штрейхера к читателям сообщать ему о тех владельцах газетных киосков, которые пытаются продавать «Штюрмер» дороже номинала, прибавил ему популярности. С апреля 1924 г. еженедельник издавался на бумаге стандартного газетного формата, текст делился на три столбца, а последнюю страницу целиком занимала реклама. С мая 1925 по ноябрь 1930 г. большинство изданий «Штюрмера» состояло из шести страниц, а с начала 1933 г. газета стала восьмистраничной. С 1926 г. в еженедельнике время от времени публиковались фотоснимки. До 1935 г. еженедельник печатался в издательстве Вильгельма Херделя, а потом – в собственном издательстве Штрейхера «Штюрмер Ферлаг».

Первые выпуски «Штюрмера» издавались небольшими тиражом и распространялись только в Нюрнберге и его ближайших окрестностях. Соответствующим было и содержание еженедельника, освещавшего, в основном, борьбу Штрейхера с социал-демократическим бургомистром города Генрихом Луппе. Так как тираж «Штюрмера» быстро увеличивался, то Штрейхер задумался о том, чем можно заинтересовать читателей по всей Германии. С 1925 г. еженедельник стал специализироваться на совершаемых евреями преступлениях, особенно сексуального характера, и судебных процессах против них. Наряду с «евреями» другими стереотипными образами врага на страницах газеты были «иезуиты», «большевики», «масоны», «негры». В поле зрения «Штюрмера» попадали и церкви как учреждения, якобы находившиеся под влиянием еврейского мировоззрения.

Распространение еженедельника осуществлялось несколькими способами. Его первые номера продавались на улицах и в пивных Нюрнберга приверженцами и приверженками нацистов. Как вспоминал Штрейхер, «многих из них оплевы-

вали террористы, многих искалечили. Двое из них умерли из-за нанесенных им ран». Потом «Штюрмер» стали продавать в газетных киосках и распространять по подписке, причем функционеры некоторых нацистских организаций были обязаны подписываться на еженедельник Штрейхера. Хотя «Штюрмер» никогда не являлся официальной национал-социалистической газетой, с 1933 г. он вывешивался на специальных уличных стендах, так называемых стендах «Штюрмера», и был общедоступен. Стенды, как правило, снабженные лозунгами «Евреи – наше несчастье» или «Немецкие женщины и девушки! Евреи – ваша гибель!», устанавливались в местах скопления людей: на остановках общественного транспорта, у фабричных столовых, в скверах, парках, на оживленных улицах. Прохожий мог, остановившись на несколько секунд, взглянуть на карикатуры или потратить несколько минут, чтобы бегло прочесть любую из небольших статей. Только во время летних Олимпийских игр 1936 г., проводившихся в Берлине, с целью поддержания высокого престижа нацистского режима за рубежом распространение «Штюрмера» было несколько ограничено. Стенды в местах проведения соревнований либо пустовали, либо были вовсе демонтированы, в киоски газета тоже не поступала. Однако это тактическое отступление не меняло общей тенденции: еженедельник Штрейхера можно было приобрести не только в Германии, но и повсюду, где компактно проживали немцы, - в Дании, США, Канаде, Бразилии, Аргентине, Южной Африке, Индии, Японии и Манчжоу Го.

После прихода нацистов к власти тираж «Штюрмера» стал стремительно расти и в 1938 г. достиг свого максимума – 486 тысяч экземпляров. Даже во время Второй мировой войны, когда распространение периодических изданий в Германии ограничивалось с целью экономии бумаги, некоторые выпуски «Штюрмера» выходили 300-тысячными тиражами. Кроме того, в 1933-1945 гг. вышло девять специальных выпусков газеты тиражом около 2 млн экземпляров. Их публикация нередко приурочивалась к очередному партийному съезду в Нюрнберге. Темами специальных выпусков были ритуальные убийства, еврейская преступность, мировой еврейский заговор, еврей-

ские сексуальные преступления, «засилье» евреев Австрии и Чехословакии.

Росту популярности «Штюрмера» способствовала энергичная поддержка нацистских руководителей различного уровня, в первую очередь самого Гитлера, который был высокого мнения об антисемитской газете. Президенту Данцигского сената Герману Раушнингу он заявил, будто «то, что делает Штрейхер - занятно и весьма остроумно. Откуда он только достает все новые и новые материалы! Гитлер с нетерпением ждет каждого нового выпуска «Штюрмера», - это единственная газета, которую он читает с удовольствием от первой до последней страницы» [3]. Гитлер неоднократно отменял запреты на выпуск еженедельника, время от времени налагавшиеся нацистскими властями.

Штрейхер любил цитировать похвальные отзывы фюрера, а порой инициировал письма от различных нацистских руководителей, где давалась высокая оценка его еженедельника. В частности, их авторами были гауляйтер Данцига Альберт Форстер, рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер, имперский фюрер молодежи Бальдур фон Ширах, начальник штаба СА Виктор Лутце, фюрер Германского трудового фронта Роберт Лей, руководитель нацистской прессы Макс Аман.

Сравнивая Штрейхера с другими ведущими нацистскими функционерами, Ханна Арендт охарактеризовала его как «сексуального преступника». Советский журналист Н. Корнев отмечал, что Штрейхер «умеет говорить лишь в тоне редактора погромного и порнографического листка, апеллируя к самым низким инстинктам деклассированных и просто уголовных элементов». Именно поэтому, полагал советский журналист, руководство НСДАП, не сумевшее дать массам «обещанного хлеба и труда», допустило «Штюрмер» в Берлин [4].

Газета сознательно и открыто ориентировалась на людей с низким уровнем образования. Как в 1935 г. выразился редактор Эрнст Гиммер, «"Штюрмер" – народная газета. Его язык прост, его высказывания ясны. Его слова – однозначны. Его тон груб. Так и должно быть! Штюрмер – это не воскресная газета. "Штюрмер" борется за правду. Такую борьбу не

ведут в лайковых перчатках. А правда – отнюдь не глянцевая и гладкая. Она грубая и суровая». Когда в сентябре 1933 г. немецкая киноактриса и кинорежиссер Лени Рифеншталь, снимавшая в Нюрнберге документальный фильм о съезде НСДАП, спросила у Штрейхера, как он может выпускать «такую ужасную газету», тот рассмеялся и ответил: «Газета писана не для таких умных людей, как вы, а для сельского населения, чтобы даже крестьянские девушки знали разницу между арийцами и евреями» [5].

Во время судебного процесса над главными нацистскими преступниками Штрейхер по-прежнему ставил себе в заслугу, что «никогда не претендовал на то, чтобы мою работу в "Штюрмере" поняли и признали представители так называемой "интеллигенции" и воздали мне похвалу в своих публичных речах. Своей просветительской работой я хотел охватить массу трудящихся людей, путешествовать вместе с ними и приобрести их сердца. Трудящийся человек прост в своих мыслях и велик в своих чувствах. Он хочет, чтобы с ним говорили так, как говорит он сам, - открыто, честно, искренне! Такой стиль речи и письма я воспитывал у своих сотрудников и в "Штюрмере", и в партии» [6].

По словам американского журналиста Уильяма Ширера, «непристойные статьи еженедельника вызывали отвращение у многих нацистов», но после прихода гитлеровцев к власти критика «Штюрмера» стала не только бесполезной, но и небезопасной. Известны случаи, когда недовольных подвергали аресту за критику Штрейхера или пренебрежительные отзывы о «Штюрмере».

Наряду с заголовками большого формата газета привлекала внимание читателя своими карикатурами, доступными для понимания каждого немца. С июня 1924 г. карикатуры появлялись в «Штюрмере» эпизодически, а с декабря 1925 г. карикатуру можно было увидеть на первой странице каждого номера газеты. В течение 20 лет, с 1925 по 1945 год, в газете под псевдонимом Фипс работал карикатурист Филипп Рупретх. Он создал пресловутый тип алчного и, как правило, небритого «штюрмеровского еврея» с длинным крючковатым носом, толстыми губами, вьющимися волосами и выпученны-

ми глазами. Карикатуры Фипса стали «фирменным знаком» газеты «Штюрмер».

Редакция еженедельника пользовалась услугами до 300 человек, выполнявших для нее те или иные работы. Главными редакторами «Штюрмера» были Фриц Хюльф (1924-1925), Карл Хольц (1925-1938), Эрнст Гимер (1938-1945), которого в 1941-1942 гг. заменял Эрвин Еллинек. Во время Нюрнбергского процесса Гимер выступал в качестве свидетеля Штрейхера. Штрейхер рассказывал, что Гимер – «школьный учитель, уважаемый человек, который мог пустить в печать антисемитские статьи и сделать их понятными и доступными, так что простые люди могли их читать и верить им. Он был очень ценным, преданным сотрудником, и я выбрал его за его простые, но полезные умения». Главенствующую роль в издании газеты всегда играл сам Штрейхер. Он вспоминал: «Я продолжал издавать "Штюрмер". Я никогда не переставал осуществлять редакторский контроль над этим изданием, а Хольц и Гимер и другие мои помощники проводили ежедневные и еженедельные совещания со мной, так что я рассматривал все материалы, печатавшиеся в "Штюрмере"» [7].

Штрейхер утверждал, что «"Штюрмер" нашел путь к сердцу немецкого народа, какой не был дарован ни одной другой газете подобного рода. Народ сам стал его сотрудником благодаря предоставлению материалов и своей помощью в распространении этого боевого листка, которая нас всегда воодушевляла». Как правило, небольшие и написанные примитивным стилем скандальные истории о «расовом позоре» - сексуальных связях между еврейскими мужчинами и «арийскими» женщинами, о еврейской преступности или ритуальных убийствах действительно пользовались при нацистском режиме большой популярностью не только у взрослых, но и у детей.

Так как «Штюрмер» не располагал штатом собственных корреспондентов и не мог публиковать действительно свежие новости, то для существования газеты как источника информации было важно получение писем читателей. Поэтому, начиная с 1923 г., их призывали «сотрудничать» с газетой и письменно сообщать о текущих событиях. Антисемитски

настроенные немцы широко использовали эту возможность, и редакция «Штюрмера» не испытывала недостатка в корреспонденции. Читатели доносили на своих соседей-евреев, чтобы путем публикации материалов об их «злодеяниях» отомстить им или извлечь какую-либо личную выгоду. Когда в декабре 1927 г. полиция произвела обыск в редакции газеты, выяснилось, что она получала гораздо больше материала, чем могла использовать. Чаще всего читатели и не требовали оплаты, а лишь добивались обнародования своих жалоб, обид и претензий. Всякие предложения купить информацию редакция еженедельника отвергала.

Издательство Штрейхера «Штюрмер Ферлаг» распространяло антисемитские взгляды не только посредством газеты. Оно опубликовало ранние речи и статьи самого гауляйтера Франконии (1938 г.), собранную Эрнстом Гиммером коллекцию пословиц о евреях (1942 г.), книгу сотрудника издательства Фрица Финка по преподаванию антисемитизма для школьных учителей (1937 г.), три антисемитские книги для детей и подростков: «Не верь лисе на зеленом лугу и еврею, когда он клянется» Эльвиры Бауэр (1936 г.), «Ядовитый гриб» Эрнста Гимера и Филиппа Рупрехта (1938 г.), «Пудельмопстаксапинчер» Эрнста Гиммера и Вилли Гофмана (1940 г.). Наконец, в течение непродолжительного времени Штрейхер издавал антисемитский медицинский журнал «Здоровье германского народа через кровь и почву».

Библиографический список

1. Нюрнбергский процесс. [Текст]. - М.: Юридическая литература, 1996. - Т. 6. - С. 396.
2. Альтман, М. М. Отрицание Холокоста: история и современные тенденции [Текст]/ М. М. Альтман. - М.: Фонд «Холокост», 2001. – С. 73.
3. Раушнинг, Г. Говорит Гитлер. Зверь из бездны [Текст]/ Г. Раушнинг. - М.: Локид-Миф, 1993. - С. 182.
4. Корнев, Н. Третья империя в лицах [Текст]/ Н. Корнев. - М.: Художественная литература, 1937. - С. 447.
5. Рифеншталь, Л. Мемуары [Текст]/ Л. Рифеншталь. - М.: Ладомир, 2006. - С. 142.

6. Baird, J. W. Das politische Testament Julius Streichers. Ein Dokument aus den Papieren des Hauptmanns Dolibois [Text]/ J. W. Baird // Vierteljahreshefte für Zeitgeschichte. - 1978. - Heft 4. - S. 682.
7. Голденсон, Л. Нюрнбергские интервью [Текст]/ Л. Голденсон. - Екатеринбург: У-Фактория, 2008. - С. 376.

© Д.Н. Христенко (ЯрГУ)

Военная цензура и деятельность американских СМИ в период войны в Персидском заливе (1990-91 гг.)

Война в Персидском заливе стала первым после вьетнамской войны крупным конфликтом для Соединенных Штатов. Операции в Гренаде в октябре 1983 г. и в Панаме в декабре 1989 г. носили достаточно частный характер. Соответственно в ходе проведения военной операции в Персидском заливе американское военное руководство стремилось учесть ошибки, допущенные, по его мнению, во Вьетнамской войне. Особое внимание придавалось вопросам военной цензуры и взаимодействию со СМИ на поле боя. В среде профессиональных военных было широко распространено мнение о негативной роли средств массовой информации США в освещении военных действий во Вьетнаме. Действия масс-медиа рассматривались многими в армии фактически как предательство[2.С.477-488]. В результате одним из следствий Вьетнамской войны стало распространение в Соединенных Штатах убеждений о необходимости разработки новой модели взаимоотношений между военными и масс-медиа.

Американские стратеги решили обратиться к британской системе взаимодействия между вооруженными силами и СМИ, которая использовалась во время войны на Фолклендских островах в 1982 г. С одной стороны, англичане сформировали систему выборки - пул, «когда только 29 репортерам и съемочной бригаде (все британцы) было разрешено сопровождать оперативную группу» [8.С.177]. С другой стороны, англичане использовали «систему внедрения»: журналисты «жили в одинаковых условиях с военными, ели одну пищу и подвергались одинаковой опасности». В результате «репортеры

наладили контакты с солдатами, и действия «наших ребят» получили самое благосклонное освещение, даже если что-то было сделано не так» [8.С.177]. Одновременно действовала и цензура. Британский военный историк Элистер Хорн, говоря об уроках войны на Фолклендах, писал: «...британские военные поставили СМИ в жесткие рамки, и это, несомненно, пошло на пользу делу. Картина разительно отличалась от той, которая создавалась во время Вьетнамской войны... если же что-то негативное все же просачивалось и доходило до сведения публики (как, например, реальные кадры агонии британских солдат...), результаты немедленно становились заметными» [2.С.484].

Американские власти сделали выводы и широко использовали цензуру при освещении военного вторжения на Гренаду в октябре 1983 г., что, в свою очередь, вызвало серьезное недовольство американских масс-медиа. Весьма показателен в этом плане выход 1 ноября 1983 г. статьи в «Нью Йорк таймс» под заголовком: «Редакторы выражают свой протест Пентагону»[12]. А в следующем, 1984 г., был сформирован первый медиа-пул министерства обороны. Пентагон в полной мере задействовал систему пулов при освещении вторжения американских войск в Панаму в декабре 1989 г., хотя результаты их использования были весьма спорными [10.Р.12].

Вообще идея использования журналистских пулов, то есть лишь отдельных представителей СМИ, а не всех желающих, не нова. Так, Белый дом и другие ведомства США довольно часто регулируют доступ журналистов, предоставляя возможность освещения тех или иных мероприятий и событий лишь определенному числу репортеров. «Избранные» журналисты не имеют права на эксклюзивную информацию. В их задачу входит представить фактологический пересказ, делая его доступным для использования другими репортерами.

Журналистские пулы широко использовались Пентагоном в ходе войны в Персидском заливе (1990-91 гг.). Первый пул начал свою работу 12 августа 1990 г. практически сразу после того, как первые американские подразделения прибыли в Саудовскую Аравию. В этот день ограниченный контингент журналистов, состоящий из 20 человек, вылетел в Эр-Рияд.

Вплоть до 28 августа только они и представляли средства массовой информации. Журналисты пула подготовили в общей сложности 75 материалов, и практически только их информацией пользовалась остальная пресса. Лишь после 28 августа 1990 г. разрешение прибыть в Саудовскую Аравию получили еще 300 репортеров [4.С.43-44].

Исследователи отмечают, что система пулов столкнулась с несколькими проблемами. Во-первых, военный контроль пресс-пулов создал СМИ репутацию подверженных цензуре и манипуляции. Во–вторых, военные структуры установили строгий контроль над передвижением журналистов, ограничили доступ на поля сражений; это привело к тому, что подавляющее большинство репортеров, посланных освещать военные события, никогда фактически не видели войны, и только чуть более 10% из них входили в пресс-пулы [5.С.25]. Действительно, несмотря на то, что количество журналистов постоянно нарастало и к началу военных действий, т.е. к 17 января 1991 г., в зоне Персидского залива было аккредитовано около 1000 репортеров и технического персонала, всего лишь 126 из них были включены в журналистский пул. Даже когда число журналистов в зоне конфликта достигло максимума, а он пришелся на период наземной операции 24—26 февраля 1991 г., и официальные списки журналистов, аккредитованных при информационных бюро в Эр-Рияде и Дархане, насчитывали 1563 человека, считая и технический персонал, в журналистский пул были включены только 250 представителей различных СМИ [3.С.84]. Все репортеры, которые не входили в официальные журналистские пулы центрального командования войск коалиции, не допускались на передовую линию фронта, а следовательно, большинству журналистов, желавших участвовать в освещении войны в Персидском заливе, пришлось остаться в гостиницах Эр-Рияда и довольствоваться информацией, предоставляемой пулами и получаемой в ходе ежедневных военных брифингов.

Самый большой скандал разгорелся вокруг невключения Пентагоном в журналистский пул представителей старейшего мирового информационного агентства – Франс Пресс, которое в ответ буквально забросало письмами с протестами

департамент общественных связей министерства обороны США. Но даже журналисты, входящие в пул, подвергались цензуре. Так, за два дня до начала массированных авиаударов сил коалиции по Багдаду в бюро всех информационных организаций Пентагон разослал двухстраничный пресс-релиз, регламентирующий деятельность журналистов в ходе запланированной военной операции.

Согласно ему журналистам следовало избегать:

— любой информации, содержащей подробности будущих планов, операций, боев, включая отсроченные или отмененные операции;

— печатных сообщений, фото- или видеосъемок, указывающих на определенное местоположение вооруженных сил или показывающих уровень охраны на военных сооружениях и в военных лагерях;

— любой информации, которая может быть использована против войск США, например детальный рассказ о размерах нанесенного в ходе сражения ущерба и человеческих потерях [3.С.85].

В результате, писал французский исследователь, тотальный контроль «создавал впечатление, что военным есть что прятать» [10.Р.14]. Серьезная проблема состояла и в несовершенстве военной транспортной системы. В теории, донесения пула должны были на автомашинах или вертолетами доставляться в штаб в г. Дахран (Саудовская Аравия), а оттуда уже в Соединенные Штаты. На практике военный транспорт оказался чрезвычайно ненадежным. Так, есть примеры того, как одна репортерская статья шла до Дахрана 2 недели вместо положенных 8-ми часов. Фотографии - 36 дней. Видеозапись одного из телекорреспондентов попросту пропала [10.Р.15].

Действительно, именно пропажа посылаемых ими сообщений стала самой главной бедой журналистов. Лишь ведущие СМИ, такие "Нью-йорк таймс", могли позволить себе тогда прямые спутниковые телефоны. Большинство же, как уже было сказано, использовали для отправки своих материалов каналы военной связи. Очевидно, что в условиях боевых действий подобные пропажи могут расцениваться как вполне нормальное явление. «Однако довольно часто, по мнению

журналистов, - пишет отечественная исследовательница Ерохова, - это делалось намеренно. Так, репортер из Сиэтла рассказывал, как однажды офицер сопровождения упрекнул его за то, что тот без разрешения брал интервью у бойцов диверсионно-десантной группы. Нетрудно догадаться, что впоследствии данный материал пропал» [3.С.84].

Вообще же, видимо, ситуация, при которой вышестоящий офицер инструктировал и контролировал своих подчиненных во время бесед с журналистами, была весьма распространенной. В этой связи достаточно любопытно наблюдать изображение такой практики в американских художественных кинофильмах. Так, в 2005 г. известный американский режиссер Сэм Мендес снял фильм «Морпехи», посвященный войне в Персидском заливе. В одной из сцен показан инструктаж американских рядовых перед приездом в часть журналистов. Обращаясь к подчиненным, сержант предупреждает: «Правило очень простое, не ляпнуть лишнего репортерам. Спросят – скажите, что снайперы морской пехоты самые лучшие на свете, что вы тут всем довольны, гордитесь своей страной. И вам не терпеться стереть иракцев в порошок». Затем сержант в грубой форме пригрозил солдатам, что если они сболтнут лишнего – его накажут, а если накажут его – он накажет их. Это вызвало среди рядовых недовольство и возмущение: «Это - цензура. Вы решаете за нас, что мы говорим прессе... Мы американцы. Как насчет свободы слова, конституции?». В ответ им напомнили, что они военные: « А никак. Вы подписали контракт, у вас нет прав. Если есть жалобы, пожалуйтесь С.Хусейну»[6].

Деятельность журналистов осложнялась не только тем, что им приходилась работать с подобным образом «обработанными» участниками боевых действий. Так, с началом наземной операции было полностью прекращено распространение официальной информации из района боевых действий. Командование объединенного штаба ввело 48-часовой мораторий на сообщения СМИ и особые ограничения на любую информацию, касающуюся содержания оперативных планов и местоположения группировок войск. Только через двое суток, когда в ходе проведения наступательной операции были достигнуты первые

положительные результаты, СМИ была вновь предоставлена возможность широко освещать события [1. С. 100].

Согласно докладу министерства обороны США Конгрессу, сделанному уже после войны, – из всех донесений пула периода наземной военной операции 21% прибыл в координационный центр в Дахране меньше чем за 12 часов, 69% - меньше чем за 2 дня, и 10% меньше чем 3 дня [11.P.653]. Но с учетом того, что, как было сказано выше, первые два дня на информацию вообще был фактически наложен запрет, большинство сообщений СМИ поступило уже после окончания сточасовой наземной операции и никогда не использовалось в сводках новостей. В итоге среди журналистов широко распространилось мнение о том, что война в Персидском заливе стала ярким этапом в ограничении новостных масс-медиа и попыток манипуляции ими.

В то же время произошли и революционные изменения в информационной сфере, что было связано с усилением роли и значения электронных СМИ. Символом этой революции стала единственная в то время спутниковая телекомпания Си-Эн-Эн, которая фактически сделала себе имя на этой войне. Телекомпания транслировала события в прямом эфире, в результате чего и простые граждане и высшее политическое руководство, включая президента, наблюдали одни и те же события одновременно. Практика организации прямых трансляций в момент свершения событий получила название "эффект Си-Эн-Эн", то есть феномен значительного влияния СМИ на процесс принятия правительственных решений.

По нашему мнению, одним из первых проявлений «эффекта Си-Эн-Эн» в ходе войны в Персидском заливе стали события 13 февраля 1991 г. В этот день американская авиация нанесла удар по подземному укрытию Аль-Фирдос в Багдаде. В результате погибли более 400 гражданских лиц, в основном женщины и дети. Начальнику объединенного комитета начальников штабов Колину Пауэллу пришлось провести срочное совещание с командующим коалиционными войсками в Персидском заливе генералом Норманном Шварцкопфом: «Весь мир наблюдал по телевидению, как жертвы извлекались из еще дымящихся развалин. Шварцкопф и я обсудили эту

трагедию. Нужно ли нам по-прежнему на втором месяце войны продолжать бомбардировки центра Багдада?...Шварцкопф и я стали более внимательней изучать списки целей при планировании задач на каждый последующий день». Более того, кадры жертв и разрушений, транслировавшиеся по всему миру, привели американское военное руководство к мысли об форсировании наземной операции против Ирака: «Главным следствием удара по бункеру Аль Фирдос стало осознание нами явной необходимости начала объединенного воздушно-наземного наступления и завершения войны»[7.P.499].

На фоне серьезных ограничений, которым подвергались масс-медиа США, еще более удручающей выглядит картина взаимоотношений военного командования и других, неамериканских, СМИ — западноевропейских и тем более арабских. Заместитель главного редактора ведущей египетской и весьма влиятельной в арабском мире газеты "Аль-Ахрам" Хасан Фаввади утверждал, что в отличие от Си-Эн-Эн, которая оказывалась на месте немедленно, арабские репортеры не обладали такой привилегией. За весь период проведения военной операции "Буря в пустыне" в "Аль-Ахрам" было опубликовано только шесть статей, написанных корреспондентами, находящимися вместе с египетской армией на линии фронта, что составило менее 2 % всего объема опубликованных материалов о военных событиях в Персидском заливе.

Более того, журналисты "Аль-Ахрам" подвергались постоянному контролю. Куда бы они ни поехали, за ними постоянно следовало сопровождение органов безопасности, а статьи перед отправкой в Египет подвергались военной цензуре. В результате большинство репортажей из района Персидского залива были сделаны по материалам ведущих иностранных информационных агентств и сообщениям Си-Эн-Эн. «В течение восьми часов вещания Си-Эн-Эн в Каире журналистам «Аль-Ахрам» специально поручали следить за новостными выпусками. Си-Эн-Эн принесла нам даже больше пользы, чем иностранные информационные агентства», - отмечал Хасан Фаввади [3.С.87-88]

Позиция американских военных по вопросу введенной ими цензуры была совершенно иной. Глава объединенного

комитета начальников штабов Колин Пауэлл отметал все обвинения. Он указывал на то, что на театре военных действий находилось 1400 журналистов. «Сравните эту цифру с 27 корреспондентами, высадившимися на побережье Нормандии в первой волне войск в «День Д» [6 июня 1944 г.]. Количество корреспондентов в операции «Буря в пустыне» почти в четыре раза превысило количество их коллег по перу, освещавших войну во Вьетнаме в самый ее разгар» [7.С.514]. Колин Пауэлл настаивал на том, что военные не так уж сильно контролировали репортеров, как казалось последним: «Из 1350 печатных статей, представленных аккредитованными журналистами, только одна была изменена, чтобы обезопасить разведывательные операции» [7.С.514]. Нельзя не признать и то, что военные сумели в высшей степени профессионально подойти к использованию средств массовой информации: «Мы разговаривали не только с прессой, собравшейся перед нами, мы обращались к четырем разным аудиториям – американским людям, иностранным нациям, врагу и к своим войскам. Я бы никогда, например, не сказал что-нибудь для американской аудитории, игнорируя влияние моих слов на Ирак или наоборот» [7.С.515].

Делая вывод, можно сказать о том, что в ходе войны в Персидском заливе (1990 – 91 гг.) американские военные сумели эффективно наладить контроль над средствами массовой информации, «когда предпочтительный для военных взгляд на конфликт как на чистую, «разумную» войну с минимальными жертвами с обеих сторон был [полностью] отражен в СМИ»[8.С.178]. Американское военное командование чрезвычайно успешно внедрило в практику информационного освещения войны в Персидском заливе систему пулов, цензуры и военного эскорта журналистов. Это, с одной стороны, позволило сформировать надлежащий информационный фон, который способствовал подъему патриотических настроений в Соединенных Штатах, а с другой – обеспечить безопасность самих репортеров. Несомненной заслугой военных является тот факт, что при освещении боевых действий не погиб ни один журналист, входящий в пул.

Библиографический список

1. Деньщиков, А.Л. Информационная стратегия США (анализ, современность, перспективы) [Текст]: дис... канд. полит. наук: 23.00.02: защищена 04.20.08/ Деньщиков Александр Леонидович. - Дипломатическая Академия МИД РФ. – М., 2008. – 186 с.

2. Дэвидсон, Ф. Б. Война во Вьетнаме [Текст] /Филипп Б. Дэвидсон; пер. с англ. А. Колина. - М.: Изографус, Изд-во Эксмо, 2004. – 816 с.

3. Ерохова, Н.С. Средства массовой информации в международных конфликтах (на примере кризиса в Персидском заливе 1990-1991 гг.) [Текст] / Н.С. Ерохова // Вестн. Моск. ун-та. Серия 10, Журналистика.- 2001.- № 2.- С.82-99.

4. Засурский, Я.Н., Голованова, Г.А., Землянова, Л.М., Власов, Ю.М., Любимов, Б. И., Орлов, Ю.Я. Средства массовой информации США, Великобритании, Германии в 1990 году [Текст] / Я.Н. Засурский, Г.А Голованова, Л.М. Землянова, Ю.М. Власов, Б. И. Любимов, Ю.Я. Орлов // Вестн. Моск. ун-та. Сер.10, Журналистика. -1991.- № 5. – С. 35 – 88.

5. Капарини, М. СМИ и сектор безопасности: контроль и подотчетность [Текст] /Марина Капарини// Масс-медиа, сектор безопасности и власть. Роль новостных средств массовой информации в контроле и подотчетности сектора безопасности / под. ред. М.Капарини. – К., 2005. – С.10 – 38.

6. Морпехи [Видеозапись] / реж. Сэм Мендес; в ролях: Дж.Фокс, Дж. Гилленхол; Юниверсал Пикчерс. – М: Юниверсал Пикчерс Рус, 2006.

7. Пауэлл, К. На пути к американской мечте [Текст] / Колин Пауэлл; пер. с англ. Е.А. Лозовика. - М.: Мир, 2002. – 614 с.

8. Тэйлор, Ф. М. Конфликт и конфликтующие культуры: вооруженные силы и СМИ [Текст]/Филипп М. Тэйлор // Масс-медиа, сектор безопасности и власть. Роль новостных средств массовой информации в контроле и подотчетности сектора безопасности / под. ред. М.Капарини. – К., 2005. – С.175 – 184.

9. Уайт, А. Безопасность и СМИ. [Текст]/ Айдан Уайт; // Масс-медиа, сектор безопасности и власть. Роль новостных средств массовой информации в контроле и подотчетности

сектора безопасности / под. ред. М.Капарини. – К., 2005. – С.39 –50.
10. Combelles-Siegal, P. The Troubled Path to the Pentagon's Rules on Media Access to the Battlefield: Grenada to Today [Text] / P. Combelles-Siegal/ - Strategic Studies Institute, 1996. - 47 p.
11. Department of Defense. Conduct of the Persian Gulf War. Final Report to Congress. Wash.: Goverment Printing Office[Text] . - 1992. – April. - 824 p.
12. Нью- Йорк Таймс [Текст]. – Нью-Йорк. – 1983. - 1 ноября.

© А.С. Ходнев (ЯГПУ)

Мандатная система Лиги Наций и судьба «несостоявшихся» государств в историографии начала XXI века

В конце XX – начале XXI в. история первой международной организации и опыт ее деятельности в разных сферах стал больше привлекать внимание историков, чем в 1970-1980-х гг. Например, британский историк Майкл Кэллэхэн в одной из последних книг о мандатной системе Лиги Наций (ЛН) повторил несколько раз свой вывод: «мандаты все еще имеют значение» [3. P.195-196]. Замечание точное не только потому, что каждое новое поколение должно дать новую интерпретацию истории предшествующих поколений. Деятельность Лиги Наций была достаточно многогранной для того, чтобы считать ее первой универсальной международной организацией. Оценка истории международной опеки в межвоенный период может внести вклад в дискуссии по многим современным проблемам.

Традиционное понимание мандатной системы ЛН сформировалось в историографии в 1930-1960-х гг. Создание мандатной системы Лиги Наций напрямую было связано с итогами Первой мировой войны. Союзники по Антанте обсуждали, по крайней мере, три альтернативы решения колониального вопроса после войны: утверждение международного контроля над бывшими германскими колониями и владениями Османской империи, передачу указанных территорий под управление одной из развитых стран в виде мандата и под контролем Лиги Наций, а также прямую аннексию и присоединение колонии. Скорее всего,

мандатная система стала компромиссом между конфликтующими политическими идеями. Левыми и либералами она рассматривалась как ограниченная победа «интернационализации», а для правых была ни чем иным, как аннексией.

На практике «интернационализация», вошедшая в качестве краеугольного принципа в мандатную систему Лиги Наций, означала в 1918-1920 международное наблюдение, а совсем не управление колониями. Лига Наций была создана европейскими державами, многие из которых имели колониальные империи, и выражение «бремя белого человека» в Африке было весьма распространенным в период ее рождения [1. P.35]. От Лиги Наций ожидали не борьбы с колониальной системой, а попытку помочь ей более эффективно функционировать. Созданная позднее Постоянная мандатная комиссия ЛН (1921) полностью вписалась в эту систему: она не имела и не искала политической власти для того, чтобы ее изменить. Мандатная комиссия (ЛН) принимала колониализм как естественный порядок. Главную свою цель Мандатная комиссия ЛН видела не в том, чтобы администрировать колонии, а в международном сопровождении их развития.

Мандатная система, созданная в 1920-1930 гг., призвана была решить целый комплекс проблем: дать ответ на вопрос, когда будет покончено с империализмом, заложить новые отношения между мандатариями и подмандатными территориями, иными словами – между европейскими державами и африканскими, а также ближневосточными народами, провести, наконец, под контролем международного сообщества долгожданные реформы в заморских территориях. Следовательно, все достижения и неудачи ЛН в области выполнения «священной миссии цивилизации» – руководства отсталыми народами должны быть тщательно исследованы, поскольку проблемы в этой области все еще существуют в начале XXI века.

Мандатная система ЛН упоминается в дискуссиях российских ученых XXI века по двум поводам. Во-первых, это история мандатного управления в отдельных территориях. При этом история мандатного периода Палестины в последнее время чаще исследуется, чем другие случаи управления зависимыми территориями при посредничестве ЛН [См.: 2,7,8]. Вторая обсуждаемая тема – поиски опыта международного управления террито-

риями, население которых по разным причинам не может создать устойчивые государственные режимы. Иными словами, это проблема «падающих» и «несостоявшихся» государств в контексте формирования нового мирового порядка. В связи с этой проблемой следует обратить внимание на статью «О новом мировом порядке XXI века» известных специалистов по международным отношениям В.Л.Иноземцева и С.А.Караганова [4. С.8-26]. Авторы, отстаивая постулаты реалистической парадигмы теории международных отношений, утверждают, что на рубеже XX – XXI вв. наметился кризис мирового порядка, одной из причин которого была несовместимость суверенитета отдельных государств с международной демократией, «предполагающей подчинение в той или иной форме меньшинства большинству» [4. С.9]. Ученые пришли к выводу, что «падающие» (*failing*) и «несостоявшиеся» (*failed*) государства составляют большую часть Третьего мира и значительную часть бывшего Второго мира. Эти страны не только неспособны, по мнению В.Л.Иноземцева и С.А.Караганова, к самостоятельному устойчивому развитию, но и представляют собой угрозу международной стабильности. Для того чтобы исправить противоречия системы международных отношений, принимающие все более острый характер, В.Л.Иноземцев и С.А.Караганов предлагают вернуться к доктрине ограниченного суверенитета для «несостоявшихся» государств и даже для некоторых падающих стран «ввести статус подмандатных территорий с внешним управлением»[4. С.26]. Иными словами, российские авторы предлагают снять давление, оказываемое на ООН со стороны большинства «несостоявшихся» государств, за счет лишения их суверенитета и введения международных мандатов.

Совсем другая картина дискуссий сложилась в зарубежной англоязычной историографии США, Канады и Великобритании. Новым поворотом в обсуждении наследия Лиги Наций стало обзорное эссе профессора Колумбийского университета С.Педерсен [6]. Она обратила внимание на то, что ЛН интересовала историков, политологов и специалистов в области международного права на протяжении двух десятилетий своего существования и некоторое время после второй мировой войны, когда были опубликованы работы непосредственных участников событий. Затем до конца 1980-х история ЛН не привлекала большого вни-

мания. Причинами изменений с конца 1980-х гг. отношения к ЛН стали, по мнению С.Педерсен, распад СССР и конец биполярного мирового порядка. В результате этих событий «дебаты межвоенного периода о том, как примирить стабильность и новые требования суверенитета, стали звучать как удивительно знакомые» [6]. Новые работы о ЛН отличались от предыдущей историографии тем, что они содержали ответы на вопрос, что она сделала и что она принесла за двадцать пять лет своего существования, в отличие от исследований предшествовавшего периода, которые были посвящены проблеме, почему ЛН провалилась. В связи с нестабильностью нового мирового порядка, в частности, с ростом национальных устремлений к получению суверенитета, современные историки уделяют большое внимание регулированию положения и прав меньшинств, а также мандатной системе Лиги Наций. Предметом пристального внимания историков стали таких документы, как петиции населения подконтрольных ЛН районов и территорий. Нынешние исследователи находят совершенно неизвестные и неожиданные траектории влияния наследия Лиги Наций в современном мире. С.Педерсен цитирует американского профессора международного права Э.Энгхи, который подчеркнул, что следы мандатной системы ЛН заметны в управлении процессами в Третьем мире, а также в таких международных институтах, как Всемирный банк [6]. По мнению С. Педерсен, нельзя считать Мандатную комиссию ЛН «эмбрионом Всемирного банка». На самом деле Мандатная комиссия состояла из десяти чиновников, большинство из которых служили прежде на высоких должностях в колониях своих стран. Не всегда члены комиссии хотели играть независимую роль. Комиссия была лишена возможностей как-то влиять на процессы в зависимых территориях, помимо запросов информации от мандатной державы и ее рассмотрения на заседаниях в Женеве.

Исследование меньшинств и мандатной системы ЛН выявило парадоксы в сфере ответственности ЛН в области государственного строительства и суверенитета. С одной стороны, ЛН была призвана развивать нормы, относившиеся к опеке и правам человека, а с другой, она должна была делать это, не подрывая принципы государственного суверенитета [6].

Большой вклад в исследование функционирования мандатной системы ЛН внес, как уже говорилось, английский исследователь Майкл Кэллэхэн [3]. По его мнению, Мандатная система ЛН соединила две преобладавшие в 1920-1930-х гг. силы: империализм и вильсонианский интернационализм. Женева интернационализировала и превратила в институт принцип опеки, а также возложила на Великобританию и Францию не только выполнение буквы и духа мандатов ЛН, но и моральную ответственность за реализацию «священной миссии цивилизации» перед отсталыми народами. Международная опека и «священная миссия» изменили, по суждению М.Кэллахана, британское и французское правление в Африке [3. P.194-195]. Мандатная система не была связана с милитаризмом потому, что по ее условиям нельзя было создавать военные базы на подопечной территории или призывать местное население в армию. Мандаты обещали большее равенство в торговле, поскольку проводился принцип открытых дверей. В мандатных соглашениях делали больший акцент на интересы африканцев. Мандатная система давала, по оценке М.Кэллахана, в руки Англии и Франции не только возможность исправить репутацию адептов «старого колониализма», но и инструмент проведения настоящих реформ [3. P.195]. М.Кэллахан в своей монографии подчеркнул, что специалисты в области политических наук не могут обойти вниманием опыт Лиги Наций, рассматривая различные варианты «протекторатов» и «временной помощи в управлении со стороны международного сообщества» странам с «несостоявшимися, падающими, или репрессивными» правительствами [3. P.196]. В книге М.Кэллахана поднимаются такие проблемы как, например, истоки идеи «гуманитарной интервенции» [3. P.60-61]. Автор приводит весьма показательный для современности случай Либерии. Она стала по известным причинам членом Лиги Наций, придавшей ей более высокий международный статус и защищавшей ее международные отношения. Однако внутренние военные конфликты и кризисы сделали эту страну в конце 1920-х – начале 1930-х предметом серьезной дискуссии о возможности международного вмешательства для исправления ситуации и улучшения положения населения. В настоящее время обстановка примерно в двух десятках государств в Африке, в том числе Сомали, Судане, Либе-

рии и др., требует внимания и активного вмешательства со стороны ряда международных организаций для гуманитарной защиты жителей.

Канадский исследователь Даниэл Горман проследил эволюцию британского либерализма: от защиты в начале XX века «социального организма» империи до пересмотра империализма и провозглашения либерального интернационализма в области управления колониями. По его мнению, статья 22 Устава ЛН сыграла важную роль в этом процессе [5. P.451]. Исследовав архивные документы, Д. Горман пришел к выводу о том, что Союз Лиги Наций (СЛН), возглавляемый долгие годы лордом Робертом Сесилем, стал в межвоенной Великобритании одной из самых больших и наиболее важных групп влияния. СЛН вошел в историю после так называемого «голосования о мире» 1935 г., собравшего 11 млн. открыток, присланных англичанами в поддержку сохранения мира. Д.Горман изучил высказывания членов СЛН и пришел к выводу, что в мировосприятии британской либеральной элиты происходили важные процессы. Мандатную систему считали в межвоенной Великобритании благом прежде всего потому, что она, как полагали многие члены СЛН, служила делу поддержания мира [5. P.452]. СЛН, по мнению Д.Гормана, не был пацифистской организацией, так как поддерживал применение различных санкций и силы для того, чтобы гарантировать решения Лиги Наций [5. P.456]. А мандатная система Лиги Наций, противостоявшая империализму, основанному на подчинении заморской территории одной метрополии, была идеей либерального интернационализма [5. P.457]. Члены СЛН не одобряли распространение концепции суверенитета на подмандатные территории, вместе с тем, все попытки мандатариев замедлить процесс подготовки к самоуправлению воспринимались в СЛН как искусственные для сохранения прежней власти [5. P.476]. Многие члены СЛН были убеждены в том, что колониальные народы не были готовы к независимости. В целом, по заключению Д.Гормана, мандатарии стали пленниками своей собственной риторики, провозглашавшей пользу управления подопечными территориями [5. P.477].

Следовательно, дискуссия о мандатной системе Лиги Наций и судьбе «несостоявшихся» государств стала существенным

поворотом к изучению, казалось, давно забытого исторического эксперимента: первого международного опыта регулирования отношений между развитыми странами и Африкой. Значительная часть современных «падающих» и «несостоявшихся» стран расположена на Африканском континенте. Эксперты предлагают решать проблемы этих государств при помощи мандатов на управление, санкционированных от имени новой международной организации или модернизированной ООН. В этих условиях вполне обоснованно вспоминают об опыте мандатной системы Лиги Наций.

Второй этап обращения к истории мандатной системы Лиги Наций только разворачивается. Эта дискуссия уже показывает, что Лига Наций была важным институтом, в котором многие политики и общественные деятели набирали международный опыт, выстраивали связи, проверяли на практике новые идеи и концепции, творили сеть норм и соглашений, регулирующих наш современный мир.

Библиографический список

1. Bates, M.L. Tanganyika: The Development of a Trust Territory [Text] // International Organization. – 1955. – Vol. 9. – No.1.
2. Валиахметова, Г. Н. Англо-французское соперничество на Ближнем Востоке и строительство иракского нефтепровода (1928—1934) [Текст] / Г. Н. Валиахметова // Известия Уральского государственного университета. – 2006. – № 47. – С. 305-321.
3. Callahan, M.D. A Sacred Trust: The League of Nations and Africa, 1929-1946. – Brighton: Sussex Academic Press, 2004.
4. Караганов, С.А., Иноземцев, В. О мировом порядке XXI века [Текст] // Россия в глобальной политике. – 2005. – Т.3. – №1. – С. 9-10.
5. Gorman, D. Liberal Internationalism, the League of Nations Union, and the Mandates System [Text] // Canadian Journal Of History/Annales canadiennes d'histoire. – Vol. XL. – December 2005. – P. 449-477.
6. Pedersen, S. Back to the League of Nations // The American Historical Review. – October 2007. – Vol. 112. – Issue 4 [Электронный ресурс]. – Режим доступа. - /http://www.historycooperative.org/journals/ahr/112.4/pedersen.html

7. Шандра, А.В. Деятельность британских органов управления Палестиной в 1917-1939 гг. [Текст]: автореферат дис. ... канд. ист. наук. – Нижний Новгород, 2007.
8. Шевелев, С.С. Мандатная администрация во время арабского восстания 1936-1939 годов в Палестине // Вопросы духовной культуры. Исторические науки.- 2002.- С.95-100.

НАРОД, ПОЛИТИКА, ВЛАСТЬ В ИСТОРИИ РОССИИ

© М.В. Талашов (ЯГПУ)

"Как ныне сбирается вещий Олег... ": к вопросу о характере славяно-хазарских отношений в IX–X вв.

Проблема славяно-хазарских взаимоотношений остается актуальной на протяжении многих десятилетий. Дискуссионность затрагиваемых ею вопросов во многом определяется узкой источниковой базой и, как следствие, широким спектром гипотез, порождаемых скудностью данных, имеющихся в распоряжении современных отечественных и зарубежных специалистов. Специфика темы раскрывается в полном объеме, если принять во внимание период: IX – X века явились ключевым моментом в процессе формирования и дальнейшей социально-экономической и политической эволюции Киевской Руси. Осознание этого побуждало исследователей к дальнейшему изучению влияния внешнего фактора на зарождение основ восточнославянской государственности, при этом более поздний этап славяно-хазарских отношений, пришедшийся на период княжения Олега и Игоря в Киеве, вызывал наименьший интерес российских историков. Между тем, именно в это время должны были произойти события, обусловившие окончательный выход славянских территорий из-под власти Хазарского каганата.

Одним из немногих специалистов, попытавшихся заняться этим спектром проблемы, стал Л.Н. Гумилев, взгляды которого получили широкое отражение в научных и научно-популярных изданиях последней четверти прошлого века. Вслед за своим учителем, М.И. Артамоновым, исследователь пытался обосновать эксплуататорский характер вассально-даннических отношений, сложившихся между хазарами и зависящими от них восточнославянскими племенами. По мнению историка, начало распространения хазарского владычества на славянские земли нужно датировать первой половиной

IX столетия, когда верховная власть в каганате окончательно отошла в руки иудейской общины. Смена вектора внешней политики с востока на запад привела к вторжению хазарского правительства во внутренние дела Киевской Руси и соседних с ней славянских племен. Подчинение северян и заключение соглашения с тиверцами и уличами стали первыми шагами хазар на пути к подчинению Древнерусского государства, располагавшегося на пересечении важных торговых путей и препятствовавшего утверждению гегемонии каганата в Восточной Европе. Предполагая наличие союза между правившими в Хазарии купцами-рахдонитами и варягами, Л.Н. Гумилев утверждал, что легкий захват последними Киева в 882 г. явился следствием прямой поддержки иудейской общины в Итиле. Однако дальнейшие действия князя Олега (подчинение древлян, северян и радимичей, плативших дань каганату) привели к разрыву союзнических отношений и, по-видимому, вооруженному конфликту, следствием чего явилось превращение Киевского государства в вассала Хазарии. "Изолированное княжество киевских варягов стало вассалом общины хазарских иудеев, которая использовала руссов и славян в войнах с христианами и мусульманами-шиитами, подавляя возмущения язычников руками наемников – мусульман-суннитов. Около 900 г. купеческая организация рахдонитов стала гегемоном Восточной Европы" [1].

Главной формой зависимости киевских варягов от хазар Л.Н. Гумилев считал обязанность уплачивать "дань кровью", то есть предоставлять военную помощь каганату. По мнению историка, походы руссов в Каспийское море в 909 и 913/914 гг. были вызваны необходимостью защищать интересы Хазарского государства на международной арене. Хазары компенсировали такую дань денежными выплатами [2]. Если принять во внимание последнее обстоятельство, то отношения между каганатом и Русью на этом этапе своего развития все-таки не являлись вассально-даннические, как это виделось историку. Выражаясь его собственными словами, киевские конунги скорее были "неравноправными союзниками" Хазарии.

Окончательное подчинение Киева хазарами Л.Н. Гумилев связал с упомянутым в Кембриджском документе неудачным походом "царя Русии" Х-л-гу против хазар, отнеся его к 940 г. С этого момента помимо предоставления военной помощи каганату "варяжские конунги готовы были оплачивать свой покой данью, собираемой со славян, менее организованных и потому менее опасных". "Русь поставляла на мировой рынок меха, олово и рабов, но не получала взамен ничего, так как поставляла эти товары как дань" [3]. Следствием поражения Х-л-гу (Игоря Старого по версии Л.Н. Гумилева) стало разоружение русского войска хазарами, отразившееся, по мнению исследователя, в знаменитом летописном эпизоде о выдаче полянами "хазарской дани" мечами. Гибель князя Игоря Л.Н. Гумилев также связал с необходимостью сбора дани в пользу Хазарского каганата [4].

Таким образом, сущность вассально-даннических отношений, установившихся между каганатом и зависимыми от него этносами, виделась историком в жестокой эксплуатации населения подчиненных областей. "Хазарская дань" в работах Л.Н. Гумилева характеризуется как "награбленное имущество", что подчеркивает чинимый иудейским правительством произвол по отношению к покоренным племенам. Отмеченный исследователем факт широкого распространения работорговли в каганате, а также сделанный им акцент на необходимость для хазарских евреев "подавлять народные движения" говорят о том, что сложившийся на завоеванных землях режим Л.Н. Гумилев считал деспотическим [5]. В таких условиях иудейская Хазария превращалась в важный тормозящий фактор социально-экономического и политического развития восточноевропейских народов, что делало абсолютно необходимым поход Святослава Игоревича.

Работы Л.Н. Гумилева стали квинтэссенцией "антихазарской" традиции в оценке славяно-хазарских отношений. Являясь продолжателем идей М.И. Артамонова, исследователь сделал основной акцент на негативные черты вассальной зависимости славяно-русских племен от каганата, оставив в стороне положительные черты хазарского господства на славянских землях. Несмотря на тот факт, что многие положения концеп-

ции Л.Н. Гумилева являлись мало доказуемыми либо вообще неверными, личный авторитет историка способствовал их широкой популяризации среди образованной общественности. Между тем, установление союза между иудейской общиной Хазарии и варягами являлось не более чем спекуляцией самого исследователя: ни один исторический документ не свидетельствует о наличии такого соглашения. Более того, царь Иосиф в своем ответе на письмо к Хасдаю Ибн Шафруту заявлял о том, что "не пускает Русов... приходить морем, чтобы идти на исмаильтян" и "ведет с ними войну" [6]. Еврейско-хазарская переписка не только не упоминает о вассальной зависимости Киева от Хазарии (и это при том, что описанные в ней границы каганата уже были реминисценцией былого величия Хазарского государства), но свидетельствует о вооруженном конфликте между хазарами и древними руссами. Военные походы последних на Каспий скорее нужно отнести не к обязанности выплачивать хазарам "дань кровью", а к совместным действиям Византии, Хазарского каганата и Руси против "мусульманских владетелей Закавказья и Ирана, где их интересы... совпадали" [7]. Не более чем грубой ошибкой историка следует считать упоминание серебряных диргемов в русских кладах начала X в. в качестве основного доказательства оплаты хазарами военных услуг киевских варягов. Во-первых, данный факт с очевидностью свидетельствует о развитии торговли со странами мусульманского Востока, во-вторых, приток восточной монеты на Русь в этот период времени осуществлялся через территорию Волжской Булгарии в обход Хазарского каганата и правивших в нем купцов-рахдонитов [8]. До сих пор дискуссионным остается положение о вассальной зависимости Киева от хазар в первой половине X столетия. В 1982 г. с публикацией Киевского письма, в конце которого стояла надпись тюркским руническим письмом, казалось бы, появились веские аргументы в пользу этой версии. На основании сравнительного анализа данного документа, арабо-персидских источников и киевской топонимики израильский исследователь О. Прицак предположил, что будущая столица Древнерусского государства была основана "не ранее VIII в." полянами, представлявшими собой хазарский род, мигрировавший из каганата

на территорию Среднего Поднепровья. Распространение на них вассально-даннических отношений при этом отрицалось. Сам Киев стал "матерью городов русских" только после его захвата князем Игорем в 930 г. [9]. Гипотеза О. Прицака получила дальнейшее развитие в отечественной и зарубежной историографии. Положение об основании Киева в качестве хазарской торговой фактории поддержал израильский специалист М. Гольдельман, в пользу тезиса о сохранении хазарского владычества в Среднем Поднепровье в X в. высказались С. Франклин и Дж. Шепард [10]. В России концепцию О. Прицака полностью поддержал В.Н. Торопов, который попытался найти следы хазарского присутствия в восточнославянском языческом пантеоне и древнерусской книжности. [11] С острой критикой исторических взглядов О. Прицака выступил П.П. Толочко, который на основании данных русских летописей и археологических раскопок попытался доказать славянское происхождение полян, отверг факт основания Киева хазарами и признал существование в нем лишь незначительной по численности "иудейской хазарской общины" [12]. С более умеренных позиций выступили отечественные исследователи А.А. Архипов и В.Я. Петрухин. Занимавшийся изучением влияния иудейской традиции на формирование древнерусской культуры А.А. Архипов пришел к весьма осторожному заключению о том, что "Киев находился на границе расселения иудействующих хазар", то есть располагался в зоне непосредственного влияния каганата. С точки зрения В.Я. Петрухина, содержание письма "свидетельствует скорее о власти иноверцев над киевскими иудеями", чем о подчинении населения Киева хазарским властям. По мнению исследователя, в начале X столетия хазары уже не были хозяевами в районе Среднего Поднепровья [13].

Дискуссия об основании Киева далека от своего завершения. Основными ее итогами на сегодняшний момент является признание хазарского присутствия в Среднем Поднепровье при отрицании факта основания города хазарами и их господства в регионе в кон. IX – нач. X вв. Современное состояние источников с определенной долей вероятности позволяют восстановить цепочку событий, происходивших в этот период.

Усиление Киевского государства, его растущие потребности в расширении экономических и внешнеполитических связей приводили к неизбежному конфликту с Хазарией. Стремление русских князей к объединению восточнославянских племен вокруг Киева делало закономерной борьбу за контроль над хазарскими данниками: северянами, радимичами и вятичами. Под 884 г. Повесть временных лет фиксирует первую враждебную по отношению к каганату акцию Олега: "Пошел Олег на северян, и победил северян, и возложил на них легкую дань, и не велел им платить дань хазарам, сказав: "Я враг их" и вам (им платить) незачем". Уже через год киевский князь вторгся в земли радимичей: "Послал (Олег) к радимичам, спрашивая: "Кому даете дань?". Они же ответили: "Хазарам". И сказал им Олег: "Не давайте хазарам, но платите мне". И дали Олегу по щелягу, как и хазарам давали. И властвовал Олег над полянами, и древлянами, и северянами, и радимичами, а с уличами и тиверцами воевал" [14]. Совершенно очевидно, что походы Руси имели следствием разрыв дипломатических и экономических связей с каганатом, что могло привести к вооруженному конфликту, одинаково опасному для обеих сторон. Для хазар, сдерживавших набеги кочевников на востоке, он грозил войной на два фронта, для Киева – ослаблением великокняжеской власти и крахом государственности. Казалось бы, вся необходимая историку информация о славяно-хазарском конфликте рубежа IX – X вв. должна содержаться в Повести временных лет, но именно на этот период приходится лакуна в 22 года. Фиксируя лета от сотворения мира, летописец сознательно или по незнанию умалчивает о событиях, имевших место на Руси сразу после вторжения Олега на территории племенных союзов северян и радимичей, плативших дань хазарам. Исключением является лишь краткое упоминание о продвижении мадьяров через Среднее Поднепровье в 898 г. Складывается впечатление, что присоединение славянских данников каганата произошло абсолютно безболезненно для обеих сторон. Однако впечатление это обманчиво. Современные исследования свидетельствуют об остром характере конфликта, развернувшегося между Киевом и Хазарией после походов Олега. Основываясь на археологических данных,

фиксирующих резкое сокращение притока восточного серебра на Русь в конце IX – начале X вв., Т. Нунен сделал вывод о значительном ухудшении, а фактически, о разрыве торговых контактов между Русью и Хазарским каганатом [15]. Данный факт позволяет говорить об экономической блокаде, предпринятой Хазарией с целью ослабления своего главного противника в Восточной Европе и возвращения утраченных владений. Нанесенный по Киеву удар должен быть весьма ощутимым, поскольку приводил к прекращению нормального товарооборота со странами мусульманского Востока и существенно ограничивал финансовые возможности русского правительства. Выход из затруднительного положения, очевидно, был найден лишь в начале X века, благодаря налаживанию экономических контактов с Волжской Булгарией, стремившейся к достижению политической самостоятельности от каганата.

Неразрешенным остается вопрос о том, предпринимали ли хазары, помимо экономических, еще и силовые методы давления на Киев. К сожалению, источники не содержат доказательств ведения военных действий непосредственно каганатом: вполне возможно, что с Киевом Хазария предпочла бороться "чужими руками". По сообщению Константина VII Багрянородного, между 893-902 гг. хазары заключили союз с гузами и сообща разгромили обитавших в междуречье Волги, Урала и Эмбы печенегов. Последние вынуждены были продвинуться в глубь Причерноморских степей, тесня кочевавших здесь мадьяров [16]. Сообщая о событиях 898 г., летописец замечает: "Шли угры мимо Киева горою, которая прозывается теперь Угорской, пришли к Днепру и стали вежами: ходили они так же, как теперь половцы. И, придя с востока, устремились через великие горы, которые прозвались Угорскими горами, и стали воевать с жившими там волохами и славянами" [17]. Интересно, что в сочинении Константина Багрянородного мадьяры, под давлением печенегов мигрировавшие в область Ателькузу, располагавшуюся между Днепром и, предположительно, Сиретом, названы данниками Хазарского каганата [18]. Вряд ли приведенные выше факты относятся к разряду случайных совпадений. Скорее всего, каганат намеренно спровоцировал миграцию соседних с ним кочевых племен, намерева-

ясь достичь сразу нескольких целей: 1.) при помощи гузов максимально ослабить прорывавшихся в Причерноморье печенегов; 2.) сохранить контроль над племенами мадьяров, одновременно используя их в качестве основного орудия в борьбе с Древнерусским государством, тем самым нанести максимальный ущерб его экономике и вооруженным силам. Очевидно, только благодаря военному сотрудничеству с печенегами и Византией, расширению торговых связей с последней правительство Олега и Игоря смогло достойно преодолеть возникшие перед ним трудности, удержав за собой территории северян и радимичей.

Таким образом, на рубеже IX – X вв. славяно-хазарские отношения носили ярко выраженный враждебный характер. Конфликт между двумя государствами привел к временному ухудшению экономического и геополитического положения Киева, во многом обусловив последующее сближение Руси с Византийской империей и Дунайской Болгарией, сделав возможным формирование русско-печенежского союза при Игоре и осуществление двух рискованных экспедиций руссов к берегам Каспийского моря.

Библиографический список

1. Гумилев, Л.Н. Древняя Русь и Великая степь [Текст]. - М., 2001. - С. 172, 183, 200; Он же. Зигзаг истории [Текст] // Гумилев Л.Н. Открытие Хазарии. - М., 2001. - С. 307, 314.
2. Гумилев, Л.Н. Древняя Русь... С. 204; Он же. Зигзаг истории... С. 314-315.
3. Коковцов, П.К. Еврейско-хазарская переписка [Текст] // Мир Гумилева. Вып. 6. Открытие Хазарии. - М., 1996. - С. 615; Гумилев Л.Н. Древняя Русь... С. 211-212; Он же. Зигзаг истории... С. 323.
4. Полное собрание русских летописей. Т. 1. Лаврентьевская летопись. - М., 1997. - С. 16; Полное собрание русских летописей. Т. 2. Ипатьевская летопись. - М., 1998. - С. 12; Гумилев Л.Н. Древняя Русь... С. 212; Он же. Зигзаг истории... С. 323, 324; Он же. Сказание о хазарской дани... С. 222, 229; Он же. Трагедия на Каспии в X в. и "Повесть временных лет" [Текст] // Гумилев Л.Н. Открытие Хазарии. - М., 2001. - С. 246-247.

5. Гумилев, Л.Н. Древняя Русь... С. 138, 204.
6. Коковцов, П.К. Указ. соч. [Текст]. - С. 595.
7. Сахаров, А.Н. Дипломатия Древней Руси [Текст]. - М., 1980. - С. 198.
8. Noonen, Th. The First Major Silver Crisis in Russia and the Baltic c. 875 – c. 900 [Text] // Hikuin. - 1985. - № 11. - P. 41-50.
9. Голб, Н., Прицак, О. Хазарско-еврейские документы X века [Текст]. - М. - Иерусалим, 1997. - С. 71, 75-76, 94, 96.
10. Гольдельман, М. Хазары [Текст] // Краткая еврейская энциклопедия. Т.9. Фейдман – Чуэтас. - Иерусалим, 1999. - Графы 531-532; Franklin Simon, Shepard Jonathan. The Emergence Of Rus 750 – 1200 [Text]. - London - New York, 1996. - P. 95.
11. Торопов, В.Н. Еврейский элемент в Киевской Руси [Текст] // Славяне и их соседи. Еврейское население Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы: средние века – начало нового времени: сборник тезисов XII Чтений памяти В.Д. Королюка. - М., 1993. - С. 28-43.
12. Толочко, П.П. Кочевые народы степей и Киевская Русь [Текст]. - Киев, 1999. - С. 43-46; Он же. Миф о хазаро-иудейском основании Киева [Текст] // Российская археология. - 2001. - № 2. - С. 38-41.
13. Архипов, А.А. Об одном древнем названии Киева [Текст] // История русского языка в древнейший период. - М., 1984. - С. 240; Петрухин В.Я. Хазария и Русь: источник и историография [Текст] // Скифы. Хазары. Славяне. К 100-летию со дня рождения М.И. Артамонова: тезисы докладов. - СПб., 1998. - С. 107-108.
14. Повесть временных лет [Электронный ресурс]. - Режим доступа. - http://www.abc-people.com/typework/literature/rus/povest-txt.htm
15. Noonen, Th. Op. cit. [Text] - P. 41-50.
16. Константин Багрянородный. Об управлении империей [Текст]. - М., 1989. - С. 155.
17. Повесть временных лет [Электронный ресурс]. - Режим доступа. - http://www.abc-people.com/typework/literature/rus/povest-txt.htm
18. Константин Багрянородный. Указ. соч. [Текст] - С. 158-161.

© Е.Л. Сараева (ЯГПУ)

Западнические идеи цивилизационного развития России в петербургский период

Цивилизационное движение в Новое время, начавшееся в странах Западной Европы, а затем распространившееся на незападные народы, было сущностью процесса модернизации – формирования либерального общества, основанного на идеях развития, самоценности личности, правопорядка, частной собственности. В первой половине XIX в. термин цивилизация, употреблявшийся в предшествующем столетии для отражения некоего культурного рубежа, отделяющего высший этап развития общества от дикости и варварства, обогатился новыми значениями. А.В. Гордон утверждает, что цивилизационный подход к изучению истории возник в XVIII в. и в то время служил обоснованием единства человечества. Его методологической основой стал принцип культурной унитарности. Изменение объема ключевого понятия цивилизации, по мнению А.В. Гордона, означало и расширение компонентов процесса, обозначаемого как цивилизация: «От утонченного этикета к совершенному правлению, от выработки «манер» для высшего света до преобразования общества, от «смягчения нравов» к «улучшению» социальных институтов, системы образования, форм законодательства» [2.С.6].

Западники 40-х гг. XIX в. дали интерпретацию цивилизации русского общества в петербургский период. Понятие цивилизации в XVIII – XIX вв. имело в дискурсе интеллектуалов гуманистическое содержание, русские западники настаивали именно на этом его значении. *Они использовали термин цивилизация в нескольких смыслах: национальные сообщества, имеющие свои особенные черты; культурное развитие общества, выражающееся в гуманизации социальных отношений, «очеловечивании» человека; среда формирования личности; а также все стадии эволюции народа выше варварской. Западники писали о «цивилизационном движении», смысл которого они видели в воспитании «цивилизованного» человека, усвоившего гражданские и нравственные идеи, в создании общественно-культурных условий, обеспечивающих человеку достойное су-*

ществование, установлении правопорядка, облагораживании семейных и социальных отношений, подъеме уровня жизни народа, духовном совершенствовании личности. Реконструкция и анализ воззрения западников на цивилизационный процесс в стране позволяют понять особенности рефлексии «русских европейцев» 40-х гг. XIX в., специфику осознания ими проблем национального развития, определить роль западников в освоении обществом либеральных ценностей и идеалов. Осмысление западниками национально-государственных и социокультурных тенденций развития России в Новое время преследовало решение важной интеллектуальной задачи – осознания раскола культуры общества и поиска его общенациональной основы.

Формирование новой культуры в России, по мысли западников, было возможно только в процессе взаимодействия сообществ. Это движение имело свою логику, последовательность, постепенность. Важным условием расширения культурной жизни в стране прозападные круги считали изучение и усвоение позитивного опыта Европы. По мысли классических западников, развитие общества, по сути, представляет собой его цивилизацию. Воззрение западников на модернизацию России основывалось на ценностях развития, личности, прогресса, просвещения. Их оптимистичное восприятие социокультурных процессов в модернизирующейся стране обусловливалось реальным преодолением российским обществом инерции, ускорением динамики его развития, ориентацией на опыт более развитых народов, ростом разнообразия, возникновением культурной среды.

Петровская модернизация западниками оценивалась как создание условий для последующего движения общества. Они понимали, что модернизация, осуществляемая государством, даже если она изначально не преследовала цели формирования независимого от государства общества, должна была привести к этому результату, так как восприятие элементов европейской культуры развивало духовную жизнь, способствовало внутреннему освобождению людей.

Осмыслив процесс восприятия русским обществом чужого опыта, западники пришли к выводу, что цели, содержание и формы культурного взаимодействия со временем менялись.

Все проходит несколько этапов развития, утверждали они. На разных этапах взаимоотношений с Западом менялись характер и глубина осознания черт европейской цивилизации. Сначала обращение к европейскому опыту носило характер подражания, абстрактного заимствования чужого. Западники не просто констатировали этот факт, но и стремились его объяснить. С их точки зрения, Россия могла преодолеть отсталость только путем быстрого усвоения элементов европейской жизни. «Тогда спасение наше зависело не от народности, а от европеизма...» [1.Т.4.С.189] . На время необходимо было «задержать» нашу народность, но не душить ее. Реформы меняли внешние формы жизнедеятельности общества. Западники понимали, что на восприятие элементов чужой цивилизации оказывает влияние культура времени, содержание общественной жизни. В России в начале XVIII в. не было общественной жизни, это наложило отпечаток на отношение к европейскому миру, стало одной из причин усвоения его элементов в форме подражания. Традиционная культура русского общества существенно отличалась от европейской культуры Модерна. Подражание было обусловлено и насаждением новых форм жизни сверху вниз.

Восемнадцатый век стал временем ученичества русского дворянства. Новая Россия сначала создавалась путем подражания, а затем формирования национальной жизни. А поскольку суть европеизма эти мыслители усматривали в цивилизации общества, то они выделяли подражательный период в истории европеизации и этап развития творческого начала в деятельности образованного общества.

Цивилизационный процесс, который начался в России под влиянием Европы, Белинский назвал «наша европейская цивилизация», а развитие просвещения «наше европейское просвещение», подчеркивая, что на начальном этапе они походили на «пересаженное растение» [1.Т.5.С.23]. Заимствование внешних форм жизни, по мнению западников, имело свои положительные последствия. Надеть фрак и сюртук не значит сделаться европейцем, но в России чему-нибудь учатся, обнаруживают любовь и вкус к изящным искусствам только люди, одевающиеся по-европейски.

С реформ Петра в стране началось формирование новой социокультурной среды. В первое время она представляла собой «формы без жизни»; постепенно в обществе стало формироваться стремление к творчеству. В XVIII в. - период прививки чужих элементов к национальной почве, сращивания русских и европейских начал. Белинский и Герцен полагали, что этот период продолжался до 1812 года. Контакты с Европой привели к культурному воздействию западного мира на русское общество, которое не только воспринимало нормы и понятия жизни других народов, но и стало проявлять к ним значительный интерес. Под влиянием французского Просвещения формировался новый тип личности – «русского европейца».

Западники отмечали *культурную дифференциацию общества* под воздействием *цивилизующих факторов, к каковым они относили просвещение, искусство, литературу, науку.* По мысли западников, модернизация в форме европеизации привела к социокультурному расколу нации на традиционные и европеизированные социальные слои, что обусловило серьезные конфликты, так как культурные связи между дворянством и народом были разорваны. Причины социокультурного распадения социума они верно усматривали в противоречивой политике государства и неоднозначной реакции различных социальных сил на установки власти.

В «ученический» период изменилось отношение общества к Западу: его негативный образ был вытеснен идеализированным, оно некритически заимствовало формы европейской жизни, выступая в роли учеников. Но уже в это время внешние мотивы европеизации стали дополняться внутренними, которые, приобретая все большую значимость, вызывали естественную потребность в усвоении опыта европейской цивилизации. Подражательное отношение к европейскому образу жизни с конца XVIII в. сосуществовало с творческой деятельностью образованного общества. В период Модерна шло усиление внутренних источников движения, включивших механизм саморазвития духовного процесса, когда были созданы необходимые условия его действия – слой просвещенных людей и культурное пространство: система учебных и культурных учреждений, формы интеллектуальной деятельности, со-

вокупность идей и понятий. Важнейшей чертой западнического вероучения была мысль о том, что творческая деятельность русских образованных людей, усвоение западного идейного наследия как общего для всех культурного багажа позволит открыть личности возможности для свободного духовного развития. Условия цивилизации общества они усматривали в образовании людей, приобщении к литературе, искусству, науке, создании культурной среды.

В первой половине XIX в. нарастанию нового культурного социума содействовали, как считали западники, кружки интеллектуалов, салоны, студенческие объединения, лекции профессоров, журналы, литература. Для культурного сообщества был характерен свободный идейный поиск, интерпретация и передача знаний. Общение образованных людей, живо интересовавшихся наукой, искусством, литературой, вело к сопряжению идей разных культур. Миссию образованных людей западники видели в объяснении смысла культур, их базовых идей, что обеспечивало свободу выбора мировоззренческих ориентиров. Свой круг интеллектуалов они оценивали как малую самодеятельную группу «русских европейцев», постигавших значение мирового наследия, содержание и динамику русской культуры и создающих доступный для образованных людей мир идей развития человека и общества.

Западники дали многостороннюю оценку цивилизационной принадлежности России, сопоставив ее с другими культурно-историческими сообществами. Для них не была свойственна идентификация России с Европой. Они не считали, что вестернизация России приведет к изживанию национальных элементов и насаждению европейских традиций. В работах западников мы не находим оценки европейской цивилизации как универсальной, распространение которой приведет к унификации культуры на всем пространстве, оказавшемся в сфере ее влияния. Социально-нравственный ориентир западников на формирование творчески мыслящей личности придавал высокую ценность свободе жизненного выбора, которую должны иметь как отдельный человек, так и общество. Духовная зрелость социума, выражающаяся в значительности культурной миссии

интеллектуальной элиты и признании обществом достоинства личности и ее прав, создавала, по мысли классических западников, достаточный идейно-нравственный потенциал для самостоятельного определения исторического пути страны.

Таким образом, западническая интеллигенция видела общее начало всех культур в идеях свободы и достоинства личности, правопорядке. Взаимодействие культур способствует цивилизации общества, заключающейся в развитии духовности людей, восприятии общечеловеческих ценностей, сглаживании социальных контрастов. Деятельность либералов была ориентирована на развитие личностного начала российской цивилизации путем приобщения человека к образованию, литературе, искусству, посредством воспитания потребности в самосознании. Изменения в цивилизационном развитии России в XVIII – XX вв. определили ее открытость для влияний извне. Поток инноваций, прежде всего в культурной сфере, усложнил дифференциацию нации и содействовал формированию субкультур различных социальных слоев и групп. Западники, признавая многообразие культур, доказывали важность общения социумов. Сообщающиеся культуры - условие духовного развития личности, позволяющее преодолеть социальный раскол и цивилизовать общество.

Библиографический список

1. Белинский, В.Г. Собрание сочинений [Текст]: в 9 т. / В.Г. Белинский. – М., 1976-1982.
2. Гордон, А.В. Мультикультурализм – современный этап цивилизации нового времени (разрыв и преемственность) [Текст] / А.В. Гордон // Вестник Ярославского государственного университета имени П.Г. Демидова. Сер. История. № 1. – 2007. - № 3. – С. 5-13.

© В.В. Кудрявцев (ЯГПУ)

Крымская война: взгляд представителей российской бюрократии

Крымская война затронула интересы широких слоев русского общества, но в большей мере взволновала представи-

телей бюрократии и консервативных проправительственных кругов, считавших себя ответственными за судьбу России. Изучение позиции этого круга лиц имеет научную значимость, поскольку они не только в письмах, дневниках, сочинениях фиксировали события, давали им оценку, но и оказывали прямое влияние на внешнюю и внутреннюю политику власти. Их голос зачастую играл решающую роль в постановке и осуществлении важных государственных задач. Анализ изменения взглядов этой многочисленной группы российского социума позволяет отчетливо проследить процесс переосмысления в верхах важнейших задач, стоявших перед страной. Отношение к войне чиновничества и проправительственных кругов в научной литературе исследовано значительно меньше, чем воззрения общественных деятелей.

Для высшей бюрократии поражение России в войне означало крушение николаевской системы, в создании и поддержании которой она участвовала. Ее представители были заинтересованы в осознании причин военных поражений. Тексты их произведений представляют официальную точку зрения на Крымскую войну. Среди деятелей этого круга следует выделить группу высокопоставленных сановников, оказывавших наибольшее влияние на внутреннюю и внешнюю политику страны. К ним можно отнести фельдмаршала, наместника Царства Польского князя И.Ф. Паскевича, главнокомандующих русскими войсками в Крыму князей А.С. Меньшикова и М.Д. Горчакова, канцлера графа К.В. Нессельроде, великого князя Константина Николаевича, московского генерал-губернатора А.А. Закревского, начальника канцелярии при военном министерстве, а впоследствии военного министра Д.А. Милютина, служившего по тому же ведомству в Рязани М.Д. Бутурлина, сенатора К.Н. Лебедева, будущего канцлера А.М. Горчакова и других.

Представители бюрократических кругов основную ответственность за начало войны возложили на европейские державы, прежде всего, на Англию и Францию, посредническая деятельность которых в разрешении конфликта имела целью ослабление России дипломатическим или военным путем. Позицию Австрии оценивали как «черную неблагодарность» и

считали, что своим бездействием она способствовала началу Крымской войны.

Уверенность Императора и правящих кругов в благоприятном исходе войны с Англией и Францией широко пропагандировалась в газетах и журналах. Она настроила на мажорный лад многих следящих за развитием событий россиян. В начале войны общество позитивно воспринимало заявления власти о высокой боевой готовности русской армии. Россия без союзников, будучи могущественной мировой державой, может самостоятельно разгромить противника – это убеждение было присуще представителям власти в первые месяцы военного конфликта.

Начало войны с европейскими державами ознаменовалось переправой русских войск через Дунай в марте 1854 года. Фельдмаршал Паскевич и канцлер Нессельроде независимо друг от друга стремились избежать крупномасштабных действий на Дунае из опасения спровоцировать Австрию на вооруженное выступление. Общество восприняло с ликованием успешную переправу через Дунай [1.С.74]. Однако надежды на успешные действия русских войск на правобережье Дуная не оправдались. Паскевич препятствовал проведению активных боевых действий, утверждая, что удержаться в дунайских княжествах будет очень трудно, так как союзники Турции не допустят усиления русского присутствия. Среди военных поведение Паскевича оценивалось по-разному. Одни из них, например П.Х. Граббе, полагали, что постоянная угроза австрийского вторжения не позволяла активно действовать [3.С.603]. Другие современники опасения и тревоги фельдмаршала объясняли страхом в первом же бою потерять добытую когда-то славу.

Только с началом севастопольской обороны стало очевидно для всех соотношение военных сил. Пришло понимание того, что армия находится в таком состоянии, что даже массовый героизм русских воинов слабо повлияет на ход военных действий. Высшие военачальники проявляли себя бездарными и совершенно неспособными к разработке и осуществлению грамотных и продуманных военных операций. Постепенно общество начнет выходить из состояния эйфории и трезво задумается о будущем России.

Ряд военных неудач и смерть Николая I ошеломили всех современников. Но новый император, Александр II, решил твердо придерживаться линии, выработанной его отцом, которая в изложении крупного одесского чиновника А.Г. Тройницкого звучала как «заботиться о выгоде России», «не уступать врагам и того, на что мог бы согласиться и Николай I» [5.С.155]. Такая позиция обеспечила Александру II поддержку всех противников заключения мира. К весне 1855 года среди представителей бюрократических кругов стало заметно разделение на противников и сторонников заключения мира. Когда в апреле 1855 года в Вене начались мирные переговоры, Александр II не придал им особого значения. Ни о каком мирном урегулировании ни царь, ни его окружение в то время еще не помышляли [1.С.92].

Новый главнокомандующий русскими войсками в Крыму князь М.Д. Горчаков, сменивший Меншикова, сразу заговорил о необходимости оставить Севастополь, поскольку без большого подкрепления город не отстоять [6. С.270]. Но после успешно отбитого общего штурма города 6 июня 1855 года царь заявил: «Об оставлении Севастополя, надеюсь ... что и речи больше не будет» [1.С.93]. Как писал губернатор Митавы П.А. Валуев, это была «первая утешительная весть после столь долгого ожидания и столь прискорбных вестей» [2.С.181]. Даже князь Паскевич выразил мысль, что раз этот штурм был отбит, то будут отбиты и последующие [6.С.542]. Однако именно он с самого начала севастопольской обороны доказывал, что военно-техническое преимущество противника лишило русскую армию возможности проводить победоносные, наступательные мероприятия. Эти предположения подтвердились неудачей на Черной речке.

Сенатор К.Н. Лебедев опасался, что потеря Севастополя, а вместе с ним и всего Крымского полуострова не только унизит национальное достоинство россиян, но и ослабит Россию в экономическом, политическом и военном отношениях [7.С.141]. По его мнению, уверенность Горчакова в неизбежной потере Севастополя не позволила как следует подготовиться к новому штурму, который и оказался роковым.

Другая придворная группировка, включавшая многих государственных чиновников, не рассматривала факт оставления Севастополя как капитуляцию. Для них это было мудрое политическое решение, позволившее сохранить оставшихся в живых защитников города. Рано или поздно город все равно пришлось бы оставить. Тем более захват Севастополя не принес союзникам особой выгоды [1.С.547]. Некоторые оправдывали действия Горчакова, а отступление называли удачным маневром, спасшим армию. Как бы ни различались оценки севастопольских событий, все современники воспринимали неудачную осаду города как великую трагедию. Немного смягчила настроения общества победа, одержанная в октябре 1855 года на Кавказе генералом Н.Н. Муравьевым. Об этом пишет сенатор Лебедев, да и сам император питал надежду, что эта победа будет «иметь самое благодетельное влияние на ход политических дел как на Востоке, так и на Западе» [1.С.143].

В конце 1855 года Россия объективно стояла на пороге подписания мирного договора. Многие государственные деятели убедились в необходимости установления мира. Для всех стали очевидны недостатки в организации и снабжении армии, которая являлась гарантом самодержавия как на внешнеполитической арене, так и внутри страны. Россия стояла на краю экономической и финансовой катастрофы, и спасти ее мог только мирный договор [9.С.27]. На совещании в Зимнем дворце 3 января 1856 года все сановники, за исключением графа Блудова, высказывались за заключение мира.

Среди противников заключения мира выделялась группа людей так называемого «старого порядка мыслей»: Блудов, Меншиков, Лебедев и др. Они считали, что заключение мирного договора на предложенных неприятелем условиях неизбежно приведет к началу реформационных процессов в стране, и, следовательно, к ломке привычного жизненного уклада. Поэтому следовало продолжить войну в надежде, что по какой-нибудь счастливой случайности она завершится для России удачно [7. С.291].

Напротив, сторонники заключения мира однозначно заявляли, что не имело никакого смысла продолжать войну. На ее завершении настаивал главнокомандующий Крымской армией

князь Горчаков. По его мнению, уже то, что Россия сражалась одна против нескольких стран Европы, обрекло ее на поражение [1.С.548]. Для сторонников мира завершение войны в тот момент означало либо вынужденную меру, либо условие для проведения в стране внутриполитических преобразований, так как мир будет гарантировать их реализацию в полном объеме.

Очевидно, что поражение в войне заставило разумно мыслящих представителей правящей и военной элиты понять необходимость проведения реформ. До начала Крымской войны мало кто предполагал: отставание России от мировых держав является столь существенным, что сказывается на боеспособности армии. Все основные компоненты военной системы страны были подвергнуты критике: система организации армии, подготовка офицерского состава, вооружение. Об отсутствии в войсках грамотных и трезво мыслящих командиров писали Валуев, Милютин и Ковалевский [2. С. 352]. Всем было очевидно, что отсутствие сети железных дорог не позволяло своевременно и в нужных объемах снабжать армию. Крымская война вскрыла серьезные недостатки в организации военного дела в России.

Итак, Крымская война привлекла пристальное внимание бюрократических кругов России. Они считали, что начало войны с Турцией было спровоцировано Англией и Францией, Россия же была потерпевшей стороной. До начала обороны Севастополя представители власти не сомневались в победе России. Потеря города заставила искать причины неудач русских войск и стремиться к скорейшему завершению войны. Лишь незначительная часть придворных деятелей выступала за продолжение боевых действий. Война поставила под сомнение престиж страны, ее статус великой державы. В годы войны представители высшей власти осознали, что николаевская политическая система и крепостное право привели к системному кризису и необходимы реформы.

Библиографический список

1. Барсуков, Н. Жизнь и труда М.П. Погодина [Текст]: в 13 т. / Н. Барсуков. – СПб., 1899. – Т. 13. - 583 с.

2. Валуев, П.А. Дума русского во второй половине 1856 г. [Текст] / П.А. Валуев // Русская старина. – 1895. - №9. – С. 503-514.
3. Граббе, П.Х. Из дневника и записной книги графа П.Х. Граббе [Текст] / П.Х. Граббе // Русский архив. – 1899. - №4. – С. 183-213.
4. Дельвиг, А.Г. Полвека русской жизни. Воспоминания (1820-1870) [Текст]: в 2 т. / А.Г. Дельвиг. - М. Л., 1930. – Т. 1. - 590 с.
5. Тройницкий, А.Г. Из писем А.Г. Тройницкого архиепископу Иннокентию [Текст] / А.Г. Тройницкий // Русский архив. - 1896. - №3. - С.146-160.
6. Тарле, Е.В. Крымская война [Текст]: в 2 т. / Е. В. Тарле.- М., 2003. - Т.1. 560 с.; Т.2. - 608 с.
7. Лебедев, К.Н. Из записок сенатора К.Н.Лебедева [Текст] / К. Н. Лебедев // Русский архив. – 1889. - №1. - С.141-152.
8. Захарова, Л.Г., Самодержавие и реформы в России 1861-1874 (к вопросу о выборе пути развития) [Текст] / Л. Г. Захарова // Великие реформы в России. - М., 1992. - С.21-65.

© Е.Е.Белова (ЯФ МАП при Правительстве Москвы)

Медико-социальная помощь раненым и больным воинам в Ярославской губернии во время русско-турецкой войны 1877-1878 гг.

Оказание помощи жертвам военных конфликтов – дело не только медиков, спасателей и самих военных, но и многочисленных общественных гуманитарных организаций. Активное участие общественности в деле ухода за ранеными и больными воинами в XIX веке способствовало развитию движения милосердия и благотворительности. Уже к концу XIX столетия сложилась оригинальная организационная структура оказания благотворительной и медицинской помощи увечным воинам. Эту систему составляли не только государственные учреждения здравоохранения и призрения, но и многочисленные общественные организации, осуществлявшие благотворительную деятельность. Крупнейшей из них было учрежденное в 1867 г.

Общество попечения о раненых и больных воинах, с 1879 г. известное как Российское общество Красного Креста.

Особенно ярко деятельность Общества и его местных учреждений проявилась в военные годы. С момента его основания первой крупной военной кампанией, в которой участвовала Россия, была русско-турецкая война 1877-1878 гг. Эта война приходится на период, когда русская армия развивалась в соответствии с требованиями новой индустриальной эпохи. Но несмотря на новые принципы комплектования, изменившие русскую армию в организационном, техническом и тактическом отношении, к началу боевых действий она не успела модернизироваться [12. С. 334-335]. К тому же «... грубые и преступные ошибки высшего русского командования...» привели к огромным жертвам среди солдат [8. С 141]. Только при штурме крепости Плевны погибли и были покалечены всего более 26 тысяч воинов [13. С.28]. При столь многочисленных жертвах в целях предупреждения распространения инфекций именно в период русско-турецкой войны 1877-1878 гг. была внедрена система рассеивания раненых по тыловым лечебным учреждениям. В ходе этой войны впервые в России стал использоваться железнодорожный транспорт для эвакуации раненых и больных [1. С.117]. Для реализации системы рассеивания и эвакуации раненых и больных по тыловым лечебным учреждениям была необходима целая сеть лазаретов внутри империи. Масштабность и дороговизна этого дела не позволяли военной администрации самой заняться им, поэтому в декабре 1876 г. «Главное Управление Общества попечения о больных и раненых воинах, по соглашению с Военным ведомством, приняло на себя на случай возможных военных действий, образовать внутри империи при железных дорогах, госпитали на 16000 больных, ... с целью – избавить армию и скоро переполняемые её госпитали от накопления больных и раненых» [4. Д.78. Л.50]. При этом подчеркивалось, что «...при широком применении в нашем Отечестве системы эвакуации и рассеяния больных на обширных пространствах участь раненых и опека над ними доверяется местным органам Красного Креста и всему местному населению...» [4.Д.78. Л.106]. Такая система предусматривала наличие сети госпиталей Общества,

рассеянных на большом пространстве внутри империи и соединенных между собой и с армиями железными дорогами и судоходными сообщениями. В результате все местные лечебные силы в государстве становились прямыми участниками ухода и попечения за пострадавшими на театре войны. Силами общественности было организовано 240 внутренних госпиталей империи. Всего в госпиталях Общества нашли отличный уход и лечение более 60000 больных и раненых [11. С.3,4].

Для открытия госпиталей были заранее определены населенные пункты. Они должны были находиться не дальше 12 верст от железнодорожных и водных путей (1 верста = 1,06 км). Количество госпитальных мест для больных и раненых определялось пропорционально численности населения города: чем крупнее населенный пункт, тем больше мест он должен был организовать. Так, в Ярославской губернии предполагалось устроить 3 госпиталя на 550 мест: 1 госпиталь в Ярославле на 400 мест, 1 госпиталь в Ростове на 100 мест, 1 госпиталь в Данилове на 50 мест [4. Д.78. Л.13 об.]. Смета устройства госпиталей в Ярославской губернии составляла 63140 р., а расходных сумм в местном управлении на 1 января 1877 г. было 2300 р. Поэтому ярославское местное управление обращается «к должностным лицам губернии и к частным лицам содействовать как денежными, так и материальными сборами на устройство госпиталей» [4. Д.78. Л.50]. Начавшаяся русско-турецкая война 1877-1878 гг. способствовала активизации общественной благотворительности Ярославля и губернии и росту денежных пожертвований на устройство госпиталей для раненых. Всего в 1877 г. в Ярославской губернии для больных и раненых воинов было организовано лечебных заведений на 753 кровати [4.Д.64. Л.8].

Все больничные заведения Ярославской губернии, устроенные для раненых и больных воинов в период русско-турецкой войны 1877-1878 гг., условно можно разделить на четыре группы: лазареты местного управления и комитетов Общества, земские лечебные учреждения, лазареты городских общественных управлений и частные лазареты. Так, к первой группе могут быть отнесены офицерский лазарет (на 25 кроватей) и лазарет местного управления Общества (на 240

кроватей) в Ярославле, лазарет местного комитета Общества в Рыбинске (на 130 кроватей) и лазарет дамского комитета в Угличе (на 15 кроватей). Относящиеся ко второй группе земские лазареты для раненых и больных воинов, как правило, представляли собой места, выделенные для раненых в губернской и уездных земских больницах: в Ярославской земской больнице – 50 мест, в Ростовской уездной земской больнице – 20 мест, в Даниловской уездной земской больнице – 15 мест, в Любимской, Мышкинской и Романово-Борисоглебской уездных земских больницах – по 5 мест [4. Д.64. Л.7]. К третьей группе относятся лазареты для нижних чинов в Ярославле на 400 кроватей и в Рыбинске на 20 мест, которые располагались в зданиях местных городских общественных больниц [4. Д. 65. Л. 9, 13]. Наконец, отдельную группу составляют 2 частных лазарета в Ярославле: лазарет на 50 мест для нижних чинов потомственного почетного гражданина В.В.Пегова и офицерский лазарет на 2 кровати потомственного почетного гражданина П.И.Оловянишникова [3. Л.3, 18].

Общественные и частные лазареты, а также открытые в городских и земских больницах места для больных и раненых воинов во время русско-турецкой войны 1877-1878 гг. были отнесены к категории заведений Общества попечения о больных и раненых воинов и по своему характеру являлись благотворительными учреждениями, поскольку содержались исключительно на общественные и частные средства [4. Д.56. Л.104]. Все учреждения и частные лица обязались содержать организованные ими лазареты на собственные средства, отказавшись от денежного пособия по 40 к. в сутки, которое выделяло Военное ведомство на содержание каждого раненого или больного. Подобный отказ от возмещения платы за содержание раненых и больных в лазаретах со стороны земских обществ и частных лиц в Ярославской губернии позволил сэкономить Обществу в 1877 г. 17156 р. 40 к. [5. Л.9]. Одновременно начало русско-турецкой войны 1877-1878 гг. привело к увеличению денежных пожертвований по случаю войны со стороны общественной и частной благотворительности. Только за 1877 г. в распоряжение ярославского местного управления

Общества поступило денежных средств на сумму 177820 р. (подсчитано по: 4. Д.64.).

Крупные денежные пожертвования, поступавшие на счета ярославского местного управления и его комитетов в военное время, позволяли не только организовывать лазареты для раненых и больных воинов, но и содержать их с «...отличным уходом, хорошим помещением, опрятным содержанием, чистым воздухом и разнообразной и обильной пищей» [6. С.5]. В числе особых достоинств лазаретов Общества подчеркивалось «простое, полное теплого участия обращение с больными и ранеными уполномоченных и членов Общества «Красного Креста», дежурных дам высшего круга, их внимательность и заботливость к нуждам больных и раненых...» [6. С.5]. Различия в содержании лазаретов Общества и военно-медицинских госпиталей подчеркивали и военные медики. Так, выдающийся хирург, профессор Н.И. Пирогов отмечал: "В учреждениях Красного Креста бельё несравненно тоньше, пища гораздо роскошнее, а каталог лекарств ... разнообразнее." При этом знаменитый хирург подчеркивал, что "...напрасно исстрачиваемые деньги на тонкое бельё и приготовление изысканной пищи лучше было бы употребить на покупку госпитального холста и приготовление хорошей, но обыкновенной госпитальной пищи..." [10. С. 23]. Военные медики подчеркивали, что "...заботы, внимание и средства частных лазаретов (под частными лазаретами понимались все медицинские учреждения, организованные Обществом попечения о раненых и больных воинах – *Е.Б.*) уходят на попечение о незначительном числе больных и раненых. Тысячи же по отношению к десяткам остаются лишь зрителями таких ... дорогостоящих попечений" [7. С. 7]. В целом, "оба медицинских ведомства, как военное, так и Красного Креста ... находили недостатки друг в друге: в Красном Кресте была слишком большая роскошь, неумелость, беспорядки; в военных госпиталях воровство – и потому страшный недостаток необходимого" [2. С. 92]. По мнению военных медиков, деятельность общественных организаций имела бы наилучшие результаты в том случае, если она была бы вспомогательной, то есть на-

правлялась бы на оказание помощи военно-медицинским учреждениям [7. С. 7].

Одним из видов подобной помощи было назначение в военные госпитали сестер милосердия Общества для лучшего ухода за ранеными воинами. Помимо улучшения в уходе привлечение сестер милосердия Красного Креста должно было повлечь и материальное улучшение в содержании раненых «...вследствие прилива общественных пожертвований разными предметами госпитального довольствия, которые невозможны для военной администрации» [4.Д.86. Л.2]. Однако на местах разногласия Общества и военной администрации существовали и по этому вопросу. Так, на запрос ярославского местного управления Общества о том, в каких лазаретах Ярославской губернии и в каком количестве необходимы сестры милосердия, губернский воинский начальник ответил, что «...на допущение сестер милосердия в военные лазареты Высочайшего соизволения не последовало» [4.Д 86.Л.3 об. - 4].

Частные и общественные лазареты сыграли важную роль в организации медицинской помощи раненым и больным воинам. В течение 1877 г. в лечебные заведения Общества в Ярославской губернии поступили 1556 человек, из них 1108 человек проходили лечение в земских больницах Ярославля и уездных городов [4.Д 64. Л.9; 5. Л.406 об.]. К концу русско-турецкой войны 1877-1878 гг. лечебные учреждения Ярославской губернии оставались переполненными: в военном лазарете в Ярославле находились на лечении военнопленные турки, а в земской больнице – больные нижние чины и гражданские лица [4.Д. 89. Л.96]. Поэтому и после окончания войны было решено принимать в госпитали Красного Креста всех больных военного ведомства и «не делать разницы между больными и ранеными действующей армии и больными местных войск» [4.Д.88. Л.15].

В целом следует отметить, что, действуя в соответствии с общим планом санитарной деятельности военного ведомства в русско-турецкую кампанию 1877-1878 гг., Общество попечения о раненых и больных воинах наиболее целесообразным и действенным видом помощи считало организацию сети госпиталей внутри страны и лечение там раненых и боль-

ных. Существование такой системы общественных медицинских учреждений внутри Российской империи способствовало улучшению участи раненых и больных воинов и позволяло общественной благотворительности «приходить туда на помощь, где более всего в ней нуждаются» [9. С. 5].

Библиографический список

1. Будко, А.А. Основные этапы истории военной медицины в России [Текст] / А.А. Будко, Д.А. Журавлев // Вопросы истории. – 2007.- № 7. – С.113-120.
2. Воспоминания сестры милосердия [Текст] //Русская старина. - 1887. - № VII. - С. 85-122.
3. ГАЯО.- Ф. 614. – Оп. 1.- Д. 1.
4. ГАЯО.- Ф.1127. – Оп. 1. – Д. 56, 64, 65, 78, 86, 88, 89.
5. ГАЯО. – Ф.1150.- Оп. 1.- Д. 160.
6. Из отчета генерал-адъютанта Волкова, осматривавшего по Высочайшему Его Императорского Величества повелению лечебные заведения в 22 губерниях [Текст] // Вестник народной помощи. - 1878. – № 6 (5 февраля). – С.5.
7. Из отчета доктора Валя о деятельности евангелического лазарета в Систове (с 15 июля по 28 ноября 1877 г.) [Текст] // Вестник народной помощи. – 1878. – № 6 (5 февраля). – С. 7.
8. Игнатьев, А.А. Пятьдесят лет в строю [Текст] / А.А.Игнатьев: в 2-х т. Т.1.- М., 1989.
9. Моллер, А. Об общественной санитарной организации [Текст] / А. Моллер // Вестник народной помощи. – 1878. – № 2, 8 января. – С. 5.
10. Осмотр профессором Н.И.Пироговым госпиталей "Красного Креста" [Текст] // Иллюстрированная хроника войны. - СПб., 1882.- Т.2.- Хроника № 53.- С. 22-24.
11. По поводу местных лазаретов «Красного Креста» внутри империи [Текст] // Вестник народной помощи. – 1878. – № 28, 9 июля. – С. 3-4.
12. Седых, Д.А. Трансформация восприятия войны русским обществом в конце XIX – начале XX века [Текст] / Д.А. Седых // Опыт мировых войн в истории России: сб.ст./ [редкол.: И.В.Нарский и др.]. – Челябинск: Каменный пояс, 2007. - С. 330-348.

13. 100 лет Красного Креста в нашей стране [Текст] /под ред. проф. Г.А. Митерева. – М.: Высшая школа, 1967.-197 с.

© Л.М.Архипова (ЯГПУ)

Характеристика основных явлений в аграрном строе России в пореформенный период

У нас теперь, когда все это переворотилось и только теперь укладывается, вопрос о том, как уложатся эти условия, есть только один важный вопрос в России.

Л.Толстой «Анна Каренина».

«Порвалась цепь великая, распалась и ударила одним концом по барину, другим – по мужику». Эти известные некрасовские строки перекликаются с выводами правительственной «Комиссии по исследованию вопроса о движении с 1861 г. по 1900 г. благосостояния сельского населения», признавшей факт «оскудения Центра» России. Комиссия представила сведения о недостаточности крестьянских наделов и разорении помещичьих хозяйств как о тревожном результате реформы [1]. Вопрос возникал только о том, какой ее стороны – крепостнической или буржуазной. Являлось ли «оскудение» результатом кризиса феодальной системы, по которой реформа нанесла удар, или признаком мучительного становления новой, капиталистической системы? Каков качественный характер глубинных процессов, которые проявлялись столь негативно?

Для решения этой проблемы необходимо проанализировать состояние крестьянского и помещичьего хозяйств с точки зрения их соответствия буржуазному способу организации производства. Капиталистическая эволюция аграрной сферы могла состояться при наличии частной собственности на землю, капитала, достаточного для развития предпринимательства, и рынка свободной рабочей силы. Рассмотрим каждый элемент новой системы, выявив степень его развития в пореформенной России.

Физическая площадь земли была масштабной, равняясь 1.953,8 млн. дес., но на долю сельскохозяйственного фонда,

включая пахотные и сенокосные земли, а также лесные пастбища, приходилось менее четвертой ее части (23,4%, или 457,18 млн.дес.). Значительное количество сельскохозяйственных угодий (80%) находилось в собственности частных лиц всех сословий (101,7 млн. дес.) и в крестьянском владении (138 млн.дес.). Юридическими собственниками земли являлись также государство, императорская фамилия (удельные земли), император (кабинетские земли), казачье войско, монастыри и церкви, города[2].

В пореформенный период значительные изменения произошли в частном землевладении, затронув его сословную структуру. Перераспределение происходило в пользу купцов, мещан, крестьян за счет соответственного сокращения дворянской земли. За пореформенное сорокалетие поместное дворянство продало 34 млн. дес. (40%), в последующее десятилетие – с 1905 по 1915 гг. – еще 11 млн. дес. [2 . С.66].

Сопровождалось ли это потерей дворянами своих экономических позиций? Для ответа на вопрос необходимо внимательно присмотреться к структуре дворянского землевладения по его размерам и угодьям.

В 1905 г. из 107 тыс. дворянских имений подавляющее большинство (5/6) были средними (условно принятый критерий - от 100 до 500 дес.) и мелкими (менее 100 дес.). Участь мелких землевладельцев была незавидной: 30 тыс. дворян имели участки менее 20 дес. каждый. Их владельцы фактически выбыли из класса помещиков, так как средние размеры их имений (7,9 дес.) были меньше участков крестьян-середняков [3].

Глава Временного правительства Г.Е. Львов в воспоминаниях о своих соседях по имению отметил этот факт. «Помещики – их очень было много, но большинство из них не удержалось на местах, разорились, пораспродали свои имения или спустились до крестьянского уровня. Под самым г. Алексиным есть деревня Епишково – как она образовалась, – не знаю, но вся она дворянская. Нынешние мужики, все они были в свое время дворянами» [4. С.24].

Средний размер крупных имений (18 тыс. владельцев) определялся площадью свыше 500 дес., считавшейся уже латифундиальной. Всего во владении латифундистов сохранилось 62

млн. дес., или почти 2/3 всех частновладельческих земель. Очевидно, что от реагирования этого латифундиального фонда на пореформенные условия хозяйствования зависел процесс формирования капиталистического земельного рынка как необходимого фактора буржуазной эволюции.

По отдельным губерниям Центрально-промышленного района России, как и по стране в целом, наблюдалась общая тенденция: крупные латифундии дробились, сокращались, но сохраняли при этом в своем составе сельскохозяйственный фонд, то есть объективную возможность сдерживать формирование нового уклада.

Например, в Нижегородской губернии, где помещичье землевладение преобладало в структуре частного, на долю латифундий приходилось в 1877 г. 82%, а в 1905 – 70% земельной собственности. Сократилась на 34% и общая площадь латифундиального земелевладения при одновременном увеличении среднего и мелкого землевладения, что отражало процесс дробления крупных имений. Но эти количественные изменения не сопровождались качественными сдвигами: по-прежнему на долю крупных помещиков приходилось более 2/3 частновладельческой пашни – основы сельскохозяйственного производства. В продажу поступали лесные дачи, неудобные земли [Рассчитано по: 5. С. 96, 171; 6. В.21. С.24].

В Ярославской губернии основу личных земельных угодий составляли мелкая и средняя собственность новых владельцев земли – крестьян (41%), купцов (13,9%), мещан (8,5%). В 1905 г. именно им принадлежало 76% частновладельческой пашни. Однако в условиях усиливавшейся животноводческой специализации сельскохозяйственного производства особой ценностью в губернии обладали сенокосы, луга и пастбища, большая часть которых принадлежала дворянам-латифундистам. Среди них наиболее известными и могущественными были Мусины-Пушкины, чья лесная и земледельческая экономия «Борисоглеб» даже увеличилась с 49 тыс. дес. до 50 тыс. дес. Еще больше увеличились владения Шереметевых в Угличском уезде – с 31 тыс. дес. до 35 тыс. дес. [5. С. 96, 171; 6. В.39. С.24].

Следовательно, даже в промышленных губерниях, где пореформенная экономика способствовала перестройке аграрно-

го строя на капиталистический лад, латифундии сохраняли основу для полуфеодальных форм эксплуатации крестьянства.

Но и среди этого верхнего слоя поместного дворянства выделялось примерно 700 владельцев со средним размером имения более 10 тыс. дес. и 155 дворян, чья собственность определялась в среднем более 50 тыс. дес. Например, Демидовы имели 739 тыс. дес., гр. Строгановы – 1,5 млн. дес., Шуваловы – 1 млн. дес., Шереметевы – 391 тыс. дес. и т.д.

Экономическая сила этих лиц отразилась в сословном характере мобилизации земельной собственности. На земельном рынке в основе ценообразования главную роль играли спрос и платежеспособность, а не земельная рента. Так, мелкие сделки оценивались в 2-2,5 раза выше, чем крупные, и 1 дес. земли стоила при внутридворянских переходах дешевле по сравнению с межсословными операциями купли-продажи земли. Кроме того, в условиях крестьянского малоземелья земля приобретала особую ценность, в результате чего сокращение владений дворян сопровождалось ростом стоимости их земельной собственности. В России в пореформенный период цены на землю возросли в 3,5 раза и, несмотря на земельные потери, стоимость дворянских владений увеличилась соответственно с 1,25 млрд. р. в 1861 г. до 4 млрд.р. в 1905 г. [7].

Становится очевидной причина замедления темпов перераспределения земельной собственности в начале XX в.: с одной стороны, рост цен позволял дворянству извлекать непроизводительную прибыль от участия в торговых операциях на земельном рынке, с другой, тот же рост цен снижал активность иных сословий в приобретении земли.

Следовательно, не латифундиальный характер поместного землевладения сам по себе был особенностью аграрного строя в России, а реальная сила его влияния на темпы буржуазной эволюции. Правительственная политика, включая финансовые меры, способствовала поддержанию сословного характер землевладения, что отразилось в системе сельскохозяйственного кредита.

На рубеже веков она демонстрировала неразвитость одних форм кредита (мелиоративного, соловексельного, подтоварного) и гипертрофированное преобладание других.

Широкое распространение получила ипотечная система, основными звеньями которой были взаимные общества, акционерные и государственные земельные банки.

Общества взаимного кредитования возникли раньше других, но организованные на основе круговой поруки заемщиков, они имели узкий радиус обслуживания. К концу XIX в. они сохранились лишь в западных и южных губерниях и имели региональный характер.

Акционерные общества возникли как грибы после дождя в начале 70-х гг. Хотя они имели бессословный характер, обеспечивать кредитом им приходилось главным образом помещиков ближайших губерний [8].

Государственные ипотечные банки имели строго сословный характер, представляя политику правительства в аграрном вопросе. Крестьянский поземельный банк возник в 1882 г. и прошел в своем развитии три стадии. Первоначально ему предоставлялось право выдавать ссуды под залог земель, покупаемых крестьянами у землевладельцев. В 1895 г. в Устав банка были внесены изменения, согласно которым разрешалось покупать за счет собственного капитала земли для перепродажи их крестьянам. Это расширяло возможности банковской спекуляции с землей, но ограничением являлся размер этого собственного капитала. Оно было устранено в 1905 г., когда банку была поручена роль основного финансового механизма в перераспределении земельной собственности. Ему разрешалось покупать землю в неограниченном количестве за счет не только собственного капитала, но и выпускаемых с этой целью свидетельств, то есть ценных бумаг. С 1906 г. он стал брать в залог и крестьянские надельные земли, что соответствовало задачам столыпинской реформы [9].

Для поощрения перехода земли к новым собственникам был установлен льготный годовой процент (4,5%), по которому крестьяне погашали ссуду за купленную землю в срок до 55,5 лет. Но ссуда только записывалась за крестьянами, а за взятую у них в залог землю деньги получали помещики, частью наличными с крестьян, а большей частью 5-6% обязательствами (свидетельствами банка). Эта разница в процентах (4,5 и 5-6) складывалась в десятки миллионов рублей и составляла убытки банка, которые покрывались казначейством. А доходы казначейства со-

ставлялись из взносов налогоплательщиков, главным образом крестьян. В целом Крестьянский поземельный банк продал крестьянам более 16 млн. дес. помещичьей земли, за которую помещики получили 1,8 млрд р. [10. С.42].

В том же охранительном направлении развивалась ипотека Дворянского государственного земельного банка, созданного «для поддержания землевладения потомственных дворян». Ссудный льготный процент неуклонно снижался от 5 до 3% (против 7-8% в акционерных банках), провоцируя рост цен на землю. Всего к 1915 г. более половины помещичьей земли находилось в залоге у Дворянского банка с оценкой в сумме более 5 млр.р. Производительно ли расходовали помещики полученный немалый кредит, возвратить который они обязывались в течение полувека? Данные банковской статистики по всей стране не обработаны, но известно, что ипотечная задолженность почти половины ярославских имений и более трети нижегородских сопровождалась отчуждением от 30 до 100% имевшейся в них земельной собственности в счет погашения процентов по ссуде. Были случаи откровенного паразитирования помещиков благодаря законному праву использовать перезалог имения. В меньшей степени обнаруживается предпринимательский, производительный характер залога. Достаточно отметить в этой связи, что Дворянский банк половину своих ссуд выдавал помещикам тех губерний, где преобладали отсталые полуфеодальные формы эксплуатации (отработки) [11. Табл.20].

Мелкий кредит с производительными, предпринимательскими целями, не связанный с залогом земли, получил заметное распространение только в ходе реализации столыпинской реформы. До 1905-1906 гг. крестьянское хозяйство не было обеспечено сколько-нибудь доступным кредитом для улучшения агрокультуры.

Едва ли не самым заметным явлением пореформенной России стал демографический взрыв. Увеличение крестьянского населения сопровождалось уменьшением земельных наделов в общине, появлением избыточной армии труда в деревне. По разным данным, от 25 до 30 млн. «лишних» людей не находили применения в своем хозяйстве и включались в миграционные процессы. В поисках работы многие из них направлялись в южные степные губернии России, где возникали многотысячные рынки сельскохозяйственных рабочих: Кривой Рог,

Екатеринослав, Лозовая, Каховка, Донецкий край принимали от 15 до 150 тыс. крестьян. Оплата их труда была невысокой: батрак зарабатывал в среднем 20 к. в день, годовой рабочий – от 50 до 70 р. [12. С.11]. Структура наемной рабочей силы в сельском хозяйстве отчетливо свидетельствовала о преобладании традиционной агрокультуры, не требовавшей от владельца земли увеличения основного и переменного капитала. В 1897 г. в сельском хозяйстве страны было занято 3,5 млн. наемных рабочих, из которых 2/3 являлись поденщиками и сезонными [13]. Годовому рабочему не находилось применения, поскольку сельскохозяйственная буржуазия была немногочисленна и делала только первые шаги по преодолению специфики аграрной сферы – ее ограниченного сезонного характера.

Подводя итог анализу общих условий капитализации сельского хозяйства в пореформенный период, нетрудно убедиться в том, что отменой крепостного права был дан старт буржуазной эволюции, но очень медленной. «Любуясь, как реформа преображала русскую старину, недоглядели, как русская старина преображала реформу», - писал В.О.Ключевский о своих современниках [14. С.554]. Именно такое «преображение» отразилось в становлении всех трех компонентов новой капиталистической системы ведения хозяйства.

Дворянская монополия на землю подорвана, но латифундии обладают прежней прочностью; мобилизация заметна, но капиталистический рынок земли еще не сложился.

Сельскохозяйственный кредит создан, но его системе еще предстоит долгое развитие при активном участии государства вследствие недостаточности частного капитала и инициативы. Соответственно капиталистический механизм кредитной системы сдерживается сословными мероприятиями правительства.

Рынок рабочей силы сложился, но на нем заметна явная печать аграрного перенаселения, присущего эпохе первоначального накопления капитала.

Библиографический список

1. Материалы Высочайше учрежденной 16 ноября 1901 года Комиссии по исследованию вопроса о движении 1861-1900 г. благосостояния сельского населения среднеземледельческих

губерний сравнительно с другими местностями Европейской России. Ч.1. [Текст]. – Спб., 1903. – 315 с.
2. Материалы по статистике движения землевладения в России [Текст]. В.1-25. – Спб.- Пг.: Изд. Департамента окладных сборов, 1896-1917.
3. Статистика землевладения 1905 г. Свод данных по 50 губерниям Европейской России [Текст] /Изд. ЦСК МВД. - Спб., 1907.
4. Львов, Г.Е. Воспоминания [Текст]/ Г.Е.Львов. - М., 2002.
5. Статистика поземельной собственности [Текст] /Изд. ЦСК МВД. – Спб., 1881.- В.2.
6. Статистика землевладения 1905 года [Текст] /Изд. ЦСК МВД. – Спб., 1906.- В.21, 39.
7. Литуев, В.Н. Движение дворянского землевладения в Нечерноземье в эпоху капитализма: Опыт количественного анализа [Текст] //История СССР. - 1983.- №2.- С.95-105.
8. Корелин, А.П. Сельскохозяйственный кредит в России в конце XIX –начале XX вв. [Текст] / А.П.Корелин. - М., 1988.
9. Зак, А.Н. Крестьянский поземельный банк (1883-1910 г.) [Текст]/ А.Н.Зак. – М., 1911. –583 с.
10. Анфимов, А.М. Царствование императора Николая II в цифрах и фактах (Опыт подтверждения и опровержения) [Текст] /А.М.Анфимов //Из истории экономической мысли и народного хозяйства России.Ч.1,2. - М., 1993. – Ч.1. – С.11 - 48.
11. Материалы по истории аграрных отношений в России в конце XIX- начале XX вв. Статистика долгосрочного кредита в России [Текст]/ ИИ АН СССР. - М., 1980. - 79 с.
12. Статистика Российской империи. Т.80: Цены на рабочие руки в сельских хозяйствах частных владельцев в Европейской и Азиатской России в 1910 году [Текст] / Изд. ЦСК МВД. – Спб., 1913. – 201 с.
13. Рабочий класс России от зарождения до начала XX в. [Текст] / отв. ред. Ю.И.Кирьянов. - М., 1989. - Главы 3,4.
14. Ключевский, В.О. Исторические портреты [Текст] / В.О.Ключевский.- М., 1991.- 623 с.

© А.М. Новоторцева (ЯГПУ)

Дифференцированность в налогообложении юридических лиц в России в конце XIX – начале XX в.

В конце XIX – начале XX в. России существовала территориально-отраслевая направленность в распределении налогового бремени на промышленные предприятия. Особенно ярко она проявилась в налоговом регулировании добывающих отраслей – золотоплатиновой, соляной, нефтяной, а также в чугуноплавильной и извозном промысле. Территориальные и отраслевые факторы учитывались при определении объектов обложения и доходности российских предприятий. Например, в добывающих промыслах такими объектами являлись земельные участки и объем добываемого продукта, а в извозном промысле - транспортные средства (лошади и экипажи).

Различие в объектах обложения обуславливало широкую дифференцированность налоговых сборов, в том числе по форме платежа – денежной или натуральной. Сочетание денежной платы с натуральными сборами было особенностью налогообложения золотоплатиновой отрасли, которая в конце XIX в. имела особое значение для государства [2. Т. XXIV. С. 565]. В этом случае натуральная подать была не только «историческим пережитком»: в золотопромышленности она усиливала привлекательность производства для отечественных и иностранных инвестиций, а также позволяла контролировать ресурсы и добычу [1. Т. I. № 183].

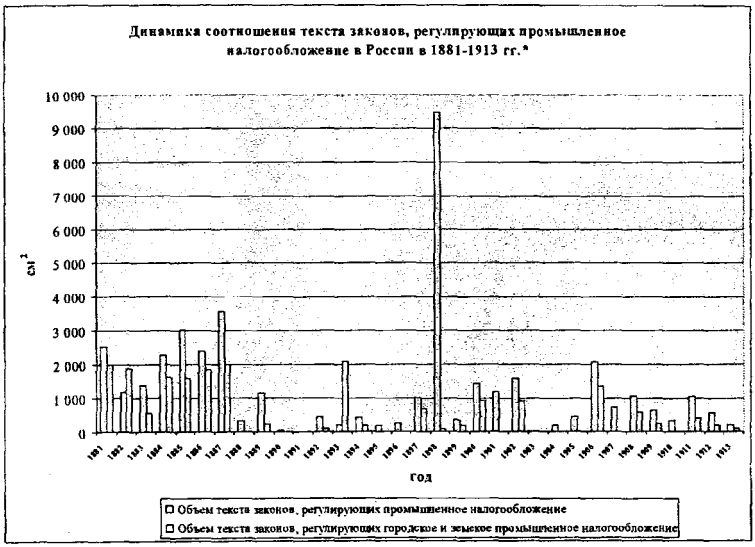
Российские налоги различались по целевому принципу их взимания - в доход казны, местных органов самоуправления и Кабинета Его Императорского Величества. В 1881-1887 гг. доля законодательных актов, регламентировавших поступление налогов в городские и земские доходы, в общем количестве налоговых законов была значительной. С 1888 г. последовали спад в их публикации и даже полное отсутствие в промышленном законодательстве, связанные с переключением внимания правительства на пересмотр системы промыслового налога в России. Наивысшие всплески законодательной активности в сфере регулирования городского и земского налогообложения имели место в 1893, 1897, 1900, 1902 и 1906 гг., когда

законотворческий процесс в большинстве случаев имел особое развитие. Это хорошо видно на таблице и диаграмме, построенным по данным контент-анализа.

Таблица 1

Относительные показатели соотношения текста законов, регулирующих промышленное налогообложение в России в 1881-1913 гг.						
№ тома	Год	Объем текста законов, регулирующих налогообложение извозного промысла		Объем текста законов, регулирующих промышленное налогообложение		Весь объем текста законов в ПСЗ-III
		/%/	/%/	/%/	/%/	/%/
I	1881	1,48	1,48	1,88	16,00	100,00
II	1882	0,81	1,07	0,67	5,60	100,00
III	1883	0,38	0,31	0,78	4,66	100,00
IV	1884	0,73	0,73	1,02	8,91	100,00
V	1885	0,82	0,82	1,55	8,29	100,00
VI	1886	0,63	0,86	1,13	8,13	100,00
VII	1887	1,00	1,05	1,77	13,38	100,00
VIII	1888	0,00	0,00	0,15	16,77	100,00
IX	1889	0,09	0,09	0,45	11,42	100,00
X	1890	0,00	0,00	0,02	13,53	100,00
XI	1891	0,00	0,00	0,00	21,65	100,00
XII	1892	0,00	0,03	0,20	21,13	100,00
XIII	1893	0,00	0,83	0,08	20,65	100,00
XIV	1894	0,08	0,08	0,16	10,99	100,00
XV	1895	0,00	0,00	0,07	22,73	100,00
XVI	1896	0,00	0,00	0,09	17,12	100,00
XVII	1897	0,00	0,25	0,39	23,92	100,00
XVIII	1898	0,00	0,02	2,36	28,88	100,00
XIX	1899	0,00	0,04	0,08	37,18	100,00
XX	1900	0,00	0,22	0,34	31,98	100,00
XXI	1901	0,00	0,00	0,26	26,29	100,00
XXII	1902	0,00	0,25	0,43	21,22	100,00
XXIII	1903	0,00	0,00	0,00	14,38	100,00
XXIV	1904	0,00	0,00	0,04	19,20	100,00
XXV	1905	0,00	0,00	0,13	13,96	100,00
XXVI	1906	0,00	0,33	0,51	16,82	100,00
XXVII	1907	0,00	0,00	0,27	35,95	100,00
XXVIII	1908	0,00	0,16	0,30	33,09	100,00
XXIX	1909	0,03	0,06	0,18	22,89	100,00

XXX	1910	0,00	0,00	0,06	36,93	100,00
XXXI	1911	0,00	0,08	0,21	36,80	100,00
XXXII	1912	0,00	0,03	0,09	18,64	100,00
XXXIII	1913	0,02	0,02	0,04	17,88	100,00



Все промысловые сборы разделялись по своему характеру и значению на дополнительные (добавочные или единовременные) и основные, прямые и косвенные. В 1886 г. Московское городское общественное управление получило право взимать в городскую кассу сборы, не установленные Городовым Положением 1870 г. Данное нововведение носило ограниченный характер и касалось только Москвы, что, по-видимому, объяснялось большей остротой проблемы в этом торгово-промышленном центре по сравнению с Санкт-Петербургом. Это предусматривало отмену целого ряда законодательных статей: о сборах с содержателей фабрик и заводов за работавших в их заведениях людей, за возмещение издержек по их фонарному освещению и другое.

Вместо этого разрешалось взимать другие сборы в доход Москвы с торговых и промышленных заведений, с торговцев и огородников, производивших разносную торговлю, а также с

огородов. Размер сбора с заведений и складов составлял 3%. Срок его уплаты был ограничен не определенной датой, например 1 сентября, а полугодием. В случае несвоевременной уплаты сбора он взимался в полуторном размере. Следовательно, новый маневр власти заключался в унификации сборов, в их преобразовании в один общий налог в пользу городских органов самоуправления, в более мягкой процедуре его взимания, но с ростом на 1% размера поступления [1. Т. VI. № 3445].

Новым прогрессивным явлением следует признать учет законодателями разности условий и форм производства, осуществлявшегося в городских помещениях. От данного обложения освобождались ремесленные заведения и мастерские, размещавшиеся в квартирах их хозяев, если годовая доходность всего здания, занимаемого как заведением и мастерской, так и жилищем хозяина не превышала 200 руб. Сбор исчислялся с доходности только тех помещений, в которых производились работы, а также хранение и продажа изделий. Помещения, не составлявшие принадлежности фабрики, завода или ремесленного заведения (квартиры служащих, спальни, кухни для рабочих) в расчет не принимались. В тех случаях, когда оценка недвижимого имущества была определена в одной общей сумме, сбор также исчислялся только с той части, которая приносила промышленный доход [1. Т. VI. № 3445].

В отношении смешанных по характеру помещений – производственных и жилых одновременно, при их стоимости более 200 руб. сбор взимался в полном объеме, как с промышленного заведения, но по сниженной ставке – не 3, а 1,5% с его доходности. Следовательно, к середине 80-х гг. XIX в. была произведена дифференциация недвижимой собственности и установление соответствующих ей налогов. В основу была положена доходность зданий, учитывавшаяся в дальнейшем в земских сметах и раскладках [1.Т. XXII. № 21289].

Промысловый налог играл разнообразные роли, и одним из его важных назначений было стимулирование затухающих производств: изменение ставки сборов служило стимулом для прилива капиталов в отрасль или для перехода к более эффективным техническим приемам и средствам [1. Т. X. № 7284; Т. XIII. № 9976; Т. XXI. № 19788, Т. XXV. № 26247, №

26646; 2. С. 838-839]. Анализ налога с извозного промысла выявил яркие аргументы в пользу того, что правительство достаточно последовательно старалось учесть территориальные особенности деятельности (на периферии или в крупных промышленных городах), а также формы ее организации. От их масштабов зависела потенциальная доходность промысла и соответственно размер взимаемого извозного или перевозочного сбора, который мог колебаться от 50 копеек с транспортного средства до 10 рублей в год [1. Т. XVIII. № 16137].

В разных уголках империи налоговая стратегия финансовой власти была не менее особой: на юге России в Закавказском крае необходимо было регулировать промышленность на вновь присоединенных землях, где активно развивалось торговое предпринимательство. На северо-востоке параллельно с развитием крупных технически оснащенных предприятий продолжали действовать традиционные для данных местностей промыслы, типичные для большинства российских инородцев и жителей окраин [2. Т. XXX.838-839] Это свидетельствовало о том, что российские границы в конце XIX - начале XX в. были весьма подвижны ввиду активной внешней политики, проводимой властью, поэтому не все субъекты государства обладали одинаковыми правами пребывания в составе России. Кроме этого на разных территориях страны был неодинаковый уровень развития промышленного производства. В итоге данные обстоятельства препятствовали в определенной степени выработке единых налоговых норм на основе одной системы обложения [1. Т. I. № 24; Т. XIV. № 10245; Т. XVII. № 13646].

В целом, в отношении указанных отраслей производства и объемов налогового обложения можно определенно утверждать, что на протяжении всего периода усиливалась тенденция превращения налога из чисто фискального средства в гибкий механизм регулирования социально-экономических процессов в промышленности. Однако к 1917 г. законодательство по-прежнему предусматривало сложную, состоявшую из нескольких видов сбора систему налогообложения.

Дифференцированный подход к определению объектов и размеров фиска в зависимости от территориально-

отраслевых особенностей производства сочетался с широкой практикой частных законодательных решений по отдельным местностям или видам деятельности. Наряду со стремлением финансовой власти унифицировать сборы, выразившемся в проектах введения подоходного налога, в поисках оптимального соотношения патентного, раскладочного и дополнительного обложения, сохраняла свое значение тенденция физического распространения налогов на новые объекты, территории и простого увеличения налоговой ставки.

В качестве положительного явления нельзя не подчеркнуть складывавшуюся, хотя и медленно, почти незаметно, социальную составляющую налоговой политики. Она отразилась во включении в пользование природной рентой соответствующих субъектов землевладения, в фактах привлечения представительных органов буржуазии к конкретному определению размеров промышленных сборов и распределению налогового бремени между объектами обложения, а также в увеличении налоговых поступлений в пользу городов и земств.

Библиографический список

1. ПСЗ-III. СПб., - Т. I. № 24, № 183; Т. VI. № 3445; Т. XIV. № 10245; Т. XVII. № 13646, № 16137; Т. XXI. № 19788; Т. XXII. № 21289; XXV. № 26247, № 26646.
2. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона [Текст] . - СПб., 1895.- Т. XXX.

© О.В.Дубичев

Значение травосеяния в модернизации крестьянского хозяйства Ярославской губернии в начале XX в.

На рубеже XIX – XX веков российское крестьянское хозяйство находилось в состоянии кризиса. Трехпольная система землепользования, основанная на экстенсивных методах ведения хозяйства, но, несмотря на это, кормившая жителей деревни на протяжении нескольких столетий, не могла больше обеспечивать возраставшие потребности страны в продовольствии. Если прирост населения России за 1897 – 1914 годы составил около 40% (с 116 млн. человек до 163 млн.), то урожайность ос-

новных сельскохозяйственных культур за тот же период выросла на 5 – 10 % и была одной из самых низких в Европе. А.В.Чаянов в своем исследовании крестьянского хозяйства северных районов России отмечал: «Урожай пшеницы в пудах с десятины составлял: в Дании – 195, в Бельгии – 165, в Германии – 140, а в России - 52; урожай ржи: в Бельгии – 150, в Голландии – 122, в Германии – 120, в России - 54» [1. С.62].

О необходимости модернизации аграрного сектора экономики, прежде всего крестьянского хозяйства, говорили известные аграрники второй половины XIX – начала XX в., среди которых были А.Н. Энгельгардт, Ф. Бар, Ф.Ф. Де-Тиллие, И.А. Стебут и другие [2. С. 151-155, 161-164, 168]. Они же предлагали пути выхода из сложившегося положения,одним из которых было развитие травосеяния. Вот что писал А.М. Дмитриев по данному вопросу: «Куда ни посмотри – все плохо. А плохо потому, что корень хозяйства – кормовой вопрос - поставлен у нас хуже всего прочего. Надо твердо знать и понимать, что для улучшения хозяйства надо браться, прежде всего, за главное звено цепи – за корм» [3. С.4].

Говоря о необходимости введения травосеяния, аграрники приводили множество аргументов в его пользу. Во-первых, сам климат и свойства почв в Центрально-нечерноземной России больше подходили для выращивания кормов, чем для хлебопашества. Во-вторых, развитию хозяйства, где основными культурами оставались рожь и овес, мешали низкие цены на зерно, которое привозилось из черноземных губерний. В то же время «цены на скот, молочные продукты за последние годы значительно выросли, и их рост в дальнейшем мог только увеличиваться за счет продажи масла и сыра в Москве и Санкт-Петербурге» [3. С.6]. В-третьих, широкое распространение отхожих промыслов, в том числе и в Ярославской губернии, приводило к дороговизне рабочих рук и использованию женского и подросткового труда в крестьянской среде, что не могло не сказаться на качестве обработке почв под зерновые, но в то же время не столь сильно мешало развитию скотоводства [3. С.6]. Наконец, существовала возможность увеличения площади сенокосных полей за счет вовлечения в севооборот бросовых земель, использовавшихся крайне неэффективно. К

данной категории могли быть отнесены заболоченные луга, кочкарники и пустошные луга, где урожайность кормов составляла несколько десятков пудов сена очень низкого качества. Такие земли в Ярославской губернии составляли 10 – 12% от всех сенокосов, причем в некоторых волостях этот показатель мог варьироваться и достигать 20 – 25% (например, так было в Красносельской и Крестобогородской волостях Ярославского уезда). Такое состояние дел было характерно не только для Ярославской губернии, но и «по всему северу России имеется такое же положение» [3. С.13-14: 4. С.286; 5. С.2].

Таким образом, развитие травосеяния в крестьянском хозяйстве было насущной необходимостью и экономически оправдывало себя. Насколько же оно было распространено в губернии, и какие факторы мешали его развитию?

Введение травосеяния в крестьянских хозяйствах в начале XX века могло происходить тремя путями: 1) включением в севооборот углового травосеяния; 2) введением правильного травосеяния; 3) введением лугового травосеяния.

Наименее болезненным способом введения травосеяния было угловое, при котором крестьянин засевал «уголок какого-нибудь поля» и в течение последующих двух – трех лет собирал «около двухсот пудов с лишним сена с десятины и хорошую отаву» [1. С.52]. Как свидетельствуют данные ярославских агрономов, этот способ был наиболее распространен в губернии. Так, агроном Бурмакинского участка А.А. Блинов писал в отчете: «посевы клевера на угловых участках развиты более сильно... его посевы, хотя бы отдельными хозяевами, замечены более чем в половине селений» [6. С.99].

Введение правильного травосеяния требовало от крестьян перестройки своего хозяйства и перехода к четырехпольной системе, а, следовательно, являлось достаточно затратным и требовало определенных знаний, поэтому оно было развито в меньшей степени, чем угловое травосеяние. Важную роль в распространении правильного травосеяния играла деятельность агрономов. На основе их отчетов можно прийти к выводу, что ежегодный прирост селений, перешедших к данному виду травосеяния, составлял по губернии менее 1% в год. В то же время процесс введения правильного травосеяния в отдельных кресть-

янских хозяйствах шел более интенсивно, что было связано в первую очередь с реализацией столыпинской реформы в губернии. Если на 1904 год относительный показатель селений и отдельных дворов, перешедших к травосеянию, составлял 15,5 и 7,5% соответственно, то к 1914 году он мог быть в пределах 20 – 23% для селений и 15 – 18% для единоличных хозяйств [7. С.12,15]. Такие показатели свидетельствовали о низких темпах перехода крестьянских хозяйств к четырехполью.

Еще более скромные успехи были во введении лугового травосеяния в губернии. Об этом говорят редкие упоминания в агрономических отчетах о случаях, когда производились работы по улучшению лугов и высева на них семян клевера и других трав. Так, крестьяне д. Филатово Заволжского участка Ярославского уезда согласились улучшить сухой луг с помощью удобрений и посева семян. В1912 году в районе с. Великое был обработан луг в 6 дес., а в 1913 он был засеян овсом и викой [6.С.30, 73].

Таблица 1

Относительные показатели уровня развития травосеяния в уездах Ярославской губернии на 1904 г.*

Название уезда	Число деревень (%)	Число дворов (%)
Ярославский	13,9	9
Даниловский	14,9	6,9
Любимский	7,4	2
Мологский	23	10,5
Мышкинский	37	15,2
Пошехонский	15,9	6,6
Романово-Борисоглебский	10	4,9
Ростовский	10,5	4,2
Рыбинский	14	6,7
Угличский	13,7	6,8
По губернии	15,5	7,5

* Таблица составлена по: Пиотрашко Л.А. Травосеяние на крестьянских землях Ярославской губернии до 1904 года. - Ярославль, 1904. - С. 12, 15.

На основе данных таблицы 1 видно, что процесс распространения травосеяния в Ярославской губернии шел не только медленно, но и крайне неравномерно. Наиболее высо-

кий показатель был в Мышкинском и Мологском уездах. В них уровень развития травосеяния превышал средний показатель по губернии в 1,5 – 2 раза, это было обусловлено тем, что распространение травосеяния началось здесь несколько раньше, чем в целом по губернии, - уже в 1890-е годы. В то же время существовали отдельные волости и даже уезды (Любимский, Ростовский, Романово-Борисоглебский), где данное явление либо отсутствовало полностью, либо только начинало пробивать себе дорогу.

Существовал целый ряд факторов, сдерживавших развитие травосеяния не только в Ярославской губернии, но и во всем Нечерноземье. Отчеты агрономов свидетельствовали, что наиболее существенными признавались следующие.

Неинформированность крестьян о пользе травосеяния. Часто агрономы сталкивались с тем, что крестьяне не знали о возможности посева клевера и других трав и их агротехнике. «Мне пришлось встретить не только деревни, но и целые районы, где о травосеянии не имеют никакого понятия и совершенно незнакомы с культурой и выгодой клевера» [6. С.39].

Общинное землевладение и связанная с ним чересполосица. При существовании данного вида владения землей переход к травосеянию был возможен только в том случае, если большинство домохозяев соглашались на это (добиться этого часто стоило больших усилий со стороны агронома и наиболее активных крестьян). В то же время переход к единоличным формам владения землей способствовал введению или расширению посевов клевера. «Население, перешедшее к единоличному владению, почти целиком имеет в виду на следующий год завести у себя травосеяние» [6. С.70].

Нехватка средств на первичные преобразования (закупку семян, удобрений, обработку почвы). Несмотря на то, что «лен и овес, а затем и травы в первые же два – три года окупают все затраты на улучшение земли», у большинства крестьян не было тех минимальных денег, которые требовались [3. С.23]. Дать их могло только земство, но его финансовые возможности в данном вопросе были ограничены. В 1904 году, например, ярославское земство выделило на развитие сельского хозяйства 66 869 руб. и заняло по данному показателю 24 место из 34 сре-

ди всех земств (больше всего средств выделило земство Полтавской губернии – 414 926 руб.) [9. С.II –III].

Противодействие со стороны отдельных групп крестьянства. После бесед с агрономами на сходе выступали «ораторы», которые отговаривали крестьян от принятых решений. Среди этих «ораторов» были «более зажиточные крестьяне, которым успех бедных соседей и прогресс в хозяйстве последних был весьма неприятен» [6. С.25].

Таким образом, травосеяние могло сыграть важную роль в процессе модернизации крестьянского хозяйства. Несмотря на все положительные последствия, связанные с введением его в хозяйстве, развитие травосеяния шло гораздо медленнее, чем того хотели экономисты-аграрники и требовала историческая необходимость. В свою очередь, это было связано с целым рядом как объективных, так и субъективных причин.

Библиографический список

1. Чаянов, А.В.Организация северного крестьянского хозяйства [Текст] /А.В.Чаянов. - Ярославль, 1918.
2. Козлов, С.А. Аграрная рационализация в Центрально-Нечерноземной России в пореформенный период (по материалам экономической печати) [Текст] / С.А. Козлов. - М., 2008.
3. Дмитриев, А.М. О разработке запущенных земель, луговодстве и скотоводстве [Текст] /А.М. Дмитриев. - Ярославль, 1906.
4. Статистические сведения о Ярославском уезде: местное исследование [Текст]. - Ярославль, 1901.
5. Оценка пашни Ростовского уезда [Текст]. - Ярославль, 1913.
6. Отчеты агрономов Ярославского уездного земства за 1913 год [Текст]. - Ярославль, 1914.
7. Пиотрашко, Л.А. Травосеяние на крестьянских землях Ярославской губернии до 1904 года [Текст] / Л.А.Пиотрашко. - Ярославль, 1904.
8. Журналы совещаний земских агрономов Ярославской губернии за 1907, 1912, 1913 гг. [Текст]. – Ярославль: тип. Яр.губ.земства, 1907-1913.

9. Справочные сведения о деятельности земства по сельскому хозяйству (по данным на 1904 г.) [Текст] / ред. В.В. Бирюкович.- Вып.8. - СПб., 1906.

© Н.А. Лихова (ЯГПУ)

Социокультурный образ русского крестьянина-общинника на рубеже XIX-XX веков: обряды и обычаи, связанные с рождением детей

За последнее десятилетие резко возрос интерес к социокультурной истории. Возникновение этого направления связано с распространением методов культурной антропологии, социальной психологии, лингвистики. Понятие социокультурная история применяется и в отношении тех работ, в которых освещается все разнообразие повседневной жизни и деятельности людей в историческом прошлом - условия труда и быта, особенности образа жизни, элементы материальной и духовной культуры. Важной частью народной культуры были обычаи и обряды, и в данной статье мы рассмотрим комплекс обрядов и обычаев, связанных с рождением детей.

Крестьяне очень бережно относились к рождению, сохранению и воспитанию нового поколения. Считалось, что от количества детей зависит благополучие и счастье семьи. Поскольку рождение детей считали главной целью брака, сам факт бездетности воспринимали не только как личную трагедию женщины, но и горе для всей семьи. Он становился поводом постоянных конфликтов между супругами. Обычно бесплодие рассматривали как наказание за грехи, Божью кару, результат порчи, следствие родительского проклятия или же знамение судьбы. Бездетная женщина иногда подвергалась некоторым ограничениям, прежде всего нежелательным считали ее активное участие в отдельных календарных и семейных обрядах, где актуализирована идея плодородия. Иногда к ней относились пренебрежительно и надменно, высмеивая и упрекая в том, что не способна исполнить возложенный на нее природой и обществом долг. Для обретения «чадородия» женщины, прежде всего, прибегали к средствам, рекомендуемым церковью. В XIX - начале XX в. деревенские женщины почти

не обращались к врачебной помощи по поводу женских заболеваний и лечения бесплодия. В последнем случае они попрежнему искали помощи свыше и следовали советам церкви - молились, ходили на богомолья, давали обеты.

Важность деторождения определяла во многом обрядовый характер традиционного ритуала создания семьи. Не случайно в свадебном обряде мы встречаем немало действий, которые должны были стимулировать чадородие (осыпать молодых зерном, сажать новобрачных на овечью шкуру, расстеленную мехом вверх и др.).

При довольно ровном отношении и любви к детям в русских семьях все-таки больше ждали рождения мальчиков. У крестьян это было вызвано в первую очередь хозяйственно-экономическими причинами. Мальчики в крестьянской семье заменяли рабочих [1]. Крестьяне считали, что женщине во время беременности следует есть горбушки и корки хлеба, тогда вероятность рождения сына возрастала. Также чтобы родился мальчик, супруг должен был ложиться с правой стороны от жены.

Крестьяне верили в существовании примет, по которым можно было судить о характере будущего потомства. По обычаю молодым после свадьбы рекомендовалось есть капусту и пить молоко; молодой чисто мести пол, чтобы дети были белые; не давать будущей матери много спать, чтобы дети не были ленивыми.

Пол будущего ребенка определяли по внешнему виду беременной: по форме живота, пятнам на теле, а также потребностям в еде. Поведение женщины в период беременности регламентировалось суеверным убеждением в том, что определенные ее поступки могут, так или иначе, отразиться на здоровье и характере зачатого ребенка. Например, нельзя было сидеть на камне - роды будут тяжелые, шагать через веревку - ребенок в пуповине запутается, шагать через коромысло - ребенок будет горбатым, толкать кошек и собак - у новорожденного будет "собачья старость", щетинка на коже и т.д. Не меньшую опасность для нормального течения беременности представляла также возможность порчи и похищения или подмены еще не родившегося ребенка нечистой силой. Выкидыши объясняли как порчей будущей матери, так и ее каким-либо

греховным проступком. Поэтому на всем протяжении беременности она должна была особенно усердно прибегать к средствам христианской защиты: регулярно креститься, читать молитвы, причащаться.

Период беременности мало что менял в жизни деревенской женщины. Беременные женщины работали вплоть до наступления родов, поэтому частыми были роды в поле. Обычно при родах присутствовали повитухи, при этом знахарки-повитухи пользовались особенным почтением среди крестьян. Много пишет об их дурном влияние на здоровье ребёнка В. Фирсов. В частности, он считает, что «при самом рождении ребёнка его нередко портят глупые повитухи и многие дети не доживают до трёх лет» [2]. Среди многочисленных магических средств, способствующих нормальному процессу родов, основное место занимали действия, совершавшиеся по принципу подражательной магии. Считая, что "всякая замкнутость мешает быстроте родов", развязывали все узелки не только на одежде роженицы, но и у всех домочадцев; распускали роженице волосы, раскрывали все двери, ворота, печные заслонки, шкафы, сундуки. В случае трудных родов роженицу парили веником в печке, «правя» живот с приговором «разступитеся разворитеся косточки»[3].

Присутствие мужа при родах было обязательным только при трудных родах. Считалось, что муж и его определенные действия во время родов (например, перешагивание через жену трижды по одному направлению) облегчают страдания жены и ускоряют роды. Роды чаще происходили вне жилого помещения, по наиболее распространенной и древней традиции - в бане. Рожала женщина чаще всего на доске, поставленной под углом к стене. После родов повитухи совершали очистительные обряды, натирали тело родильницы керосином и парили её в бане, а «детское место» мыли в вине, заворачивали в холст и зарывали. Во избежание сглаза ребёнка первые дни никому не показывали. Имя новорожденному давали в честь члена семьи либо называли по имени первого встречного. Также был распространен обычай называть ребёнка в честь святого, в день которого он родился. Крестины, как правило, устраивали на третий день после рождения ребёнка. Обычно

приглашали на крестины родственников, односельчан и причт. Важную роль при крещении играли крестные родители. Крёстный должен был оставаться в течение всей жизни руководителем и воспитателем ребёнка в юности, опекуном и советником даже в его зрелые годы. Крёстные родители должны были дарить крестнику подарки на праздники, поэтому старались выбирать крёстных из зажиточных людей. При крещении крёстные должны были отвечать на вопросы без запинок, чтобы ребёнок не заикался; чтобы узнать, «жилец» ли ребёнок, по окончании обряда в купель бросали воск с волосами новорожденного – если воск не потонет, то ребёнок будет жить. Также на крестинах существовал обычай кормить мужа блюдом из всякого «сброда» (хлебных корок, солёных сухарей, хрена и. т. п.). Таким образом, соблюдалась справедливость по отношению к роженице: «Хозяйка маялась... и ты попробуй» [3]. На крестинах целый ряд обрядов был связан с кашей – «каша, поставленная на стол, должна выражать желание новорождённому довольства, счастья, богатства»[4]. Поэтому на стол ставили самый большой горшок каши, а гости должны были бросать в неё копейки. После этого верхушку, в которой оставались деньги, срезали и отдавали матери, а остальное съедали гости. Употребление каши на крестинах было до того распространено среди крестьян, что если соседи звали на кашу, то все сразу понимали, что их приглашали на крестины.

Кроме этого, в первые дни после родов к молодой матери спешили женщины с приношениями. Этот обычай, известный под названием проведок, отведок, нести зубок, существовал у русских почти повсеместно. Его можно рассматривать как пример нетрудовой взаимопомощи внутри семьи и общины. Целью приходивших было справиться о здоровье роженицы, поздравить ее с новорожденным, угостить чем-либо вкусным, а заодно оказать практическую помощь ее семье.

Таким образом, культура рождения детей сложилась и функционировала как постоянное и неразрывное соединение практического опыта и религиозных воззрений. Здесь тесным образом были переплетены древние языческие верования крестьян, магия и православие. Разделить их при исследовании невозможно, более того, такие попытки привели бы к ошибоч-

ному пониманию жизни русского человека, особенно крестьянина.

Библиографический список

1. Труды ВЭО. - СПб., 1864. - Т.2. - 402 с.
2. Фирсов, В. Женское дело в семье и хозяйстве [Текст] / Сельский вестник. – СПб. 1897. - № 11. – 18 с.
3. Фирсов, Б.М., Киселева, И.Г. Быт великорусских крестьян-землепашцев. [Текст] // Б.М. Фирсов, И.Г. Киселёва. - СПб., 1993. -140 с.
4. Кувшинин, А. Каша-мать наша [Текст]: в 12 т. // Живописная Россия. – СПб., 1901.- Т.1. - 477 с.

©А.Г. Любарец (ЯГПУ)

Просветительская и образовательная деятельность духовенства Ярославской епархии в конце XIX - начале XX в.

Тема образовательной деятельности духовенства Ярославской епархии неоднократно привлекала внимание исследователей. Специально ею занимались Н.С. Велитченко и Е.С. Веденский. Другие авторы уделяли внимание схожим вопросам в рамках более общих или смежных по тематике исследований.

Н.С. Велитченко затрагивает вопросы образовательной деятельности РПЦ в статье «Православная церковь и начальное образование в Ярославской губернии во второй половине XIX века» [2]. Автором серии статей и диссертационного исследования по данной теме является Е.С. Веденский. Он рассматривает тему деятельности духовенства в области народного образования на примере Ярославской и Костромской губерний в сравнительном аспекте [3].

Веденский уделяет внимание многим сторонам данного вопроса, но сосредотачивает свое внимание в основном на создании и деятельности церковно-приходских школ, оставляя за рамками исследования другие формы образовательной и просветительской деятельности ярославского духовенства, как то создание сети церковных библиотек, богослужебные и небого-

служебные собеседования, распространение среди населения литературы, издание газеты и так далее. Эти формы социального служения не имели такого широкого размаха, как создание системы начального образования, но они также приносили немалую пользу. Если школа работала над образованием подрастающего поколения, то другие формы деятельности были направлены на просвещение взрослого населения, что было также немаловажно. Только общая система образования и просвещения населения всех возрастов могла принести весомый результат.

В данной статье уделяется внимание разным формам образовательной и просветительской деятельности ярославского духовенства. Конечно, создание церковно-приходских школ нельзя обойти вниманием, так как они было самой заметной частью образовательной и просветительской деятельности священнослужителей.

Со второй половины XIX в. правительство Российской империи начинает уделять серьезное внимание народному образованию и просвещению населения. Однако первоначальная инициатива в этом важном вопросе, как, впрочем, и во многих других, исходила от общественных организаций. Передовая общественность сознавала необходимость повышения образовательного уровня населения для дальнейшего успешного развития страны.

Огромную роль в процессе становления и развития системы народного образования и просвещения в Российской империи сыграли две общественные структуры: земства и РПЦ. Власти умело использовали и поддержали инициативу этих организаций при решении проблемы просвещения народа. Трудно оценить, какая из этих двух структур сыграла большую роль в деле народного образования. Земства работали в этом направлении очень активно, но их инициативы часто вызывали настороженное отношение местных и центральных властей. Духовенство также занималось просвещением населения, но церковно-приходское образование многим казалось догматичным и малосодержательным.

Государство ратовало за всеобщую грамотность населения страны и постоянно контролировало образовательную дея-

тельность земств и церкви. С 80-х гг. XIX в. РПЦ начинает доминировать в области образования и просвещения населения России. Император Александр III поддерживал инициативы духовенства в области народного образования и оказывал ему всемерную поддержку [1. С. 9-11].

В Ярославской епархии деятельность священнослужителей в области народного образования и просвещения населения имела несколько направлений. Наиболее известна деятельность церкви по созданию сети церковно-приходских школ и народных училищ во всех частях епархии. На эти цели выделялись серьезные государственные средства. Однако и их зачастую не хватало.

В этом случае многие священники организовывали так называемые «домашние» школы (школы грамотности), то есть обучение крестьянских детей у себя дома. Конечно, такая школа не могла принимать много учащихся и, тем более, давать полное начальное образование, но она все же была полезна. Она служила ступенью при подготовке к обучению в церковно-приходской или земской школе, а иногда была и единственно возможным источником образования для населения определенной территории.

Епархиальные власти поощряли священнослужителей, которые создавали «домашние» школы. По сути они стали определенной ступенью на пути к созданию системы церковно-приходских школ. К концу 80-х гг. XIX в. она была в основном сформирована на территории епархии. Ярославская духовная консистория контролировала образовательную деятельность духовенства с точки зрения перечня изучаемых предметов, содержания образования, обеспечения учебной литературой и т.д. Естественно, при таком положении дел образование в церковно-приходских школах носило религиозную направленность. По всей епархии велся сбор пожертвований на создание и поддержку церковно-приходских школ и других учебных заведений. Обеспеченные ярославцы охотно жертвовали на народное образование немалые суммы денег [4. С. 171].

В 1881 году, перед началом активной деятельности по формированию сети церковно-приходских школ, в Ярославской епархии насчитывалось более 250 учебных заведений различного

уровня. Из них церковно-приходскими были более 80 школ. Замечу, что в это время при учете в список включались и «домашние» школы. Вообще до 1884 года, когда были изданы «Правила о церковно-приходских школах», разделение этих двух групп учебных заведений было весьма размытым. В последующие годы количество школ, управляемых епархией, постепенно росло. В 1883 году их было уже более 100 [5. С. 258-260].

К 1885 году в Ярославской епархии насчитывалось 70 церковно-приходских народных училищ. При этом подсчете уже не учитывались «домашние» школы грамотности, то есть нельзя говорить о сокращении количества церковно-приходских школ, просто новые правила четко разделили церковные школы по статусу. Статистики домашних школ грамотности в 1885 году еще не велось. В вышеназванных школах обучались 2496 человек. Особенно большое количество учащихся имели городские школы. В некоторых из них обучалось более 100 учащихся [6. С. 309-312].

В следующем году число церковно-приходских школ достигло 98, а число домашних - 117. В первых обучались уже 3889 человек, а во вторых - 1369. Примерно две трети домашних школ организовывали в своих домах священнослужители, остальные приходились на грамотных крестьян и мещан [7. С. 29-30].

К 1887 году в Ярославской епархии насчитывалось 111 церковно-приходских школ с 4191 учеником и 98 домашних с 1276 учениками. Наблюдатели, собиравшие статистические данные, жаловались на трудность подсчета школ грамотности, так как священнослужители и особенно другие организаторы учебных заведений такого типа не считали для себя обязательным сообщать о них епархиальному начальству. Сокращение общего числа домашних школ объясняется переводом части из них в статус церковно-приходских, но также и закрытием некоторых. Конечно, такие небольшие и плохо финансируемые учреждения часто сталкивались с различными трудностями и не всегда могли их преодолеть. В 1888 году в епархии функционировала 131 церковно-приходская школа с 4756 учениками. Школ грамотности насчитывалось 114. В них обучалось 1412 учащихся [8. С. 431-433].

В последующие годы число церковно-приходских народных училищ изменялось незначительно. Некоторые из них закрывались из-за недостатка учеников в конкретной местности или переходили в разряд домашних по причине низкого качества преподавания. Грамотных педагогов все же не хватало. Однако появлялись и новые школы, что делало их число довольно устойчивым в диапазоне от 130 до 135. Количество учащихся постепенно увеличивалось примерно на 250-300 человек ежегодно.

Росло также количество школ грамотности, которых, например, в 1890 году было уже 210 при 1809 учащихся. Такой рост численности домашних школ говорит, с одной стороны, об увеличении количества образованных людей, желавших заниматься народным просвещением, а с другой, - о появлении большего числа представителей народа, желающих получить первоначальное образование [9. С. 236-238].

К началу 90-х гг. XIX в. система церковно-приходских народных училищ на территории Ярославской епархии была сформирована. Земство также активно занималось открытием школ для низших сословий. На Ярославщине их было даже больше, чем церковно-приходских. Вместе эти школы обеспечили сравнительно неплохие возможности для получения первоначальных основ образования во всех частях губернии. Поголовной грамотности, правда, достигнуть не удалось, но положительные сдвиги при решении этой проблемы были заметны.

Ярославское духовенство открывало не только учреждения начального образования, но и другие учебные заведения. Это Ярославское духовное училище, Ярославское женское епархиальное училище, Ярославская духовная семинария, Ростовское духовное училище. Естественно, эти специальные духовные учебные заведения были направлены на подготовку будущих служителей церкви и не имели прямого отношения к массовому народному образованию. Однако при этом они внесли большой вклад в дело народного просвещения, так как из их стен вышло множество учителей церковно-приходских и земских школ. В значительной мере это относится к женским духовным учебным заведениям, в которых сама система образования была направлена на подготовку народных учителей.

Педагогические кадры в конце XIX в. были необходимы для успешного функционирования в Ярославской епархии системы начального народного образования [10. С. 249-255].

Однако существовали и другие формы просветительской деятельности ярославского духовенства. К ним относится организация богослужебных и небогослужебных чтений и собеседований с прихожанами.

Эти беседы давали людям ответы на насущные и сложные для них вопросы, связанные с пониманием основ православия, а также информировали по другим направлениям вплоть до рекомендаций по ведению хозяйства. Воскресные чтения и беседы проводились также для рабочих на фабриках.

Серьезное значение в просвещении населения епархии играла организация библиотек при церквях и церковно-приходских школах. Грамотные прихожане и учащиеся церковно-приходских школ могли пользоваться в них литературой. Конечно, ее подбор имел тенденцию к преобладанию книг духовного содержания, но включал и другие издания, в основном бытовой и хозяйственной направленности. Контроль за книжным фондом со стороны государственной власти был довольно жестким. Возможностей приобретать большое количество литературы у церковных библиотек не было, поэтому книжный фонд формировался в основном на пожертвования прихожан или целевыми поставками епархиального начальства [11. С. 222-224].

Епархиальное начальство проверяло все закупаемые или жертвуемые для церковных библиотек книги и только после этого разрешало их использование. Естественно, свои библиотеки имелись и в духовных учебных заведениях более высокого уровня, а также при земских школах.

Особое место среди церковных библиотек занимали противораскольнические. Их организацией занималось Православное церковное братство святителя Димитрия Ростовского, которое считало борьбу с церковным расколом в епархии одной из основных своих задач. Подбор литературы в таких учреждениях был сугубо специальным, но они все же занимали свое место в религиозном просвещении народа.

Наряду с библиотеками священники открывали также книжные лавки, в которых продавали книги различного содержания всем желающим. Впрочем, они не получили сколько-нибудь серьезного распространения. Видимо, покупательная способность большинства представителей народа была невелика [12. С. 23].

Не последнюю роль в просвещении населения Ярославской епархии духовенством играл выпуск Ярославской духовной консисторией еженедельной газеты «Ярославские епархиальные ведомости». Это издание включало в себя 2 части: официальную и неофициальную. В первой из них содержалась разнообразная официальная информация по повседневной жизни епархии. Это официальные императорские указы и определения Святейшего Синода, информация о жертвователях и сборе денег на различные нужды, прошения священнослужителей и прихожан, отчеты различных учреждений, контролируемых епархиальными властями, и многое другое. Таким образом, эта часть газеты освещала современную церковную жизнь Ярославской епархии. «Ярославские епархиальные ведомости» иногда содержали информацию также по другим епархиям.

Неофициальная часть газеты включала статьи краеведческого характера, публикации по церковной истории, проповеди древних и современных священнослужителей, статьи хозяйственного и бытового характера, религиозную поэзию и многое другое. Эта часть газеты предоставляла информацию об историческом прошлом, что делало ее чрезвычайно значимой в деле обеспечения читателей новыми знаниями. Выписывали «Ярославские епархиальные ведомости» в основном священнослужители, которые часто являлись учителями церковно-приходских и домашних школ. Поэтому материалы газеты могли использоваться при обучении в школах. Епархиальное начальство рекомендовало использование своего издания в учебных целях [13. С. 62-64].

Все вышесказанное позволяет сделать вывод, что духовенство Ярославской епархии играло в конце XIX – начале XX в. значительную роль при решении проблемы образования и просвещения народа. Священнослужители занимались разнообразной деятельностью, направленной на достижение этой

цели: открывали учебные заведения разных типов, создавали библиотеки, распространяли литературу среди населения, организовывали просветительские беседы и чтения, издавали газету. Другие слои общества также внесли большой вклад в просвещение населения Ярославской епархии, но духовенство вело эту работу систематически и по разным направлениям на протяжении всего изучаемого периода.

Библиографический список

1. Смолич, И.К. История русской церкви [Текст]: в 9 кн. / И.К. Смолич. - М.: Изд-во Спасо-Преображен. Валаам. монастыря, 1996 г. - Кн. 8. История русской церкви синодального периода 1700-1917 гг. - Ч. 2. - 799 с.
2. Велитченко, Н.С. Православная церковь и начальное образование в Ярославской губернии во второй половине XIX века. [Текст] / Н.В. Велитченко // Культура. Образование. Православие. – Ярославль, 1996. - С. 214-217.
3. Веденский, Е.С. Деятельность русской православной церкви в области начального народного образования во второй половине XIX - начале XX вв. (По материалам Ярославской и Костромской губерний) [Текст]: автореф. дис. … канд. филол. наук / Е.С. Веденский; Иван. гос. ун-т. – Ярославль, 2004. – 18 с.
4. Выписка из положения о начальных народных училищах [Текст] // Ярославские епархиальные ведомости. Офиц. часть. – 1881. - № 22.
5. Правила о церковно-приходских школах [Текст] // Ярославские епархиальные ведомости. Офиц. часть.- 1884. - № 33.
6. Отчет о состоянии церковно-приходских школ Ярославской епархии за 1885-1886 учебный год [Текст] // Ярославские епархиальные ведомости. Офиц. часть.- 1887. - № 39.
7. Отчет о состоянии церковно-приходских школ Ярославской епархии за 1886-1887 учебный год [Текст] // Ярославские епархиальные ведомости. Офиц. часть.- 1888.- № 4.
8. Отчет о состоянии церковно-приходских школ Ярославской епархии за 1887-1888 учебный год [Текст] // Ярославские епархиальные ведомости. Офиц. часть. – 1888. - № 52.

9. Отчет о состоянии церковно-приходских школ Ярославской епархии за 1889-1890 учебный год [Текст] // Ярославские епархиальные ведомости. Офиц. часть.- 1891.-№ 22.
10. Ярославское епархиальное женское училище [Текст] // Ярославские епархиальные ведомости. Неофиц. часть.- 1882. - № 32.
11. О движении библиотечного дела за истекший 1884-1885 год [Текст] // Ярославские епархиальные ведомости. Офиц. часть. – 1886. - № 28.
12. Постановление совета Православного церковного братства святителя Димитрия Ростовского чудотворца в г. Ярославле о разрешении свящ. К. Воскресенскому устроить в селе Высокове Угличского уезда книжную лавочку [Текст] // Ярославские епархиальные ведомости. Офиц. часть. – 1891. - № 3.
13. Панина, Н.В. Ярославские епархиальные ведомости как исторический источник [Текст] / Н.В. Панина // Путь в науку / ЯрГУ им. П.Г. Демидова. – Ярославль, 1997. - Вып 3.

© Г.В. Карандашев (ЯГПУ)

Влияние алкоголизации населения на рост преступности в России в конце XIX – начале XX века

Безусловно, пьянство снижает материальное благосостояние народа, увеличивает смертность, отрицательно влияет на нравственность. У человека, находящегося в состоянии алкогольного опьянения, нарушается психическое равновесие, теряется самообладание. Если среди населения растет пьянство, то увеличивается преступность. Преступность - очень сложное социальное явление. Она не находится в прямой зависимости от алкоголизма, но он является ее важным фактором. Это доказывает количество преступлений, которые совершаются под влиянием алкогольного опьянения.

Во многих случаях замечается обратная тенденция, то есть не пьянство непременно вызывает преступление, а преступная профессия лица (например, занятие воровством, разбоем и т. п.) влечет человека к пьянству. Те преступления, при которых главную роль играют вспышки той или другой

страсти, например, нанесение увечий, сопротивление властям, преступления против нравственности, в большинстве случаев совершаются под влиянием спиртных напитков. В так называемых «интеллектуальных» преступлениях (мошенничество, подлог) алкоголики принимают участие редко, так как здесь требуется сообразительность, умение составлять план, то есть такое психическое состояние, которое у пьяниц обычно отсутствует. Особенного внимания заслуживает то обстоятельство, что из всего количества преступлений, совершенных лицами в состоянии алкогольного опьянения, значительная их часть приходится на умеренно пьющих [8].

По мнению криминалистов, в конце XIX – начале XX века на злодеяния людей толкала как наркотическая зависимость от спиртного, так и само состояние опьянения, в котором совершалось примерно 40 % нарушений закона. А рост потребления алкоголя в царской России продолжался до 1914 года [4].

Наиболее объективный взгляд на проблему дают данные судебной статистики. Она более объективна по сравнению с другими источниками. Вместе с тем во многом приводимые показатели отражают лишь основные тенденции развития «пьяной» преступности. На совершение преступления помимо алкогольного опьянения влияет множество других причин, которые невозможно выявить при статистическом анализе. Статистика не всегда адекватно отражает сложившуюся ситуацию. Во-первых, легче задержать пьяного преступника, чем трезвого. Во-вторых, исследователь нередко вынужден использовать весьма субъективные сведения, основанные не на прямых измерениях уровня алкоголя в крови преступника, а на личных впечатлениях сотрудников внутренних органов [5. С. 92 - 102].

В 1897-1898 гг. в Санкт-Петербурге из 10 тыс. правонарушений 1643 совершили люди, о которых было известно, что они злоупотребляли алкоголем. А еще в 2333 случаях подсудимые были пьяны, хотя отзывов о них как о пьяницах не поступило. Наиболее характерным преступлением для лиц, находящихся в состоянии алкогольного опьянения, было изнасилование, богохульство, причинение телесных повреждений, воровство и разбой (см. табл. 1) [1. С. 206 – 207]. При этом следует отметить, что многие преступники были выходцами из

губерний Центрально-промышленного района, где уровень потребления алкоголя был достаточно высок [7. С. 74 -75].

Таблица 1

Относительные показатели основных видов преступлений, совершенных в состоянии алкогольного опьянения в Санкт-Петербургской губернии в 1897 – 1898 гг.

Вид преступления	%
Изнасилование	58.2
Богохульство	58.1
Телесные повреждения	61.3
Воровство	51.6
Грабеж и разбой	65.4
Убийство	46.6
Нарушение общественного порядка	33.1

Особенностью преступности конца XIX – начала XX века было увеличение доли правонарушений со стороны женщин. По сравнению с 1884-1889 гг., в 1889-1893 гг. мужская преступность увеличилась на 10 %, а женская на 25 %. Так, количество преступлений, совершенных женщинами против собственности, возросло на 14,7 %, против общественной нравственности на 48,0 %, убийств на 6,3 % и случаев нанесения телесных повреждений – на 67 % [6. С. 54 – 65.]. Этот процесс прямо соотносится с быстрым ростом женского алкоголизма в конце XIX – начале XX века [3. С. 223 -226].

Необходимо отметить, что доля преступлений, совершенных несовершеннолетними в нетрезвом виде, была значительно ниже. В то же время алкоголизация также располагала детей и подростков к различным проступкам. Например, в 1908 году в г. Москве было задержано 439 малолетних правонарушителя, 84 из которых были пьяны (19 %).

Наибольшая часть нарушений закона несовершеннолетними в состоянии алкогольного опьянения приходилась на 16-17-летний возраст, что можно связать с получением молодыми людьми самостоятельности и влиянием дурного окружения. Количество правонарушений со стороны девочек, находившихся в пьяном виде, было значительно ниже. Так, в 1908 - 1909 гг. в Москве было задержано всего 7 таких преступниц

(см. табл. 2). Примерно половина злодеяний в состоянии опьянения совершалась в группе, а 40 % из них совместно со взрослыми [2. С. 7-10].

Таблица 2

Показатели количества преступлений, совершенных несовершеннолетними в состоянии алкогольного опьянения в Москве в 1908-1909 гг.

Возраст (лет)	мальчики	девочки	всего
10	1	-	1
11	-	-	2
12	1	1	1
13	3	-	3
14	7	-	7
15	12	1	13
16	41	1	42
17	97	4	101
Итого	162	7	169

Таким образом, алкоголизация и преступность соотносятся не как причина и следствие, а как родственные социальные явления с едиными социальными корнями, которые усиливают друг друга. Известно, что пьянство не является прямой причиной преступности, но между ними существует тесная связь. Доказано, что увеличение потребления спиртного всегда сопровождается ростом преступности. Преступления, совершенные в состоянии алкогольного опьянении, играют заметную роль в обострении криминогенной ситуации в России. Пьянство было и остается одним из важнейших факторов роста преступности.

Библиографический список

1. Григорьев, Н.И. Алкоголизм и преступления в г. Санкт-Петербурге по материалам городских больниц и архива окружного суда [Текст] / Н. И. Григорьев. – СПб., 1900. – 79 с.
2. Диомидов, И.М. Алкоголизм, как фактор преступности несовершеннолетних [Текст] / И. М. Диомидов. - М., 1912. – 14 с.
3. Дмитриев, В.К. Критические исследования о потреблении алкоголя в России [Текст] / В.К. Дмитриев. - М., 2001. – 363 с.

4. Краткий очерк 50-летия акцизной системы взимания налога с крепких напитков и 50-летия деятельности учреждений, заведывающих неокладными сборами [Текст]. - СПб., - 1913. – 265 с.
5. Павлов, С. Е. «Пьяная» преступность в России в 1920 – е годы [Текст] / С.Е. Павлов // Социологический журнал. – 2002. - № 4. - С. 92 - 102.
6. Сикорский, И.А. О влиянии спиртных напитков на здоровье и нравственность населения России: статистическое исследование по официальным источникам [Текст] / И. А. Сикорский. - Киев, 1899. – 96 с.
7. Статистика по казенной продаже за 1913 год [Текст]. - СПб., 1915.
8. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона [Электронный ресурс].-Режим доступа.- http://vehi.net/brokgauz/

©А.Е. Коняев (ЯГПУ)

Достоинства и недостатки деятельности школ при исправительных арестантских отделениях Европейской России конца XIX – начала XX вв.
(По материалам Ярославской и Владимирской губерний)

Задача обучения заключённых грамоте и началам наук была одной из важнейших для развития «тюремного дела» в России. Уже в начале XIX в. «наше законодательство обратило внимание на улучшение материального и духовного состояния тюрьмы: на тюремные работы, на религиозное воспитание и школьное обучение арестантов» [12. С. 360]. Однако практически те же «главнейшие недостатки наших мест заключения» отмечены в циркуляре Департамента полиции исполнительной от 6 марта 1879 г.: «Почти повсеместная праздность арестантов, не говоря уже об отсутствии правильного и последовательного обучения последних грамоте» [5. Д. 1. Л. 58].

Образование в России тех лет осуществлялось под пристальным вниманием и контролем Русской православной церкви. Так, в Ярославской губернии духовенство «не только имело церковные библиотеки, но и вело наблюдения за деятельностью других народных читален, выясняя количество, содержание, идейную и нравственную направленность имею-

щихся книг», а «от одной трети до половины всех учащихся начальной школы получали свои первые знания по арифметике, русскому языку, родной речи, истории в церковно-приходских школах» [8. С. 156, 155]. Подобная специфика была характерна и для обучения грамоте за решёткой. Как отмечает правовед С.Н. Ушаков, образование заключённых «рассматривалось как часть нравственного воспитания». А оно передавалось государством в руки деятелей РПЦ: «В дореволюционной России преобладало духовно-нравственное и религиозное воздействие на заключённых». Аналогично и в сфере просвещения заключённых: чтение газет и журналов грамотными арестантами допускалось «при условии, что они должны были иметь воспитательное значение и не затрагивать вопросы текущей общественной жизни». Также заключённым были доступны книги, «соответствующие уровню их развития», которые выдавались раз в неделю, не более 3 экземпляров за раз. Исключение составляли Евангелие, Библия и молитвенник, которые разрешалось держать в камере постоянно. А вот словари, географические карты и «другие пособия для занятий» светскими науками арестанты могли получить только «с особого разрешения начальника места заключения» [11].

Таким образом, уже изначально религиозно-нравственный компонент доминировал над образовательным. Подтверждение этому находим, например, в ежегодных отчётах о деятельности Владимирского исправительного арестантского отделения (ВИАО). В них содержатся весьма детальные описания «религиозно-нравственной стороны быта заключённых» и процесса «обучения арестантов грамоте».

Прежде всего, необходимо отметить случайный, а не системный характер обучения неграмотных арестантов ВИАО – администрация учреждения прекратила их просвещение, как только возникли даже небольшие бытовые неудобства.

В годовых отчётах 1886 и 1887 гг. находим стандартную формулировку: «Содержащиеся в отделении арестанты, малограмотные или вовсе неграмотные, обучаются в школе читать, писать и первоначальным правилам арифметики, каковые занятия ведёт Помощник начальника отделения. Духовный же отец арестантов, священник Покровский, три раза в

неделю преподаёт Закон Божий». Обучению грамоте подлежали в принудительном порядке арестанты до 30 лет, «а старее сего обучаются по собственному их желанию». Успехи обучения были значительны. В 1886 г. в школу, где на 1 января значились 65 учеников, поступили учиться 93 человека, т.е. всего в процесс обучения оказались вовлечены 158 заключённых – при том, что в тот год во ВИАО содержалось 394 арестанта. В течение года школьный курс окончили полностью 74 человека [1. Д. 51. Л. 18, 27]. На следующий год к 84 ученикам, не прослушавшим курс до конца, добавились 79 новичков, и всего вовлечёнными в процесс обучения оказались 163 арестанта из 427, содержавшихся во ВИАО. 93 из них в 1887 г. прошли полный курс начального образования [1. Д. 53. Л. 2, 11].

Однако вскоре школа прекратила своё существование. В отчёте 1889 г. читаем: «Содержащиеся в отделении арестанты в прежнее время обучались грамоте в школе, но в минувшем 1889 году продолжать обучение их было невозможно, так как школа занята казёнными материалами и вещами, и в ней же производится раскрой тех же вещей». Процесс просвещения арестантов не прекратился вовсе, но из него была изъята вся светская часть, за исключением самых основ грамоты: «Арестанты занимаются чтением в камерах, получая книги для первоначального чтения». Теоретически, процесс обучения можно было возложить на грамотных заключённых, но этого не сделали. Их умения пошли только на религиозную пропаганду: «Грамотные арестанты получают книги духовно-нравственного содержания и читают их в камерах, вслух, в назидание прочим» [1. Д. 54. Л. 2-об.].

Подходы к нравственному воспитанию также были неоднозначны. В том же 1889 г. во ВИАО содержались 412 арестантов, из которых православными были лишь 256. Их воспитывали так: «В воскресные и праздничные дни арестанты препровождаются к Божественной литургии в близлежащий кладбищенский храм, где более способные становятся на клиросе и поют службу», то есть воспитывали только православных арестантов. Совершенно иначе обстояло дело с продовольствием заключённых. В отчёте отмечается, без какого-либо различия арестантов по конфессиям, что по наступлении Великого поста

все без исключения «по очереди говеют», т.е. из их рациона изымаются мясные продукты [1. Д. 54. Л. 2].

Подход к деятельности церковников в Ярославском исправительном арестантском отделении (ЯИАО) был принципиально иным. Здесь деятельность РПЦ расценивалась с позиций выгоды для развития арестантских работ. Так, домовая церковь ЯИАО – «Всехскорбященская» (во имя иконы Богоматери «Всех скорбящих радость») – была упразднена в июле 1900 г., когда потребовались дополнительные помещения для мастерских тюрьмы (церковь занимала часть третьего этажа главного корпуса ЯИАО). Расчёт администрации тюрьмы был прост: в условиях, когда православие было государственной религией, руководство губернии не могло оставить без храма крупнейшую тюрьму Ярославля. И действительно – в июле 1901 г. «на казённые средства» во дворе ЯИАО была заложена каменная церковь во имя святого преподобного Сергия Радонежского, выстроенная к октябрю 1904 г. [10. С. 580]. Аналогичным был и подход к просвещению арестантов. Администрация ЯИАО также рассматривала его как средство развития арестантских работ. До начала XX в. наиболее распространены были так называемые «чёрные» работы, не требующие образования: очистка улиц города от грязи и снега, огородные работы, работы при ассенизационном обозе. Мастерские при тюрьме также не предусматривали высокотехнологичного производства: сапожная, слесарная, столярная и др. Этими специальностями владели многие арестанты, даже не будучи грамотными: подобной работе их обучали на рабочем месте на практических примерах. Поэтому в отчёте ЯИАО 1902 г. обнаруживаем лишь краткую констатацию: «Школы при отделении не имеется» [5. Д. 111. Л. 9].

В первое пятилетие XX века в ЯИАО появляются и активно развиваются высокотехнологичные производства и услуги: так, попечитель тюрьмы купец Гороховников устроил при тюрьме чугунно- и меднолитейную мастерские; минимум с 1904 г. при ЯИАО имелся пароход, обслуживаемый арестантами; заработала холщово-ткацкая фабрика [9]. Для ведения подобных работ требовались люди с достаточным уровнем

образования: поэтому уже в 1906 г. при ЯИАО была неплохая школа, в которой обучались десятки учеников.

Преподавание религиозных предметов и общее руководство школой были поручены, как и во Владимире, священнику тюремной церкви ЯИАО, о. Николаю Ушакову, его помощником стал церковный псаломщик. В немалой степени такому выбору способствовали соображения экономии на жалованье учителей. Из «требовательной ведомости» на выдачу зарплаты сотрудникам ЯИАО за декабрь 1906 г. узнаём, что псаломщику церкви Николаю Селецкому за службу по духовной части полагался оклад в 30 руб. ежемесячно (равный окладу старшего надзирателя тюрьмы), а за обучение арестантов в школе – лишь маленькая надбавка в 40 руб. в год (3 руб. 33 коп. ежемесячно) [5. Д. 314. Л. 1-об.].

Светский учитель – некто Сергей Забелов – также числился в штате Исправительного отделения. И у него оклад был невелик – 120 руб. в год (10 руб. в месяц) [4. Д. 182. Л. 30-об.]. Любопытно проследить по другим источникам личность этого человека – энтузиаста своего дела. В 1906 г. начальник ЯИАО обратился к попечителям тюрьмы с просьбой жертвовать в библиотеку тюрьмы личные книги из-за нехватки денег на приобретение литературы. Единственным откликнувшимся как раз и был «учитель Забелов», пожертвовавший Исправительному отделению 104 книги [5. Д. 249. Л. 8, 9-11]. Во многом благодаря этому подарку к 1907 году в ЯИАО была собрана большая библиотека – 905 книг [5. Д. 388. Л. 5]. Просветительская деятельность в стенах тюрьмы в известной мере «держалась» на удачно подобранной кандидатуре преподавателя.

Приоритет в обучении арестантов ЯИАО безусловно отдавался светскому просвещению. Вновь назначенный начальник тюрьмы А.Л. Гордов в рапорте Губернскому тюремному инспектору от 28 сентября 1907 г. писал, что занятия в школе проходят по 19 часов в неделю, из которых на Закон Божий отводится 5 часов, по стольку же на чтение и письмо и на обучение арифметике 4 часа в неделю [5. Д. 309. Л. 23-24]. В нравственном воспитании арестантов также доминировали светские мотивы. Оправдывая статус передовой тюрьмы, администрация ЯИАО купила «волшебный фонарь» (прообраз

слайдов) и несколько комплектов «картин» к нему. Они были посвящены в первую очередь актуальным вопросам – арестанты могли узнать «Как борются люди с чумой, оспой и холерой», «Как останавливать кровь», «О дурной болезни» (сифилисе). Узкорелигиозным темам предпочитали более общие: например, была закуплена серия картин «Чему учил Господь наш» (предполагающая прямую связь библейских историй с обыденностью), а для нравственной пропаганды закупили диафильм, призывающий к активному труду, – «Сказ об Иване Работящем и Иване Пустодоме» [5. Д. 249. Л. 18-20].

Равным образом, в библиотеке Исправительного отделения доминировали образовательные и беллетристические книги. В отчёте Дополнительного помещения ЯИАО за 1907 год находим статистику: здесь имелись 123 духовно-нравственные книги, 106 книг по истории, 116 – «география, этнография и путешествия», 100 – «естественный и сельскохозяйственный отдел», по гигиене и медицине – 107 книг и по словесности – 499 [3. Д. 119. Л. 4–4-об.]. По Главному помещению точных данных нет, но, судя по спискам книг, передававшихся в переплётную мастерскую на ремонт, там ситуация была схожа. Например, 12 февраля 1906 г. в переплётную передали 85 книг, из них религиозных – около 2 десятков. Остальные – научная и художественная литература, а также периодика: журналы «Вестник Европы», «Русская мысль». С практическими целями арестанты читали «Руководство к гигиене», или, например, журнал «Юридические ведомости» [5. Д. 249. Л. 6-7, 9-10, 16-16-об.]. Арестанты проявляли большой интерес к учению, занимаясь в несколько смен. В 1907 г. занятия в школе посещали 79 заключённых, хотя помещение было рассчитано на 30 мест: в бывшей общей камере установили 10 парт, каждая на 3 ученика [5. Д. 388. Л. 4-об.].

Успехи образования среди арестантов ЯИАО представляются наиболее значительными. В немалой степени – из-за требовательности руководства учреждения ко всем участникам процесса обучения. Так, едва заметив небрежное исполнение псаломщиком возложенных на него обязанностей библиотекаря (тот 2 недели подряд не производил обмен книг у арестантов), А.Л. Гордов отписал священнику: «Пренебрегающий

духовным удовлетворением нужд "малых сих" не может считаться имеющим нравственное основание на получение полностью положенного ему вознаграждения» [5. Д. 309. Л. 20–20-об.]. Равным образом это относилось и к нравственному воспитанию, целиком остававшемуся в руках представителей РПЦ. В деле одного из арестантов тюрьмы, Афанасия Бароса, находим перечень проступков и взысканий за них. Так, 24 мая 1912 г. он за «разговор при возвращении с прогулки» был наказан карцером на 3 дня. А когда 3 марта того же года «ободрал лико иконы» - администрация тюрьмы поручила священнику «провести духовное назидание» [1. Д. 1611. Л. 4-об.], справедливо полагая, что это дело духовного наставника.

Прямо противоположный пример находим в Ярославской губернской тюрьме (ЯГТ). Там ещё с 1890 г. существовала «школа грамоты для заключённых» - также при тюремной церкви и под руководством священника [10. С. 578]. Однако каких-то значительных успехов в деле просвещения арестантов не было достигнуто – из-за нерадения администрации тюрьмы. Её начальник с 1896 г. А.И. Величкин страдал серьёзными хроническими заболеваниями, а сменившие его затем Ионин и Миткевич-Желтко характеризовались тюремным инспектором как «печальное исключение» из числа достойных руководителей тюрем губернии [4. Д. 151. Л. 9-об.-10]. Тюремная инспекция зачастую сама была должна указывать начальнику ЯГТ: «Предложите лицам, на которых у Вас обычно возлагается обучение арестантов, начать с ними классные занятия, чтения и собеседования» [7. Д. 130. Л. 93].

Ситуация в «Коровниках» была совершенно иной. В 1916 г. в мастерских тюрьмы образованные арестанты смогли наладить производство деталей снарядов на нужды фронта, а одному из заключённых 5 годами ранее писала сестра: «Не изнуряй себя занятиями, они полезны, когда их тотчас применяют к делу. Лучше послушай меня – почаще мешай дело с бездельем – с ума не сойдёшь» [6. Д. 80. Л. 51-об.].

Таким образом, можно отметить следующие достоинства и недостатки деятельности школ при местах заключения предреволюционной России. При профессиональном подходе к организации процесса обучения эти школы значительно спо-

собствовали повышению грамотности заключённых, в образовательный процесс включался значительный процент контингента тюрем. Однако так и не было создано ни достаточной материальной базы, ни законодательной основы для повсеместного развития таких школ. Дело просвещения заключённых было переложено на РПЦ, тогда как практика показывала: наибольшие успехи «тюремное образование» давало именно при условии доминирования светской составляющей процесса.

Библиографический список

1. Государственный архив Владимирской области (ГАВО). – Ф. 91. – Оп. 1.
2. Государственный архив Ярославской области (ГАЯО). – Ф. 335. – Оп. 1.
3. ГАЯО. – Ф. 335. – Оп. 3.
4. ГАЯО. – Ф. 335. – Оп. 4.
5. ГАЯО. – Ф. 337. – Оп. 1.
6. ГАЯО. – Ф. 338. – Оп. $2^{А}$.
7. ГАЯО. – Ф. 936. – Оп. 1.
8. Архипова, Л.М. Социальная деятельность ярославского духовенства в конце XIX – начале XX в. [Текст] // Социальная история российской провинции: материалы Всероссийской научной конференции. – Ярославль: ЯрГУ им. П.Г. Демидова, 2007. - С. 156, 155.
9. Коняев, А.Е. Новые технологии в ярославской тюрьме конца XIX – начала XX вв. [Текст] // История и современность глазами молодых: материалы II межвузовской научно-практической конференции. – М.: РГГУ, 2008. – С. 128-132.
10. Рутман, Т.А. Храмы и святыни Ярославля [Текст] / Т.А. Рутман. – Ярославль, 2005.
11. Ушаков С.Н. Права заключённых в тюрьмах дореволюционной России. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа. - www.samoupravlenie.ru/16-19.htm.
12. Энциклопедический словарь [Текст]. / Изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. – СПб., 1902. – Кн. 67.

© В.В. Таточенко (ЯГПУ)

Роль «Русских ведомостей» в формировании гражданственности во второй половине XIX – начале XX века

Современные исследователи продолжают искать новые подходы к анализу событий дореволюционной России. Одним из них является дискурс о гражданском обществе. Под **гражданским обществом** понимается идеальная модель общественного развития, в которой равно представлены интересы всех его членов; совокупность межличностных отношений и развивающихся вне рамок государства и без его вмешательства взаимодействий [1. С. 68-84]. По мнению немецкого историка М. Хильдермайера, к **гражданскому обществу** не относятся буржуазия, оппозиция против власти, коллективные социальные интересы, такие как биржевые комитеты, банковские ассоциации, союзы промышленников. Для гражданского общества не обязательна опора на широкие слои населения, но обязательны автономия как отсутствие побуждения извне и плюрализм с отсутствием доминирующей силы, такой как государство, церковь, армия или одна партия [2. С. 62-64]. В отечественной исторической науке к элементам гражданского общества относят, как правило, земство и частные общества, забывая периодические издания.

Одним из значимых изданий в дореволюционной России была газета «Русские ведомости». История «Русских ведомостей» началась 3 (15) сентября 1863 г. в г. Москве. Газета была основана литератором Н.Ф. Павловым. Первоначально она представляла собой небольшой листок, печатавшийся три раза в неделю. С 1868 г. газета стала выходить ежедневно и просуществовала до 14 (27) марта 1918 г. В 1879 году тираж «Русских ведомостей» был не самым большим среди московских газет. Так, тираж «Голоса» колебался от 23 до 25 тысяч номеров, тираж «Московских ведомостей» составлял 15 тысяч, а «Русских ведомостей» - 12 тысяч [3. С. 72]. Уже в 1899 году тираж газеты был свыше 20 тысяч экземпляров, ее подписчики находились как в Москве, так и в центральной и восточной России [4. С. 332]. В 1910 году тираж составил 198 тысяч, а в

1913 г. - 325 тысяч экземпляров [3. С. 77]. С газетой сотрудничали известные деятели: В.П. Вахтеров, В.В. Верещагин, В.О. Ключевский, В.Г. Короленко, С.А. Муромцев, В. И. Немирович-Данченко, Л.Н.Толстой и многие другие. Корреспондентами газеты были, в большинстве своем, москвичи, хотя в ней присутствовала значительная часть материалов местного уровня (к 1913 г. она составляла минимум 16%). Это давало соединение позиций регионов и столиц на страницах издания.

«Русские ведомости» отвечали критериям, предъявленным М. Хильдермайером к институтам гражданского общества. Во главе издания не находились крупные промышленники. Газета, несмотря на большое количество цензурных разбирательств, которые с 1870 по 1913 гг. были 81 раз и закончились уплатой штрафа общей суммой в 20550 рублей, не находилась в оппозиции российскому правительству [5. С. 304-308]. Рассказывая читателям об актуальных событиях современности, издание делало это не с точки зрения интересов какой-либо узкой социальной группы. В газете присутствовали разные точки зрения по вопросам современности, и, несмотря на то, что сотрудниками «Русских ведомостей» к 1913 г. были 7,3% кадетов, в издании печатались представители других партий (2,43%) [5. С. 5-219].

Помимо статей информационного характера в газете были статьи, в которых, по словам В.Г. Короленко, билось «гражданское» чувство, об этом же свидетельствуют и многие факты из истории газеты [5. С. 276-277]. В 1878 г. в киевском университете произошли беспорядки. Нескольких студентов арестовали и присудили к высылке. Арестованные, по доставлению их в Москву, проследовали в закрытых экипажах в сопровождении толпы московских студентов, пожелавших проводить киевских товарищей из Москвы. Путь шел через Охотный ряд. Здесь полиция рассеяла толпу студентов при помощи мясников. Избиению подверглись как студенты, так и ни в чем неповинные люди, которых стаскивали с пролеток. Студенты спасались бегством.

Весть о случившемся быстро разнеслась по столице. В редакцию «Русских ведомостей» один за другим приходили репортеры все с новыми и новыми вестями. Ночью, следующей за

тем днем, очередной номер газеты был отпечатан и снят со станка в присутствии полицейских [5. С. 162-163]. Газета «Московские ведомости» представила дело как стихийную расправу народа со смутьянами и приветствовала «изъявление народных чувств». С разоблачением организаторов выступили «Русские ведомости». После их сообщений стало ясно, что избиение студентов было организовано полицией. Такое обвинение не могло пройти безнаказанным, и московский генерал-губернатор князь В.А. Долгоруков намеревался закрыть газету. Но возмущение общества было столь велико и роль полиции столь очевидна, что власти не решились пойти на такой шаг. Редактору было «объявлено замечание» [6. С. 150].

Гражданскому обществу чужд шовинизм, газете «Русские ведомости» тоже. В 1880 году на страницах издания была напечатана статья К.Д. Кавелина «Узатис-латыш». Узатис был убийца матери генерала М.Д. Скобелева, находившегося после Русско-турецкой войны на пике популярности. Преступление произвело громадное впечатление на русскую общественность. Стали раздаваться голоса, которые в виду инородческого происхождения Узатиса (на самом деле он был грек, но ошибочно ему приписывали латышское происхождение) стали перекладывать ответственность за преступление с преступника на всю народность, к которой он принадлежал.

Против этого выступил Кавелин в статье. В ней он как адвокат приводил тезисы в защиту латышей и стремился пристыдить сограждан как взрослый отец маленьких детей: «Немцы, евреи, поляки поочередно делались козлами наших патриотических увлечений; сегодня мы к ним прибавляем ни в чем не повинных латышей ... Где же конец этим безумствам? Какие чувства может питать к нам этот наш согражданин, когда мы будем повторять ему на разные лады, что мы – Богом избранный народ, а он – какой-то оглашенный, способный на разные, свойственные его расе гадости? И можем ли мы, не краснея за себя, держать подобные речи?» [5. С. 78-79]. Главные мысли К.Д. Кавелина заключались в том, что русская нация на самом деле не является венцом идеального совершенства.

«Русские Ведомости» на протяжении всей своей истории твердо стояли на защите начал самоуправления. В начале

августа 1882 года в «Московских ведомостях» появилась статья «К вопросу об университетских экзаменах» под псевдонимом «Студент». Статью эту редакция «Московских Ведомостей» признала нужным сопроводить пространными рассуждениями о необходимости коренной реформы университетов в духе упразднения начал самоуправления, организации инспекции с целью установить бдительный надзор за студентами. Ответил на эту статью студент юридического факультета Московского университета, будущий профессор В.Ф. Дерюжинский. В передовице «Русских Ведомостей» доводы «Московских Ведомостей» были подвергнуты критике за искажение действительных начал университетской жизни [5. С. 268].

В 1886 г. вслед за циркуляром Министерства внутренних дел, воспрещавшим празднование 25-летия отмены крепостного права, московский генерал-губернатор В.А. Долгоруков запретил московской печати даже упоминать об этой дате. Узнав об этом решении только в ночь на 19 февраля, редактор «Русских ведомостей» В.М. Соболевский отправился к нему и заявил, что не может выпустить газету без статей о реформе. Генерал-губернатор ответил, что выпуск газеты он будет рассматривать как антиправительственную демонстрацию и непременно ее закроет [5. С. 156]. Тем не менее, Соболевский принял довольно рискованное решение: отдал распоряжение о невыходе номера. В то время как все московские издания были вынуждены исполнить требования властей, «Русские ведомости» совсем не вышли. Так газета молчанием чествовала двадцатипятилетние освобождения крестьян. Это молчание можно охарактеризовать «кричащим».

В 1902 г. «Русские ведомости» опубликовали открытое письмо издателю «Гражданина» князю В.П. Мещерскому от тамбовского уездного предводителя дворянства В.М. Петрово-Соловова. Автор заявил, что дворянство не сочувствует журналу «Гражданин» и не будет оказывать ему поддержки. В.П. Мещерский не должен ратовать за то, что было в прошлом, не замечать настоящего и будущего [7. С. 2]. В этой статье газета показала, что русскому обществу необходимо идти в ногу со временем, отказываясь от старых форм общественных отношений.

В начале Русско-японской войны 1904-1905 гг. начальник главного управления по делам печати, профессор Московского университета Н.А. Зверев проводил в Москве собрание редакторов повременных изданий. Он собрал их в кабинете цензурного комитета и просил, чтобы газеты были «потише», не проводили на своих страницах «разных неподходящих идей», и сделал строгий выговор бывшему товарищу по профессуре В.А. Гольцеву, редактору «Русской мысли», и В.М. Соболевскому, редактору «Русских ведомостей». Н.А. Зверев был особенно недоволен их «проконституционными» настроениями, ввиду наличия для печати более подходящей военной темы [8. С. 138]. Эти фрагменты из жизни «Русских ведомостей» свидетельствуют, что газета была одним из тех органов печати, которые не только стремились к конституции, но и к гражданским свободам.

Необходимым условием формирования гражданского общества является отсутствие цензуры. На страницах газеты были статьи и антицензурного характера. К теме ее бесполезности обращался, например, С.Н. Трубецкой. В мае 1905 г. в «Русских ведомостях» появилась «Сказке о Сене и Васе». В ней автор пытался доказать, что цензура хуже свободолюбивых публицистов. Цензура истинному злу не мешает, а чужие таланты портит. Сказка рассказывала о двух братьях, Сене и Васе. Благонамеренный мальчик Сеня с детства хотел стать цензором, а неряха Вася - публицистом. Так и случилось. Вася негодовал на цензуру. Он считал ее «орудием бюрократического произвола», а Сеня защищал цензуру, которая спасает от греха. Вася жил распутно, а Сеня был хорошим семьянином. Но когда они умерли, то оба попали в ад. Черти, хлопая в ладоши, объяснили Сене причину произошедшего: он жил за счет Васи, без него он не смог бы работать [9. С. 82-85].

Более 2/3 читателей «Русских ведомостей» были людьми с высшим образованием, причем в провинции газету читали чаще, чем в Москве [5. С. 114]. Она читалась в кружках молодежи, и при беседах на общественные, и политические темы часто ссылались на ее статьи.

Статистик воронежской губернской земской управы И.М. Николаевский, вспоминая время расцвета газеты в 80-х

годах, был свидетелем ознакомления большинством молодежи с общественными вопросами через «Русские ведомости», при этом для читателей было характерно не критическое или сопоставительное с другими газетами восприятие позиции газеты. Однажды И.М. Николаевский с товарищем прочитал передовую статью «Русских ведомостей» по крестьянскому вопросу. Через несколько дней, придя на вечеринку молодежи, они стали свидетелями спора, на котором одна из девиц-либералок процитировала ту же самую статью [5. С. 277].

«Русские ведомости» оказывали сильное влияние на читателей. Однако аудитория газеты была сужена за счет сложного для восприятия профессорского стиля. Самыми популярными изданиями в провинции были «Сельский вестник» и «Свет» благодаря своей дешевизне [10].

Таким образом, благодаря большому тиражу, думающим корреспондентам, грамотной позиции редакции газета «Русские ведомости» способствовала формированию гражданственности в России как одного из элементов гражданского общества.

Библиографический список

1. Черных, А.И. Гражданское общество в истории России / Алла Ивановна Черных // Гражданское общество: теория, история, современность / отв. ред. З.Т. Голенкова. – М., 1999. [Электронный ресурс]. – Режим доступа http://www.auditorium.ru/books/977/

2. Хильдермайер, М. Образованный слой и гражданское общество: развитие в России до 1917 г. в сравнительном отношении [Текст] / Манфред Хильдермайер // Интеллигенция в истории: образованный человек в представлениях и социальной действительности / под ред. Д.А. Сдвижкова – М., 2001.

3. Шевырин, В.М., Белмут, Д. «Русские ведомости» , 1863-1917: либеральный голос в царской России [Текст] / В.М. Шевырин // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5, История: Реферативный журнал / РАН ИНИОН.- М. - 2003. - № 1.

4. Венгеров, С.А. Русские ведомости [Текст] / Семен Афанасьевич Венгеров // Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона / Ф.А. Брокгауз, И.А. Эфрон. – СПб., 1899. – Т. 53.
5. Русские ведомости.1863-1913. Сборник статей [Текст] – М., 1913.
6. Юровский, В.Е. Газета либеральной интеллигенции «Русские Ведомости» [Текст] / В.Е. Юровский // Вопросы истории. 1997. - № 1.
7. Петрово-Соловово, В. Открытое письмо издателю «Гражданина» [Текст] / Василий Михайлович Петрово-Соловово // Северный Край. – 1902. – 12 (25) января.
8. Гиляровский, В.А. Сочинения в четырех томах. Т. III. Москва газетная [Текст] / Владимир Алексеевич Гиляровский – М., 1989.
9.Есин, Б.И. С.Н. Трубецкой и его фельетон «Сказка о Сене и Васе» [Текст] / Борис Иванович Есин // Вестник Московского университета. Сер. 10. Журналистика. - 2002. - № 2.
10. Государственный архив Ярославской области. – Ф. 573. Оп 1. Д. 220; Д. 242; Д. 253; Д. 271; Д. 286.

© С.Д.Кудрявцев (Музей М. Богдановича)

Исторические связи Белоруссии и Ярославского края

К настоящему времени Ярославская область перестала быть мононациональным регионом, и это полиэтническое общество определяет новые правила сосуществования народов, населяющих регион. По данным Всероссийской переписи населения, в Ярославле проживают представители 68 национальностей.

Часто для этносов, проживающих в иноэтническом окружении, важным становится осознание своей идентичности. Так, в последнее десятилетие в Ярославле сложились и успешно действуют национально-культурные общества чеченцев - "Вайнах", украинцев - "Просвита", езидов - "Езиды" и др.

Перед национально-культурными обществами стоят совершенно определенные задачи: сохранение национального языка, традиций национальной деловой и общекультурной

этики, воспитание уважения и любви к своей малой и большой родине, толерантности.

Решением аналогичных задач занимается Ярославская региональная общественная организация русско-белорусской дружбы "Сяброуства", действующая при Ярославском музее М. Богдановича. Ярославская региональная общественная организация русско-белорусской дружбы «Товарищество» («Сяброуства») была зарегистрирована Управлением Министерства юстиции Российской Федерации по Ярославской области 18 ноября 1998 г. В настоящее время музей выступает как транслятор этничности.

В 1992 г. было подписано межгосударственное соглашение об учреждении мемориального Дома-музея М. Богдановича в Ярославле. Фактически с первых дней его существования в музей стали приходить белорусы, чтобы побывать "на кавалачку роднай зямлі", в доме, где жили великий белорусский поэт Максим Богданович и его отец – белорусский историк и этнограф Адам Егорович Богданович, в доме, который стал для всех белорусов Ярославля настоящим центром народной культуры. Официально этот статус был присвоен музею в 1995 г.

В 1991 г., в год 100-летнего юбилея М. Богдановича, в Ярославле прошли первые Дни культуры Белоруссии, впоследствии ставшие традиционными. Дорогими гостями на ярославской земле стали "Белорусские песняры", многие деятели театрального и фольклорного искусства, живописи и музыки.

Традиции культурного обмена поддерживаются сильной экономической базой взаимодействия. Ярославская область входит в Межрегиональную Ассоциацию "Центральная Россия", членами которой состоят все 6 областей Белоруссии.

Сотрудники Центра белорусской культуры проводят большую историко-архивную работу, прослеживая исторические связи Белой Руси с Ярославским краем. Существуют гипотезы, что еще Андрей Боголюбский, князь Ростово-Суздальского княжества, в 1169 г. захватив Киев, присвоил себе титул "князь белорусский", подчеркнув этим, что именно он Великий князь земли с единой истинно православной верой. В нескольких километрах от Ростова Великого стоит старинная деревня Вёска (по-белорусски "поселение", "лагерь").

Предполагается, что название возникло в период польско-литовского нашествия. В 1609 г. здесь стоял отряд гетмана Лисовского из войска Льва Сапеги, осаждавшего Углич.

Нужно отметить, что поиск документальных свидетельств осложнен объективными историческими обстоятельствами. Еще в 1696 г. польский сейм запретил выпуск книг и преподавание на белорусском языке. Позднее, после трех разделов Польши, Белоруссия вошла в состав Российской империи. Но отношение к белорусскому языку не изменилось. В 1840 г. вышел Указ, запретивший употребление самого слова "Белоруссия".

Поиск архивных документов проводится в Государственном архиве Ярославской области. Найденных документов пока всего около 100. Самый ранний документ датируется 1786 годом.

По данным полевых исследований 2000-2001 гг. выяснилось, что на рубеже 19-20 вв. тысячи белорусских крестьян-"самоходов" прибыли в Ярославскую губернию, поселяясь здесь компактно и сохраняя чистоту белорусских традиций. В качестве примера компактных поселений белорусов на территории Ярославской губернии можно назвать деревню Дор-Спасский (ныне Первомайский район Ярославской области). Вплоть до Великой Отечественной войны здесь проживали только белорусы.

В годы Великой Отечественной войны в Ярославль был эвакуирован Белорусский медицинский институт, на основе которого в 1944 г. организован Ярославский медицинский институт. Многие преподаватели-белорусы после войны остались работать в Ярославле [1]. В конце 80-х гг. 20 в. Переславль-Залесский район принял несколько десятков семей беженцев из Гомельской области, пострадавших в результате аварии на ЧАЭС.

По данным последней Всероссийской переписи населения, в Ярославской области проживает около 13 тысяч белорусов. Эти люди не забывают свою Родину и национальные традиции. В Музее М. Богдановича совместно с диаспорой отмечаются народные обрядовые праздники "Каляды", "Гуканне

Вясны" (Масленица), "Дзяды", государственные праздники Республики Беларусь и Российской Федерации.

В настоящее время экономические связи Белоруссии и Ярославской области практически прекращены из-за экономического кризиса. Однако культурные связи продолжают развиваться, и мы не должны забывать историческое единство наших народов, наше общее прошлое.

Библиографический список

1. Решение Исполнительного Комитета Ярославского Городского Совета депутатов трудящихся от 18 июля 1944 г. N 18 "О предоставлении квартир профессорско-преподавательскому составу Белорусского медицинского института".

© С.И. Смирнов (ЯрГУ им. П.Г. Демидова)

Планы создания Славяно-Сербского автономного государства на Балканах в российско-черногорских отношениях начала XIX века

В результате русско-турецких войн второй половины XVIII в. Россия значительно укрепила свои позиции в Балкано-причерноморском регионе и добилась права официально защищать интересы христианских подданных Турции. Объективно эта политика российского правительства способствовала развитию борьбы балканских народов за независимость.

В ходе проведения этой политики возникали проекты политического переустройства балканских владений Османской империи. Первым известным из них был так называемый «греческий проект», который предусматривал создание автономных, находящихся под покровительством России греческого и славянского государств. «Греческий проект» породил в Европе слухи о грандиозных завоевательских планах Российской империи. Отечественными исследователями доказано, что «греческий проект» не представлял собой прямой внешнеполитической программы, однако мысли, изложенные в нем, оказались созвучны надеждам миллионов турецких подданных и оказали идеологическое влияние на просвещенную часть российского общества [7. С. 56].

Особую популярность эти идеи приобрели в связи с активизацией политики в регионе во время наполеоновских войн начала XIX века, одной из арен которых стало Восточное Средиземноморье и Адриатика. На рубеже XVIII–XIX вв. они нашли отражение в работах протоиерея А.А. Самборского, видного юриста В.Ф. Малиновского, публициста В.Н. Каразина и других. Мысль об основании независимых славянских государств, по выражению А.П.Бажовой, носилась в воздухе [1. С. 75]. Усилению популярности подобных идей способствовал также факт основания в 1800 г. греческой Республики Семи Островов, находящейся под протекторатом России и лишь номинально подчиненной Порте.

В работах отечественных исследователей не раз упоминались сюжеты, связанные с образованием автономных славянских государств. Однако в имеющихся по этому вопросу обобщающих исследованиях рассматривались планы, возникавшие в ходе Первого Сербского восстания, и не уделялось внимания подобным планам, относящимся к Черногории [3;5], в то время как они появились еще до начала Первого Сербского восстания и сыграли определенную роль не только в развитии российско-черногорских отношений, но и в контексте международных отношений конца XVIII – начала XIX веков.

К началу XIX в. между Россией и Черногорией установились достаточно прочные отношения. Эти отношения основывались на взаимной выгоде: в лице Черногории петербургский двор видел союзника на Балканах, а черногорцы, в свою очередь, получали дипломатическую и материальную помощь в борьбе за независимость и создании государственности. Однако эти отношения не получили характера признанного на международном уровне покровительства и степень их интенсивности сильно зависела от ситуации на международной арене.

В конце XVIII в. Черногория первой из балканских стран обрела фактическую независимость от Порты, что послужило мощным толчком для формирования черногорской государственности: усилилась территориальная консолидация, был принят первый свод законов, в 1803 г. было сформировано первое официальное черногорское правительство. Своей основной внешнеполитической задачей глава Черногории, митрополит

Петр Негош, видел присоединение к Черногории территории Боки Которской, дававшей ей выход к Адриатическому морю.

Данные, приведенные сербским историком Б. Павичевичем, свидетельствуют о том, что в конце 1790-х гг. у Петра Негоша впервые возник план создания «славяно-сербского» государства. Владыка имел детально разработанную внешнеполитическую программу, согласно которой области, расположенные в юго-западной части Балканского полуострова, должны были стать основой независимого государства, а его политическим ядром служила бы Черногория [12. С. 39]. Это государство было немыслимо без получения выхода к морю путем присоединения Боки Которской.

В этом вопросе митрополит рассчитывал на помощь из России. Осенью 1799 г. в Петербург был направлен «для испрошения нужной ко всеобщего нашего отечества пользе» специальный представитель граф Н. Черноевич-Давидович. В первом пункте переданного им прошения значилась просьба: «Повелеть изыскать средство для присоединения Бокезской провинции к Черной Горе» [8. С. 305-307]. Однако международная ситуация не способствовала реализации планов черногорского владыки. Павел I придерживался принципа сохранения целостности Османской империи, с которой в 1798 г. был заключен военный союз. Предложения Негоша фактически остались без ответа.

В 1803–1804 гг. в условиях обострения русско-французских противоречий в восточном Средиземноморье и угрозы высадки французского десанта на берега Адриатики положение фактически независимой Черногории, прилегающей к побережью, позволяло российскому правительству рассматривать ее как удобную военную базу на случай развертывания военных действий против Франции.

Во время ведения переговоров о создании 3-й антифранцузской коалиции в начале 1804 г. были впервые озвучены так называемые «балканские планы» А. Чарторыйского. Товарищ министра иностранных дел считал, что лучшее средство остановить наполеоновскую экспансию на Балканах – основание автономных государств наподобие Республики Семи

островов под формальным сюзеренитетом Турции и реальным покровительством России [1. С. 31].

В течение 1804 г. были предприняты акции российского правительства, направленные на укрепление в Черногории российского влияния. В августе 1804 г. состоялось открытие российского консульства на территории Боки Которской, с энтузиазмом воспринятое Петром Негошем. Совсем иную реакцию вызвало это событие у австрийской стороны, усмотревшей в этом акте экспансионистские устремления России в Адриатике. Обоснованием позиции австрийских властей было объявление нового консула А.О. Мазуревского черногорцам о том, что Александр I предлагает «учредить в Черногории центр славяно-сербского государства под покровительством и верховной властью России» [9. С. 80].

Осенью 1804 г. в Лондон для ведения переговоров о создании коалиции был отправлен Н.Н. Новосильцев. Согласно инструкции, выданной в МИДе, ему было поручено, при благоприятной ситуации, выяснить отношение британского правительства к идее «создании одной или двух республик – греческой и славянской под сюзеренитетом Турции и России, наподобие республики Семи Островов» [2. С. 152]. О том, что центром одной из республик, бывших предметом упомянутых переговоров, могла стать именно Черногория, свидетельствует миссия С.А. Санковского, представителя России в Черногории в 1805–1807 гг.

Опытный дипломат, стоящий близко к группе «молодых друзей» Александра I, С.А. Санковский, был отправлен в Черногорию в конце 1805 года. В инструкции Чарторыйского говорилось: «Для нас очень важно иметь точное представление о правительстве, созданном митрополитом...вы соберете об этом все свидетельства, которые сможете добыть и уведомите нас...насколько существующее правительство обещает быть прочным... и будет ли это средством сделать их приверженными интересам России» [6. С. 11].

Результатом поездки российского дипломата стал ряд донесений, отправленных в Петербург осенью 1805 года. В этих донесениях содержалось подробное описание политического устройства Черногории и деятельности вновь учрежденных органов, а также план обширных преобразований, направ-

ленных на установление политической централизации в стране. Ряд исследователей полагает, что в составлении этого плана, наряду с Санковским, активное участие принимали и черногорские политические деятели, в частности, Петр Негош. С.А. Санковский полагал, что Черногория, находясь «в середине народов славяно-сербских», должна стать опорой российских внешнеполитических акций на Балканах. Кроме того, Черногория рассматривалась как ядро будущих политических преобразований в регионе: «Благоденствие народа черногорского будет служить очевидным примером другим народам славяно-сербским, лежащим в соседстве Черногории. Когда токмо высочайший двор объявит свое желание, то подчинят также себя на таковом точно основании под покровительство великого нашего императора» [4. С. 230].

Достаточно подробно в своих донесениях Санковский останавливался на проблеме Боки Которской. Он сообщал, что значительная часть ее населения склонялась к объединению с Черногорией, пытался обосновать отсутствие прав австрийцев на эту территорию [4. С. 231]. Сказанное вполне соответствовало взглядам черногорского митрополита и его окружения на проблему Боки Которской и, вероятно, попало в донесения российского дипломата не без его, Негоша, сознательного участия. Получив выход к морю, имея свою государственную организацию и сильное влияние в соседних славянских землях, Черногория вполне могла стать ядром одной из «славянских республик», планы создания которых появились в российском МИДе в 1804 году.

В январе 1806 г. в нескольких записках на имя Александра I, составленных на основании данных С.А. Санковского, А. Чарторыйским были вновь изложены планы создания автономных государств на Балканах под покровительством России: «...с образованием из Герцеговины, Черногории, Далмации и Коттаро (Боки Которской – С.С.) промежуточного государства, схожего с Рагузой и Семью Островами, Турция, очевидно, приобретает сильный оплот с этой стороны против французов». По всей видимости, ядром нового образования должна была стать Черногория, и в записке много внимания уделялось поддержке формирующейся черногорской государственности. Предлагалось, по совету С.А. Санковского, офи-

циально уведомить П. Негоша о высочайшем одобрении проводимых им преобразований [10. С. 322].

Для осуществления связи новой республики по морю с Россией в записке товарища министра внутренних дел допускалось «даже овладеть каким-нибудь портом в Истрии или Далмации и даже устьями Коттаро». Которскому побережью автором записки придавалось особое значение: «Эта провинция заслуживает особенного внимания, благодаря своим превосходным гаваням, своему сильному положению и настроениям жителей, которые ненавидят французов» [10. С. 324].

Осуществление этих планов было невозможно без поддержки Англии. Отправившемуся в феврале 1806 г. с дипломатическими поручениями в Лондон А.П. Строганову предписывалось обсудить с английской стороной возможность создания автономных государств на Балканах, одно из которых занимало территорию от Котора до Сербии. Однако это предложение, ввиду занятой англичанами позиции по балканскому вопросу, даже не рассматривалось.

В связи со следующими событиями вопрос о политическом переустройстве Балкан получил новую степень важности. В марте 1806 г. отрядом российских кораблей адриатической эскадры адмирала Д.Н. Сенявина при поддержке 2-тысячного войска черногорцев под предводительством Петра Негоша была занята которская крепость, которая по Пресбургскому миру подлежала передаче французским войскам. Вскоре вся которская область вошла под контроль российско-черногорских вооруженных сил.

Верховная власть в Боке Которской осуществлялась триумвиратом, состоящим из С.А. Санковского (гражданский губернатор), П. Негоша (вице-губернатор) и Д.Н. Сенявина (военный комендант). Была фактически установлена новая система самоуправления: представителям местного населения были вручены ключи от города, герб и знамя суверена, а также жезл главнокомандующего. «Австрийцы длительное время обещали народу, что такая церемония состоится, а сами всегда обманывали и раскалывали общины, чтобы такая церемония не состоялась», – сообщал С.А. Санковский в Петербург в начале 1807 года [9. С.92].

Занятие Боки Которской значительно укрепляло позиции России в этом регионе. Оценивая стратегическую важность нового форпоста на Адриатике, Сенявин писал А.К. Разумовскому: «Залив Бока Ди Коттаро есть наилучший в свете, граница, окружающая провинцию, почти неприступна, так что при помощи черногорцев и малого числа наших войск безопасна от нападения многочисленнейшего неприятельского войска...» [9. С. 101].

Но лишенная поддержки союзников в которском вопросе, в условиях постоянно меняющейся обстановки судьба Котора оставалась неопределенной. В инструкциях Сенявину от 25 мая 1806 г. за подписью императора говорилось: «Смотря по расположению каковое обнаружит Франция быть может, что возвращение Боки ди Котарро будет необходимо» [11. С. 110].

Высокая стратегическая ценность бухты позволила на переговорах с Францией весной 1806 г. выдвинуть идею о создании автономного государства, включающего Черногорию и Котор как компенсацию российской стороне за переход к Франции Республики Семи островов [11. С. 110].

Несмотря на противоречивые указания из Петербурга, триумвиры пытались развивать успех: во второй половине 1806 г. были взяты захваченные французами острова Корчула и Брач, в июне был блокирован Дубровник. В феврале–марте 1807 г. С.А. Санковским и П. Негошем разрабатывались планы широкомасштабной военной операции в Герцеговине, целью которой было освобождение Герцеговины из-под турецкого владычества и создание единого фронта с сербскими повстанцами.

Казалось бы, планы Петра I Негоша о расширении территории Черногории были как никогда близки к осуществлению. Черногорский правитель тесно общался и с Санковским, и с Сенявиным и поэтому знал о намерениях российской дипломатии создать автономное государство, включающее Черногорию и Боку Которскую. Вероятно, это и побудило его в данной ситуации сказать свое слово.

Весной 1807 г. в Петербург был направлен далматинский архиепископ С. Ивкович с письмом, в котором П. Негош выдвигал свой проект создания «Славяно-Сербского царства». «По низложении всемирного врага» (т.е. французов) предпола-

галось объединить Черногорию, Боку Которскую, Герцеговину, Дубровник и Далмацию. Анализируя деятельность Д.Н. Сенявина и С.А. Санковского в Боке Которской, В.Г. Сироткин приходит к выводу о том, что в разработке этого проекта кроме Негоша могли принимать участие и они [11. С. 129].

В мае С. Ивкович представил проект Негоша новому министру иностранных дел А.Я. Будбергу, но он, хотя и в самой благожелательной форме, был отклонен. Вместе с тем Будберг обнадежил Негоша, что в случае благоприятного развития событий в борьбе с Наполеоном российское правительство обещает максимально учесть пожелания черногорского митрополита при решении европейских проблем [9. С. 248]. Потерпела неудачу и герцеговинская кампания, во многом по причине того, что не оправдались надежды на антитурецкое восстание местного населения.

Между тем, к лету 1807 г. международная обстановка резко изменилась. В результате битвы под Фридландом и разгрома четвертой коалиции 25 июня 1807 г. Александром I и Наполеоном был заключен мирный договор, по секретной статье которого Бока Которская отходила Франции. Вскоре российская эскадра покинула Адриатическое побережье, был вынужден вернуться в Черногорию и Петр Негош. Тесные российско-черногорские военно-политические контакты оборвались, а вместе с ними угасли планы политического переустройства Балканского полуострова.

О победе России в Отечественной войне 1812 г. Петр Негош узнал от командующего Дунайской армией адмирала П.В. Чичагова. В своем письме последний обнадеживал возможными «переменами обстоятельств» в судьбах балканских народов [9. С. 284]. Все это оживляло давние планы черногорского владыки на присоединение Боки Которской и получение выхода к морю, столь необходимого для развития черногорского государства.

Возможность решения этого вопроса появилась осенью 1813 г., когда при поддержке английского флота почти вся территория Боки Которской была очищена черногорскими войсками от французов. На скупщине 29 октября 1813 г. представителями Черногории, Боки Которской и некоторых приморских общин было провозглашено создание единого государства, было сфор-

мировано правительство, которое возглавил Петр Негош. Неизбежно вставал вопрос о державе-покровителе.

Необходимость привлечь внимание российской дипломатии заставила Петра Негоша вспомнить планы создания славянского государства на Балканах. 26 февраля 1814 г. он через своего секретаря Д. Владевича обратился к главе российского МИДа Н.П. Румянцеву с проектом обширных преобразований в Европе. Среди них было и создание государства, состоящего из Черногории, Боки Которской, Дубровника и Далмации. В письме Д. Владевича нашли отражение представления, распространенные среди югославян после победы России над Наполеоном, о неограниченных возможностях Александра I в деле изменения политической карты Европы: «в приобретении сих земель никто препятствовать не будет... поелику великий Бог сделал Россию благотворительницей всего мира и Россия будет средоточием и покровительницею всех царств земных во веки веков» [9. С. 294].

Однако судьба Боки Которской была решена еще в 1813 г., когда одним из условий присоединения к антинаполеоновской коалиции Австрия поставила возвращение ей Боки Которской. Но российская дипломатия ставила которский вопрос в зависимость от решения вопроса о сербах-беженцах, которым австрийские власти отказывали в выезде в Россию [7. С. 88]. После разрешения выезда 20 мая 1814 г. Александр подписал письмо Негошу. Подчиняясь решению держав, черногорцы были вынуждены сдать Боку Которскую австрийцам.

Таким образом, вновь не осуществились надежды Петра Негоша и его окружения на получение Черногорией выхода к морю. Не способствовали политическим переменам на Балканах принципы легитимизма и консерватизма, провозглашенные Александром I и легшие в основу идеологии Священного Союза. Подводя итог всему сказанному, нужно отметить, что идеи создания автономного славянского государства на Балканах получили особую актуальность в контексте российско-черногорских отношений начала XIX века. Они приспосабливались сторонами к обстоятельствам и ставились на службу внешнеполитическим задачам как Черногории, так и России.

Для Черногории проблема основания «Славяно-сербского царства» логически вытекала из нужд нарождающегося государства, которому был необходим выход к морю. В России же эта идея перекочевала в дипломатические документы под воздействием общественного мнения со страниц публицистической печати, так и не получив черт внешнеполитической программы, хотя ряд действий, направленных на реализацию планов политического переустройства Балкан, все же был предпринят. Точкой пересечения интересов России и Черногории в международной обстановке начала XIX в. стала территория Боки Которской. Но если для Черногории приобретение приморских территорий Боки Которской являлось насущной потребностью внешней политики Черногории начала XIX века, то для России Котор стал лишь дипломатической картой, которую неоднократно разыгрывал Петербург. Сильная зависимость от международной обстановки делала политику Александра I непоследовательной и не могла привести к каким-либо успехам в деле политического переустройства Балканского полуострова и борьбе за независимость славянских народов.

Библиографический список

1. Бажова, А.П. Россия и югославяне в конце XVIII–начале XIX вв. [Текст] / А. П. Бажова; Ин-т АН, Ин-т российской истории. - М., 1996. – 187 с.
2. Внешняя политика России XIX и начала XX вв. [Текст] : в 8 т. / сб. документов МИД.- М.: Наука, 1964. - Т. 2. – 546 с.
3. Грачев, В.П. Планы создания Славяно-Сербского государства на Балканах в начале XIX в. и отношение к ним российского правительства [Текст] / В.П.Грачев // Россия и Балканы: из истории общественно-политических и культурных связей / РАН, Ин-т Славяноведения и Балканистики. – М., 1996. – 46 с.
4. Достян, И.С. Описание Черногории начала XIX века в донесениях Санковского [Текст] / И. С. Достян // Славяно-балканские исследования: сб. статей и материалов. - М.: Наука, 1972. – 63 с.
5. Она же. Планы основания Славяно-Сербского государства с помощью России в начале XIX в. [Текст] / И. С. Достян // Славяне и Россия: сб. науч. ст. - М.,1972. –161 с.

6. Она же. Проблема государственной организации Черногории в русско-черногорских связях начала XIX в. [Текст] / И. С. Достян // Балканский исторический сборник: сб. науч. ст. / АН Молдавской ССР. - Кишинев: Штиинца, 1974. – 122 с.
7. Она же. Россия и Восточный вопрос [Текст] / И. С. Достян; Из истории русско-балканских политических связей первой трети XIX в. АН СССР, Ин-т славяноведения и Балканистики. - М.: Наука, 1972. – 389 с.
8. Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в первой трети XIX в. [Текст] / Ин-т истории СССР АН СССР, Ин-т истории в Белграде. Документы. - М.: Наука, 1997. – 475 .
9. Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в XVIII в. [Текст] / Ин-т истории СССР АН СССР, Ин-т истории в Белграде. Документы. - М.: Наука, 1984. – 411 с.
10. Сборник Русского Исторического Общества [Текст] / Сборник императорскаго русскаго историческаго общества. - СПб., 1892.- Т. 82. – 729 с.
11. Сироткин, В.Г. Франко-русская дипломатическая борьба на Балканах в 1801–1812 гг. [Текст] / В. Г. Сироткин // Ученые записки ин-та славяноведения / АН СССР. - М.: Изд-во АН СССР, 1962. - Т.XXV – 113 с.
12. Хитрова, Н.И. Черногория в национально-освободительной борьбе на Балканах в 50–70-е гг. XIX в. [Текст] / Н. И. Хитрова; АН СССР, Ин-т истории. - М.: Наука,1979. – 389 с.

©Н.А. Миронова

Ассенизационный аспект санитарного состояния Ярославля в 1918 году

Я, ассенизатор и водовоз,
революцией мобилизованный
и призванный... (В.Маяковский)

Как известно, после событий июля 1918 года значительная часть Ярославля была разрушена. Ситуация с жильем, отоплением и продовольствием была катастрофичной и, очевидно, усугубляла санитарное состояние города: скученность лю-

дей на одной территории, голод и холод стали причинами распространения эпидемических заболеваний. Однако ничто так не пугало ярославских медицинских работников в сентябре-октябре 1918 года, как проблема, которая действительно очень серьезно угрожала санитарному состоянию Ярославля. Она заключалась в том, что на месте пожарищ осталось огромное количество выгребных ям.

Проблема ассенизации городов первых лет советской власти – одна из наименее популярных тем у историков этого периода. Хотя в современной исторической науке возросло внимание к проблемам революционной повседневности, большинство историков, анализирующих этот период в категориях «смуты», «разрухи», обращают внимание на политические, социальные катаклизмы первых революционных лет, зачастую акцентируя внимание на деградации российской экономики. Наиболее любопытным и, пожалуй, единственным обстоятельным исследованием по указанной тематике является труд И.В. Нарского «Жизнь в катастрофе», в котором исследователь рассматривает влияние проблем ассенизации на жизнь Южного Урала [1].

В нашей статье мы хотим обратить внимание на то, что для разрушенного Ярославля 1918-1919 годов эта проблема была не менее актуальна. До революции ассенизационное дело находилось, как правило, в частных руках. И при старой власти санитарное состояние многих городов оставляло желать лучшего, поскольку канализационые системы функционировали только в 19 городах России [2].

Существовавшая в Ярославле канализационная система к тому времени имела двадцатилетнюю давность. Во время пожара и разрушений лета 1918 года она была значительно повреждена. Вторая половина 1918 года в Ярославле была отмечена беспрецедентными даже для российских условий запустением городского хозяйства и одичанием городского быта. Всё ветшало и приходило в негодность. Помимо Ярославля, чудовищная ситуация с нечистотами наблюдалась во многих городах, особенно весной, когда они буквально заливались оттаявшими отбросами[1.С.65]. Даже в Петрограде ассенизационный кризис был настолько острым, что возникали очень

серьезные проблемы с водоснабжением: нельзя было выпить ни капли некипяченой воды. Плохая, а часто вредная для здоровья вода была причиной эпидемических заболеваний, особенно кишечных: брюшной тиф, дизентирия, холера и т.д.

Ярославские врачи постоянно обсуждали этот вопрос на совещаниях. Доктор И.В.Александровский требовал ускорить налаживание канализации хотя бы для больниц, школ и крупных общественных учреждений [3. Д. 11. Л. 5]. В Ярославле уже весной 1918 наблюдались первые случаи заболевания холерой, но врачи контролировали ситуацию. В начале апреля врач А.Е.Анциферова исследовала воду в Волге и Которосли (около фабрики Корзинкиных) и, наблюдая за городским водопроводом (воду брали около заборного ковша), отмечала присутствие в воде холерных вибрионов. На 4-6 июля 1918 г. был назначен «холерный съезд», который планировалось провести в Костроме (ярославские медики тоже собирались там присутствовать, им были выделены деньги для проживания и размещения в гостиницах). В конце июня было решено провести малый совет для обсуждения противохолерных мероприятий.

Медики ждали помощи из Москвы, откуда им обещали прислать дезинфекционные материалы: формалин, кристаллическую и черную карболку, соду и другие медикаменты, - все то, что помогло бы предотвратить распространение холеры. В Москве была запрошена негашеная известь для того, чтобы засыпать ею тела умерших от холеры. Уже в июне врачи начали делать прививки, вводя антихолерную вакцину. Вакцинирование носило добровольный характер, и потому медики пропагандировали вакцинацию с помощью плакатов и лекций[3. Д.8.Л.2].

Однако все планы медицинских работников были прерваны июльскими событиями в Ярославле. После разрушений июля 1918 года город представлял собой страшную картину. «Открытые зияющие выгребные и помойные ямы с твердыми и жидкими нечистотами, количество которых, по подсчету Управления работами по восстановлению Ярославля, достигает 2000000 ведер, является вполне реальной угрозой санитарному благополучию всего оставшегося населения. Эти ямы особенно будут опасны весной и летом, именно тем, что будут

привлекать к себе разносителей заразы – мух и прочих насекомых», - говорил доктор З.П.Соловьев на заседании медколлегии по санитарно-эпидемиологической секции[3. Д. 22.Л.11]. Проблемы ассенизации постоянно обсуждались на заседании медицинских коллегий санитарно-эпидемиологической секции. Заместитель наркома здравоохранения доктор З.П. Соловьев и А.И.Журавлев, присланный наркомом здравоохранения, лично осмотрели пожарище, размышляя, что можно сделать. К счастью, осень 1918 года была очень теплой, однако врачи понимали, что времени у них нет. Кроме того, через Ярославль собирались провозить большие партии заключенных и военнопленных, что усиливало жилищный и продовольственный кризис и грозило обернуться дополнительными санитарными проблемами.

А.И.Журавлев, обойдя пожарище, осмотрев выгребные ямы и отхожие места, заявил, что состояние их различно в зависимости от уровня почвенных вод и всасывания грунта. Кое-где часть жидких отбросов всосалась в почву. «Зато в районах с высоким стоянием и непроницаемой почвой к содержимому ям прибавились дождевые воды, местами заполнившие также и ямы погребов»[3.Д.22 Л.1]. В городе был ассенизационный обоз, но он совершенно не справлялся со своей задачей. Часть фуража обоза была украдена, и А.И.Журавлев опасался, что «за отсутствием фуража обоз находится в положении, угрожающем полной приостановкой» [3. Д.22. Л.1об].

Страшнее всего было то, что проблемы ассенизации были везде, от них невозможно было изолироваться. Даже для городской больницы, которая, казалось бы, должна была быть оплотом чистоты, они стали насущными: на территории больницы было огромное количество переполненных выгребных ям. Больницы являлись воплощением вопиющей антисанитарии, противоречащей назначению лечебных заведений. Комиссия, осматривавшая больничные корпуса в августе 1918 года (комиссии из Москвы приезжали время от времени, однако кроме красноречивых заявлений об ужасном состоянии медицины в Ярославле они мало что делали), отметила «крайне антисанитарное состояние дворов и больниц» [3.Д.22. Л.1об].

«В Духовской Больнице ретирадная яма, расположенная у окон квартир служащих и палаты, переполнена, нечистоты выливаются, издавая зловоние, - отмечала комиссия. – Двор же больницы за Романовской заставой в части, где расположены бараки, представляет из себя озеро заразы, все ретирады переполнены, в особенности у тифозного барака, сортировочной, жилого и венерического барака. Все нечистоты выливаются из ям, образуя топкое болото и распространяя зловонный запах» [З.Д.22. Л.1.об]. Все ретирады были расположены в двух метрах от помещений. Помойки тоже поблизости не было, и все нечистоты, в том числе хозяйственные, выливались прямо во дворе. В очередной раз, когда комиссия совершала осмотр, тифозные больные вынудили делегатов подойти к окну и умоляли принять меры для очистки выгребных ям. Заведующий хозяйственной частью предлагал просить помощи у городского хозяйства, заявляя о необходимости вычищать выгребные ямы «4 раза в неделю по 10 бочек за раз ввиду переполненности ям», необходимо некоторые из них отремонтировать[З.Д.22. Л.20]. Комиссия вынесла следующий вердикт: «необходимо принять экстренные меры по проведению городской больницы в более надлежащий вид» [3. Д.22. Л.1об] и отбыла в столицу.

Август 1918 года принес эпидемию холеры. Ежедневно заболевали 5-20 человек. Эпидемия началась внезапно: если 29 июля было выявлено только 28 больных холерой, то уже 5 августа – 267 чел., 13 августа – 440 чел., 16 августа – 546 чел. Число больных продолжало расти. Именно в начале августа от холеры умирает наибольшее количество людей: 3-5 человек в день. Не хватало медикаментов и оборудования. 9 августа открываются дополнительные холерные бараки на 80-90 человек, которые сразу были переполнены [З.Д.2. Л.29]. В сентябре благодаря усилиям медиков эпидемия пошла на спад, и в октябре заболеваемость была практически полностью взята под контроль, однако при чудовищной нехватке медицинских сотрудников проблему ассенизации решать было некому. Кроме того, в городе постоянно возникали новые очаги заразных болезней: испанской болезни, сыпного и брюшного тифа, оспы, дифтерита, крупа и скарлатины, разумеется, проблема десанитарии была одним из факторов скорого распространения за-

разных заболеваний. С начала августа 1918 врачи просят Москву помочь, требуя прислать дополнительный ассенизационный обоз. Комиссия по восстановлению Ярославля запросила в центре средства для проведения ассенизации, хотя бы 1200000 рублей. Проблему требовалось решить до наступления мороза, однако, как свидетельствуют документы, ситуация не изменилась и в конце ноября. Несмотря на просьбы о вывозе нечистот, «так как все ретирадные ямы переполнены и нечистоты разливаются по больничному двору», в течение 1918 года не прислали ни обоза, ни средств, ни какого-либо инвентаря [3. Д.22. Л.132]. У медицинских работников не было даже лопат для земляных работ по осушке почвы на территории больниц [3.Д.22. Л.9].

Дело было, однако, не только в нехватке финансовых средств: не хватало рабочей силы и времени. А.И.Журавлев говорил, что единственный выход – засыпать ямы негашеной известью, хотя «нет полной гарантии, что часть отбросов не сделается достоянием в дальнейшем почвенных вод»[3.Д.11. Л.1]. Проанализировав ситуацию, врачи решили действовать быстро и выработали «биологический способ» ассенизации, заключающийся в том, что нечистоты разливали на участки с огородной или иной культурой. Доктор И.В.Александровский и архитектор по восстановлению Ярославля А.И.Заозерский даже подсчитали, что для удобрения 25 десятин подойдет слой нечистот высотой около 4 вершков. Огороды предполагалось разбить в разных местах.

На совещаниях идеи А.И.Журавлева были поддержаны заведующим губернским медико-санитарным отделом Н.П. Сливиным, уездным врачом Е.И.Курочкиным, санитарным врачом П.Н.Новиковым. Правда, многие предупреждали о возможном зловонии для окружающих [3.Д.11. Л.2]. Было принято решение подойти к проблеме комплексно: продолжать, в силу возможностей многострадального обоза, вывоз нечистот с погоревших мест на свалки, засыпать ямы известью (необходимо срочно было раздобыть ее) и начать распашку участков. Все это планировалось сделать до наступления зимы.

Возник вопрос: кто должен был этим заниматься? Планировалось привлечь местное население. Однако многие из

горожан отказывались участвовать в решении проблем ассенизации, так как готовились к зиме, пытались хоть как-то благоустроить свой быт, заготовить дрова и т.д. Не забудем, что жилищная проблема встала не менее остро. Время шло, но дело не двигалось.

В конце октября стало очевидно, что помощи из центра не будет. Вновь врачи собрались и пытались избежать создания предпосылок новой эпидемии: А.И.Журавлев предложил рыть канавки, чтобы не происходило заболачивание выгребных ям. С.П.Масленников, представитель отдела местного народного хозяйства, утверждал, что если ямы с нечистотами останутся открытыми на зиму, то они промерзнут настолько глубоко, что «самостоятельное оттаивание таких ям возможно лишь в июне месяце»[3. Д.11. Л.15]. П.С.Новиков напомнил о восьми сотнях холерных больных, которое принесло лето 1918 года, и справедливо опасался нового возникновения холеры. Медики боялись заражения грунтовых вод, вызова большого зловония для окружающих мест и появления весной насекомых-переносчиков заболеваний.

Последний шанс провести ассенизацию, хотя бы частично, был связан с привлечением новой рабочей силы: с 11 ноября на расчистке выгребных ям работали 100 человек из местной Коровницкой тюрьмы [3. Д.11. Л.15-16]. Они трудились до наступления морозов и внесли некоторый вклад в решение проблемы.

Таким образом, от эпидемии весной 1919 года город спасли мероприятия медицинских работников, которые продумали комплексные меры и хотя бы частично их реализовали. Исследователь Л.Н. Курцев, анализируя повседневную жизнь горожан в годы гражданской войны, отметил, что в 1919-1920 году люди «свыклись» с немыслимыми условиями, с катастрофическим состоянием медицины, с постоянными болезнями [4]. Однако это «привыкание» сыграло и негативную роль: горожане крайне неохотно привлекались к решению общих проблем. Лишённые всякого хозяйственного резона мероприятия периода "военного коммунизма" также не содействовали преодолению бытовой "разрухи". Периодически объявляемые в городах "недели труда", субботники и воскресники, обязатель-

ные постановления о чистке жителями своих дворов и прилегающих улиц, за невыполнение которых грозили крупные штрафы и даже принудительные работы, - все эти кампании "борьбы" за благоустройство городов были неэффективны: масштабы деградации городского быта были слишком велики, и восстановить его без крупных капиталовложений и методичной и целенаправленной работы было невозможно. Трудности быта и проблемы ассенизации, таким образом, были актуальны в Ярославле, как и во многих городах, на протяжении еще нескольких лет.

Библиографический список

1. Нарвский, И.В. Жизнь в катастрофе. Будни населения Урала в 1917-1922 гг. [Текст] /И.В.Нарвский. - М., 2000.
2. Лопяло, К.К. Жилище – рабочим! [Текст] /К.К.Лопяло. - М., 1931. - С.65.
3. ГАЯО. - Ф.- 3456. - Оп.1.
4. Курцев, Л.Н. Жилищный вопрос в столичных и провинциальных городах в годы гражданской войны [Текст] // Путь в науку: сборник научных статей аспирантов и студентов исторического факультета /под. ред. проф. А.М. Селиванова. Яросл. гос. ун-т. - Ярославль, 2000. - Вып.10.- С.120-126.

© О.Е. Феофанов (ЯГПУ)

Финансово – кредитная политика советского государства в годы индустриализации

Во второй половине 20-х гг., после завершения восстановительного периода, перед большевистским правительством встала задача организации расширенного воспроизводства на современной технологической основе. XV конференция ВКП (б) перечислила основные каналы накопления средств для индустриализации: «Темп расширения основного капитала будет зависеть: а) от размеров накопления обобществленной промышленности; б) использования через государственный бюджет доходов других отраслей народного хозяйства, путем вовлечения их в кооперацию, в сберегательные кассы, внутрен-

ние государственные займы, кредитную систему и т. п.» [2. С.293-294].

Особое внимание было уделено реорганизации кредитно-банковских учреждений в целях увеличения основных фондов промышленных предприятий, подлежащих реконструкции, и оборотных средств для развертывания закупочно-сбытовых операций. 15 июня 1927 г. ЦК и СНК СССР принимает постановление «О принципах построения кредитной системы», согласно ему главным координатором кредитной политики становится Госбанк, который не только кредитует другие банки, но и наблюдает за использованием кредитов, хранит все свободные денежные средства советских банков [3. С.5].

Главным средством распределения национального дохода на нужды социалистической индустриализации являлся государственный бюджет СССР, доходная часть которого накоплялась не только за счет налоговых платежей предприятий, но и поступлений по государственным займам.

Задача максимального использования денежных сбережений населения нашла свое отражение в докладе И. Сталина, сделанном на собрании актива Ленинградской организации ВКП (б) в 1926 году: «Необходимо, чтобы излишки накопления в стране не распределись, а собирались в наших кредитных учреждениях, кооперативных и государственных, а также в порядке внутренних займов, на предмет их использования для нужд прежде всего промышленности. Понятно, что вкладчики должны получать за это известный процент. Нельзя сказать, чтобы в этой области дело обстояло у нас сколько-нибудь удовлетворительно. Но задача улучшения нашей кредитной сети, задача организации дела внутренних займов, несомненно, стоит перед нами как очередная задача, мы должны решить во что бы то ни стало». [5. С.126]. Нас интересует именно этот аспект большевистской политики накопления капитала – привлечение средств граждан для инвестирования в промышленность.

В 1924 – 1926 гг. советским правительством велась достаточно успешная работа по созданию емкого рынка государственных фондовых ценностей. В годы, предшествовавшие появлению займов индустриализации, советские финансисты предпринимали усилия с целью создания благоприятных условий по

ликвидности ценных бумаг. Для этого активно использовалась широкая сеть финансовых организаций: банки, сберкассы, общества взаимного кредита, которые должны были завоевать доверие у населения. При этом предполагалось повысить долю средне- и долгосрочных займов среди государственных облигаций с увеличением номинальной стоимости последних.

Что касается первых денежных займов, то они выпускались в золотом исчислении. Продажа облигаций и выплата дохода по ним проводились в бумажных денежных знаках, по курсу в пересчете на золото. Краткосрочные займы размещались в добровольном порядке. Для максимального охвата займодателей кредитными операциями правительство использовало достаточно гибкие способы размещения ценных бумаг. Например, второй крестьянский заем в городе продавался через публичную подписку, а в деревне – через сеть персональной агентуры.

В 1927 г. появляется вторая группа займов, отличительной чертой которой является значительное сокращение свободно распространяемых ценных бумаг [4]. Созданию массовости в распространении займов способствовала деятельность комиссий содействия государственному кредиту. Государственные займы стали выпускаться в долгосрочной форме, в то же время краткосрочные займы почти перестали распространяться. Займы, помещаемые в запасные и резервные капиталы предприятий и организаций, начинают играть ведущую роль в составе государственных кредитных операций; в 1929 году на их долю приходилось 52 % государственного внутреннего долга [4].

Техника размещения займов состояла в следующем Наркомфин не реже одного раза в год публиковал список ценных бумаг. Юридические лица обязаны были покупать облигации в течение одного месяца после распределения прибыли. В случае неприобретения процентных бумаг суммы, подлежащие помещению в займы, взыскивались фискальными органами. Помимо этого, директора учреждений и предприятий подвергались дисциплинарной ответственности за отказ от приобретения процентных бумаг. Противоречивость в развитии государственных займов на втором этапе проявилась в увеличившейся бюджетной эффективности кредитных операций на фоне использования командно-принудительных методов.

Третий заем индустриализации был выпущен в 1929 г. на сумму 950 млн. рублей сроком на 10 лет облигациями в 5, 25, 50 рублей. Сумма займа корректировалась «по ходу дела» и с первоначального значения в 700 млн. руб. выросла до 900, а затем до 950 млн. руб. [2. С.83]. Было значительно увеличено количество беспроцентных разрядов облигаций (на 150 млн. руб.) и даже выпущен один дополнительный процентный разряд (50 млн. руб.) [6.С.54] .

Доходы от займов достигли огромных размеров. По данным Наркомфина СССР об исполнении госбюджета за 1929/30 гг.,доход от реализации займов составил 1 млрд. 271 млн. 977 тыс. руб. [1. С.29].

Государственные займы не были единственным способом привлечения средств населения на цели индустриализации. Еще одной формой «оказания помощи» государству являлись сберкассы. Одной из главных обязанностей их была задача помещать средства граждан в государственные займы. Несмотря на то, что численность сберкасс увеличивалась из года в год, достигнув к 1929 г. 16 тысяч, качество услуг, оказываемых этими учреждениями, было очень низким. Об этом можно судить по тому, что средний размер одного вклада почти не рос, а в 1928-29 гг. даже падал. На каждый вклад из числа физических лиц в 1926 г. приходилось 53,5 руб., в 1927 г. – 64, 3 руб., в 1928 г.показатель составил всего 60,9 руб., а в 1929 г. – 43, 9 руб. [2. С.293-294]. Реальные доходы населения были ограничены, но государство продолжало проводить политику вовлечения денежных средств, принадлежащих трудящимся, в займы, прежде всего, те, которые размещались по предварительной подписке с рассрочкой платежа.

Положением от 20 февраля 1929 года на сберегательные кассы были возложены дополнительные операции с ценными бумагами. Это прежде всего «участие в реализации государственных займов, и займов, гарантированных правительством, покупка и продажа облигаций от тиража погашения» [6. С.58]. Расширение участия государственных кредитных учреждений в совершении фондовых операций снижало потребность в существовании специальных фондовых бирж. Комиссии содействия государственному кредиту и сберегательному

делу фактически подменили фондовые биржи, которые в 1930 году были закрыты. Бюджетная эффективность займов, несомненно, себя оправдывала, но параллельно уже использовались административно – командные методы управления экономикой. Директора заводов получали указания, исходящие от высших инстанций, которые необходимо было беспрекословно выполнять: о количестве вкладчиков госзайма, о сумме вкладов и пр. Таким образом, ни о какой добровольности в деле подписки на государственные займы речи уже не велось.

Февральским постановлением 1930 года вводилось ограничение ликвидности госзаймов. На комсоды и сберкассы была возложена обязанность выдавать разрешения трудящимся на продажу или залог принадлежащих им облигаций. Таким образом, владелец облигаций госзайма не мог продать или заложить государственные ценные бумаги по своему усмотрению, тем самым обеспечивалась реальная долгосрочность кредита государству.

Другая мера по ограничению базы государственного кредита была подготовлена постановлением СНК СССР от 13 марта 1931 года «О ликвидации операций с государственными выигрышными займами в общественном секторе народного хозяйства». Согласно данному указу государственным учреждениям и предприятиям, смешанным акционерным обществам и кооперативным союзам всех степеней запрещалось приобретать облигации государственных выигрышных займов. Таким образом, правительство вполне сознательно шло на ограничение кредитных отношений. Объяснялось это прежде всего изменением взглядов на развитие государственных предприятий в экономической сфере. Правительству были не нужны экономически самостоятельные хозяйственные субъекты, все директивы шли «сверху», и предприятия обязаны были их выполнять.

Сеть сберегательных касс и число вкладчиков продолжало расти, но увеличение суммы вкладов было незначительным. На 1 января 1933 года средний размер вклада составлял 40 рублей против 43, 9 руб. в 1929 г. [6. С.58]. Было большое количество мелких вкладов, ниже 5 рублей. Достаточно много стало нерентабельных сберкасс.

Приведенные факты позволяют говорить о том, что финансово-кредитная политика была направлена на изыскание внутренних ресурсов для проведения форсированной индустриализации. Изучение роли государственных займов в накоплении денежных средств для промышленного строительства помогает осознать ту цену, которую заплатил советский народ за экспериментирование с экономическими законами. Займы индустриализации стали одним из первым шагов, сделанных правительством в направлении волюнтаристского, бесконтрольного распоряжения средствами своих граждан. Причем речь идет не о национальном достоянии, а о личных доходах, принесенных в жертву государственным планам.

Библиографический список

1. История индустриализации СССР 1929 – 1932: Документы и материалы [Текст]. - М., 1970.
2. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК [Текст]. - М., 1954. – Ч.2.
3. Собрание законов и распоряжений рабоче-крестьянского правительства Союза Советских Социалистических Республик. 1924 – 1937 [Текст]. - М., 1929. - № 2.
4. Финансы СССР за 30 лет. 1917 – 1947 [Текст] - М., 1950.
5. Сталин, И. В. Сочинения [Текст] / И.В.Сталин. - Т. 8.- М., 1954.
6. Вавилов, Ю. А. Государственный кредит в прошлом и настоящем [Текст] / Ю.А.Вавилов. - М., 1992.

© О.Н. Литвинова (ЯГПУ)

Гендерный подход к изучению партизанского движения в годы Великой Отечественной войны (на примере Брянского региона)

В современной историографии Великой Отечественной войны все большее внимание уделяется изучению разнообразия проявлений женского и мужского участий в боевых действиях, в тыловой работе и в других формах военной деятельности. Это позволяет создать более адекватное представление о войне. Наиболее распространенными являются исследования

отдельных судеб и индивидуального опыта рядовых участников войны, а также обобщающие работы по проблеме, в то время как промежуточное звено, а именно гендерный аспект в пределах отдельных локальных и региональных групп, как правило, остается вне поля зрения исследователей. В данной статье в рамках гендерного дискурса рассматриваются партизанские отряды Брянщины.

Численность населения оккупированной территории, помогавшего партизанам одеждой, продовольствием, ночлегом, разведданными и в другой форме, не поддается точной статистике. Как советские, так и немецкие источники зачастую преувеличивают или преуменьшают, в зависимости от потребности момента, степень поддержки местными жителями той или иной стороны. Данная категория населения заслуживает отдельного изучения, поэтому более или менее объективно можно проанализировать деятельность только тех жителей Брянщины, кто принял активное участие в борьбе. Согласно официальным данным, всего в партизанском движении в Брянском регионе приняли участие в разные годы около 60 тыс. человек. Из этого числа около 8 тыс., т. е. 13,5 %, составляли женщины [3. С. 169]. Отсюда можно сделать вывод о том, что партизанская борьба по большей части являлась мужской прерогативой. Поэтому нередко в отрядах женщины выполняли в первую очередь мужские функции: участвовали в боевых операциях, заготовках продовольствия, занимались изучением оружия, минно-подрывного дела, военного устава. В некоторых партизанских соединениях женщины были выделены в отдельные боевые подразделения. Так, в составе бригады «Смерть немецким оккупантам» действовал отряд им. Крупской, в основном состоявший из женщин [5. С. 238]. Женщины могли дослужиться до командных постов в партизанских отрядах, как Александра Колмогорова, которая была командиром взвода [4. С. 190]. Были случаи, когда, не занимая официальной командной должности, женщины вместо мужей руководили отрядами. Например, согласно приказу Орловского штаба партизанского движения, которому подчинялась часть брянских отрядов, на Северном боевом участке, созданном осенью 1942 г. для обороны партизанского края от оккупантов, коман-

диры «Корицкий и Бойко обзавелись женами и устраивают их благополучие. Дело дошло до абсурда, жены Корицкого и Бойко стали управлять и командовать штабом, считая себя "командирами" и "комиссарами"» [1. Д. 30 Л. 8]. Однако Центральное командование партизанским движением отказывало женщинам в праве управления отрядами, называя их в документах «лицами, заведомо неспособными» [1. Д. 6 Л. 232], а их деятельность считая «головотяпством» [1. Д. 30. Л. 8]. Тем не менее, женщины играли все более и более важные роли в отрядах. Во многом это объяснялось тем, что основным квалифицированным пополнением, которое прибывало к партизанам из советского тыла, были молодые девушки. Так, 18 июля 1942 г. из 4 радистов, присланных в штаб партизанского движения из Центральной радиошколы г. Москвы, были две девушки [1. Д. 6. Л. 165]. Поскольку большинство мужчин в советском тылу было призвано в армию, количество лиц женского пола в отрядах постепенно возрастало.

Значительное число женщин также объясняется тем, что многие партизаны, особенно командиры, брали с собой в отряд семьи, опасаясь мести фашистов, что было нередким явлением [1. Д. 6 Л. 137]. Естественно, что партизанам необходимы были люди, которые занимались бы решением повседневных хозяйственных вопросов. Эту функцию в основном на себя брали женщины. Они почти полностью обеспечивали медицинскую службу, заботились о добыче и приготовлении пищи, шитье и стирке одежды, благоустройстве партизанских землянок и шалашей. В частности, в партизанском отряде им. Ворошилова № 1 из 22 женщин 7 работали в хозяйственной части, 13 – в санчасти и только 2 – рядовыми бойцами [1. Д. 244. Л. 72]. Но нередко женщинам проходилось сочетать как свои традиционные, так и мужские функции. Например, партизанка Паша Степанкова, которая оказывала помощь раненым бойцам, на 1 августа 1942 г. имела на счету уже 10 убитых гитлеровцев, а санитарка Маруся Талдыкова, которая вынесла с поля боя 27 партизан в полном вооружении, принимала активное участие в диверсионной работе [1. Д. 244. Л. 74]. Такая боевая деятельность медицинских работников объяснялась необходимостью их присутствия во время проведения опера-

ций, поскольку только они знали, как оказать первую помощь при ранении. Таким образом, на женщин возлагалась двойная ответственность.

Присутствие в отрядах женщин и девушек в какой-то мере скрашивало суровый быт войны. В женщине было сложней заподозрить вражеского агента, поэтому как немцы, так и партизаны активно использовали их в качестве своих осведомителей, связных, подпольщиц. Так, «агенты немецкой разведки Калашникова и Телятникова, войдя в доверие бывшего комбата Ворошиловского отряда № 1 Надежкина и его нач. штаба Муравьева, сблизились с ними. Надежкин... устроил их на работу в штаб, где они продолжали заниматься шпионской деятельностью вплоть до их ареста. Командир батальона Чирканов принял в качестве разведчицы явно подозрительную Федорову... Федорова оказалась агентом германской разведки..., собрала данные и ушла к немцам» [1. Д. 28. Л. 40-41]. Но необходимо отметить, что большая часть женщин все-таки встала на путь борьбы с фашистами, сражалась в партизанских отрядах и делила наравне с мужчинами тяжкие испытания военных лет.

В суровых экстремальных условиях войны традиционные функции женщины как жены и матери отходили на второй план или принимали уродливые формы. Достаточно распространенными в партизанских отрядах были венерические заболевания [1. Д. 4. Л. 59], что являлось следствием неупорядоченной сексуальной жизни. Отдельные командиры и партизаны могли завести себе несколько женщин. Например, командир объединенных партизанских отрядов Выгоничского района Рысаков вступил в сожительство с гражданками Будаковой и Пантюховой, и от него не отстали секретарь райкома ВКП(б) Черный и завхоз отрядов Симонов [1. Д.6. Л. 136]. Это в основном было прерогативой командного состава, в то время как на уровне рядовых бойцов такие явления не поощрялись. В частности, партизан Троснянского отряда Гавришин жаловался: «Почему мне запрещают иметь третью жену, а командирам можно» [1. Д. 49. Л. 120]. Скорее всего, помимо моральной составляющей это связано с тем, что рядовым бойцам было тяжело обеспечить несколько так называемых походных партизанских жен, в отличие от командиров. Так, жена и дети комиссара одного из отрядов

члена ВКП(б) Фильковского «были своевременно эвакуированы в глубокий тыл, но там ей не понравилось, и он их вызвал обратно» [1. Д. 6. Л. 137; 2. С. 218-219]. Она согласилась променять относительно безопасное проживание в советском тылу на полную опасностей партизанскую повседневность. Жизнь в советском тылу, где проводилась политика «Все для фронта, все для победы!», в бытовом плане была очень тяжела. В то же время в летний период 1942 г. крупные силы немцев были отвлечены для подготовки к Сталинградской операции, и они не могли проводить больших карательных экспедиций. Поэтому в тылу фашистских войск началось формирование значительного партизанского края, куда и переехала Фильковская. Бытовое обеспечение в партизанских краях за счет рациональной организации хозяйства и военных операций по захвату немецких складов снабжения было на более высоком уровне, чем в голодном, раздетом и разутом советском тылу. К тому же муж Фильковской проявлял «моменты поборничества» по отрядам, доставая вещи, которые изымались в период операций [1. Д. 6. Л. 139]. Ими он вполне мог снабжать свою семью. Следовательно, командование партизанских отрядов было достаточно обеспечено и могло содержать несколько женщин. Если учесть, что командир в партизанском отряде пользовался большим авторитетом и, по сути, играл роль вождя, который получал большую часть добычи, то он имел право и на полигамию. Борьба с такими явлениями в командном составе началась далеко не сразу, и поэтому к моменту организации Центрального штаба партизанского движения летом 1942 г. они прочно вошли в жизнь партизан. Потребовалось немало усилий работников НКВД по их ликвидации. Таким образом, нередко в тяжелых партизанских условиях восстанавливались архаические отношения как между бойцами отрядов, так и между мужчинами и женщинами. Необходимо отметить, что многие командиры содержали несколько женщин не из развратных целей, а из простого человеколюбия.

Экстремальность накладывала свой отпечаток и на функцию деторождения, сводя ее к минимуму. Особенно тяжело приходилось беременным женщинам. В суровых партизанских условиях им нельзя было обеспечить полноценного питания, медицинского обслуживания, поэтому командиры

стремились не допустить такого явления. Порой доходило даже до абсурда. Так, в партизанском отряде им. Ворошилова в сентябре 1942 г. «командир отряда подполковник Гудзенко дал партизанке Паренчик прекрасный отзыв и поручался за нее при вступлении в партию, а в конце этого же месяца издал о ней следующий приказ: "... партизанка Паренчик Рима Максимовна была мною лично предупреждена о недопустимости беременности в условиях партизанского отряда, т. к. рожать в наших условиях нельзя. Последняя приказание не выполнила и забеременела... После этого тов. Паренчик лично мною была предупреждена – сделать аборт, от чего отказалась и мое приказание не выполнила вторично... За двукратное невыполнение моего приказания партизанку Паренчик Р. М. из отряда уволить с сего числа и исключить со всех видов довольствия..."» [1. Д. 52. Л. 276]. Внебрачные дети признавались советскими органами вредными для общего дела и выживали только благодаря заботе своих родителей и отдельных партизан. Так, начальник оперативно-чекистского отделения объединенных партизанских отрядов и прокурор Выгонического района сообщали, что «по распоряжению бывшего командования Мажукина и Фильковского снабжается продуктами питания гражданка Пантюхова Елена, проживающая на Гавани, которая имеет ребенка от бывшего командира Рысакова, снабжается семья Рысакова и ряд других лиц, совершенно не относящихся к отрядам, что, безусловно, может привести к очень плохим последствиям» [1. Д. 6. Л. 140]. Представители Центрального командования заботились только о бойцах в ущерб гражданскому населению.

В целом функции женщины как матери в партизанских формированиях ввиду тяжелых условий отходили на второй план. В первую очередь женщин ценили как бойцов, санитарок, разведчиц. Это было вполне естественным явлением, поскольку война выдвигала свои требования, сводила к минимуму личную жизнь. Женщины мужественно сносили все невзгоды и своим трудом приближали победу над немецко-фашистскими оккупантами.

Библиографический список

1. Центр Новейшей истории Государственного архива Брянской области (ЦНИ ГАБО). – Ф. 1650. – Оп. 1.
2. Андреев, В. Народная война [Текст] / В. Андреев. – Л., 1961. – 250 с.
3. Колосов, Ю. Б. Женщины Брянщины в Великой Отечественной войне [Текст] / Ю. Б. Колосов // Деснинские древности. Материалы межгосударственной научной конференции «История и археология Подесенья», посвященной памяти брянского археолога и краеведа, заслуженного работника культуры РСФСР, участника Великой Отечественной войны Федора Михайловича Заверняева (28.II.1919 – 18.VI.1994). – Брянск, 1995. – С. 169-171.
4. Партизаны Брянщины [Текст]: сборник документов о Брянском партизанском крае в годы Великой Отечественной войны / Партизаны Брянщины – Тула: Приокское книжное издательство, 1970. – 474 с.
5. Самойлова, В. З. Женщины в партизанской и подпольной борьбе [Текст] / В. З. Самойлова // Шли на битву партизаны: сборник материалов научной конференции о всенародной борьбе в тылу врага на оккупированной территории Брянщины в период Великой Отечественной войны 1941-43 гг. – Брянск, 1972. – С. 226-247.

© П. Г. Аграфонов (ЯГПУ)

Братья Радциги

В начале второго столетия истории Ярославского государственного педагогического университета представляется закономерным обращение к его истокам, к начальному периоду столетней истории одного из крупнейших научно-исследовательских и образовательных центров Центральной России. Первые десятилетия истории ЯГПУ, совпавшие с наиболее бурным временем XX века, богаты событиями, поисками и обретениями. Эти годы заслуживают внимательного исследования и благодарной памяти, и более всего закономерны попытки пристальнее вглядеться в имена и судьбы людей,

внесших свой вклад в становление нового вуза, в формирование его научной и преподавательской основы.

В числе ученых, оставивших свой несомненный и яркий след в ранней истории Ярославского педагогического, особое место принадлежит преподавателям всеобщей истории и классической филологии – профессорам Николаю и Сергею Радцигам. Будучи столичными специалистами, в двадцатые годы братья Радциги работали и в Ярославле – на кафедрах университета и педагогического института; здесь были изданы их некоторые научные труды.

В их биографиях ярославские годы отложились поразному. Но несомненно одно – значительность их общего вклада в формирование в начале XX века гуманитарного блока ЯГПУ и ярославской высшей школы в целом. При изучении начальной истории педагогического университета невозможно обойти продолжавшуюся несколько лет деятельность Радцигов, для научной биографии которых, в свою очередь, ярославский период имел существенное значение.

Братья были почти ровесниками, но им был отпущен очень различный жизненный срок. Если Сергей, родившийся в 1882 году, стал свидетелем исторических событий на протяжении без малого девяноста лет, то Николаю, появившемуся на свет в 1881, суждено было прожить намного меньше. Очень по-разному сложились их жизненные пути, несшие на себе отпечаток выпавшей Радцигам эпохи. Пожалуй, общего в этих биографиях было только то, что они стали, каждая по-своему, верным снимком времени, отражением нелегкого времени, насыщенного трудными этапами и переломными моментами.

Братья Радциги родились в Москве, в семье присяжного поверенного, жившей на Арбате. Оба окончили известную Первую Московскую гимназию (Сергей – с золотой медалью). Оба брата поступили на историко-филологический факультет Московского университета. Среди университетских учителей Радцигов были крупнейшие историки и филологи того времени – А.В. Никитский, С.И. Соболевский, М.М. Покровский, В.И. Герье, С.Н. Трубецкой. Значимой составляющей классического образования служил курс истории античного искусства, который читал известный основатель Музея изобразитель-

ных искусств имени Пушкина И.В. Цветаев, отец Марины Цветаевой [1. С.3].

Николай закончил университет в 1903, Сергей в 1904 году, оба с золотыми медалями. Работа Николая «Начало римской летописи», «доставившая автору» золотую медаль историко-филологического факультета, была напечатана в «Ученых записках Московского университета» в год окончания им университетского курса. Для студенческих сочинений публикация в «Ученых записках» была очень большой редкостью. Сергей был удостоен медали за дипломную работу под названием «Речи Лисия с точки зрения риторики»; сферой его научных интересов сразу и навсегда стала классическая филология [2. Л. 4].

Николай Радциг избрал своей специальностью всеобщую историю, которую и начал преподавать в 1904 году, сразу после окончания университета, на Московских Высших женских курсах. На пятнадцать лет Курсы стали основным местом его преподавательской деятельности. В 1907 году он сдал магистерский экзамен в Московском университете и в 1910 году был избран профессором всеобщей истории на Высших Женских курсах. Кроме того, на протяжении двух лет он выполнял обязанности ученого секретаря историко-филологического факультета [2. Л. 2].

По окончании университета Сергей Радциг был рекомендован для подготовки к профессорской деятельности при университете, а в 1905 году тоже приглашен на Высшие женские курсы, где преподавал греческий и латынь, а также вел практические занятия по античной литературе. Но бурный девятьсот пятый год и последующие события не могли не оставить след в биографии молодого радикально настроенного ученого. Уже в 1906 году за участие в политической деятельности Сергей Радциг был временно арестован, что создало ему репутацию неблагонадежного, и в дальнейшем долго не мог получить штатного места. Тем не менее, уже в 1907 году в издании Московских Высших женских курсов вышла первая часть сделанного им перевода книги А. и М. Круазе «Руководство по истории греческой литературы». Эта работа, выполненная с большой тщательностью и получившая прекрасные

отзывы, заложила фундамент научной специализации С.И. Радцига в области литературы Древней Греции, которой он не изменяет на протяжении всей своей долгой научной жизни.

Сверх штата в течение нескольких он преподавал древние языки в московских гимназиях, а также на Высших женских курсах (с 1906 по 1914 год). В эти годы он активно работает над переводами и публикацией античных памятников письменности, а также участвует в составлении «Культурно-исторического путеводителя по Музею изобразительных искусств в Москве». Научная и педагогическая деятельность молодого ученого была прервана началом Первой мировой войны, когда Сергей был призван в армию военным писарем [3. Л.2].

Только в 1917 году он смог вернуться к исследовательской работе и преподаванию, а вскоре вслед за этим в его жизни начинается ярославский этап. В 1918 году Сергей Иванович получает приглашение в недавно открытый Ярославский университет (преобразованный затем в педагогический институт). С этого времени он работает преподавателем кафедры филологических наук института, которая с 1919 года называется кафедрой классической филологии [1. С.3-4].

Николай Иванович в 1916-1917 годах читал всеобщую историю на Московских педагогических курсах и в Нижегородском народном университете. В 1919 году, с момента слияния историко-филологических факультетов высших учебных заведений Москвы, он входит в число преподавателей Московского университета, который становится основным местом его работы. В этом же году Николай Радциг избран профессором Московской государственной консерватории по кафедре истории культуры. В консерватории он был также секретарем ученого совета и заведующим подготовительными курсами. С 1919 по 1923 год Николай Иванович был профессором всеобщей истории Тверского государственного педагогического института, куда периодически приезжал для чтения своих курсов. В 1919 году на какое-то время он возвращается в Нижний Новгород, где состоит профессором в университете [2. Л.5].

В 1921 году Николай Радциг был приглашен на преподавательскую работу в Ярославский государственный педагогический институт. В 1922 году он становится профессором

кафедры истории европейских и внеевропейских сообществ на факультете общественных наук в Ярославском государственном университете. Назначение стало результатом отзывов и рекомендаций профессоров Любарского и Вебера, «указавших на строго научный характер трудов Н.И. Радцига и на его выдающуюся преподавательскую деятельность» [2. Л.6-8].

В 1924 году, с преобразованием ЯрГУ в педагогический институт, он возглавил кафедру всеобщей истории ЯГПИ, помимо общих хронологических курсов, читал также специализированные курсы «Феодализм и торговый капитал в Европе», «История Франции от Великой Французской революции до Парижской коммуны». Можно сказать, что для учебных программ ЯГПИ преподавательская деятельность профессора Радцига и тематика его лекций сыграли роль настоящего «окна», открытого в историческую и современную Европу [4. Л.66].

Предметом особого исследовательского внимания Н.И. Радцига была история Франции. Ею он пристально занимался в первое, наиболее спокойное десятилетие своей научной деятельности, когда были напечатаны несколько серьезных работ, тематика которых лежит в этом русле. Наиболее крупная среди них – «Общественное движение во Франции 1355-1358 гг.», опубликованная в 1913 году в нескольких номерах Журнала Министерства народного просвещения. В дальнейшем его интересы в этой области постепенно смещаются ближе к новому времени. Так, в числе его работ конца десятых годов можно назвать «Декларацию прав 1789 года и ее источники» или, например, «Страницы из истории католического возрождения XVII века» [5, 6].

Верность своей склонности к изучению источников Николай Радциг сохраняет и в двадцатые годы – время преподавания в Ярославском педагогическом институте. В Ярославле были изданы следующие его работы – «Россия Николая I по мемуарам Фаллу», «Этюды из истории международных отношений в 19 и 20 вв.», «Дюпле в Индии. 1722-1754 гг. Страница из истории французского империализма 18 века» [7-9] В 1925 году институт даже ходатайствовал о предоставлении профессору Н.И. Радцигу двухмесячной командировки в Париж для

работы в архивах. О результатах ходатайства сведений не сохранилось.

Зато достаточно хорошо известны некоторые другие обстоятельства жизни Николая Радцига, относящиеся к концу ее ярославского этапа. Несколько лет, отданных московским историком преподаванию и руководству кафедрой в Ярославском педагогическом институте, сыграли немалую роль в этот период истории факультета и института. Вклад ученого в развитие науки и становление исторического образования в системе высшей школы Ярославля получил общее признание. В начале 1929 года в ЯГПИ торжественно отмечался 25-летний юбилей преподавательской деятельности профессора, планировался выпуск его трудов. Но этим планам не суждено было сбыться [2. Л. 13].

Двадцатые годы заканчивались, идеологическая ситуация резко обострилась. В том же 1929 году Н.И. Радциг был уволен из института как буржуазный профессор, что было обусловлено последствиями общесоюзной дискуссии о буржуазных историках в СССР. С этого времени и до 1940 года Николай Иванович Радциг был сотрудником Института истории материальной культуры (ИИМК), позднее - преподавателем Калининского государственного педагогического института [10]. В сороковые годы в журнале «Средние века» опубликованы некоторые его работы (например, "Traite des reliques" Кальвина, его происхождение и значение» в 1942 году, «Этьен де Лабоэси — предшественник монархомахов-тираноборцев XVI в.» в 1946) [11, 12].

В 1944 году в Московском Государственном университетете профессор Н.И. Радциг защитил докторскую диссертацию по теме «Школа в Женеве при Кальвине. Страница из истории реформации XVI в.» [13].

Более удачно и более благополучно сложилась судьба Сергея Ивановича. Вплоть до конца 1930 года он читает в Ярославле курсы античной, а затем западноевропейской литературы (вплоть до новейшего периода, включая XX век). С 1919 по 1924 год Сергей Радциг – профессор кафедры классической филологии, а с 1926 года – профессор отделения русского язы-

ка и литературы Ярославского государственного педагогического института.

В 1920 году в «Сборнике Ярославского университета» Сергей Иванович публикует большую статью под названием «Романтические мотивы в поэзии Эврипида», имевшую большое значение в формировании научного мировоззрения и исследовательского метода ученого. В 1922 году в Ярославле же выходит его статья «Что такое классическая филология», сыгравшая роль первого и во многом определяющего наброска для будущей монографии «Введение в классическую филологию», которая будет опубликована издательством Московского университета спустя сорок лет [14].

Работа в Ярославле дополняет педагогическую деятельность Сергея Радцига в Москве. С 1920 по 1925 год он был профессором Московского института слова, где читал лекции по истории ораторского искусства античного мира и по истории античной культуры. С 1925 года – член-корреспондент Государственной академии художественных наук и сотрудник Ассоциации исследовательских институтов по отделению языка и литературы. Самое трудное время для него - начало тридцатых годов. Для филологов-классиков, даже такого уровня, работы не находилось, и в 1931-1934 гг. Сергей Иванович зарабатывает на жизнь экскурсиями по античным залам Музея изобразительных искусств [1. С. 4].

В 1934 году Сергея Радцига пригласили на кафедру классической филологии в знаменитый Московский институт философии, литературы и истории. Это был решительный поворот в научной и преподавательской деятельности ученого, открывший в его жизни новый, наиболее длительный, наиболее успешный и плодотворный этап. В МИФЛИ был восстановлен филологический факультет с отделением классической филологии, где Радциг читал введение в классическую филологию, лекции по античной литературе, вел практические занятия по древнегреческому языку.

В 1936 году С.И. Радцигу была присвоена ученая степень доктора литературоведческих наук и звание профессора. В конце 1937 года он принимает деятельное участие в организации секции античной литературы при Институте мировой

литературы им. А.М. Горького и с января 1938 года становится его преподавателем. По поручению дирекции Института Радциг написал учебник по истории древнегреческой литературы, изданный в 1940 году [15].

В начале Великой Отечественной войны МИФЛИ был эвакуирован в Ашхабад, но профессор Радциг остается в Москве. В начале 1942 года в МГУ открывается филологический факультет. Кафедру классической филологии возглавил профессор С.И. Радциг. Филологический факультет университета становится для него основным местом работы. Преподаванию здесь будет отдано без малого тридцать лет творческой жизни профессора, члена Ученого совета филологического факультета МГУ Сергея Ивановича Радцига [1. С.5].

Способность работать в нескольких, а то и во многих местах одновременно, сохранилась как отличительная черта С.И. Радцига и в тридцатые и сороковые годы, когда он параллельно с МИФЛИ и МГУ читал эпизодические курсы и отдельные лекции в Московских городском и областном пединститутах, в Институте театрального искусства (будущий ГИТИС), в Высшей партийной школе, в Высшей дипломатической школе, в Библиотечном институте, Институте мировой литературы им. Горького [1. С. 5-6].

Список важнейших работ С.И. Радцига включает «Античную мифологию. Очерк античных мифов в освещении современной науки» (1939), «Историю древнегреческой литературы» (1940), «Введение в классическую филологию» (1965), а также переводы - «Афинской политии» Аристотеля, девятнадцати речей Демосфена, трагедии Эсхила «Агамемнон», «Истории искусства древности» Винкельмана. За свою долгую научную и преподавательскую жизнь С.И. Радциг воспитал много учеников, среди которых есть очень крупные имена. Достаточно назвать С.С. Аверинцева, В.Д. Блаватского, А.Ч. Козаржевского, К.П. Полонскую, Е.Ф. Федорову. Большинство из них были специалистками по классической филологии, или так или иначе соприкасались с нею в своей исследовательской работе – столь велико было влияние, оказанное на них в студенческие годы профессором Радцигом.

Свою научно-педагогическую деятельность С.И. Радциг всегда успешно сочетал с большой рабой по пропаганде античной культуры. В течение многих лет он читал лекции в университетах культуры, в Московском Доме пионеров, в общедоступном лектории Московского университета.

Братья Радциги были типичными образцами академического ученого, вполне кабинетными, не выпади на их долю жизнь в слишком бурное время. Оба были по своей природе преподавателями и, как многие тогда, нередко работали в нескольких учебных заведениях одновременно. Сергей Иванович Радциг оставил в истории отечественной классической филологии много более заметное место в сравнении с тем, что успел или смог сделать в своей сфере его старший брат

Классическое, в самом полном смысле этого слова, образование, вкупе с бесспорным исследовательским даром и готовностью посвятить жизнь научной работе, вывели братьев Радцигов на авансцену современной им исторической науки и высшей школы. В пору, когда такой уровень подготовленности и значимость классического образования в целом начинают постепенно отодвигаться в прошлое, ученые, подобные Николаю и Сергею Радцигам, играют роль последних героев, значение которых тем более велико для региональных вузов, особенно молодых, переживающих период становления. Ярославская высшая школа в этом смысле им очень обязана.

Николай Иванович, которому много меньше повезло в смысле внешних обстоятельств биографии, немалого достиг в своей сфере. Европейский уровень подготовки и блестящее знание основных европейских языков, в том числе старофранцузского и старонемецкого, позволили ему вести глубокую источниковедческую работу, результатом которой стали несколько серьезных работ, написанных в самом широком хронологическом диапазоне. С именем Н.И. Радцига связано начало изучения в Ярославском педагогическом институте зарубежной истории, которая до этого отсутствовала в учебном плане вуза.

Еще более масштабно сделанное Сергеем Ивановичем Радцигом. Он представляет собой одну из крупных фигур в блестящем пантеоне замечательных отечественных историков

двадцатого века. Его роль тем более интересна, что сферой научных интересов на протяжении более полувека неизменно оставалась классическая филология, удельный вес которой в современной системе образования неуклонно уменьшался. Сергей Иванович Радциг был одним из тех ученых и преподавателей, благодаря которым античная литература и философия еще долгое время, уже в «век атома и нейлона», оставались важнейшей составляющей подлинно глубокой и разносторонней гуманитарной подготовки.

Сергея Ивановича называли «чародеем и властелином слова», «Гомером филологического факультета». Его лекции захватывали содержательностью и артистичностью подачи. В возрасте семидесяти и даже восьмидесяти с лишком лет профессор Радциг по-прежнему поражал слушателей сильным и молодым голосом, своим нестареющим ораторским искусством.

Библиографический список

1. Сергей Иванович Радциг. Краткий очерк жизни и творчества [Текст] / Кафедра классической филологии филологического факультета МГУ. – М., 1967.
2. Архив ЯГПУ. – Ф.1. – Д.434-П. Николай Иванович Радциг.
3. Архив ЯГПУ. – Ф.1. – Д.25-П. Сергей Иванович Радциг.
4. ГАЯО. – Ф.572. – Оп.1. –Д. 4.
5. Радциг, Н. И. Общество Святых даров во Франции XVII в. [Текст] / Н. И. Радциг // ЖМНП. – 1910. – Май.
6. Радциг, Н. И. Декларация прав 1789 г. и ее источники. [Текст] / Н. И. Радциг // ЖМНП. – 1914. – Ноябрь.
7. Радциг, Н. И. Россия Николая I по мемуарам Фаллу [Текст] / Н. И. Радциг // Труды Ярославского государственного педагогического института. – Ярославль, 1926. – Т. 1. - Вып. 2.
8. Радциг, Н. И. Этюды из истории международных отношений в 19 и 20 вв. [Текст] / Н. И. Радциг // Труды Ярославского государственного педагогического института. – Ярославль, 1929. – Т. 2. - Вып. 1.
9. Радциг, Н. И. Страница из истории французского империализма XVIII в. Дюпле в Индии. 1722-1754 гг. [Текст] / Н. И. Радциг // Труды Ярославского государственного педагогического института. – Ярославль, 1929. – Т. 4.- Вып. 1.

10. Радциг, Н. О работе исторического факультета Калининского государственного педагогического института [Текст] // Исторический журнал. – 1945. - №4.- С.110-111.
11. Радциг, Н. И. "Traite des reliques" Кальвина, его происхождение и значение [Текст] / Н. И. Радциг // Средние века. - 1942. - Вып. 1.
12. Радциг, Н. И. Этьен де Лабоэси — предшественник монархомахов-тираноборцев XVI в. [Текст] / Н. И. Радциг // Средние века. - 1946. - Вып. 2.
13. Радциг, Н. И. Школа в Женеве при Кальвине. Страница из истории реформации XVI в. [Текст] / Н. И. Радциг. - М., 1945.
14. Радциг, С. И. Введение в классическую филологию. [Текст] / С. И. Радциг. - М., 1965.
15. Радциг, С. И. История древнегреческой литературы. [Текст] / С. И. Радциг. - М., 1940.

© Н.С. Новожилов (ЯГПУ)

Методологические аспекты изучения политической системы СССР в 1930-е гг.

История сталинского государства привлекала и в будущем будет привлекать повышенный интерес как историков, так и широких кругов общественности. Политическая жизнь СССР в 1930 гг. во многом определялась деятельностью партийной элиты, изучением которой занимается огромное число исследователей. Лишь немногие историки в своих трудах особое внимание уделяют вопросам методологии. В то же время анализ и обоснование автором своих позиций – важнейшие элементы любого исследования.

Цель данной статьи – анализ неопозитивистского подхода как одного из возможных при изучении политической истории сталинского государства.

Причастность многих исследователей к позитивистскому направлению не случайна. Опыт изучения советской действительности 1930-х годов показал, что нельзя говорить о полной объективности всех фактов, содержащихся в исторических источниках, но, сравнивая и сопоставляя их данные, при-

меняя различные методы анализа, можно получить достоверную информацию. Эта идея познаваемости истории – один из базовых принципов позитивизма, равно как и принцип научности, лежащий в основе многих серьезных исследований.

В целом позитивизм рассматривает политические феномены и процессы в контексте детерминизма [1. С. 24]. Суть этого принципа в том, что жизнь политической системы протекает в соответствии с определенными закономерностями. Даже использование историко-сравнительного метода уже предполагает причастность исследователя к этому принципу и признание им закономерностей в истории. По словам Ковальченко, объективной основой для сравнения является то, что общественно-историческое развитие представляет собой повторяющийся, внутренне обусловленный закономерный процесс. Многие его явления тождественны или сходны внутренней сутью и отличаются лишь пространственной или временной вариацией форм, а одни и те же сходные формы могут выражать разное содержание [2.С.173].

Однако, изучая советскую действительность, нельзя говорить о строгой причинно-следственной обусловленности. Закономерность или закон, предполагая причинно-следственную связь, исключает случайность или в лучшем случае отводит ей второстепенную роль. Если бы реальность представляла собой нечто завершенное, то была бы возможность разложить ее на составные элементы, сосчитать, измерить, расставить в причинно-следственной последовательности, объяснить в рамках того или иного закона или закономерности. Общественно-политические явления же характеризуются динамизмом, постоянной изменчивостью, подверженностью множеству случайностей, непредсказуемых внешних влияний, что крайне затрудняет толкование их в рамках сколько-нибудь строго детерминированных причинно-следственных связей. В неопозитивистском подходе субъективным факторам отводится определенная роль, и исследуются они в основном через поведение участников политического процесса. Таким образом, признается значимость бихевиоризма. При этом подходе внимание исследователей акцентируется не только на формально-юридическом анализе государственно-правовых и по-

литических институтов, формальной структуре политической организации общества. Объект анализа бихевиоризма - различные аспекты поведения людей как участников политического процесса [1. С. 25].

Одной из значимых характеристик неопозитивизма, в том числе и бихевиоризма, является постулат о разграничении между фактами и ценностями, о недопустимости в исследовании ценностного подхода: историки должны оставить морально-этические вопросы философии и заниматься преимущественно описанием и анализом поведения участников политического процесса. Освобождение от ценностных суждений поможет исследователям избежать заведомой ангажированности при изучении сталинского государства. Так, одной из причин критики тоталитарной школы было априори негативное отношение к Советскому государству. Уже приступая к исследованиям, авторы руководствовались установками, впервые сформулированными американским историком Р. Пайпсом в работе «Русская революция». Задача исторической науки, по мнению Пайпса, не только в том, чтобы объяснить добро и зло, но и в том, чтобы истолковать и осудить «намеренные действия», «разрушившие веками создававшиеся институты ради идеи системы» или принесшие в жертву «благосостояние и даже жизни своего поколения ради поколения, еще не родившегося». Таким образом, история, по Пайпсу, должна прежде всего показать «кто виноват». Не случайно он считает, что русскую революцию «трудно оценивать хладнокровно» [3. С. 5-10]. В неопозитивизме такого рода суждения не имеют права на существование.

Одна из главных особенностей неопозитивизма – операциональное определение понятий, интерес к анализу языка. При изучении советского государства терминология представляет одну из главных проблем. Крайне ощущается необходимость выработки адекватных понятий, в которых можно было бы описать то, что происходило в сталинской России на самом деле. Пока же мы имеем в своем распоряжении либо официальные понятия "Краткого курса истории ВКП(б)" - "коллективизация", "индустриализация", "культурная революция", «стахановское движение», "революция сверху", "революция снизу" и т.п., либо не имеем вообще никаких понятий. Необ-

ходима выработка понятий, с помощью которых можно было бы объяснить не только советское прошлое, но и современную российскую действительность, неразрывно связанную с этим прошлым. А пока едва ли не единственным понятием, которое сегодня наиболее адекватно раскрывает сталинскую действительность, остается, как это ни парадоксально (если учесть ту критику, которой подверглось это понятие на Западе, а в последнее время и в России), понятие "тоталитаризм". Тоталитарный подход дает хотя и примитивные, но согласованные выводы о советской реальности, так как историк, применяющий его, оказывается как бы в европейском смысловом контрасте к советской действительности. Некоторые западные историки, отказавшиеся от применения тоталитарного подхода, оказались в другой ситуации несоответствия - внутри российского смыслового контраста, но с европейским менталитетом. Ситуация смыслового соответствия не может быть достигнута вообще, пока не выработана российская понятийная историческая система [4].

Руководствуясь принципами позитивистского направления, не следует забывать, что многие его методы способствуют замене реальных процессов безжизненными абстракциями. При способе познания, скопированном с естественной науки, нейтрализуется всякое стремление к пониманию истинно социальной действительности [1. С. 25]. Известен опыт так называемых историков ревизионистов второго поколения, исследовавших советскую Россию 1930-х годов. Исследователей отличало приоритетное внимание к архивным документам и индуктивным методам. Они полагали, что архивные материалы, советская пресса и опубликованные источники, а также детальный анализ заявлений главных советских лидеров могут дать "ключ" к пониманию сложной структуры советской системы 30-х гг. Основная трудность заключалась в интерпретации, так как в документах даже самого секретного уровня не раскрывались мотивы принятия тех или иных решений и реальный смысл происходивших событий. Так, следуя “духу и букве” документа, они вместо понятия “большой террор” использовали сталинский термин “ежовщина”. Ревизионисты отказались от понятия “революция сверху”, которым многие

историки объясняют кадровые чистки, и рассматривали историю 30-х годов как "революцию снизу". Крайнее выражение этой позиции, по мнению Ш. Фицпатрик, представляет Г. Риттешпорн, который считает, что политические решения этого периода определялись давлением "снизу" - "массы давили на Сталина". По его мнению, "чистки 1936-1938 гг. были вызваны народным недовольством произволом, коррупцией и неэффективностью правящего класса". Эти историки создали немало трудов, основанных на архивном материале. Вот некоторые выводы, к которым они пришли: 1) сталинская власть - это слабая власть, так как сильные режимы не нуждаются в массовом насилии, чтобы управлять. Сталинское государство было просто творением общества; 2) сталинский террор носил незапланированный характер, вызванный произволом местных властей и давлением масс снизу на принятие властью такого рода решений; 3) подчеркивалось активное участие масс в проведении репрессий, совпадение действий власти и устремлений народа и отсутствие всепроникающего страха в этот период. Таким образом, историки ревизионисты второго поколения, пытаясь объективно осветить советскую действительность 30-х годов, не учитывая своеобразие исторического процесса в России, абсолютизируя официальные документы, "заложниками" которых они стали, невольно приходят к апологетике сталинской власти (хотя их и нельзя обвинять в заведомой ангажированности) [4]. В середине 1980-х ревизионистам пришлось признать свои ошибки, которые стали следствием слепого доверия выбранному подходу [5. С. 13]. Таким образом, при изучении советской действительюсти следует учитывать ошибки приверженцев определенной методологии и избегать крайностей при анализе фактов. Важно также учитывать общие тенденции исторического развития страны.

При изучении формирования и функционирования политической элиты необходимо использовать системный подход. Основополагающим его принципом является разграничение не между фактом и ценностью или между средствами и целями, а между частью и целым. При этом речь идет о том, чтобы соотнести часть с целым, рассматривать различные части в рамках целого. Например, отдельно взятого индивида не-

возможно понять в собственных терминах, если не учесть, что индивидуальные цели и идентичность конструируются его участием в семейных отношениях; семью, в свою очередь, нужно поставить в более широкий контекст социальных и политических отношений и т.д.

Функционирование любой политической системы испытывает на себе влияние со стороны других политических систем. Для любой системы, в том числе политической, характерны три основополагающих измерения: ставшее или реально существующее, проявляющееся в структуре; действие, поведение или функция; становление или эволюция. В идеале системный анализ должен охватывать все три измерения в совокупности.

Важно отметить разнообразие взглядов приверженцев системного подхода, при котором, соответственно, будут отличаться и результаты изысканий. Так, если один из основоположников структурно-функционального подхода Т. Парсонс концентрировал внимание на диалектической взаимосвязи между структурой и функциями составных элементов социальных систем, то Д. Истон поставил своей целью анализ механизма обратной связи между результатами политики, поддержкой большинством населения политической системы и требованиями к ней [1. С. 34].

Очевидно, что системный подход позволяет анализировать политические явления во всей их сложности и взаимопереплетении, учитывая как социальные основания политики, так и обратное влияние последней на социальные реальности. Таким образом, принципы комплексности и системности являются одними из базовых при изучении политической истории. Методы, которые можно использовать про системном подходе, - проблемно-хронологический и диахронный. Первый является производным от хронологического метода – изучения последовательности исторических событий во времени. Его особенностью является вычленение из общей темы конкретных проблем, каждая из которых рассматривается в хронологической последовательности событий. Для выявления отдельных периодов развития советской политической системы необходимо использовать диахронный метод исследования.

Он позволяет выделить изменение качественных особенностей процессов во времени, моменты образования новых этапов, периодов, сравнить состояние в начале и конце периода, определить общее направление развития [6. С. 84, 85].

Таким образом, приверженцы неопозитивистского подхода при изучении политической системы Советского государства руководствуются принципами научности, объективности, комплексности и системности, что предполагает объективный отбор и анализ фактов, учет общих тенденций исторического развития страны. Основными идеями при этом являются возможность достижения объективного исторического знания и идея закономерности в истории. Исходя из этого, исследование политической системы советского государства становится актуальным еще и потому, что с точки зрения последователей позитивизма одной из задач изучения истории является возможность выявления ее уроков. Данная задача является неотъемлемой при изучении сталинизма, который практически все исследователи рассматривают, проводя проекцию на современные реалии.

Библиографический список

1. Гаджиев, К. С. Политическая наука [Текст] / К. С. Гаджиев. – М: Сорос - Международные отношения, 1994. – 129 с.
2. Ковальченко, И.Д. Методы исторического исследования [Текст]/ И.Д. Ковальченко; АН СССР, Отд-ние истории. – М.: Наука, 1987. – 438 с.
3. Пайпс, Р. Русская революция [Текст]: [В 3 т.: Авториз. пер. с англ.] / Р. Пайпс. – М.: Росспэн, 1994.- Ч.1. – 398 с.
4. Павлова, И. В. Современные западные историки о сталинской России 30-х годов [Электронный ресурс]. – Режим доступа. - www.irinapavlova.com/revisionists.html
5. Stalinism New Directions [Текст] / Edited by S. Fitzpatrick. - London and New York: Routledge, 2000. - 377 с.
6. Парфенов, И.Д. Методология исторической науки: курс лекций [Текст]/ И.Д. Парфенов; Сарат. гос. ун-т. им. Н.Г. Чернышевского. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2001. – 172 с.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТОЛОГИИ И СОЦИОЛОГИИ

© В.Н. Шеминов (ЯГПУ)

Социология депривации современного общества

Ставя задачи нового этапа развития России в период продолжающейся трансформации, президент РФ Д.А. Медведев в послании федеральному собранию России 5 ноября 2008 г. выдвинул 10 политических инициатив, сформулировав вполне конкретные решения по развитию гражданского общества и демократического государства. Они обусловлены необходимостью адаптации государственных и политических институтов к современной ситуации, к тем вызовам, с которыми сталкивается страна. Призвав обеспечить широкое участие граждан, политических партий и других общественных институтов в их решении, доверяя все большее число социальных и политических функций непосредственно гражданам, их организациям и самоуправлению, глава государства подчеркнул, что основу нашей политики должна составить идеология, в центре которой человек как личность и как гражданин.

Поставлена задача в полную силу задействовать новые факторы роста, прежде всего связанные с развитием человеческого потенциала. В нынешних условиях особое, просто исключительное значение имеет непосредственный диалог с людьми, хорошее знание тех проблем, с которыми сталкиваются граждане, общество в целом, умение чувствовать общественное настроение [1].

В социологии общепринято рассматривать современное общество как относительно устойчивую целостную систему взаимодействующих и взаимообусловленных подсистем и элементов, общественных отношений. В то же время практика показала, что в период трансформации происходит постоянное усложнение внутренней дифференциации структуры общества во взаимодействии с внешними условиями как динамичной и саморазвивающейся системы. А взаимодействие разнообраз-

ных явлений и процессов подчас носит явно противоречивый и конфликтный характер. Социология как фундаментальная наука, интегрирующая все знания о социальных явлениях, процессах и отношениях в обществе, позволяет в полной мере реализовать требования межпредметного, как системного, так и дифференцированного анализа общества. Именно синтез всех знаний об обществе, комплексное применение различных методических приемов его познания позволяют социологам сегодня обеспечить системный, целостный подход и к личности как к главному демографическому ресурсу страны [2].

Человек как личность и гражданин - специфический, универсальный и многофункциональный ресурс. Он создает все остальные ресурсы и обеспечивает общую позитивную направленность развития общества. Вместе с тем, в результате проводимых в современном обществе крупномасштабных реформ, модернизации и непрерывной трансформации различных его сфер, институтов и организаций происходит постоянное усложнение и совершенствование общественных отношений, развитие самой личности. Ввиду этого социологи пришли к выводу, что в системном и дифференцированном анализе общества сегодня необходим депривационный подход, то есть учет и анализ непосредственно воздействующих на общество всех типов, форм проявлений депривации.

Общеизвестно, что депривация - буквально потеря, лишение, ограничение. Это психическое состояние, при котором люди испытывают недостаточное удовлетворение своих потребностей. В социологии используются понятия абсолютной и относительной депривации. Под абсолютной депривацией понимается невозможность индивида или социальной группы удовлетворить свои базовые потребности из-за отсутствия доступа к основным материальным, социальным и прочим ресурсам. Относительная депривация представляет собой субъективно воспринимаемое и болезненно переживаемое несовпадение индивидуальных и групповых ценностных для них ожиданий и возможностей, их получения, которые они, по их мнению, заслуживают. Относительная депривация выражает также чувство обездоленности в сравнении с другими индиви-

дами, группами или с интернализированным набором стандартов, норм, условий жизнедеятельности.

Одним словом, всякого рода решения или ограничения социальных возможностей, ожиданий, надежд, как правило, могут привести к тяжелому, болезненному состоянию повышенной тревоги, страха, общей неудовлетворенности и, как следствие, к потери жизненной и гражданской активности, депрессии. В зависимости от разных оснований, критериев социологи выделяют сегодня несколько типов депривации. Так, в соответствии с важнейшими сферами общественной жизни называют следующие их типы: экономическую, социальную, духовную, политическую. При этом все они взаимосвязаны и взаимообразованы.

Некоторые социологи предлагают выделить в этой типологии этническую, сенсорную, чувственно-эмоциональную и организмическую депривацию с врожденными или приобретенными индивидуальными физическими или умственными ограничениями человека. Специфической универсальной является психологическая депривация, которая практически неизбежна во всех сферах общественной жизни.

Депривация, являясь органически составной частью общей характеристики общества, не может существовать в неизменном виде. Процесс депривации историчен, он усложняется, становится более противоречивым, наполняется новым содержанием в различных его качественных и количественным модификациях. Поэтому это явление, состояние общественной жизни требует изучения в своем последовательном временном развитии.

Современная депривация, как показывают исследования, имеет весьма сложную структуру. Она развивается по определенным закономерностям, которая в зависимости от внутренних и внешних условий, факторов выражается в тех или иных формах, проявлениях, социальных действиях и поведении людей. Депривация при этом имеет четко выраженную направленность, стадийность (цикличность), последовательность и многофакторность. В выявлении воздействий всех типов и форм депривации на личность, социальные группы и

общности в целом и состоит суть депривационного подхода к анализу общества.

Изучая депривацию, мы стремились выявить все социально значимые, устойчивые и повторяющиеся формы поведения и деятельности людей, социальных групп, определяемые их сложными взаимодействиями с окружающей социальной средой.

Одним словом, депривационный подход предполагает учет целого ряда социально-психологического, духовно-нравственного и прочих состояний граждан, выраженных большей частью не только в их внутренних переживаниях, чувствах, эмоциях, но и в тех или иных социальных действиях, поведении, мнениях, оценках и отношениях к различным сферам и формам жизнедеятельности общества, его социальным институтам и организациям. А это позволяет упразднить, нейтрализовать или совсем снять депривационное явление, сформулировать (спроектировать) систему гармонизации отношений человека с окружающим миром, выявить и стимулировать оптимальные формы его деятельности. Полученные знания дают новые возможности успешной ресоциализации граждан, испытывающих депривацию, то есть усвоить новые нормы, социальные стандарты ценностей и моделей поведения в условиях экономического кризиса, следовательно, повысить творческий, духовный потенциал, общее позитивное самочувствие, гражданскую активность индивида, а в конечном счете и личное благополучие. Все это в итоге позитивно влияет на стабилизацию общественной жизни.

Так, в ходе проводимой в России в последние годы модернизации и заметного при этом повышения благосостояния, наступившей определенной стабилизации всей жизни у граждан стали пробуждаться реальные надежды и ожидания на большее. При этом значительно повысились требования к качеству всех сфер жизнедеятельности и соответственно к властным структурам.

В условиях же мирового финансового кризиса, когда Россия, как и другие развитые экономики мира, находится в сложных условиях, многие россияне стали опасаться потерять и то, чего им с таким большим трудом удалось достигнуть. В

этих условиях в стране были приняты эффективные меры не только по снижению появившихся негативных влияний депривационных процессов, но и ряд мер по их упреждению.

В послании президента России Федеральному собранию РФ 5 ноября 2008 года отмечается, что общая для всех задача не только сохранить достигнутые социальные стандарты жизни граждан, но и обеспечить условия для их дальнейшего роста [1]. На федеральном уровне разработана конкретная программа по обеспечению всех социальных обязательств. Определенные антикризисные меры принимаются и в Ярославском регионе. Для их реализации потребуются согласованные действия как государственных, так и всех гражданских институтов общества, социально-ориентированного бизнеса [1].

Библиографический список

1. Послание Президента России Федеральному собранию РФ 5 ноября 2008 года [Текст] / ФГУП. – М.: Известия, 2008.
2. Социальное партнерство в образовательной сфере: опыт, проблемы и перспективы развития [Текст]: сб. статей / под. ред. проф. О.И. Зацепиной. – Ярославль: ЯФАТиСО, 2007. – С. 268-272.

© В. П. Басков, А. В. Кузьменко (ЯГПУ)

Молодежь на рынке труда

Становление жизнеспособного поколения молодежи в условиях реформирования России происходит в сложных социально-экономических условиях. Нарастающий кризис характеризуется устойчивым спадом производства, снижением и обострением занятости населения, особенно среди молодежи. Российское общество в целом и его отдельные социально-профессиональные слои оказались неготовыми воспринимать безработицу как данность и своевременно принимать меры к стабилизации положения, к оперативному решению возникших задач. Следует констатировать, что политика, не ориентированная на сочетание экономической эффективности и социальной справедливости в длительном аспекте, становится

разрушительной. Неблагоприятная социально-экономическая обстановка принижает роль молодежи в общественной динамике. Немалая часть молодежи оказалась не у дел, на обочине жизни, превращаясь в «группу риска», занимая в социальной структуре общества маргинальное положение.

В результате избранной модели экономического формирования молодежь осталась без надежных социальных ориентиров. Оказались разрушенными традиционные формы социализации с заданным будущим, хотя и с уравнительной, но социальной стабильностью. Сложившийся в ходе реформ рыночный механизм оказался далеким от цивилизационных форм. Становится все более очевидным, что рыночные реформы не должны быть самоцелью. Они должны проводиться в интересах человека, не деформируя при этом глубинные нравственные ценностные ориентиры его сознания, учитывая культурно-исторические традиции народа. Формируемая рыночным механизмом культура экономического поведения в сущности ориентирована не на наращивание экономического потенциала и развитие производства, а на текущие интересы и сиюминутное получение высоких доходов. Возможность заработать сейчас и немедленно привела к сокращению занятости молодежи в производственной сфере. Профессиональный рост перестает играть сколь-либо существенную роль в жизненной ориентации молодежи. Компетентность, профессиональное мастерство сейчас не престижно, высокий профессионализм далеко и не всегда обеспечивает материальное благополучие. Необеспеченность основных материальных потребностей, негарантированность занятости, а также заработной платы подрывает трудовую мотивацию, отрицательно сказывается на ценностных ориентациях и на поведении молодежи. Следовательно, проблема формирования государственной молодежной политики должна ставиться во главу угла всей социальной политики. Как же решается эта проблема на региональном уровне?

Возьмем Центральный федеральный район, где особенно развита промышленная и строительная инфраструктура. С осени 2008 года здесь начались значительные сокращения кадров и не только в индустриальном секторе, но и в сфере обслуживания и управления. Тысячи людей остались без рабо-

ты или трудятся по сокращенному графику, два-три раза в неделю. В этой обстановке неизменно выросла роль службы занятости, разработка стратегии социально-экономического развития на областном уровне. С начала 2009 года федеральная служба по труду и занятости открыла информационный портал «Работа в России», в котором наибольший интерес представляют два раздела: «Поиск работы» и «Поиск работника». Первый раздел содержит данные о вакантных рабочих местах во всех субъектах Российской Федерации, в том числе поиск работы вахтовым методом с предоставлением льгот (в частности с предоставлением жилья). В разделе «Поиск работника» размещена информация о гражданах, обратившихся в органы службы занятости населения и изъявивших желание осуществлять трудовую деятельность вне территории постоянного проживания. Заслуживает внимания «Областная целевая программа по снижению напряженности на рынке труда Ярославской области на 2009 год». В программе четыре направления, по которым строятся взаимоотношения с соискателями. Во-первых, это организация опережающего обучения по новой профессии, чтобы безболезненно перейти с одного места на другое в рамках одного предприятия. Во-вторых, это общественные работы, которые не требуют высокой квалификации и специальных дипломов. В-третьих, это самозанятость, то есть организация своего малого бизнеса. В-четвертых, это переселение в другие районы или регионы с предоставлением жилья от работодателя. Аналогичные программы приняты и в других областях ЦФР. В последнее время увеличилось противоречие между спросом и предложением квалифицированной рабочей силы на рынке труда. Повышенным спросом пользуются квалифицированные рабочие кадры не ниже 5-6 разряда, но такие рабочие не стоят на бирже труда. С ними не желает расставаться ни одно предприятие. Устойчивым спросом в областях региона пользуются строительные профессии, а также профессии сферы обслуживания: официанты, кондитеры, портные, закройщики, бармены. Среди специалистов и служащих – преподаватели, воспитатели дошкольных учреждений, медицинские работники среднего звена, инженеры и техники, работники торговли и жилищно-коммунального обслуживания. Со-

циологи и специалисты отмечают, что в условиях кризиса на бирже труда оказались банковские сотрудники, специализировавшиеся на кредитных операциях, финансовые менеджеры, экономисты и юристы, офисные работники.

В сложившихся условиях возникают новые задачи перед всей системой образования. Возрастает не просто ценность образования молодежи, а высококачественного образования, ориентированного на решение возникших проблем экономического развития, выхода из кризиса. К сожалению, следует признать, что до сих пор у значительной части молодежи стремление к образованию представляет лишь своеобразную «дань моде», а не внутреннюю духовную потребность. С другой стороны, количество рабочих мест, где действительно требуется высокий уровень образования, за весь период рыночных реформ не только не увеличилось, а и существенно сократилось. Огромный ущерб нанесла нашей стране утечка высококвалифицированных молодых специалистов за рубеж.

XXI век был объявлен ЮНЕСКО «веком образования». Знания, интеллект, культура, всесторонняя образованность молодежи должны стать важнейшим условием возрождения России.

© О.А. Коряковцева (ЯГПУ)

Особенности взаимодействия органов государственной власти и молодежных движений в современной России

Молодежные политические и общественные объединения и движения создаются с целью оказания воздействия на органы государственной власти в сфере молодежной политики. При этом уровень влиятельности той или иной молодежной организации находится в прямой зависимости от того, в какой степени ей благоприятствует политическая система и как в обществе распределена власть в целом. Неразвитость механизма учета и согласования интересов и потребностей молодежных политических и общественных организаций блокирует развитие публичной политики, приводит к деформациям политических отношений, снижению легитимности власти и уровня доверия молодого поколения к государственным институтам.

Оптимизация взаимодействия органов власти и молодежных политических и общественных движений способствует демократизации, интеграции и консолидации общества.

В начале 1990-х гг. в России начался процесс выстраивания новой системы взаимоотношений между органами государственной власти и молодежными политическими и общественными организациями, сопровождающийся введением новых механизмов, позволяющих молодежному движению оказывать влияние на молодежную политику в государстве. Этот процесс продолжается и в настоящее время.

В ходе проведенного исследования выявлены механизмы, оказывающие влияние на формирование взаимодействия органов государственной власти с молодежными политическими и общественными объединениями.

1. ***Механизм личных контактов***

Самым первым механизмом взаимодействия власти и молодежного движения стали личные встречи представителей политической элиты с членами молодежных организаций. Зарождение такой формы диалога власти и молодежи приходится на начало 1990-х гг. XX в. – время коренной перестройки всей политической системы России, распада государства, борьбы законодательной и исполнительной властей на федеральном уровне, роста самостоятельности регионов. В этот период после «ухода» комсомола в России возникло множество молодежных общественных организаций, имевших целью заполнить возникший организационный вакуум в работе с молодежью. Для их представителей вопросом первой необходимости было выстраивание системы работы с органами власти для формирования эффективной молодежной политики государства. Молодежные организации стремились сохранить линию целенаправленной работы государства с молодежью, существовавшую в советский период, внося при этом коррективы в соответствии с текущим историческим моментом.

В июле-августе 1992 г. молодежные общественные организации провели Общероссийскую акцию «Хотим быть услышанными», что явилось прологом к проведению 4 сентября 1992 г. встречи президента РФ с представителями детских и молодежных организаций, руководителями региональных ко-

митетов по делам молодежи. По итогам встречи Президент подписал Указ от 16 сентября 1992 г. «О первоочередных мерах в области государственной молодежной политики», где молодежная политика была признана одним из приоритетных направлений социально-экономической политики государства.

В данной ситуации политической нестабильности и неопределенности исполнительная власть в лице президента РФ пошла навстречу молодежи, поддержав ее инициативу с целью дальнейшего использования молодежного ресурса в столкновениях с законодательной властью.

В том же 1992 г. по инициативе восьми молодежных общественных организаций был создан Национальный Совет молодежных и детских объединений России как зонтичная структура российских молодежных и детских организаций. Образование Национального Совета было поддержано Президентом России (Указ №1075 от 16 сентября 1992 года).

Сегодня Национальный Совет объединяет 70 молодежных и детских организаций, среди которых политические, студенческие, профсоюзные, культурные и другие. 29 из них – региональные координационные Советы («круглые столы») молодежных и детских объединений в субъектах РФ.

Национальный Совет активно сотрудничает с Министерством образования России, Комитетом по делам женщин, семьи и молодежи Государственной Думы РФ, Администрацией Президента РФ.

Механизм личных контактов молодежных движений с представителями органов власти чрезвычайно важен для развития молодежной инициативы. Во-первых, он позволяет молодежным организациям независимо от преследуемых целей деятельности (политических или общественных) заявить о себе лично, напрямую, без посредников. Во-вторых, сформированные контакты и личные знакомства позволяют создать более гибкую систему реагирования власти на нужды молодого поколения, что в целом способствует повышению эффективности молодежной политики. Для органов власти контакты с представителями молодежных организаций и движений – это канал обратной связи, позволяющий не только систематически

изучать ситуацию в молодежной среде, но и в соответствии с ней своевременно корректировать политический курс.

К недостаткам данного механизма следует отнести его несистематичность. Особенности бюрократической системы государственного управления таковы, что организовать встречи государственных деятелей с представителями молодежных движений на постоянной основе не всегда возможно.

2. Механизм акций прямого действия

В первой половине 1990-х гг. еще одним механизмом взаимодействия органов государственной власти и молодежных организаций и движений, инициированным самой молодежью, становятся акции прямого действия, организуемые преимущественно молодежными политическими организациями.

В соответствии с экстремистским характером своих целей и форм деятельности, первые молодежные политические организации вводят такой механизм взаимоотношений с властью, как акции прямого действия, принимающие формы митингов, демонстраций, пикетирования, захвата административных зданий, голодовок и т.д. Применение данного механизма остается актуальным и в настоящее время, особенно для молодежных политических организаций, оппозиционных существующему режиму.

Несмотря на то, что механизм акций прямого действия является инициативой молодежи, государство оставило за собой право регулировать формы реализации данного механизма. Федеральным законодательством предусмотрены следующие формы массовых политических акций: собрание, митинг, демонстрация, шествие, пикетирование. Собрание представляет собой совместное пребывание граждан в специально отведенном и приспособленном месте для коллективного обсуждения каких-либо общественно-значимых вопросов. Отличие демонстрации от митинга состоит в том, что, во-первых, демонстрация предполагает передвижение, во-вторых, – использование средств наглядной агитации (плакатов, транспарантов). Под пикетированием подразумевается форма публичного выражения мнений, осуществляемая без передвижения и использования звукоусиливающих технических средств путем

размещения у пикетируемого объекта одного или более граждан с плакатами, транспарантами и иными средствами наглядной агитации [1]. Все предусмотренные законодательством формы акций прямого действия используются молодежными политическими движениями.

3. Реестровый механизм

В середине 1990-х гг. начинает формироваться реестровый механизм взаимодействия органов власти и молодежных общественных организаций, который вступил в силу на основе Федерального закона «О государственной поддержке молодежных и детских общественных организаций» от 28.06.1995 г.

В соответствии с законом в целях систематизации работы с молодежными общественными организациями и координации их деятельности государство ежегодно создает Федеральный реестр объединений, пользующихся государственной поддержкой. В реестр включаются общероссийские, международные и межрегиональные молодежные и детские объединения, которые являются юридическими лицами и действуют не менее одного года с момента государственной регистрации, а также насчитывают не менее 3000 членов [2].

Введение реестрового механизма было инициировано государством с целью сформировать перечень обязательств власти по отношению к молодежным общественным организациям, а также создать работающую систему постоянных контактов органов власти с ограниченным кругом организаций, деятельность которых укладывалась в стратегию социально-экономического и политического развития государства. Кроме того, в середине 1990-х гг. в России продолжался процесс формирования законодательной базы молодежной политики, а поскольку федерального закона о молодежи принято еще не было, введение специального нормативно-правового акта, регулировавшего отдельное направление молодежной политики, могло компенсировать существующие пробелы в законодательстве.

Реестровый механизм впервые закрепил принцип субсидиарности во взаимодействии власти и молодежи, предполагавший передачу средств на осуществление задач государст-

венного характера тем, кто сможет их наилучшим образом реализовать, в первую очередь молодежным и детским общественным объединениям, студенческим в том числе.

Согласно Федеральному закону «О государственной поддержке молодежных и детских общественных организаций» государственная поддержка не распространяется на молодежные и детские коммерческие и религиозные организации; молодежные и студенческие объединения, являющиеся профессиональными союзами; молодежные и детские объединения, учреждаемые либо создаваемые политическими партиями. При этом на практике в Федеральный реестр несколько лет подряд входили такие молодежные политические движения, как «Молодежное единство», «Идущие вместе», Союз коммунистической молодежи.

Реестровый механизм распространен в большинстве субъектов РФ. В региональные реестры включаются молодежные организации, отобранные на основании количественных критериев: численности членов и времени существования, – и качественного критерия: целей и характера деятельности организации.

Анализ регионального законодательства по молодежной политике позволяет сделать вывод о том, что основные мероприятия по оказанию государственной поддержки молодежным объединениям в регионах практически не различаются. Применение реестрового механизма во взаимоотношениях власти и молодежных организаций не всегда рационально. Поддержка определенного ряда молодежных движений может вести к нецелевому расходованию средств федерального или регионального бюджетов. Подобное явление в целом не способствует эффективности проводимой государством молодежной политики.

4. Молодежный парламентаризм

На становление субъектности молодежи и выработку эффективной молодежной политики, отвечающей интересам молодежи как специфической социально-демографической группы, направлена система *молодежного парламентаризма* - «система представительства прав и законных интересов молодежи как особой социальной группы, основанная на создании

и функционировании при органах государственной (муниципальной) власти общественной консультативно-совещательной структуры молодежи – *молодежного парламента*, а также иных общественных институтов участия молодых граждан в жизни государства» [3].

Практика молодежного парламентаризма имеет широкое распространение в странах Европейского союза (Германия, Финляндия, Латвия, Литва, Эстония, Польша, Финляндия и др.).

Становление нового механизма во взаимоотношениях власти и молодежи, каким стал молодежный парламент, связано с появлением в 2003 г. Письма Министерства образования РФ «О развитии молодежного парламентаризма в субъектах РФ». Рекомендации Министерства регионам были выработаны на основе политической практики федерального уровня, где в 2002 г. при Государственной Думе РФ была создана Общественная молодежная палата, а в 2004 г. при Совете Федерации РФ – Молодежная парламентская Ассамблея. Данные молодежные органы власти занимаются изучением проблем молодежи в России, обеспечивают своевременное реагирование на них органов государственной власти, содействуют деятельности федеральных органов власти в области законодательного регулирования прав и законных интересов молодежи, разрабатывают рекомендации по решению проблем российской молодежи. Создание данных органов власти демонстрирует заинтересованность парламента федерального уровня в вовлечении молодежи в процесс решения собственных проблем путем развития законодательной инициативы и реализации конституционного права молодых граждан на участие в управлении делами государства.

Одним из наиболее эффективных мест приложения активности молодежи стал молодежный парламент как, с одной стороны, прямая возможность для молодого человека принять участие в общественно-политической деятельности, разработке и реализации молодежной политики, а с другой – как контролируемый государством и ограниченный по влиянию орган власти молодежи. Бесспорно, мероприятия по вопросам молодежного парламентаризма, проводимые на федеральном уров-

не, дали ощутимый толчок к формированию и развитию этого механизма в регионах.

Таким образом, тенденция включения молодого поколения в общественно-политическую жизнь, в процесс принятия политических решений приобретает все большее развитие.

5. Проектный механизм

Самым новационным механизмом, постепенно замещающим практику создания реестров молодежных объединений как на федеральном уровне, так и во многих субъектах РФ, является проектный механизм взаимоотношения власти и молодежи, введенный на основании Стратегии государственной молодежной политики в России, принятой 18.12.2006 г. [4].

Применение проектного механизма предполагает формирование организованной молодежью системы проектов, понятных и востребованных в молодежной среде и обществе, что в итоге направлено на формирование условий для самоорганизации молодежи, развития инициатив, превращения молодежи в активного субъекта выработки и реализации молодежной политики. Органы исполнительной власти регионов, как правило, проводят конкурсы проектов молодежных движений и объединений. По результатам конкурса принимается решение о государственной поддержке молодежного объединения, определяются критерии для включения в реестр.

Названные социальные и политические факторы обусловили изменения во взаимоотношениях органов государственной власти с молодежными политическими и общественными организациями. Если реестровый и проектный механизмы, как и участие в деятельности молодежного парламента, являются прерогативой молодежных общественных организаций, то акции прямого действия стали основным механизмом взаимодействия с органами власти молодежных политических организаций и движений. Одной из причин сложившейся ситуации является запрет на включение молодежных политических организаций в реестры государственной поддержки.

Таким образом, сегодня отчетливо проявилась тенденция встраивания молодежных общественных и политических организаций в политическую систему в связи с потерей ими статуса выразителей интересов общества и подконтрольным

государству положением. Тенденции, обозначившиеся на федеральном уровне, оказывают непосредственное влияние на характер взаимоотношений органов государственной власти с молодежным движением в регионах РФ.

Библиографический список

1. Федеральный закон «О собраниях, митингах, шествиях, демонстрациях и пикетированиях» № 54-ФЗ от 19.06.2004 г. Ст. 2.
2. Федеральный закон «О государственной поддержке молодежных и детских общественных организаций» от 28.06.1995 г.
3. Письмо Министерства образования РФ «О развитии молодежного парламентаризма в субъектах Российской Федерации» от 24.04.2003 г.
4. Стратегия государственной молодежной политики в РФ от 18.12.2006 г.

©А.В. Гаврилов (ЯГПУ)

Европейский правый радикализм в 1990-е годы (на примере Австрии и Германии)

Конец XX века правый радикализм во всем мире, в том числе и в Европе, встретил на стадии подъема. Критичное отношение к современному обществу, радикальная переоценка его основных концепций (особенно концепций свободы, равенства), «возвращение к истокам», «антиуниверсализм» вновь стали активно распространяться в последней трети XX века. Без преувеличения можно сказать о наступлении «третьей волны» правого радикализма (вторая относится к межвоенному периоду, первая к концу XIX века).

Из преимущественно европейского явления, распространенного главным образом в странах догоняющего развития (Франции, Германии, Италии, Австро-Венгрии), каким он был в период первой и второй волны, современный правый радикализм стал поистине глобальным, появившимся на всех континентах, в большинстве культурно-религиозных контекстов феноменом. Особое значение приобрел исламский ради-

кализм, распространяющий свое влияние в том числе и на Европу.

Несмотря на это, значительная часть интеллектуального потенциала современного радикализма, в том числе исламского, по-прежнему концентрируется именно в Европе. По сути, после Второй мировой войны Европа заняла в глобальном мире позицию стран «второй группы» – Франции, Германии, Италии, Австро-Венгрии столетней давности. Место Англии заняли и гипертрофировали США, место царской России в несколько более отстраненном и изолированном виде – СССР и КНР. Позиции прежде всего интеллектуальные, затем геополитические, отчасти экономические. Место современной России в этой системе координат постепенно смещается с востока на запад, от «СССР» к «Германии» и «Австро-Венгрии».

Идеология и практика европейского правого радикализма длительное время формировалась, интеллектуально оттачивалась, принимала логически завершенные формы именно в Австрии и Германии.

С конца 1960-х годов возникает и активизируется большое количество отдельных интеллектуалов и групп праворадикального толка.

С 1980-х годов дополнительную относительно массовую поддержку избирателя получают политические партии, использующие праворадикальную риторику, позиционирующиеся в общественном мнении соответствующим образом. Французский и австрийский прецеденты стали основными. Во Франции наивысшим электоральным успехом правых радикалов стал выход Ж. М. Ле Пена во второй тур президентских выборов 2002 года. В Австрии основной праворадикальной партии – Австрийской Партии Свободы удалось войти в состав правительства. Это продемонстрировало принципиальную возможность выхода казавшихся ранее маргинальными групп на уровень политического истэблишмента.

Формирование правительства с участием ультраправых, возглавляемых известным своими правоэкстремистскими высказываниями премьер-министром земли Карантия Й. Хайдером, стало возможным после парламентских выборов 2 октября 1999 года, принесших АПС второе место с 26,91% голо-

сов (у лидировавшей Социал-демократической партии Австрии – 33,15 % голосов, и лишь на 415 голосов от АПС отстали консерваторы из Австрийской народной партии – АНИ). Еще до выборов АПП заявило, что в случае поражения партии и потери второго места консерваторы выйдут из правительственной коалиции с СДПА и перейдут в оппозицию к последней. После того как в конце января СДПА отказалась от попыток сформировать правительство меньшинства, создание двухпартийной коалиции АНП-АПС было предопределено, и 4 февраля 2000 г. Федеральный президент Австрии Т. Клестиль привел к присяге правительство В. Шосселя, в котором посты вице-канцлера, министров обороны, финансов, юстиции, а также некоторые другие (в общей сложности 8 из 19) были отданы представителям партии Хайдера.

Констатируя прорыв европейского правоэкстремистского движения на новый, более высокий уровень политической легитимности, коренным образом меняющий качество европейского политического процесса, следует отметить, что он был обусловлен двумя факторами.

Фактор иммиграции

Уже к 1973 году в странах ЕС легально проживало 12 млн. иностранцев (в том числе 73% из-за пределов стран Европейского Союза)[1]. К 1991 году их количество достигло 17 млн. проживавших легально. Кроме этого, за два десятилетия возникла массовая нелегальная иммиграция (примерно 3 млн. человек, преимущественно из стран «третьего мира»)[2]. Соответственно, количество иммигрантов из-за пределов ЕС за это время почти удвоилось (не считая тех, кому за это время удалось получить гражданство). В последнее десятилетие века ежегодный нетто-поток иммигрантов составлял 1,2 млн. человек в год, в том числе 0,5 млн. – нелегально. К 2002 году в ЕС проживало более 18 млн. легальных иммигрантов, в том числе более 12 млн. из-за пределов Европы, и более 5 млн. нелегалов, как правило, также из-за пределов ЕС [3].

Примерно по 600 тыс. человек ежегодно натурализовались, что объясняет кажущееся несовпадение больших цифр въезда с относительно умеренными статистическими данными нахождения на территории. Значительная часть бывших имми-

грантов получила гражданство, но в глазах коренных жителей по-прежнему оставалась «приезжими», «чуждыми».

Взрывной характер происходивших изменений не мог не оказать влияния на европейский социум. США также переживали наплыв иммигрантов, в том числе нелегальных из стран «третьего мира», с явно выраженной «неевропейской» внешностью и культурой. Но Америка уже имела длительный опыт проживания на одной территории представителей разных рас. Западная Европа столкнулась с этим явлением впервые. Видимо, именно это придало дополнительную остроту ситуации, способствовало видению средним европейцем ситуации в преимущественно этнокультурном, а не социально-экономическом контексте. Проявляется это в том, что объектами нападок противников иммиграции чаще всего являются не самые крупные общины, а наиболее чуждые культурно. Так, например, во Франции проживает больше выходцев из Португалии, чем из Алжира, а в Англии больше ирландцев, чем пакистанцев, в Германии турки составляют только треть иммигрантов[2. P.7].

В Австрии в 1990-е годы доля иммигрантов в населении страны составляла 9%, что не являлось рекордным для Европы показателем, но среди иммигрантов количество граждан других стран ЕС было минимальным – 13% [4]. Поэтому по количеству иммигрантов из-за пределов ЕС (около 8 % населения страны) Австрия занимала первое место. Соответственно фактор культурной отчужденности иммигранта здесь выражен наиболее сильно, поэтому успех АПС не был однократным (ему предшествовали аналогичные результаты выборов в Европарламент в 1996 году).

Вторым фактором стал кризис традиционной системы партийно-политических ориентиров, происходивший в последней трети XX века и особенно ускорившийся в 1980-90 гг.

Дезориентация ведет к распаду сложившихся элит и появлению новых. Роль популистской риторики в этом процессе, на наш взгляд, не стоит переоценивать. Более важной является готовность старых элит к принятию (или, по крайней мере, отсутствие отторжения) новых элит. Важное промежуточное звено в процессе этого «признания» - демонстрация

«новичками» способностей к удержанию власти на промежуточном и местном уровнях, относительно «успешному» решению актуализируемых ими проблем. В отличие от французских ультраправых, неспособных закрепиться на местном уровне на длительный срок (за исключением малозначительной периферии), австрийские праворадикалы такие способности продемонстрировали. Хайдер, будучи главой правительства одной из ключевых австрийских земель – Каринтии, проводил дискриминационную политику выплаты социальных пособий, содействия трудоустройству, образованию прежде всего в отношении иммигрантов-неевропейцев. Кроме того, закрывались под различными благовидными предлогами двуязычные школы для словенцев (являющихся коренным населением в Каринтии). Действия Хайдера, во-первых, способствовали нарастанию его популярности среди «своего» электората. Во-вторых, он продемонстрировал себя как политический деятель, уже находящийся на ответственном посту, аналогичном следующему, разрушил имидж «безответственного популиста», преследующий всех радикалов. Лишь мощная пропагандистская кампания других стран – членов ЕС, с обсуждением планов «политической блокады» Австрии, на следующих выборах, в ноябре 2002 года, привела к потере АПС почти двух третей голосов избирателей и уходу из правительства. Это продемонстрировало отсутствие третьего ключевого фактора успеха праворадикальных сил – серьезного социально-экономического кризиса. Глобальное замедление темпов экономического роста, ставшее ощутимым в Европе с конца 60-х годов, не достигло критических величин к концу 90-х, что ограничило масштабы успехов праворадикальных сил.

Библиографический список

1. Европа. – 1992. - ноябрь–декабрь.- С.16.
2. Boldwin-Edwards M. The politics of immigration: introduction// West-European Polities. - 1994. - Vol. 17. Apr. - P. 1-16.
3. Хижный, Э. Роль иммиграции в формировании трудовых ресурсов стран Западной Европы [Текст] / Э. Хижный // Западная Европа перед вызовом иммиграции.- М. 2003, С. 69-87.

4. Angestardt, S. Asylum and Migration Politics in EU [Text] / S. Angestardt .- Bonn,1999. - P.27.

©Л. Н. Талызина (ЯГПУ)

Особенности конфликтов в кризисном обществе

Общественное сознание понемногу расстается с установкой на конфликт как нечто деструктивное. Сегодня все более активно утверждается мнение, обоснованное в свое время Л. Козером, что конфликт – это определенное состояние социальной системы. Он способствует интеграции общества или общности, устанавливает и поддерживает границы групп, создает предпосылки модернизации или качественного обновления. С развитием конфликта обозначается внутренняя тенденция системы к созданию новых возможностей, поиску альтернатив развития.

Положительные стороны социальных конфликтов наиболее четко проявляются в период кризиса, особенно охватывающего ряд сфер жизнедеятельности. Такую ситуацию мы имеем в настоящее время в России. Именно в период масштабного кризиса появляется настоятельная необходимость пересмотра многих социальных технологий, моделей экономического поведения, переоценки подходов к решению давних проблем.

Социальные конфликты демонстрируют неготовность разных сегментов общества, производств, сфер деятельности, коллективов, личности осваивать новые приоритеты, концепции, идеи, стремиться к изменению статуса, повышению уровня знаний.

Для России наиболее болезненной проблемой стала безработица. Под предлогом финансового и экономического кризиса многие предприятия избавляются от кадрового балласта, пересматриваются коллективные договоры, сокращаются социальные гарантии, оказывается давление на профсоюзных активистов. Речь не всегда идет о людях, которые плохо работали. Имеется в виду наличие рабочих мест и окладов, которых в нормальной экономике быть не должно. Это искусственно созданная занятость, рассчитанная на нефтяную ренту.

Увеличивается число предприятий, переводящих работников на режим неполного рабочего дня или недели, предоставляющих вынужденные отпуска. Все это с соответствующим урезанием заработной платы.

Проблема сокращения на производстве, оптимизации численности сотрудников сложная и многоаспектная. С одной стороны, это освобождение от дутых должностей, экономически не обоснованных рабочих мест. С другой стороны, кризис может стать удобным поводом, чтобы уволить наиболее неугодных, строптивых, критически настроенных сотрудников, возможных конкурентов при продвижении по службе.

Третий аспект проблемы связан с тем, что если предприятия не дают увольнять людей, то они перестают создавать новые рабочие места, ограничивают вакансии на передовых направлениях, что затрудняет в перспективе выход на новые рубежи. А многие руководители, владельцы фирм давно почувствовали, что необходима реструктуризация, сокращения, кадровые перестановки.

Вызывает беспокойство разноголосица в цифрах, характеризующих рост безработицы к концу 2009 года. Данные разнятся от трех до десяти миллионов. Такой разброс мнений среди экспертов по этому и многим другим вопросам свидетельствует о том, что используются разные исходные данные, технологии подсчета, анализа эффективности предпринимаемых антикризисных мер. В любом случае во избежание масштабных протестных акций народа государству следует пересмотреть политику по отношению к занятости населения. Надо принимать во внимание, что в современных условиях стремление к регулярной занятости в значительной степени связано не только с получением дохода, но и стремлением к социальному статусу, безопасности, общению и участию в коллективной деятельности.

Речь должна идти о более эффективной работе центров занятости, ярмарок вакансий, особенно для молодых специалистов. Нужно также расширить сферу общественных работ (это уже делается в Ярославле), помогать с переездом в другой город, если там специальность востребована, стимулировать малый бизнес не декларативно, а реально. Но развитие малого

бизнеса, надо иметь это в виду, потребует освобождения его от чрезмерных проверок, борьбы с коррупцией, коренной ломки существующего бюрократического уклада. Президент Д. А. Медведев потребовал «перестать кошмарить» малый и средний бизнес, и тогда в перспективе он может стать основой решения проблем диверсификации экономики, ее динамичного развития, технологического и научного прорыва.

Еще одной больной темой в нашем обществе является отношение к гастарбайтерам и проблема миграции. Государство уже заявило о сокращении числа легальных мигрантов из стран СНГ, что позволит частично решить вопрос занятости отечественных безработных. Но не все мигранты уедут на родину. Министерство внутренних дел предупреждает о возможном росте преступности, правонарушений со стороны приезжих. Такая ситуация характерна прежде всего для крупных городов. Но противостояние местных жителей и гастарбайтеров происходит в разных населенных пунктах. Экономический кризис только обостряет нетерпимость, способствует накалу эмоций, росту националистических настроений и ксенофобии. Конфликты могут принять более острую форму. Усилению социальной конфликтности в этой сфере могут способствовать личностные качества массовых слоев населения: недифференцированность, непроявленность собственных интересов, взаимная недоброжелательность, нетерпимость, желание обвинять других в своих бедах, неспособность критически оценить собственные возможности, ограниченность кругозора.

Люди по-разному реагируют на унижения по этническому признаку. Одной из опасных форм реагирования на ущемление прав, а значит отстаивание собственной идентичности, является накопление социального беспокойства, латентно формирующееся противостояние давлению. Это опасно потому, что у правящей элиты, местной власти не всегда есть возможность осмыслить происходящее и в силу этого адекватно реагировать. В периоды кризисов попытки оскорбительных заявлений и действий в адрес других этносов воспринимаются как своеобразная психологическая компенсация, как механизм национального самосохранения.

Конфликтность в обществе связана также с углублением социального неравенства, усилением нисходящей мобильности и нарастанием маргинальности в стране в период кризиса. Для маргинальной личности характерны резкие переходы от одних стереотипов к другим, от поддержки каких-то параметров социального порядка к яростному несогласию с ними. Маргинал выглядит как субъект без базовой идентичности, его поведение трудно предсказать. Маргинализация целых страт в современном российском обществе свидетельствует о радикальных трансформационных подвижках в социальной структуре.

Высокие темпы нисходящей мобильности приводят к появлению низших слоев, чья идентификация и самоидентификация делается более негативной. Обостряются внутриличностные конфликты, обусловленные явным несоответствием между объективным положением людей и их самооценкой. Особенно это характерно для образованных групп среднего класса. Учитель школы и преподаватель вуза не могут входить в престижный средний слой. Они чаще всего не в состоянии обеспечить себе достойное социокультурное воспроизводство, то есть качественно отдыхать, бывать в зарубежных поездках, посещать театры и выставки, выписывать толстые журналы. Но имеющийся культурный потенциал является достаточным основанием, чтобы считать себя средним слоем.

Проблемы социальной самоидентификации разных страт являются в России весьма болезненными. Период кризиса – это подходящее время для осмысления места и роли социальных слоев в стране, ориентированной на постиндустриальное общество и рост конкурентоспособности.

Потеря привычного места работы или рост недовольства собой могут стать хорошим стимулом сменить сферу деятельности, овладеть смежной или совсем другой профессией, переосмыслить возможности. Время неопределенности позволяет проверить на прочность собственное самообладание, оценить потенциал, научиться мыслить конструктивно и перспективно. В таких ситуациях, наверное, люди учатся лучше понимать социальные процессы, использовать предоставляемые возможности и рассматривать их как трамплин для внутренне-

го роста. Конфликты могут стать катализатором новых идей, технологий, социальных практик, если мы научимся грамотно их оценивать.

Библиографический список

1. Кривошеев, В.В. Региональные проблемы социальной идентичности [Текст] /В. В. Кривошеев. - Калининград., 2006.
2. Светлов, В. А. Конфликт: модели, решения, менеджмент [Текст] /В. А. Светлов. – СПб.: Питер, 2005.

© Е.А.Пелевина (ЯГПУ)

Политическое поведение различных социальных групп в периоды экономических кризисов

Политическое поведение – это мотивированные действия субъектов, направленные на защиту и реализацию политических интересов и ценностей. Субъектами политического поведения могут выступать индивиды, социальные группы, массы. Экономическое положение субъекта – один из основных факторов, влияющих на политическое поведение. Резкое падение уровня жизни, вызванное экономическим кризисом, способно спровоцировать радикальные изменения в политическом поведении социальных групп. В ходе кризисов граждане могут: 1)предпочесть сохранять существующий режим и поддерживать статус-кво (лояльность); 2)пассивно приспосабливаться к меняющейся ситуации (уход); 3)активно выступать против проводимого правящим режимом политического курса, а то и против режима как такового (протест). Выбор в пользу одной из этих стратегий политического поведения даже на уровне отдельного индивида, не говоря уже о больших социальных группах, зависит от многих факторов.

Сравнительные исследования политического поведения различных социальных групп в периоды экономических кризисов в разных странах и в различные исторические периоды не дают основания для определения причинно-следственных законов, управляющих этим явлением. Казалось бы, закономерность «совершенно очевидна»: экономический кризис ведет к снижению благосостояния людей, что порожда-

ет рост общественного недовольства, выражающегося в различных формах коллективного протеста. Относительно стихийное и неорганизованное поведение группы людей, реагирующих на неопределенную и угрожающую ситуацию, американский социолог Н.Смелзер определяет как «коллективное поведение»[1]. В теории коллективного поведения оно рассматривается как форма политической борьбы, в основе которой – стремление изменить господствующие социальные условия путем прохождения последовательных этапов, начиная с изменения структурных факторов и кончая мобилизацией к действиям и установлением социального контроля.

Поиск законов причинно-следственного характера в области политической мобилизации привел к появлению в социальных науках различных моделей коллективного поведения. Модель, предложенная Дж.Дэйвисом, отражает ситуацию экономического кризиса: политическая мобилизация, точнее, коллективное насилие, с особой легкостью разворачивается тогда, когда период длительного улучшения экономических условий резко переходит в период застоя или упадка. Подразумеваемая или формулируемая в явном виде гипотеза заключается в том, что постоянный экономический рост создает в обществе ожидания, которые жесточайшим образом рушатся с наступлением периода упадка. Дэйвис считает, что революционное состояние сознания требует продолжительной, даже привычной, но динамичной экспектации более обширных возможностей для удовлетворения базовых потребностей, под которыми он подразумевает все типы ценностей – физических, социальных и политических. Кроме того, требуется постоянная, неослабевающая угроза удовлетворению этих потребностей: не та угроза, которая реально возвращает людей в явное состояние борьбы за выживание, а та, что приводит их в ментальное состояние убежденности, что они не могут удовлетворить одну или более из своих базовых потребностей. «Решающим фактором является смутный или конкретно осознаваемый страх, что фундамент, создававшийся в течение длительного времени, будет утрачен»[2].

Политическая система воспринимается как источник таких страхов; они генерируются, когда существующее прави-

тельство подавляет или обвиняется в подавлении таких возможностей. В поддержку этого тезиса Дэйвис приводит предпосылки ряда революций и бунтов, включая Французскую и Русскую революции, Американскую гражданскую войну и Египетскую революцию 1952 года. Предреволюционные ситуации в этих странах характеризовались возрастанием ценностных ожиданий, приведенным в движение продолжительным опытом повышения ценностных позиций. Снижение возможностей, проявившееся в экономическом спаде, создало базовые условия, необходимые для вспышки насилия.

Однако закон Дэйвиса является одним из вариантов коллективного поведения, поскольку дальнейшие социологические исследования показали, что коллективное насилие не является функцией общественного недовольства. Недовольство и выражение недовольства как взаимосвязанные феномены могут с высокой долей вероятности проявляться на индивидуальном уровне. Однако ожидать их взаимосвязанного проявления на коллективном уровне нет оснований. Коллективное недовольство не является простым суммированием индивидуальных выражений недовольства. Возможность проявления недовольства в форме включения индивида, например, в марш протеста, зависит от самых разных условий. Необходимо, чтобы среди потенциальных организаторов акции нашлись такие, кто счел бы, что марш может оказаться и успешной, и выгодной акцией. При выполнении этих условий необходимо также, чтобы могущий принять участие в акции индивид отдавал себе отчет относительно возможного риска, усилий и возможности получения интересующих его выгод. Однако сами по себе и риск, и сумма прилагаемых усилий, и потенциальная выгода от участия в акции зависят от варьируемых элементов: в период экономической депрессии, обусловливающей незащищенность рабочих мест, многие, несомненно, предпочтут направить свою активность скорее на сохранение рабочих мест, нежели на участие в неопределенных, неясных по последствиям коллективных акциях. Предчувствуя, что коллективная манифестация в подобной ситуации не объединит достаточное число людей, потенциальные организаторы могут, со своей стороны, воздержаться от призывов к участию в ней. В таком случае

коллективное недовольство будет высоким, но коллективные акции протеста будут вялы и малолюдны.

Стремясь учесть то обстоятельство, что коллективное насилие сталкивает противоборствующие стороны, которые должны мобилизовать имеющиеся в их распоряжении ресурсы, американский социолог Т.Гарр предложил структурно более сложный закон: вероятность коллективного действия является функцией ряда переменных, таких как общественное недовольство, ресурсы противостоящих сил, возможное превосходство ресурсов одной из сторон над ресурсами другой и т.д.[3]. Пространство, в котором действует закон Т.Гарра, гораздо шире, нежели пространство тех законов, которые рассматривают коллективное насилие как функцию одного лишь общественного недовольства. Несмотря на это, закон Гарра не перестает быть локальным, его можно рассматривать скорее как модель коллективного поведения. Таким образом, значительное недовольство граждан далеко не всегда влечет за собой массовые протестные выступления.

Россия не является исключением из этого общего правила. В постсоветский период наша страна демонстрировала весьма низкий по международным меркам уровень социально-экономического протеста, если принимать во внимание масштаб и продолжительность трансформационного спада 1990-х годов. Накануне начала рыночных реформ в России не было недостатка в прогнозах народных выступлений на волне недовольства либерализацией цен. Однако массовое недовольство на протяжении всего этого периода так и не перешло в массовый протест. В 1997-1998 годах опросы тогдашнего ВЦИОМ фиксировали, что примерно 25-30% российских граждан были готовы принять участие в акциях протеста; на деле же доля их участников была на порядок меньшей. Причину такого разрыва следует искать в том, что социально-экономический протест в России зависел от имеющихся политических и организационных ресурсов.

Прежде всего, в посткоммунистической стране не было сильных и не зависимых от государства профсоюзов, способных к протестной мобилизации масс. Наиболее крупная оппозиционная партия России – КПРФ – в 1990-е годы пользова-

лась немалой поддержкой, но оказалась неспособна конвертировать ее в антирежимный протест, а после поражения на президентских выборах 1996 года и вовсе провозгласила лозунг «врастания во власть», окончательно отказавшись от мобилизации масс. Другие партии и движения еще в меньшей мере были способны к тому, чтобы возглавить массовые выступления. Казалось бы, в 2000-е годы, когда экономический спад в России сменился бурным ростом, исчезли и основания для массовых социально-экономических протестов. Тем не менее, самые крупные массовые протестные акции в постсоветской России отмечались в начале 2005 года, после неудачно проведенной властями «монетизации льгот», но и они не создали сколько-нибудь серьезной угрозы режиму. Протест «выдохся» и постепенно сошел на нет. Нечто подобное происходило и с другими протестными общественными движениями – разрозненные протесты против «уплотнительной застройки», в защиту прав автомобилистов, мелкого бизнеса и т.д. оставались явлениями локального масштаба, не затрагивавшими политический курс режима, а координация этих движений в различных регионах носила спорадический характер. Таким образом, есть все основания утверждать, что по-настоящему значимых проявлений социально-экономического протеста в постсоветской истории России пока еще не было.

На сегодняшний день социологические опросы фиксируют рост массового недовольства положением дел в стране. Результаты опроса, проведенного «Левада-центром», показывают, что 23% граждан России уже сегодня готовы выйти на акции протеста. При этом «с сочувствием и пониманием» к людям, выходящим на акции протеста в связи с кризисом, относятся 60% опрошенных. Еще 7% относятся к протестующим «с интересом». Ни один из опрошенных не сказал, что эти акции вызывают у него «пренебрежение или возмущение». Ожидания протестных акций значительно выросли с декабря. В ноябре 18% считали, что такие выступления возможны, в декабре так считали уже 20%, а в феврале – уже 39% опрошенных [4].Однако при сохранении в России нынешней структуры политических возможностей перспективы массового общенационального протеста выглядят пока что сомнительными. Для

такого развития событий в стране нет ни общенациональных структур мобилизации, ни единой «мишени» протеста, ни, наконец, влиятельных лидеров, дезертировавших из правящей группы и способных этот протест возглавить. Если так, то стратегия «ухода» как реакция на кризис со стороны российских граждан выглядит предпочтительным вариантом, но только при наличии соответствующих социальных и экономических ниш, представляемых режимом. Подобный опыт был накоплен в нашей стране и в советские времена, и в 1990-е годы: от ухода в маргинальный образ жизни или в криминал до возможного отъезда за рубеж. Практика «ухода» для россиян более привычна. Однако проблема состоит в том, что развитие кризиса делает подобные ниши все менее доступными, что может вынудить граждан к протесту.

В условиях кризиса решающим фактором становится политическое поведение правящей элиты. Политическая сила российской элиты держится не на финансовой или экономической основе. Ее опора – политические институты и партии, недостаток значимой оппозиции, а также поддержка военных и спецслужб. Что могут предпринять власти по отношению к протестам? Их выбор лежит между двумя стратегиями – либо сдерживание (недопущение реализации целей протеста любыми доступными методами), либо умиротворение (частичное удовлетворение целей протеста и даже возможная кооптация протестующих в ряды «попутчиков» правящего режима при сохранении контроля над ситуацией).

Правящая элита, не без оснований рассматривая протест как вызов своему господству, может жестко препятствовать даже локальным проявлениям протеста (подобным выступлениям во Владивостоке против повышения пошлин на ввоз импортных автомобилей) и прибегнет к превентивным мерам против потенциальных противников (подобных ужесточению норм уголовного кодекса). Но у российской элиты нет непосредственного опыта применения массовых репрессий в отношении сограждан, поэтому если протест даже на локальном уровне выйдет за пределы технической границы силового подавления (когда на улицы выйдет так много протестующих, что их разгон будет невозможен без массовых убийств), то

сдерживание протеста со стороны режима может оказаться слишком дорогим. Хотя подобное развитие событий нельзя исключить, его риски для руководителей страны велики. Кроме того, репрессивные режимы наиболее опасны прежде всего для представителей элитных и субэлитных групп – для них риск оказаться жертвами такого рода режима гораздо выше, чем у простых граждан.

Однако российская элита в условиях кризиса может сменить стратегию и пойти по пути умиротворения протеста. Если экономическая и политическая ситуация в стране останется под контролем правящей группы, то для нее возможным выходом может стать расширение своей социальной и политической базы. Кооптация режимом потенциально нелояльных «попутчиков» из числа элитных и субэлитных групп, а также материальная или даже символическая поддержка части важных для режима социальных сегментов (прежде всего, жителей крупных городов) является наименее затратной и наиболее эффективной. Превентивные меры умиротворения и кооптации со стороны правящей элиты могут включать и более масштабные предложения по управляемой сверху либерализации политической системы, которые не затронут сути режима – безусловной монополии правящей группы на принятие значимых решений.

Альтернативой стратегии умиротворения для российской элиты может быть активная наступательная стратегия сдерживания, своего рода «революции сверху». Вероятность перехода к этой стратегии возрастет, если экономическая и политическая ситуация в стране начнет выходить из-под контроля правящей группы и ей будет казаться, что масштабы даже локального протеста превосходят возможности режима и откупиться от своих оппонентов, и подавить их с применением физической силы невозможно. Тогда более вероятным средством применения стратегии сдерживания может стать стремление властей самим инициировать «протест» как средство «выпускания пара», чтобы направить массовое недовольство на заранее заготовленные «мишени». Это позволит правящей группе осуществить либо частичную смену элит, либо даже селективные репрессии против отдельных социальных групп.

На протяжении 2000-х годов российский политический режим, опиравшийся в том числе и на лояльность со стороны граждан, старался не допустить любых внутриполитических вызовов господству правящей группы. Проблемы, порожденные экономическим кризисом, способны спровоцировать граждан на отказ от лояльности режиму, поэтому пересмотр политического поведения как на уровне граждан, так и на уровне элиты весьма вероятен.

Библиографический список

1. Смелзер, Н.Дж. Социология [Текст] / Н.Дж. Смелзер. – М.: Изд-во «Феникс», 1998.- С.578.
2. Цит. по: Будон, Р. Место беспорядка [Текст] / Р. Будон. – М.: Изд-во «Аспект Пресс», 1998.- С.94.
3. Гарр, Т.Почему люди бунтуют [Текст] / Т. Гарр. - СПб., 2005. – С.85
4. Данные социологического опроса [электронный ресурс]. – Режим доступа –http://www.levada.ru/press/2009.html

© И. А.Мамзелев (ЯГПУ)

Информационные бюллетени на выборах в Госдуму РФ 2 декабря 2007 года в Ярославской области как средство агитации

На парламентских выборах в 2007 году партиями активно использовались информационные бюллетени для решения как стратегических, так и тактических задач своих избирательных кампаний. Вместе с тем информационный бюллетень как средство печатной агитации в научной и методической литературе, посвященной выборам, практически не рассматривается [1-5; 7]. Исключением стало пособие «Технологии политического успеха», в котором в разделе о видах листовок вскользь упоминается, что «в последнее время широкое распространение получили так называемые информационные бюллетени» [9. С. 264]. Таким образом, информационный бюллетень авторами пособия определяется как «листовка газетного формата». Тем не менее, автор данной статьи склонен разделять листовки

и информационные бюллетени как различные виды печатной агитационной продукции.

Очевидно, что первоначально информационный бюллетень (информационный листок) в политической рекламе не имел ничего общего с политикой, и его название относит нас к сфере связей с общественностью и указывает, что основная его функция – информировать общественность о деятельности организации, которой он издается. Информационный бюллетень схож с газетой и в связи с этим обладает рядом преимуществ: он менее навязчив и более привычен и демократичен, его содержание отличается большим богатством и разнообразием. Листовки чаще всего посвящены одной теме, одной проблеме. Информационный бюллетень может подойти к освещению деятельности кандидата или партии с разных сторон, рассмотреть свой объект с разных ракурсов, предложить читателю материалы, на первый взгляд не имеющие к кандидату никакого отношения. В бюллетене можно поместить как сведения о кандидате (биография, предвыборная программа, программное интервью, обращение), так и публицистическое описание проблем избирателей, информацию об акциях, политически нейтральную информацию (телефоны, расписания, календари, инструкции, кроссворды, рецепты салатов, гороскопы и т.д.), контрпропаганду в адрес оппонентов, новости и т.д. Фантазии разработчиков информационных бюллетеней нет предела, однако в бюллетенях должны присутствовать обязательные рубрики: краткая или развернутая биография кандидата, история его успехов, программное интервью, предвыборная программа. Часто используются отзывы о кандидате известных или, напротив, подчеркнуто неизвестных людей «с улицы», «из народа», отчеты о проделанной работе, информация о запланированных акциях, встречах с избирателями, концертах, работе общественной приемной.

Газетный формат информационного бюллетеня также позволяет наладить серию выпусков бюллетеня с использованием специально подобранных или спонтанных информационных поводов или рассказом о ходе избирательной кампании кандидата и его акциях. Авторы издания кандидата в депутаты Государственной думы Ярославской области Ю. Марченко на

выборах в марте 2008 года так объясняют жителям Дзержинского района Ярославля предназначение информационного бюллетеня: «Этот бюллетень призван рассказать о самом Юрии Ивановиче, о предприятии, которое он возглавляет, о программе, с которой он идет на выборы в думу. Мы планируем издать несколько выпусков бюллетеня, чтобы помочь избирателям как можно больше узнать о кандидатах и их предвыборных программах. Надеемся на понимание и возможное сотрудничество» [8].

Таким образом, информационный бюллетень позволяет донести до избирателя большой объем разнообразной информации, и это объясняет популярность данного вида печатной агитации среди кандидатов. Практически каждый участник избирательной кампании федерального или регионального уровня стремится издать хотя бы один выпуск информационного бюллетеня. Отсутствие такового у кандидата выглядит досадным пробелом в информационном поле, хотя это и можно компенсировать использованием других жанров рекламы и способов агитации.

Политолог А. Павлов в газете «Аргументы и факты - Ярославль» [6. С. 4] накануне начала выборов в муниципалитет Ярославля пятого созыва так охарактеризовал эффективность использования кандидатами информационных бюллетеней: «Выпуская предвыборный листок, кандидат тем самым подчеркивает кратковременность своих намерений». Более полезными для репутации кандидата, по мнению А. Павлова, были бы публикации в «серьезных» СМИ. Данное мнение интересно и не лишено логики, однако довольно спорно. Отдельные примеры могут подтверждать его, но прямая связь между серьезностью намерений кандидата и тем, где размещается его агитация, вряд ли возможна. Единственное, о чем определенно говорит предпочтение кандидатом периодических печатных изданий, - это о наличии у него значительных финансовых ресурсов, что, однако, вовсе не свидетельствует о его профессионализме. Вместе с тем использование листовок, буклетов, брошюр и информационных бюллетеней позволяет пренебречь официальными СМИ, если те по тем или иным причинам предубеждены против кандидата.

Функции информационного бюллетеня, на первый взгляд, мало отличаются от функций других видов печатных агитационных материалов:

1)обеспечение узнаваемости кандидата в начале избирательной кампании;

2)информирование избирателей о кандидате, его «добрых делах», предвыборной платформе и планах, с которыми он идет на выборы;

3)формирование у избирателя впечатления о широкой электоральной поддержке кандидата и успешном ходе его избирательной кампании, для чего приводятся мнения известных общественных и политических деятелей или, напротив, людей «из народа», комментируются результаты социологических опросов, нередко фальшивых, и т.д.

4)контрпропаганда в адрес основных оппонентов кандидата;

5)установление контакта с избирателем, вовлечение его в акции, проводимые избирательным штабом кандидата;

6)функция полезности – снабжение избирателя полезной информацией (новости, расписания, календари и т.д.)

7)развлекательная функция – формирование у избирателя чувства комфорта при контакте с кандидатом, для чего используются на первый взгляд бесполезные кроссворды, рецепты, астрологические прогнозы, анекдоты и т.д.

Вместе с тем, данный набор функций характеризует специфику информационного бюллетеня как многоцелевое средство политической рекламы: все эти функции могут быть возложены на другие виды печатных агитационных материалов и в целом агитации, однако только информационный бюллетень способен иметь их все разом. Развлекательная функция присуща только информационному бюллетеню и не так легкомысленна, как кажется: она позволяет заинтересовать избирателя виртуальным общением с кандидатом, внушает избирателю стремление продолжить это общение.

Несмотря на известную свободу творчества авторов, существуют определенные требования к структуре информационного бюллетеня, оптимизирующие его влияние на читателя. Во многом они напоминают рекомендации по организации ма-

териала в буклете и его оформлению, приведенные С.Ф. Лисовским и Т.Э. Гринберг [4. С.176; 3. С. 307-308]. Чаще всего информационный бюллетень представляет собой издание газетного формата из 4, реже 8 страниц формата А3. Пристальное внимание должно быть уделено первой странице, поскольку именно ее прежде всего видит читатель. Содержание первой страницы должно броситься в глаза, заинтересовать избирателя и побудить его ознакомиться с бюллетенем целиком. На первой странице обязательны название бюллетеня, слоган кандидата, его официальная фотография. Часто на титульной стороне бюллетеня размещают краткую биографию кандидата, его обращение к избирателям с объяснением, почему он идет на выборы и почему надо поддержать именно его. Возможны небольшие, но яркие проблемные статьи, однако более распространено для поддержания интереса к последующим материалам бюллетеня на первой странице размещение начала развернутых тематических статей, основное содержание которых находится на последующих страницах. Иногда с этой же целью, а также для удобства читателей на первой странице помещают оглавление.

Разворот второй и третьей страницы представляет собой место для размещения основных материалов бюллетеня. Это могут быть развернутое интервью кандидата, рассказ о его успешной карьере или отчет о проделанной работе, материалы о проблемах избирателей или «добрых делах» кандидата. Статьи должны быть набраны разборчивым шрифтом, не стоит стремиться разместить как можно больше текста, иначе читатель устанет. Для большего комфорта читателя текст сопровождается емкими, содержательными иллюстрациями, причем желательно, чтобы иллюстрации и подписи к ним не просто повторяли текст, но и несли дополнительную информационную нагрузку. Большие статьи могут перемежаться материалами небольшого размера и иной смысловой направленности (афоризмы, отзывы избирателей, информация об акциях и т.д.).

Проблемные статьи либо их окончания могут быть размещены и на последней странице. Однако, поскольку ею завершается знакомство избирателя с бюллетенем, целесообразно учесть ее самостоятельное значение и заполнить ее инфор-

мацией полезного или развлекательного характера, не обязательно политической по содержанию.

Библиографический список

1. Архив политической рекламы [электронный ресурс].- Режим доступа.- http://www.33333.ru.html
2. Большаков, С.В., Головин, А.Г. Информационное обеспечение выборов и референдумов в Российской Федерации [Текст] / С.В. Большаков, А.Г. Головин. – М.: РЦОИТ, Изд-во «Весь Мир», 2007. – 304 с.
3.Гринберг, Т.Э. Политические технологии: ПР и реклама [Текст]: учебное пособие для студентов вузов / Т.Э. Гринберг. - М.: Аспект Пресс, 2006. – 317 с.
4.Егорова-Гантман, Е.В., Плешаков, К.В. Политическая реклама [Текст] / Е.В. Егорова-Гантман, К.В. Плешаков. – М., 1999. -240 с.
5.Лисовский, С.Ф. Политическая реклама [Текст] / С.Ф. Лисовский. – М.: ИВЦ «Маркетинг», 2000. – 256 с.
6. Лупекин, Д. Александр Павлов: «Профессионалы будут вкладывать в специалистов, новички – в любителей» [Текст] / Денис Лупекин // Аргументы и факты – Ярославль. – 2008. - №30. - 23 июля.
7. Малкин, Е., Сучков, Е. Политические технологии [Текст] / Е. Малкин, Е. Сучков. – М.: Русская панорама, 2006. – 680 с.
8. Наш депутат Юрий Марченко. Информационный бюллетень кандидата в депутаты Государственной думы Ярославской области Ю.И. Марченко [Текст]: информационный бюллетень. – Ярославль, 2008.- №1. - 21 января.
9. Технологии политического успеха [Текст]. – Курск: ООО «ПОЛСТАР», 2007. – 336 с.

©В.А. Соколов (ЯГПУ)

Трансформация партийно-политической системы России в 1993-2007 гг. и ее роль в изменении электорального предложения на парламентских выборах в России

Электоральное предложение на парламентских выборах определяется количеством и качеством участвующих в поли-

тическом процессе политических партий, призванных транслировать социальные размежевания в политическое измерение. Характер электорального предложения задается структурой элит, партийными стратегиями, институциональными рамками политического режима [11]. Как отмечают А. Нето и Г. Кокс, «политики могут брать социальные группы, комбинировать и перекомбинировать их многими способами в своих политических целях — с тем, чтобы полученный в итоге набор социальных размежеваний полностью не совпадал с уникальным набором политически активированных размежеваний, а значит и с уникальной партийно-политической системой» [10. С.150]. При этом наличие большого числа партий в партийно-политической системе будет определяться, с одной стороны, достаточным числом социальных размежеваний, с другой, правилами электоральной системы, позволяющими политическим игрокам в разной степени политизировать отдельные социальные размежевания.

Для диагностики современного электорального предложения оценим уровень партийной фрагментации в России, воспользовавшись показателем «эффективное число партий». Эффективное число партий — показатель, учитывающий число партий, исходя из их политического веса в партийно-политической системе. Он рассчитывается отдельно на электоральном уровне (с учетом количества голосов набранных партией на выборах) и на парламентском уровне (с учетом полученных партией мест в парламенте). Можно констатировать, что с 1993 по 2007 гг. произошло уменьшение эффективного числа электоральных партий с 7,6 (в 1993 г.) до 2,25 (в 2007 г.). Применительно к 2007 г. показатель 2,25 говорит о том, что в случае гипотетического объединения множества политических партий, противостоящих «Единой России», в одну партию, они могли бы составить достойную конкуренцию «партии власти». При этом обращает на себя внимание резкое сокращение эффективного числа электоральных партий в нынешнем электоральном цикле по сравнению с предшествующим, что опять-таки свидетельствует о постепенной идеологической гомогенизации российского социально-политического пространства.

Таблица 1

Показатели эффективного числа парламентских и электоральных партий

Показатели/Год	1993	1995	1999	2003	2007
Эффективное число парламентских партий	8,53	5,7	4,7	1,97	1,92
Эффективное число электоральных партий	7,6	10,7	6,8	5,4	2,25

Похожая отрицательная тенденция наблюдается при сравнении показателей эффективного числа парламентских партий за 1993 г. (8,53) и 2007 г. (1,92). Очевидно, что с течением времени трансляция социальных размежеваний в политическое измерение затруднялась: так, нынешняя Государственная Дума с эффективным числом парламентских партий, меньшим двух, по сути, не отражает ни одного социального размежевания (т.е. социально-значимого конфликта). Ведь для отражения хотя бы одного размежевания эффективное число парламентских партий должно было бы составить минимум «два». Соответственно при сравнении показателей за 2003 и 2007 гг. можно говорить о том, что ситуация, связанная с трансляцией социальных размежеваний, мало изменилась.

В чем все-таки состоит причина эволюции современной российской партийно-политической системы от разнообразия к однообразию? Ответ на этот вопрос кроется в специфике партийно-политических систем переходного периода, к которым относится и российская.

Во-первых, стоит отметить нестабильность институционального дизайна (системы норм и правил, задающих поведение политических субъектов) и, как следствие, относительную неустойчивость «правил игры» на политическом поле. Так, период до 1996 г. характеризуется «революционной трансформацией», когда высокая степень поляризации политики нивелировала социальные факторы. Появление же социальных размежеваний, как отмечает М. Макфол, возможно лишь вследствие консолидации новой экономической и политической системы [8]. Отсюда следует вывод, что основные социально-политические размежевания могли появиться только в

случае перемены политической повестки дня: с «демонтажа коммунизма» на построение «рыночной экономики» в России. Правда, М. Макфол подразумевает консолидацию демократического режима [9], когда как современные тенденции развития России (2003-2004 гг.) скорее говорят о недемократической консолидации политического режима в России, подразумевающей закрепление статус-кво в расстановке политических сил и элит, вне зависимости от возможных перемен в предпочтениях избирателей. Подобная консолидация приводит к снижению роли института выборов в стране.

Во-вторых, стоит отметить качество политического предложения, которое во многом определяется уровнем фрагментации элит и заданными «правилами игры». Согласно В. Гельману, развитие электорального предложения с 1993 по 2003 гг. претерпело серьезные изменения [1] . Так, после октября 1993 г. Россия характеризовалась высоким уровнем фрагментации элит и навязанными победителями конфликта в одностороннем порядке «правилами игры», которые применительно к электоральной политике предполагали «мягкие» ограничения конкуренции на выборах и, как следствие, обеспечение сохранения власти при любых предпочтениях избирателей [2]. После 2000 г. ситуация кардинально изменилась: с приходом В. Путина на пост президента России правящая группа смогла успешно навязать всем иным политическим акторам страны новые правила игры, суть которых сводилась к «навязанному консенсусу» российских элит и резкому ограничению электоральной конкуренции, выражающемуся в устранении политической оппозиции [2]. Новые условия привели к появлению в Государственной Думе «партии власти» в роли политического монополиста [3].

В-третьих, современная российская политика характеризуется высокой степенью изменчивости электорального предложения. Короткий жизненный цикл большинства политический партий не дает возможности оценить их в ходе последующих выборов: последние вынуждены приспосабливаться к изменениям в электоральном предложении, изменяя характер своих электоральных предпочтений.

Ряд исследований свидетельствуют о развитии партийной идентификации в России [7]. При этом остается не до конца ясным, в какой степени изменчивость в электоральном предложении и электоральной поддержке влияет на характер структуры социальных размежеваний. Сущность же процесса демократического транзита связана с поддержанием устойчивой нестабильности в структуре социально-политических размежеваний.

В-четвертых, исследователи отмечают неразвитость институтов гражданского общества, призванных артикулировать интересы социальных групп и транслировать их в политическую систему. Так, М. Макфол отмечает, что, с одной стороны, медленное формирование гражданского общества затрудняет развитие политических партий в связи с недостатком организационных, финансовых, идеологических ресурсов, с другой стороны, партиям сложно позиционировать себя в программном измерении: в частности, слабость либеральных партий проявляется в связи с неразвитостью среднего класса в России [9].

В-пятых, отмечается низкая эффективность российских политических партий при трансляции социальных размежеваний в измерения политической конкуренции, а также ключевая роль политических элит в формировании соответствующих партийных платформ [4,5]. В России и в других посткоммунистических странах действия политических акторов и создаваемые ими правила игры задают вектор становления массовых предпочтений и обуславливают динамику развития политического режима [1]. Наиболее ярким тому примером может служить появление так называемых «всеядных» партий (авторский перевод «catch-all»), которые характеризуются отсутствием какой-либо выраженной идеологии, вследствие своей ориентации на привлечение социально гетерогенного электората. Ориентированные на широкий электорат данные «партии власти», как правило, создаются и поддерживаются правящими элитами в целях мобилизации общественной поддержки среди различных групп населения [7]. Их эффекты в отношении партийно-политической системы сводятся к размыванию социальных размежеваний и, как следствие, к деидеологизации

партийно-политического пространства. Появление в партийно-политическом пространстве «Единой России» с 2000 г. служит ярким тому примером.

В-шестых, существование на современном российском этапе серьезных институциональных барьеров и административных рычагов, препятствующих формированию реальной многопартийности. Так, российские выборы можно охарактеризовать как свободные, но несправедливые, которые не предполагают явных запретов для участия в них оппозиционных партий или кандидатов, но при этом исключают возможность поражения правящих групп и утраты ими власти по итогам выборов. Электоральная конкуренция на несправедливых выборах ограничена прежде всего благодаря тому, что правящие группы используют ресурсы государства (административные, кадровые, информационные и др.) для обеспечения односторонних преимуществ в целях удержания власти по итогам выборов [2]. Так, принятый в 2001 г. Федеральный закон о политических партиях поощряет создание крупных общероссийских партий и негласно отменяет формирование региональных партий. Дополнительно в Законе сказано, что «не допускается создание политических партий по признакам профессиональной, расовой, национальной или религиозной принадлежности» [6. С. 5]. В данном случае речь идет о том, что ключевые социальные размежевания блокируются на институциональном уровне, не получая своего выражения в политическом измерении. Помимо институциональных барьеров существует серьезное внеправовое вмешательство действующей власти в процессы формирования и функционирования российских политических партий.

Библиографический список

1. Гельман, В.Я. Политическая оппозиция в России: вымирающий вид? [Текст] / В.Я. Гельман // Полис. – 2004. – №2.. – С. 52-69.

2. Гельман, В.Я.. Эволюция электоральной политики в России [Текст] / В.Я. Гельман // Третий электоральный цикл в России. – М., 2004. – С. 17-38.

3. Голосов, Г.В. Сфабрикованное большинство: конверсия голосов в места на думских выборах 2003 г. [Текст] / Г.В. Голосов // Полис. – 2005. – № 1. – С. 12-15.
4. Римский, В.Л. Общественные размежевания и политические партии в России [Текст] / В.Л. Римский // Политическая наука. – 2004. – № 4. - С. 152-172.
5. Седов, Л.А. Российский электорат: десятилетняя эволюция. Специфика российской электоральной реальности [Текст] / Л.А. Седов // Общественные науки и современность. – 2005. – № 5. – С. 60-69.
6. Российская Федерация. Законы. Федеральный закон о политических партиях № 95-ФЗ [Текст]: [федер. закон: принят Гос. Думой 21 июня 2001 г.: по состоянию на 21 июня 2001 г.] – М., 2001. – 94 с.
7. Evans, G., Whitefield S. Explaining the Formation of Electoral Cleavages in Post-Communist Democracies [Text] // Elections in Central and Eastern Europe: The First Wave. – Berlin, 2000. – PP. 36-68.
8. McFaul, M. Russia 's 1996 presidential elections [Text] // Post-Soviet Affairs, Vol. 12. – 1996. – N4. – PP. 318-350.
9. McFaul, M.. Russia 's 1996 Presidential Elections: The End of Polarized Politics [Text] – Stanford, 1997. – 240 pp.
10. Neto, O., Cox, G. Electoral Institutions, Cleavage Structures and the Number of Parties [Text] // American Journal of Political Science, Vol. 41. – 1997. - N1. – PP. 149-74.
11. Shugart, M., Carey J. Presidents and Assemblies. Constitutional Design and Electoral Dynamics [Text] – Cambridge, 1992. – 320 pp.

© В.В.Добродеев (ЯГПУ)

Богословский анализ масоретских текстов Священного Писания Ветхого Завета

Характерными чертами сегодняшнего состояния человеческого общества являются увеличение планетарных и локальных техногенных бедствий, хаос в обществе и душах людей, утрата нравственных принципов, излишняя «рационализированность» нашей жизни, поиск духовной опоры среди массы предлагаемых нам псевдодуховных ценностей и т.п. Святая Библия повествует о грехопадении Адама, утрате человеком первозданного блаженства, проклятии земли и о смерти. По вине человека в мир вошли отвержение добра и творение беззакония и, как следствие этих грехов, нескончаемые скорби, болезни и несчастия. Грех есть преступление, а за преступлением следует наказание. Именно преступления породили хаос в мире, и поэтому нужно покаяние, отречение от зла, возвращение на спасительный путь исполнения 10 заповедей, обращение ко Христу Спасителю. И единственным источником, показывающим путь жизни и отвращения от смерти, является Святая Библия, именно поэтому в настоящее время нет ничего более актуального, чем изучение, правильное усвоение и применение в жизни истин Святого Писания и Священного Предания Церкви.

Однако на этом пути стоят серьёзные проблемы, связанные с текстологией Библии. В работах «Проблемы перевода Священного Писания Ветхого Завета» [1. С.258 -269] и «Две Библии – два пути» [2] было показано, что текст Ветхого Завета (ВЗ) в период с 1 по 10 вв. в подавляющем большинстве переводов претерпел изменения в плане умаления природы Спасителя, цели Его Воплощения, истин Божественного Промысла и спасения. Трудами одного из наиболее значимых талмудических мудрецов Акибы, бен Иосифа, ведомого мистическими силами, развитие постбиблейского иудаизма пошло по иному

пути, чем это было в период Ветхозаветной религии Откровения (ВЗРО). Но в более широком смысле философия Акибы, почерпнутая в древних вавилонских языческих мудрованиях, оказала огромное негативное влияние на общее направление западноевропейской мысли, ибо под её воздействием сформировались идеи не только поздних иудейских мыслителей, но и целого ряда нееврейских авторов, заложивших основы современной философской мысли.

Осиянный светом мистической силы, Акиба чувствовал себя пророком выше древнего Моисея, имеющего право и власть составить новое Писание взамен того, что было дано Моисею. Им и было начато редактирование древнееврейской Библии. Исправление Писания было завершено к 10 в. тысячами последователями Акибы – масоретами. Так появилась на свет масоретская Библия (МБ), философская основа которой вытекала из древних языческих верований. Созданная Акибой «новая философия» в корне отличалась от боговдохновенного учения пророков израилевых. Учителя Ямнинской академии, созданной Акибой после падения Иерусалима в 70 г. близ Яффы, были потомками вернувшихся из Вавилонского плена мудрецов – пантеистов. За 70 лет пребывания в Халдее иудейские священники вошли в среду языческих мудрецов, в понятиях которых Бог был не Творцом вселенной, а как бы Сам происходил от мира и представлялся неведомым, безличным, неопределенным бытием. Каждая материя – и камень, и человек - обладала умом и душой, а Бог был суммой этих душ мира. Человек согласно такому мировоззрению был как бы богом окружающего его мира и заменял собою Бога Истинного – Творца неба и земли. Этим принесенным из Вавилона учением мудрецы израилевы положили основу новому специфическому иудейству, по сути своей ничего общего не имеющего с ВЗРО. Тайны Вавилонской мистики получили широкое распространение среди учеников Ямнинской академии. Ими же было внедрено в еврейское сознание новое представление о природе Мессии. Он утрачивал теперь Своё Божественное достоинство и ожидался как простой человек, мирской царь евреев, истребитель врагов Израиля. Разъяснения пророков о загробной

жизни были заменены учениями о переселении душ, заимствованном у халдеев.

Вначале новое учение держалось в тайне, но затем была создана секта фарисеев, преследовавшая двойную цель: овладеть политической властью и постепенно склонить убеждения народа в пользу их тайного учения. И в скором времени они вполне достигли их обеих. Обладание большинством высших религиозных должностей и большинством голосов в синедрионе давало возможность новым мудрецам властно истолковывать Закон. Пятикнижье Моисея постепенно заменялось различными нововведениями, со временем полностью исказившими смысл Завета, данного Богом Моисею. Раввины стали толковать и комментировать Писание в искаженном виде, пытаясь отыскать в нем зашифрованным то, с чем они познакомились в Вавилоне, и заменить то, с чем не согласны были их дурные помыслы. Фактически новые мудрецы раввины – фарисеи произвели религиозно – политический переворот, лишив большую часть еврейского народа истинного Слова Божия.

Не еврей – прозелит Акиба не любил древнюю богооткровенную религию Моисея. Но ещё в большей степени ненавидел христианство, быстрыми темпами распространяющееся среди истинных последователей Авраама и Моисея, не зараженных демоническими вавилонскими верованиями. Поэтому целью трудов всей жизни Акибы было искоренение среди сынов Израилевых истинной веры Моисея и внесение в коллективное сознание еврейского народа отрицание Христа. И это было достигнуто через насаждение тайного каббалистического и явного талмудического учений и через исправление мессианских пророчеств в Священном Писании (еврейская энциклопедия сообщает, что иудаизирование (читай искажение – авт.) Священного Писания было произведено в противовес христианству) [3. С.26].

Вот малая часть такого рода деятельности:

Бытие 3.15

Масоретская Библия (МБ): *И вражду положу между тобою и женою, и между потомством твоим и потомством её; оно будет поражать тебя в голову, а ты будешь жалить его в пяту.*

Септуагинта (С): *И вражду положу между тобою и между Женою, и между семенем твоим и семенем Тоя; Той твою будет блюсти главу, и ты блюсти будешь его пяту.*

Церковно-славянска Библия (ЦСБ): (дословное совпадение с Септуагинтой).

Синодальня Библия (СБ): *И вражду положу между тобою и между женою, и между семенем твоим и семенем её; оно будет поражать тебя в голову, а ты будешь жалить его в пяту* (практически полное совпадение с масоретским текстом).

Необычность дела, которое совершает семя Жены, дает видеть в этом семени нечто особенное – Существо могущественнейшее, выше духа злобы. Наименование же его семенем Жены, а не мужа прикровенно показывает на Того, Который выше природы, на чудесное рождение Сына от Девы. Однако в **МБ и СБ** этот глубокий смысл теряется из-за небольшого исправления. Здесь за неопределенным местоимением «оно» слышится множество мужского и женского рода семени, враждующего с потомством змея. А текстах **С и ЦСБ** такой неопределенности нет, а указывается на мужской род в единственном числе – «Той» (со славянского переводится как местоимение тот). Эта фраза указывает на то, что в свое время должен состояться приход Мессии – Сокрушителя главы змея – диавола. От семени Жены должен произойти Один, Тот, Кто сокрушит главу диавола, а не многие, которые будут попирать главы разных гадов. И этот Один – Мессия. Поэтому как отрицание такой цели прихода искупителя – Семени Жены является и новый оборот речи в **МБ** и **СБ.**

Для более убедительного отрицания Мессии как Искупителя было придумано следующее предание (цит. по [3. С.93-94]). В Рош-Гашана (1 сентября) был сотворен Адам. Это было так. В первый час этого дня у Всевышнего созрело решение, во второй Он совещался с ангелами, в третий собрал прах, из которого сотворил тело Адама, в четвертый очертил его контур, в пятый создал его ткани, в шестом часу Он придал Адаму форму и поставил его на ноги, в седьмом вдохнул в него душу, в восьмом ввел его в рай, в девятом положил запрет на плоды древа познания, в десятом Адам нарушил запрет, в одиннадца-

том он был судим, а в двенадцатом прощен Всевышним. Как видим, в **МБ** нет Мессии – Искупителя, а в предании нет необходимости его искупительных дарующих прощение крестных мук, так как Адам покаялся и был прощен по талмудическому преданию. И все потомки могут точно таким же образом покаяться в Рош-Гашана. Если православные христиане исповедуют то, что Адам был проклят и изгнан из рая с упованием получить прощение через пять с половиной тысяч лет, с надеждой на приход Мессии-Искупителя, Примирителя человека с Богом, то иудеи, а вслед за ними и **МБ**, исповедуют другое: Адам был проклят, покаялся и был прощен, и нет никакой необходимости в искупительной жертве, дарующей прощение Голгофе. Итак, первое и самое главное обетование о приходе Мессии искажено, и на основе порченого текста рождается и лживое устное талмудическое предание.

Исаия 7.14

МБ: *За то Господь Сам даст вам знамение: вот эта молодая женщина забеременеет и родит сына, и наречет ему имя Имману Эйл.*

С: *Сего ради даст Господь вам знамение: се, Дева во чреве зачнет и родит Сына, и наречеши имя Ему Еммануил.*

ЦСБ: *Сего ради даст господь сам вам знамение: се, дева во чреве зачнет и родит сына, и наречеши имя ему еммануил* (практически полное совпадение с **С**).

СБ: *Итак Сам Господь даст вам знамение: се, Дева во чреве примет, и родит Сына, и нарекут имя Ему: Еммануил* (практически полное совпадение с **С**).

Сам Господь желает дать знамение, которое и состоит в том, что зачнет и родит Дева и назовут Младенца Еммануилом, что значит «с нами Бог», то есть Бог стал человеком – Мессией. Это и есть божественное знамение: соединение Бога с человеком, в то время как естественное рождение сына от жены, а не от девы отнюдь не является знамением. В 1951 г. журнал «Time» сообщал: «в найденной несколько лет тому назад рукописи пророчества Исаии, писанной до Рождества Христова, в стихе 14-м 7-й главы стоит «Дева», а не молодая женщина» (цит. по [3. С.96]). К тому же **С** указывает на то, что имя Еммануил (с нами Бог) нарекут Мессии все искупленные Им народы

земли – «наречеши», а масореты умаляют эту тайну лишь до наречения имени младенцу самой материю – «наречет». Заметим, что в **МБ** имя младенца записано двумя словами «Имману Эйл» как избавление народа от конкретной опасности сиро-ефраимского нашествия. В Великом же свитке Исаии, найденном в Кумране, оба слова написаны слитно, что означает собственное имя конкретного человека, причастного к присутствию Бога со своим народом.

Исаия 7.16.

МБ: *Ибо прежде нежели этот младенец будет разуметь отвергать худое и избирать доброе, земля та, которой ты страшишься, будет оставлена обоими царями её.*

С: *Зане прежде разумети Отрочати благое или злое, отринет лукавое, еже избрати благое, и оставится земля, ея же ты боишися от лица двух царей.*

ЦСБ: *Зане прежде неже разумети отрочати благое или злое, отринет лукавое, еже избрати благое, и оставится земля, еяже ты боишися, от лица двух царей* (копия **С**).

СБ: *Ибо, прежде нежели этот младенец будет разуметь отвергать худое и избирать доброе, земля та, которой ты страшишься, будет оставлена обоими царями её* (копия **МБ**).

Как может младенец прежде сознательного понимания добра и зла отринуть лукавое и избрать благое? Однако из текста **С** видно: Необыкновенный Младенец ещё прежде, чем дети Его возраста научатся различать добро и зло, в самом раннем младенчестве уже не будет иметь в Себе никакой части зла. Известно, что после грехопадения прародителей поврежденность человеческой природы грехом стала наследственной, передающейся от родителей детям. Пророк Давид, каясь перед Богом, говорил: *Се бо в беззакониях зачат есмь и во гресех роди мя мати моя* (Пс.50,7). Вместе с чувственным зачатием передается и грех произволения, грех первозданного Адама, а следовательно, и немощь естества. Страстное рождение служит как бы каналом, который приобщает человека с самого начала его бытия к потоку греховной жизни. Дурные склонности, страсти и пороки, немощи душевные с самого зачатия уже гнездятся в сердце человека. Тот же Младенец, о котором про-

рочествует Исаия, не будет причастен общей для всех людей поврежденности грехом, так как рождение Его не будет естественным, а сверхъестественным. *Ни от крове, ни от похоти плотския, ни от похоти мужеския, но от Бога родишася* (Ин.1,13). И именно об этом говорят слова: *прежде неже разумети Отрочати благое или злое, отринет лукавое, еже избрати благое.* Таким образом, свидетельствуется о совершенной безгрешности имеющегося родиться, свойственной только одному Богу. Это - указание на Божественное достоинство Мессии. Но в **МБ** это важнейшее свидетельство о Божественной сущности Грядущего Искупителя совершенно отсутствует. Из текста исключены слова: *отринет лукавое, еже избрати благое.* Такой пропуск позволяет мессианский смысл текста **С** заменить незначительным историческим свидетельством.

Однако истинное знамение в том, что ради рождения в будущем от Девы Необыкновенного Божественного Младенца Иудея и Иерусалим сохранятся Господом, потому оставится земля врагов, которой так боится царь Ахаз, от лица двух царей – враги Иудеи не будут страшны её. И это для того, чтобы жители Иудеи смогли встретить в будущем своего Искупителя.

Все важнейшие моменты 7-й главы пророка Исаии, указывающие на мессианский характер пророчества, полностью совпадают в **С** с найденными среди кумранских рукописей Великим свитком Исаии, в то время, как текст **МБ** свитку с берегов Мертвого моря не соответствует.

Бытие. гл. 37, ст.2

МБ: *Вот житие Иакова. Иосиф, семнадцати лет, пас скот вместе с братьями своими, будучи отроком, с сыновьями Валы и сыновьями Зелфы, жен отца своего. И доводил Иосиф худые о них слухи до отца их.*

С: *Сии же роди Иаковли. Иосиф же бяше седминадесяти лет, пасый овцы отца своего с братиею своею, юн сый, с сынами Валы и с сынами Зелфы, жен отца своего; нанесоша же на Иосифа злу клевету ко Израилю отцу своему.*

ЦСБ: *Сии же роди Иаковли. Иосиф же бяше седминадесяти лет, пасый овцы отца своего с братиею своею, юн сый, с сынами Валы и с сынами Зелфы, жен отца своего; нанесоша*

же на Иосифа злу клевету ко Израилю отцу своему (точная копия **С**).

СБ: *Вот житие Иакова. Иосиф, семнадцати лет, пас скот (отца своего) вместе с братьями своими, будучи отроком, с сыновьями Валы и сыновьями Зелфы, жен отца своего. И доводил Иосиф худые о них слухи до (Израиля) отца их* (практически полное совпадение с текстом **МБ**).

Иосиф Прекрасный – прообраз Иисуса Христа, невинно пострадавшего от своих братьев – иудеев. Но в **МБ** с Иосифа снят венец мученика – праведника, здесь он клеветник и доносчик, а значит, такой же неправдой клеймят иудеи и Христа, его братья по плоти во время Его осуждения на смерть. В этих строках – отрицание православного толкования событий из жизни Иосифа Прекрасного и утверждение обратного: что не иудеи были лжесвидетелями и клеветниками, а Иисус клеветал на фарисеев и книжников, обличая их в отступлении от исполнения закона Моисеева в угоду своих преданий.

Бытие, 49,9.

МБ: *Молодой лев Иуда, от насильства ты, сын мой, удалился, преклонился, лег он как лев и как леопард, кто посмеет потревожить его?*

С: *Скимен львов Иуда; от леторасли, Сыне Мой, возшел еси, возлег уснул еси яко лев и яко скимен, кто возбудит Его?*

ЦСБ:*Скимен львов иуда: от леторасли сыне мой, возшел еси: возлег уснул еси яко лев и яко скимен: кто возбудит его.*

СБ: *Молодой лев Иуда, с добычи, сын мой поднимается. Преклонился он, лег, как лев и как львица: кто поднимет его?*

Под образом льва в Св. Писании изображается царское достоинство: таким образом патриарх Иаков предрекает, что из потомства Иуды будут происходить цари в Израиле, и великим Царем всеобщего духовного царства будет Мессия – потомок Иуды. После страданий Своих Он *возляжет, уснет* – вкусит общий для всех людей удел смерти. И как спящего *скимена* (молодого, особенно сильного льва) никто не осмелится его разбудить. Сам Он, имеющий божественное достоинство, име-

ет власть положить душу Свою и опять принять её – то есть Своей божественной силой воскреснуть. О том же предрекал в пророческом духе, осеняемый Божественным видением, даже языческий прорицатель Валаам. Как можно видеть, в **МБ** важнейшие пророчества пропадают, мысль о смерти и воскресении Мессии отсутствуют. Аналогично переделана и следующая фраза.

Числа, 24,9

МБ: *Опустился он на колени, прилег, как лев; кто поднимет его?*

С: *Возлег, почи яко лев и яко скимен, кто возбудит Его?*

ЦСБ: *Возлег почи яко лев и яко скимен: кто возбудит его.*

СБ: *Преклонился, лежит как лев и как львица, кто поднимет его?*

Здесь тоже видим, что в масоретском тексте мысль о смерти и воскресении Мессии отсутствует.

Это же видно и из масоретских текстов псалмов, где ни один из стихов **МБ,** соответствующий тексту **С,** не сохраняет мысли о воскресении Богочеловека, так как слова *воскресни Господи* всюду заменены *встань, пробудись.* Это псалмы 3, ст.8; 7, ст.2; 9, ст.20; 11, ст.6; 16, ст.13; 43, ст. 24; 67, ст. 2; 81, ст .8; 101, ст. 14; 131, ст.8.

Псалом 15, ст.10

МБ: *Ибо не оставишь Ты душу мою для преисподней, не дашь душе благочестивого Своего увидеть могилу.*

С: *Яко не оставиши душу Мою во аде, ниже даси Преподобному Твоему видети истления*

ЦСБ: *Яко не оставиши душу мою во аде, ниже даси преподобному твоему видети истления.*

СБ: *Ибо Ты не оставишь души моей во аде и не дашь святому Твоему видеть тление.*

Сам Мессия устами Давида взывает к Небесному Отцу: «Ты воскресишь Меня – *не оставиши Меня во аде,* куда Я сойду, чтобы избавить всех от века содержащихся в нем узников. Ты не дашь смерти поглотить Меня и плоти Моей не дашь вкусить общее для всех человеков смертное *тление».* Вот истин-

ный смысл стихов псалма, но в **МБ** вместо Воскресения Христова говорится о каком-то восстании.

Очень много не случайных, а воинственно отрицающих друг друга разночтений можно найти в двух текстах – масоретском и Септуагинте. При самом поверхностном просмотре в **МБ** заметны искажения ещё в 85 фрагментах текста Священного Писания и всей библейской хронология. Учениками Акибы была проведена порча пророчеств, доходившая до отрицания Божественной природы Месиии, Его крестных страданиях, Его Воскресения и Искупления человека. Вместо этого они возвестили о другом мессии – всемирном завоевателе, простом человеке, призванном низложить и упразднить все царства на земле и сделать Иудею властительницей мира. Такое представление о Мессии живет среди Израиля и до сего дня. Труды Акибы и его последователей, синтезирующие языческую философию и закон Моисея, языческую мистику и христианскую идеологию, стали источником практически всех ересей и сект и всякого оккультизма. На основании этих учений западные философы обобщили воедино образ Христа, Моисея, Платона, Аристотеля, Зороастра, Гермеса, Орфея вместе с Каббалой, магией и астрологией, оккультизмом и волшебством [3. С.59-60].

К настоящему времени Библия издается Библейским обществом как на русском языке, так и на языках народов мира исключительно с масоретского текста. По мере возрастания числа таких переводов Священного Писания всё большее и большее число людей не находят в текстах пророчеств о Христе, проникаются духом языческой пантеистической философии и всё больше (даже при внимательном изучении Священного Писания) отходят от Спасения.

Библиографический список

1. Добродеев, В.В. Проблемы переводов Священного Писания Ветхого Завета [Текст] / В.В.Добродеев // Вопросы отечественной и зарубежной истории, политологии, теологии, образования: материалы конференции «Чтения Ушинского».- Ярославль: Изд-во ЯГПУ им. К.Д. Ушинского, 2008. - 368 с.
2. Две Библии – два пути [Текст]. - М., 2006. – 205 с.

3. Каббала – заговор против Бога [Текст]. - Сибирская Благозвонница, 2008.– 320 с.

©В.А. Марченко (ЯГПУ)

Протоиерей Г.В.Флоровский о преодолении дезинтеграции

В тридцатые годы XX столетия складываются взгляды Г.В. Флоровского на российский историко-культурный путь. К проблеме интерпретации российского историко-культурного пути русский мыслитель обращался во многих статьях, однако именно книга "Пути русского богословия" является квинтэссенцией его размышлений о судьбах Отечества.

На страницах "Путей русского богословия" Г.В. Флоровский рассматривает судьбу России как свободное создание русской души, теория русской души лежит в основе его интерпретации российского историко-культурного пути[1]. Под русской душой философ понимает собирательный образ нации, передающий специфику национального мировидения и поведения. Русскую душу он рассматривает как субстанцию национальной культуры, в сущности, им исследуется национально-культурная ментальность. Опираясь на персоналистическую оппозицию "духовность-отчуждение", Г.В. Флоровский развивает дуальную теорию строения русской души. Тайна русской души состоит в ее трагической разорванности между двумя полюсами: духовным и стихийным, при этом каждый из них порождает собственное культурное пространство.

Духовный полюс русской души сформировался в ходе христианизации Руси и инспирировал русский византинизм – православный культурный тип, возникший в результате творческого преломления в русской душе христианской культуры Византии, последняя, в свою очередь, явилась итогом напряженной творческой работы христианского сознания над античным культурным наследием, появилась как синтез античной культуры с христианским миропониманием.

Трагедия состоит в том, что русская душа являет в истории не только свой духовный лик. В ней присутствует и неодухотворенный полюс, который не преображен духовно-личностными энергиями, неоформленный духом полюс рус-

ской души определяется Г.В. Флоровским как стихийный. Стихийность есть уникальный русский путь утраты духовности, путь отчуждения и деперсонализации. Конформизм, неодухотворенная эмоциональность, мечтательный утопизм - вот что Г.В. Флоровский подразумевает под русской стихийностью. При этом указанные особенности свойственны деперсонализированному сознанию. Они есть симптом отчуждения от мира духа.

Если духовное начало исторически осуществилось в русском византинизме, то стихийное воплотилось в русском язычестве, синкретическом двоеверии, расколе и наиболее сильно в феномене русского западничества, который Г.В. Флоровский отождествляет с историческим соблазном. Русское западничество заключается в догматической прикованности стихийного начала русской души к наиболее утопическим постулатам западноевропейской интеллектуальной традиции[2]. Он отмечает, что сама по себе обращенность русского интеллекта в сторону Запада не является негативной. России жизненно необходим творческий культурный диалог с Западом, полноправное вхождение в западноевропейский культурный космос. Однако такого вхождения как раз и не было в русском западничестве, влияние заслоняло в нем творческий диалог, а это неизбежно вело к утрате собственного культурного лика, к опасности потерять себя в ином культурном пространстве. Западничество провоцирует беспочвенность русской души. Беспочвенность выражается в разрыве связей с духовной почвой византинизма. Однако стихийное начало пытается еще и породить равновеликий альтернативный культурный мир. С этой целью на Западе заимствуются религиозные и философские утопии. Их усвоение заканчивается внутренним хаосом и духовным вакуумом. Они оказываются неспособными сформировать национальную культурную идентичность и выступают в качестве фактора, способствующего стагнации национальной культуры, поскольку не несут, в отличие от византинизма, нетленного ценностного ядра. Сущность беспочвенности состоит еще и в том, что, отрываясь от культурной почвы византинизма, русская душа не обретает иного твердого культурно-исторического фундамента, так как его не удается соз-

дать на основе европейских утопий. Потеря связи с подлинной духовностью закономерно оканчивается истощением творческой энергии человека, приводит к кризису аксиологических и культурных ресурсов нации, утрате жизненной силы ценностных ориентации. Выход может быть только один - свободный возврат к византинизму, одухотворение всех способностей души и приобретение, тем самым, полноты личного бытия.

Российский историко-культурный путь Г.В. Флоровский интерпретирует как становление русской души в культурно-историческом бытии, мыслитель настаивает на поляризированности российского историко-культурного пути, выраженной в противоречии западничества и русского византинизма и отражающей разорванность русской души на стихийный и духовный полюс.

XVI век, по мысли Г.В. Флоровского, проходит под знаком кризиса византинистской культуры в русской душе. С пробуждением чувства национальной исключительности, вызванным колоссальным государственным ростом Москвы, отечественные политические элиты, а вслед за ними многие русские люди, решили отказаться от культурной модели византинизма. В это время официальные идеологи московского царства интерпретируют эсхатологическую теорию третьего Рима в качественно новом смысле теократического утопизма, то есть в смысле осуществления идеальной всемирной монархии на земле и под руководством Москвы. Объявляется новая культурная задача: построить вместо Константинополя Новый Рим, а не творчески продолжить прежний, националистическое самоутверждение привело к поиску антивизантийских культурных ресурсов на Западе. С брака Ивана III с Софьей Палеолог Г.В. Флоровский начинает отсчет феномена русского западничества. Этот брак привел к сближению России с Италией и сделал из Ивана III западника, подражающего итальянским князьям в своих культурных предпочтениях и жестоком единодержавстве. Г.В. Флоровский думал, что западничество было связано с выходящим на культурно-историческую арену в XVI веке стихийным началом русской души. Стихийность прорывается в западничестве из области чисто периферийного существования, разрушая целостность духовной культуры, ви-

зантинизм же начинает утрачивать ведущие позиции в историко-культурной жизни страны. Г.В. Флоровский сосредоточивает внимание на прояснении культурной ситуации, складывавшейся в Западной России на протяжении XVI и первой половины XVII столетий. Указанный период характеризовался столкновением двух культурных систем внутри западнорусского общества. В XVI столетии в нем развертывается борьба между двумя культурными идеями – идеалом славяно-эллинской православной культуры и концепцией культуры латино-католической. Западникам не удалось превратить православный мир в католический внешне, но зато они смогли победить православных изнутри, создав культурную псевдоморфозу в Киеве. С занятием Петром Могилой киевской митрополии победа западников очевидна. Киев перестает играть роль православного культурного центра. Культурную жизнь православного народа монополизируют западники.

Петр Могила открывает полосу некритического заимствования и абсолютизирования западных утопических парадигм мышления, инициированная им киевская культура была целиком ориентирована на католическое барокко, за аффектацией и внешней пышностью прятался декаданс, в философии риторической виртуозности мало соответствовала подлинная духовность, путь эмоционального раскрепощения ради мира грез вел к распаду цельной личности. Распространение католического барокко обернулось творческой инертностью в западнорусской культурной жизни. Киевская культура отличалась отсутствием творческого диалога с Западом и сводилась исключительно к некритическому усвоению западных влияний. В ней преобладали процессы репродукции, подражательности и эпигонства, в XVII веке в интеллектуальной и политической элитах России складываются два направления, между которыми развертывается борьба за культурную гегемонию в обществе. С одной стороны, четко заявляла о себе латинофильская культурная группа (Симеон Полоцкий, Лазарь Баранович, Паисий Лигарид, Сильвестр Медведев, Палладий Роговский и др.), ориентирующаяся на киевскую культуру П. Могилы. Ей противостояли византинисты, среди которых выделялись патриархи Иоаким и Адриан, братья Лихуды. В кон-

це концов, победили латинофилы. Г.В. Флоровский был уверен, что культурная традиция, которая появляется в России со времен Петра I, по смыслу является прямым продолжением киевской культурной псевдоморфозы. Он детально анализирует духовную жизнь России XVIII столетия. Для него Петр I является типичным представителем русского западничества. Российский император решил порвать связи с русским византинизмом, в качестве альтернативной парадигмы духовного развития Петр I выбрал утопическую этатистскую идеологию, разработанную протестантской политологической мыслью Германии. Концепция обоготворенного государства рассматривается при Петре I как национальная идея и как совершенная религиозная система, претендующая заменить православие, критерием идентичности формирующейся при Петре I новой интеллектуальной элиты стала религиозная вера в этатистскую идеологию. Этатистская идеология не только не смогла заменить русский византинизм, но и препятствовала развитию национального самосознания, она не содержала возвышенных культурных идей и в силу этого не могла служить подлинным фактором национальной идентичности. Результатом ее усвоения в первой половине XVIII столетия стало появление культурной элиты, привыкшей жить государственными директивами и воспитанной в духе негативного отношения к индивидуальной творческой инициативе. Русская душа травмируется опытом тоталитаризма, появляется первое "потерянное поколение" отечественных интеллектуалов, Г.В. Флоровский скрупулезно прослеживает духовное развитие начавшей формироваться при Петре I новой интеллектуальной элиты России, к середине XVIII века ее представители осознали недостаточность этатизма для русской культурной перспективы, во второй половине XVIII века элита отходит от примитивного культа всепроницающего государственного механизма, знакомого лишь с живущим ради государственной субстанции индивидом, и сплачивается масонством [3].

Фундаментальным принципом масонского философского комментария реальности была пантеистическая метафизика органического всеединства. Пантеистическая онтология масонства вела к радикальному разрыву с теистическо-

креационистской онтологией христианства, обосновывала подчинение человека безликой природной процессуальности, придавала натуралистической зависимости статус божественной, игнорировала христианское учение о том, что человек не только микрокосм, но и автономный надприродный универсум, выходящий за пределы органических иерархий. Отвергая христианское моделирование космоса и человека с позиции аксиологических абсолютов, масонство упускало из вида ценностную структуру мира как его сущностную основу. Исключительно биоморфная и космоморфная трактовка человека вела к космоцентрическому аперсонализму и аксиологическому релятивизму, масонство оказало большое влияние на формирование интеллектуальной элиты России. Итогом его усвоения стало появление интеллектуала-утописта, замкнутого в мире грез и гипертрофированной саморефлексии. Это был человек, неспособный на активное культурное творчество, конформист и пассивный созерцатель истории. Масонство способствовало снижению религиозно-нравственного и в целом идейного потенциала духовной жизни России.

Эпоха царствования Александра I - другой важный этап российского историко-культурного пути. Это был пик западничества в русской душе. Русское образованное общество всецело охватывается влиянием немецкого пиетизма, который возводится в ранг государственной идеологии, пиетизм был типом утопического интеллектуализма Германии. Пиетисты придали псевдохристианскому натуралистическому немецкому мистицизму рациональный статус. Концептуализация натуралистического мистицизма привела к появлению натуралистического историзма (будущего философского ядра немецкого идеализма). Философская программа пиетизма включала историософский натурализм и детерминизм, через призму ее категориальных схем бытие Бога и человека рассматривалось идентично природному, провиденциализм мыслился как сакрализированная природная необходимость, история венчалась теократическими социальными утопиями, что оборачивалось разрывом с персоналистическим поворотом в философии, инспирированным христианством. Усвоение пиетизма в России приводило не к активному личному соучастию в открове-

нии Божественной Персоны, а к пассивному подключению человека к обезличенному религиозному универсуму, к эмоционально-экстатическому растворению в имперсональных энергиях абстрактного пиетистского абсолюта. Разрыв с трансцендентным источником ценностных смыслов провоцировал кризис русской самобытной духовно-творческой деятельности. Полномасштабное вторжение пиетизма в русскую историю привело к появлению в русской душе соблазна "пиетического утешения". Он заключался, во-первых, в невнимании к трагической реальности зла в человеческой природе. Во-вторых, в развитии воображения, эстетической жизни сердца, утонченности чувств, эмоциональной экзальтации при игнорировании глубокой нравственной жизни души и активной интеллектуальной деятельности, в-третьих, в фаталистическом восприятии истории, нежелании творчески влиять на нее, бегстве из истории в мир утопических грез. В XIX - начале XX столетии в России религиозно воспринимают немецкий идеализм и особенно его квинтэссенцию - романтику, пришедшую в Россию по следам пиетизма и являющуюся религиозно-философской утопией. Г.В. Флоренский не принимал метафизику немецкого и русского романтизма. Органическое всеединство - утопическая теория. С целью замаскировать свое нежелание созидать себя и мир как духовную реальность человек конструирует романтический миф. Романтическая утопия утверждает, что культурная жизнь детерминирована творческой активностью космоса. Постулируется наличие потаенного органического комплекса в человеке, который при адекватном раскрытии (возврате к органической целостности) обеспечит своей могучей энергией максимальную активизацию культурного творчества. Решающая роль в культуре отводится не личности и ее духовному творчеству, а прорыву через человека природно-бессознательных импульсов, автоматическому осуществлению заложенных в человеке органических надличных программ. Такая концепция не может обеспечить самосохранение культуры и разрушительна для культурного творчества, видение мира безличными глазами природы не гарантирует никакой духовности. Простая абсолютизация витального не может гарантировать наличие культурных ценностей, так как само по

себе витальное не содержит разграничения ценностного и внеценностного. А, между тем, наличие ценностей - основа для культурного творчества. Подлинный творец культуры - свободная одухотворенная личность. В романтическом же мировоззрении идея самоценности личности и ее творческого и нравственного статуса может быть блокирована принципом космического волюнтаризма, теорией деифицированной творящей природы.

Неприемлема для Г.В. Флоровского и романтическая социология, основанная на органологических принципах, природа социальной реальности надбиологична. Социальные феномены не сводимы к органическим сущностям. Их подлинная основа - культура как мир морально значимых ценностных ориентаций, за теорией растворения личности в природном обществе скрывается человек, свободно отказывающийся от творческого духовного самоопределения и маскирующий этот отказ идеей безликого органа в совершенном, обуславливающим его природном организме.

Эта теория может апологетировать различные формы тоталитаризма, социального отчуждения, человеческого опредмечивания. Пантеистические основы онтологии романтизма, обосновывающие поглощение личности безымянным космическим абсолютом, должны быть преодолены учением о творении мира Персональным Абсолютом христианства.

Необходимо указать на специфику критики романтизма Г.В. Флоровским. Он не просто описывает построения русских романтиков как несостоятельные, но и пытается показать, как романтизм влиял на духовную жизнь (анализ внутреннего мира В. Одоевского, А. Григорьева, Н. Гоголя, К. Леонтьева, В. Соловьева, А. Белого, В. Розанова, А. Скрябина и др.). Воссоздая романтический опыт на русской почве, философ всегда приходил к неутешительным выводам: распространение романтического пантеистического органицизма способствовало деперсонификации человека[4]. Романтизм не был способен решить вопрос о духовной цельности и наносил удар по личному самосознанию. Не обладая учением о природе духовных ценностей (из-за органицизма), он вел к невозможности выработать четкую моральную позицию, создать основы

для культуры этического мышления, в результате у русских романтиков стиралась грань между духовностью и псевдодуховностью, свобода превращалась в духовную безответственность. Г.В. Флоровский разработал оригинальную концепцию советского периода русской истории. Октябрьская революция открыла путь для воплощения немецких и русских органицистских доктрин (марксизм Г.В. Флоровский не отделял от романтики). Интерпретация государства, общества, культуры с позиций натуралистического монизма на практике обернулась тоталитаризмом, превращением людей в безликую массу, духовным примитивизмом и нигилизмом. Со всей ясностью предстал путь обессмысливания и обесценивания мира. С началом советского периода русская стихийность пытается, опираясь на неоязыческие постулаты органицистских теорий, осуществить в России языческий реванш - вернуть страну в дохристианскую эпоху. Следуя Г.В. Флоровскому, российский историко-культурный путь подлежит характеризовать отсутствием цельности, что вызвано стремлением стихийного полюса русской души оборвать связи с русским византизмом, преодолеть дезинтеграцию можно лишь при условии возвращения русской нации к культурному наследию русского византизма, поскольку именно оно способно объединить российский историко-культурный путь в гармоничное целое и стать подлинным интегратором нового культурного синтеза.

Библиографический список

1. Флоровский, Г.В. О патриотизме праведном и греховном [Текст] // На путях. Утверждение евразийцев / Г.В. Флоровский. - Берлин, 1922. – 148 с.
2. Флоровский, Г.В. Вселенское предание и славянская идея [Текст]: Юбилейная книга на славянски дружество в Болгарии / Г.В. Флоровский. - София, 1925 – 254 с.
3. Флоровский, Г.В. Евразийский соблазн [Текст] // Современные записки. – 1928. - №12. -76 с.
4. Флоровский, Г.В. Пути русского богословия [Текст] / Г.В. Флоровский.- Вильнюс: Вильчис, 1991. – 270 с.

©Д.И. Чистюхин (ЯГПУ)

Традиции благочестия в Ярославском крае в XIX в.

Великое переустройство России, начатое Петром Великим в начале 18 в., не могло не затронуть Русской Православной Церкви. «Реформы Петра 1, нанеся удар по традиционным представлениям в целом, тем самым поразили и Церковь. Все преобразования царя были проникнуты духом секуляризации, который поколебал всю совокупность привычных норм народной жизни» [8.С.31]. Произошло разрушение не только традиционных норм взаимоотношения Государства и Церкви, выразившееся в учреждении для управления Церковью вместо Соборов и первосвятительской власти Патриарха Духовной Коллегии Святейшего Синода, в результате чего Церковь оказалась под жестким контролем государства. «Светское правительство стало смотреть на Церковь не на как высочайшую святыню народа, а как на одну из подпорок государственного аппарата, нуждавшуюся в опеке и надзоре» [10.С.9].

В истории Русской Церкви начинается так называемый Синодальный период, метко называемый также периодом «Вавилонского пленения» Церкви, продолжавшийся с нач.18 в. до известных событий 1917 г. и прошедший под знаменем секуляризации всех сторон жизни общества, времени, когда Церковь была оттеснена на периферию общественной жизни. В России « вне Церкви и независимо от нее, иногда даже в сознательном противопоставлении себя церковному сознанию, рождается светская культура, открывающая простор для мирских интересов и развлечений» [4.С.63]. И если в 18 в. секулярная культура увлекает за собой высшие слои общества, то к концу 19 в. процесс отхода от религиозно-национальной традиции захватывает уже и широкие народные массы, что и стало одной из главных, если не главной причиной катастрофы, произошедшей в 1917 г.

Значит ли все вышесказанное, что Церковь в результате вышеописанных процессов действительно превратилась в составную часть государственного аппарата Российской империи и стала существовать и развиваться подобно другим институтам, созданным человеческим обществом? Отнюдь нет,

ибо Церковь-Богоустановленное общество, живущее по иным, чем все общественные институты, законам. И явное свидетельство, и подтверждение тому - стремление к святости в народной среде «...Святость - вот бесспорное мерило силы Церкви. И в росте святости и благочестии - лучшая апология последних двух веков нашей Церкви. Ни светский дух правительства Петра Великого и его преемников 18 в., ни уход культурных классов и интеллигенции от Церкви, ни бюрократическая поверхность церковного уклада под контролем Обер-прокуроров Синода и их уполномоченных-секретарей духовных консисторий - ничто не мешало неуклонности роста традиционного типа аскетической святости» [5]. И если общецерковной канонизации были удостоены едва ли десятка три святых, подвизавшихся в Синодальный период, причем большинство из них было канонизировано не так давно, то подвижников благочестия 18-19 вв., имеющих бесспорные свидетельства о святости их жизни, которые мы имеем, насчитывается несколько сот.

Обратившись к истории только лишь Ярославской епархии, представляющей собой небольшую часть Русской Церкви, не упоминая имен святых, удостоенных общецерковной канонизации и имеющих отношение к Ярославскому краю, мы можем назвать имена нескольких десятков подвижников благочестия, подвизавшихся на Ярославской земле или же бывших ее уроженцами. В их лице Церковь выступает во всей своей полноте. Среди ярославских подвижников видим мы и святителей, и миссионеров, поднявших апостольские труды, в монашеском чине подвизавшихся, Христа ради юродивых и бессребреников. Особенно многочисленные примеры святости дал 19 в.

Из правящих архиереев Ярославской епархии особо выдающимися были архиепископ Евгений Казанцев (в 1837-1853 гг.), архиепископ Нил Исакович (1853-1874 гг.), архиепископ Димитрий Муретов (с 1874 г. до апреля 1876г.), архиепископ Леонид Краснопевков (с 15 мая по 15 декабря 1876 г.).

Архиепископ Евгений Казанцев был духовным чадом Митрополита Московского Платона Левшина, «который уважал и любил его как сына и такое отношение к нему сохранил до конца жизни» [6.Т.1.С.410]. Был он в дружеских отношени-

ях и с другим митрополитом Московским, Филаретом Дроздовым, «советы и наставления которого очень ценил» [6. Т. 1. С. 412]. «Преосвященный Евгений зарекомендовал себя пастырем бескорыстным, правдивым, беспристрастным, попечительным о вверенном ему духовенстве, бережливым, милосердным» [6.Т.1.С.413].

Преосвященный Нил Исакович до перевода его на Ярославскую кафедру более пятнадцати лет управлял Иркутской епархией, где прославился своими миссионерскими трудами. «За период своей миссионерской деятельности он обратил в православие до 40 тысяч человек»[6.Т.2.С.404]. Но на Ярославской кафедре Владыка Нил проявил себя несколько в ином роде, после своей кончины оставив о себе память в народе «...как о человеке большого ума, пылкого характера и своеобразных привычек,...» он «был более «в русском вкусе», было в нем что-то геройское, какая-то смелость, оригинальность, иногда чудаковатость, нравившаяся народу, выделявшая его из ряда обыкновенных людей. Твердо укоренилась в губернии легенда о том, что Нил предсказал день своей кончины, на могилу его ходили как будто в ожидании чудес»[9.С.61].

Занявший после кончины преосвященного Нила Ярославскую кафедру архиепископ Димитрий был не менее выдающимся архиереем. «В своей жизни он стремился осуществить идеал евангельского Пастыря-кроткого, учительного не только словом, но и жизнью, исполненного любви и снисходительности к людям, особенно падшим, скорбящим и озлобленным, милости Божией и помощи требующим. Других стремлений он не имел, не искал он ни стяжаний, ни карьеры. Это был совершенный инок-благоговенный, добрый, смиренный, нестяжательный и крайне нищелюбивый» [6.Т.1.С.372].

После перевода архиепископа Димитрия на Волынскую кафедру архиепископом Ярославским стал Леонид Краснопевков, до того бывший викарием Московским и даже после кончины Св. Филарета, митрополита Московского, около полугода управлявший Московской епархией. Преосвященный Леонид (по происхождению – дворянин, до ухода из мира - морской офицер) был духовным чадом и сомолитвенником святителя Игнатия Брянчанинова, настолько преданным сво-

ему духовному отцу, что даже скончался в Николо-Бабаевском монастыре, куда заехал поклониться могиле своего духовного отца. В архиепископе Леониде почитали «...прежде всего, Святителя Божия, носившего в себе сокровище пламенной веры и молитвы, сокровище благости, участия, любви к каждому. Он с одинаковым вниманием принимал и высочайших особ, и самого простого мужичка, терпеливо выслушивал каждого и немедленно, по возможности, помогал, успокаивал, вразумлял»[6.С.243].

Но не только среди ярославских архиереев Синодального периода видим мы подвижников благочестия, немало их встречаем и среди их паствы. Среди ярославцев в те времена видим не только особую любовь к монашеству, но и стремлению к иноческому подвигу. Со страниц жизнеописания ярославских подвижников того времени словно веет духом египетской пустыни и временами Вселенских соборов.

Здесь в первую очередь надобно упомянуть старца Адриана, хотя и подвизавшегося в соседней Вологодской епархии в Югской Дорофеевой пустыни, но родившегося в 1800 г. в селе Семеновском Пошехонского уезда Ярославской губернии в семье дьякона и не оставлявшего своим попечением своих земляков. Приняв постриг в 1826 г. в Югской Дорофеевой пустыни, ведя строгую иноческую жизнь, стремясь к подвигам духовным, он привлекал к себе многих искавших спасения и утешения. «Глубоко изучивший все изгибы души, во всей тягости перенесший брань с своею духовною, свойственною каждому человеку раздвоенностью и путем сурового подвига, достигшего благодатного успокоения в торжестве духа над плотью, о. Адриан естественно глубоко сразу же проникал в духовное устроение души собеседника. Имея хорошую память, будучи основательно обогащен познаниями в Священном Писании и святоотеческой письменности, он обладал богатою сокровищницею назидания. Шли к нему люди всякого звания и состояния, потому что есть живые души и в богатых чертогах, и в бедных хижинах, которые жаждут духовного руководства и скорбно воздыхают о столь желанном, но, повидимому столь далеком, «горнем отечестве» [1.С.131]. Скончался благодатный старец в 1853 г.

Из подвизавшихся в иноческом звании выходцев из Ярославской губернии надобно также упомянуть схиигумена Илария. Родившийся в 1796 г. в г. Мологе, он с двадцати лет подвизался во многих монастырях, в том числе и в Оптиной пустыни. Он был духовным чадом прп. Леонида Оптинского. В течение восемнадцати лет о. Иларий был наместником Николо-Угрешской обители. Его послушником был прп. Пимен Угрешский.

Удивительна любовь ярославцев к Валаамскому монастырю. Известны имена только пятнадцати насельников Валаамской обители, уроженцев Ярославской губернии. Среди них особо примечательны иеромонах Иринарх Савинов, родившийся в Ярославле в 1796 г. и в 1833-1838 гг. бывший наместником Валаамского монастыря, монах Ириней (в схиме Иоанн), более 28 лет проживший в пустыни на острове Иоанна Предтечи, схимонах Никита Евдокимов, родившийся в 1831 г. в д. Григорьково Ростовского уезда и, по его рассказам, бывший «господским человеком». « Неоднократно просился я у своих господ отпустить меня в святую обитель, но вместо этого, против моей воли и желания, меня женили. Впрочем, не долгое время пожил я со своей женой, которая, кстати сказать, была добрая и глубоко верующая. Я упросил ее отпустить меня в монастырь. В то время крестьяне вышли на волю, барин уже не мог меня задержать, а мои односельчане-мужики, по усердной просьбе моей, составили мирской приговор и с миром отпустили меня «Богу молиться», уволив меня из общества. Было это 28-го мая 1863 года. И вот, наконец-то, развязавшись от всех мирских сетей и оков, с великой радостью устремился я в монастырь» [7.С.209]. Так рассказывал о себе сам о. Никита.

Иеромонах Алипий Константинов, родившийся в 1851 г. в деревне Липниково Рыбинского уезда, поступил в Валаамский монастырь в 1875 г. и в течение 24 лет нес послушание иконописца. Им были написаны чудотворная икона Валаамской Божьей Матери и мироточивый образ прп. Сергия и Германа Валаамских, установленный над ракой с их мощами [7.С.310].

Говоря о мужах святой жизни, должно не забывать и о том, что тогда и многие жены искали спасения душевного подвига и стремились к иноческому подвигу. Среди них особо выдающейся была первоначальница Абабковского Николаевского монастыря Лукия Масленникова, дочь мещанина г. Мологи, с юных лет стремившаяся к иноческому житию. Когда она решилась вопреки воле родителей поступить в монастырь, то зная, что родители будут ее искать, вместо женской одежды она надела мужскую, - вместо Лукии назвала себя Лукиан и мужской Валаамский монастырь Новгородский избрала себе местом первых иноческих подвигов. Не один год Лукия с новым именем служила Богу в обители, оставив кров отеческий [2.С.161]. Далее ей пришлось выдержать немалые испытания. По навету злых людей целый год она была в тюремном заключении в Петербурге, где и нашел ее отец. Возвращенная против воли домой, она не оставляет мысли уйти из мира. Некоторое время она была в услужении у некоей госпожи, а после ее кончины отправилась путешествовать по святым местам, прейдя в Саровскую пустынь, где «старцы Илларион и Назарий, лично знавшие ее благочестивую жизнь с того времени, когда одновременно с нею жили в Валаамском монастыре, советовали Лукии перейти в какой-либо монастырь близ Саровской пустыни» [2.С.161-162]. Но она поселяется при храме св. вмч. Георгия Победоносца в селе Абабкова, получив на то благословение у прп. Серафима Саровского и о. Иллариона, своего духовника. Постепенно вокруг нее образовалась небольшая женская община. Лукия была тайно пострижена в иночество о. Илларионом с именем Лампадии. Скончалась она в 1823 г. Спустя годы трудами ее родственницы Евдокии Титовой (в иночестве Палладии) основанная Лукией община в 1859 г. стала общежительным Никольским монастырем [2.С.172].

Невозможно не упомянуть подвижников, взявших на себя подвиг Христа ради юродства. Среди таковых наиболее выдающимся в Х1Х в. был священник Петр Томаницкий, прозванный Иерусалимским по названию Иерусалимской слободы под Угличем, в которой он служил и проживал. Родившийся в 1782 г. в погосте Якимовский Угличского уезда Ярославской губернии в семье дьячка, он проходил в своей жизни путь, уго-

тованный всем выходцам из духовного сословия. «В низших классах и в духовной семинарии юному Петру пришлось вынести много нужды и горя» [3.С.19]. По окончании семинарского курса он был рукоположен в иереи в церкви Иерусалимской слободы близ г. Углича. Проявив себя благочестивым и исполнительным священником, он вызвал к себе зависть и ненависть членов церковного причта.

Отцу Петру пришлось претерпеть и трехдневный арест по доносам подчиненного ему причта, и от них же побои и даже попытку отравления. Странности в его поведении стали замечать с 1812 г. так что даже определяли его в больницу для умалишенных. «Духовное же начальство, признавая его помешанным, 15 февраля 1814 г. уволило его от должности и отобрало от него священническую грамоту. С этого времени он избрал для себя путь юродства и шел им постоянно и мужественно все последующие годы своей жизни» [3.С.23]. За это «Господь даровал ему благодатный дар прозрения тайн будущего и сердец человеческих» [3.С.24].

Сначала подвижник стал открыто обличать людские пороки, но, увидев, что не только не обращает грешников к покаянию, а еще и вызывает ненависть к себе, стал поступать по-другому. «Он начал смотреть на людей, коснеющих во грехе, как на больных, или же как на детей, и мягкими мерами решился исправлять немощи и людские пороки...Вражда против подвижника утихла. Прежние враги его приходили к нему за духовною помощью, вместе с другими, чуждыми посетителями и, наравне с ними, получали от него благодатные вразумления и утешения»[3.С.26]. Известность его и почитание как угодника Божия были столь велики, что «нередко люди духовного звания, получившие образование, облеченные высоким саном, посещали отца Петра,- те, при всем образовании, находили слова и ответы его высокополезными и благотворными»[3.С.29]. Другой подвижник, современник его Адриан Югский, «именовал отца Петра святым по жизни и новым Иовом, по безропотному шествию злострадании и крайнего убожества, и пред кончиною поручил ему свою заботу руководить многолюдную общину сестер, желавших создания особой для себя обители» [3.С.35].

Скончался отец Петр 3 сентября 1866 г. Скорбь о нем была настолько велика, что над телом умершего шесть дней непрерывно служились панихиды по просьбам его почитателей. Причем в продолжение всего этого времени тело его не обнаруживало следов тления, а наоборот, от него исходил тонкий аромат. Согласно его завещанию, отец Петр был погребен в притворе Софийского собора, Софийского же женского монастыря в г. Рыбинске, устроенного по его благословлению, сестер которого он особо опекал. Есть немало свидетельств тому, что многие из его почитателей получали исцеление по молитве над могилой отца Петра.

Обозревая жизнеописания ярославских подвижников благочестия, невольно задаешься вопросом, в чем же причина столь горячего стремления к подвижнической жизни в среде ярославцев во времена, во многом этому не способствовавшие. И, мне думается, причин этого несколько.

Главнейшая из них становится ясной из одного случая из жизни отца Петра Иерусалимского. Когда одна из сестер общины, окормлявшейся у отца Петра, «стоя на молитве, подумала: а что, батюшка-то может ли прозирать молитвенное настроение молящихся, подобно Сысою Великому? И только что подумала, вдруг слышит, что отец Петр, как бы отвечая на те сокровенные мысли, внятно говорит: «Бог-то все тот же, что и при Сысое Великом» [3.С.39-40].

Другой немаловажной причиной было сохранение не только среди простого народа, но и представителей высших сословий крепких религиозно-национальных традиций в повседневной жизни и воспитании детей. Князь Сергей Дмитриевич Урусов, представитель аристократической фамилии, внук сенатора, имевшего, кстати, восемнадцать детей, сын отставного полковника лейб-гвардии Измайловского полка, на склоне лет вспоминая свое детство и юность, писал: «Я в то время был привержен к церковным службам не только потому, что мне нравилась их обстановочная и музыкальная часть. Наша семья была религиозна, и нас воспитывали в духе христианско-православном. Я с детства привык считать религию делом таинственным, важным, необходимым в жизни» [9.С.62].

В X1X в. большинство русского народа еще руководствовалось в своей жизни христианскими принципами. И предметом подражания для него были не герои французских романов и персонажи телесериалов, а угодники Божьи, причисленные к лику святых.

Библиографический список

1. Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков [Текст]. Август. – Издание Введенской Оптиной пустыни, 1994.- 704 с.
2. Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков [Текст]. Май. - Издание Введенской Оптиной пустыни, 1997. - 384 с.
3. Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков [Текст]. Сентябрь. – Издание Введенской Оптиной пустыни, 1996. - 624 с.
4. Зеньковский, В.В. История русской философии [Текст] / В.В. Зеньковский. Т. 1. – Ростов н/Д, 1999. – 542 с.
5. Карташев, А.В. Русская церковь периода империи [Текст]/ А.В. Карташев // Русское возрождение. - 1996. - № 67 – 68. – С. 30.
6. Лемешевский, Мануил (митрополит). Русские православные иерархи. 1992 – 1892 гг. [Текст]: в 3 т. / Мануил Лемешевский митрополит. – М.: Издание Сретенского монастыря, 2002 – 2004.
7. Маханов, Онуфрий (иеродиакон). Причал молитв уединенных. Валаамский монастырь и его небесные покровители преподобные Сергий и Герман. [Текст] / Онуфрий Маханов иеродиакон. – СПБ., 2005. - 738 с.
8. Смолич, И.К. История Русской Церкви.1700 – 1917 гг. [Текст] / И.К. Смолич. - Кн. 8. – Ч.1. – М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1996.- 800 с.
9. Урусов, С.Д. князь. И вот, вдали показался красавец Ярославль…(Из воспоминаний) [Текст] /С.Д. Урусов князь. [Вступительная статья и публикация В.Г. Пуцко] // Ярославская старина. – 1997. - Вып.4. – С. 42-64.
10. Цыпин, Владислав (протоиерей). История Русской православной Церкви. Синодальный и новейший периоды (1700-

2005 гг.) [Текст] / Владислав Цыпин протоиерей. – М.: Издание Сретенского монастыря, 2006. - 816 с.

©В.Т.Юсупов (ЯГПУ)

Религиозный дискурс: православие, католицизм, протестантизм

Вот уже почти тысячу лет после Великого Раскола и последовавшей затем Реформации невозможно говорить о христианстве, не уточняя, какое христианство имеется в виду. Отлучением всего христианского Востока, датированным 16 июля 1054 г., западный христианский мир этим действием сам отлучил себя от единой, святой, соборной и апостольской Церкви. Состоявшийся тотчас же Константинопольский собор подтвердил этот факт, однако, в свою очередь, отлучил не весь христианский Запад, а только "составивших и принявших" папский документ об отлучении Востока: "Анафематствовать эту грамоту, и замысливших её, и издавших, и писавших, и малое ведение о соделывании всего этого имущих"[1. С.87]. Отлучение лишь сознательных составителей папской буллы позволило в дальнейшем восточным Церквям признавать пусть и повреждённый, но всё-таки образ Церкви в областях латинского Запада. Хотя и до Великого раскола существовали попытки уклонений от правильной христианской жизни в многочисленных ересях, но и долгое время после него на отделившемся христианском Западе сохранялись истинно православные представления о её содержании и следование им. С тех пор за Восточной Церковью закрепилось название "Православная", тогда как Западная Церковь стала именоваться "Католической".

Такое именование отражает главные особенности самовосприятия и самосознания разделившихся Церквей. "Католичество" для христианского Запада означает одновременно полноту Церкви и общность Церквей, потому что единая Церковь существует во множестве отдельных христианских общин (Церквей), её универсальность и всеобъемлемость в плане принадлежности [2. С.3]. Для Восточной Церкви "Православие" означает не выделение и подчёркивание одного из неотъ-

емлемых сущностных свойств Церкви Христовой (соборность, понимаемая совсем иначе, чем кафоличность), а сохранение чистоты наследия неразделённой Вселенской Церкви во всей его полноте. Уже в 842 г. по случаю окончания многовекового спора с иконоборцами был составлен так называемый "чин Православия", совершаемый в первое воскресенье Великого поста. Исторически этот факт стал завершением эпохи Вселенских Соборов – эпохи рецепции вероучительной истины и церковного бытия и скреплённой авторитетом неразделённой Вселенской Церкви полноты Боговедения.

Православная идея Церкви основывается на понимании особого отношения между Богом и Церковью. Это отношение можно выразить в трёх утверждениях: Церковь есть образ Пресвятой Троицы, Тело Христово и длящаяся Пятидесятница [3. С. 248]. Именно отсюда проистекают сущностные свойства Церкви Христовой, торжественно провозглашённые в 381 г. на II Вселенском Соборе в Никео - Цареградском Символе веры: "верую ... во единую, святую, соборную и апостольскую Церковь". Эти четыре свойства, без которых Церковь не может быть Церковью, определяют существо Церкви со стороны её свойств и признаков, отличающих истинную Церковь от всех прочих человеческих сообществ и других неправославных и инославных Церквей. Отсюда следует, что невозможны ни различные концепции Церкви, ни какие-либо "варианты реализации" Церкви, а есть лишь одно фундаментальное разделение – на Церковь и на не – Церковь, последняя из которых может осуществляться и существовать в самых разных формах организационного устройства. В конечном итоге, для не - Церкви обязательным становится нарушение или искажение всех сущностных свойств истинной Церкви, поскольку эти свойства органически взаимосвязаны и лишь в полной своей совокупности выражают сущностную целостность Церкви, её истинность.

Наиболее изощрённым и распространённым видом уклонения от истины Церкви является ересь. Ересь – это не просто отход от истины Церкви, отход от догматов, вербально её "определяющих и ограждающих", но, главным образом, - от способа существования, который воплощает в себе Церковь

как бытийное единство и община святых и освящаемых, соборное единство как принцип и способ бытия церковного тела, преемство апостолического единства - вне зависимости от конкретных исторических и социальных условий существования Церкви: если Церковь и воплощается в пространстве и времени, она являет собой образ Божественного бытия вне пространства и вне времени.

Истина не нуждается ни в наглядности, ни тем более в доказательствах – её очевидность самодостаточна. Всякое принудительное доказательство насилует сознание человека, подменяет веру простым знанием: "Для Истины и Духа нет никаких критериев, вне Их лежащих и всегда ниже Их стоящих, взятых из объективированного мира, в которых и Истина и Дух умалены" [4. С.37]. Именно поэтому для Православия и православного богословия истина Церкви безусловно превосходит любую объективную форму её познания, а сам вопрос о её "объективной подлинности" не может быть поставлен в принципе. Вербальное выражение истины Церкви, которое содержится в Священном Предании и Священном Писании, в решениях Вселенских соборов, в богослужебных текстах и творениях отцов Церкви – это установленные горизонты истины, которой живёт и которую воплощает Церковь. Их невозможно принимать как отвлечённые и оторванные от церковной жизни суждения и положения.

Напротив, ересь предполагает позитивистское восприятие истины, её объективацию, то есть такую гносеологию, для которой истина исчерпывается объективным описанием, общезначимой формулой, освящённой авторитетом безошибочного носителя и выразителя этой формулы, так или иначе игнорируя единство бытия Церкви и Богопознания в личностных отношениях с Богом и ближними. Вопрос нахождения "объективного принципа", который являет собой, выражает и подлинно, безошибочно преподаёт истину Церкви, а также поиск несомненного авторитетного носителя этой истины, рассматриваемые как необходимые предпосылки церковного единства, - это исходный, но заведомо ошибочно поставленный вопрос для богословия и жизни всего западного христианства [1. С.39].

Божественное Откровение и спасение, рецепиированные Вселенской Церковью, не навязывают себя человеку, не делают себя обязательными для человеческого восприятия: в этом проявляется непостижимое уважение Бога к человеку, к свободе его волеизъявления, его волевому намерению, остающимися свободными даже в падшем состоянии. В самой свободе человека коренится возможность уклонения от истины, её сознательного отвержения или подчинения меркам своего индивидуального бытия. Этим обусловлено "антропоцентрическое измерение" ереси, её признаки "антропоцентрической религиозности": она становится всего лишь "религиозной составляющей" жизни человека, "удовлетворением религиозных потребностей" индивида наравне с удовлетворением других потребностей жизни [1. С.16].

История христианства как никакой другой религии изобилует с самого начала своего возникновения попытками еретических искажений и повреждений истин евангельской веры. Здесь нельзя не согласиться с замечанием немецкого философа Э.Кассирера, что "...история христианства есть история тонких уклонений от христианства". Анализ исходного существа ересей первых веков христианства позволяет выявить "архетипические" тенденции, связанные с абсолютизацией либо божественной и непознаваемой реальности, либо человеческой и чувственно воспринимаемой реальности единого человеческого тела Христа – тела, которое является "новым творением", то есть способом существования Церкви. Так, арианство абсолютизирует истину о личной инаковости Ипостасей Святой Троицы и релятивирует истину о единстве и тождестве единой Божественной сущности. Несторианство, напротив, абсолютизирует истину о человеческой природе Христа, стремясь противопоставить всякого рода докетизму реальность воплощения, человеческого существования Христа. Монофизитство, в свою очередь, абсолютизирует истину о божественной природе Христа, желая избавить от всяких условностей и ограничений реальность вхождения Бога в человеческую историю. Монофелитство и иконоборчество абсолютизируют природу за счёт лица. Первое отрицает свободу личности, подчиняя личность природе, точнее – природной воле. Иконоборцы же аб-

солютизируют природу как автономную сущностную реальность, оторванную от способа существования, которым является личность. Оба наиболее значительных позднейших разделения церковного единства – римокатоличество и протестантизм – кажется, продолжают изначальные еретические "архетипические" отклонения в понимании истины, искаженное и фрагментарное восприятие различий природы и личности, природы и энергии [1. С.41-43].

Обычно ересь предполагает выбор и предпочтение некоей части истины, извлечение из органической целостности истины её некоей составляющей, которой придаётся абсолютное значение в сравнении со всей истиной. Эта абсолютизация относительного, частного неизбежно разрушает целостность - целое, релятивируя абсолютное и редуцируя его к относительному. Так, римокатоличество несомненно абсолютизирует природу за счёт лиц. Оно выделяет природу или сущность как автономную "сущностную" реальность, оторванную от способа её существования, которым является личность – ипостась бытия. Отсюда проистекает представление о способе существования Божественной природы в виде так называемой "чистой энергии существования", лишая её неотъемлемого качества – личностного проявления. Логически вытекающее из отождествления сущности и энергии римокатолическое учение об исхождении Св. Духа "и от Сына", распространяя энергийное проявление сущности в икономии Лиц Св. Троицы на образ Её бытия, по сути вносит разделение в единую Первопричину бытия Лиц Св. Троицы, которой является Бог – Отец, укрепляет превалирование природного начала, "преобладание природного единства над личностной троичностью". Отсюда возникают как бы два источника троической жизни, а бытие Св. Духа оказывается угнетённым и умалённым, исключительно служебным.

Абсолютизация энергийного начала и его безусловное преобладание над личностным приводит к существенным изменениям в понимании способа существования церковного тела. Теперь расстояние между двумя природами: Божественной и человеческой - преодолевается не ипостасным единением двух природ (неслитно, неизменно,нераздельно, неразлуч-

но), но благодаря сущности Слова, отождествлённой с природой Церкви, с её энергийно-организационной сущностью и "логически обоснованному" авторитету церковной власти. Православный взгляд традиционно отмечает в веросознании католического Запада преобладание рационального начала, тяготение к умопостигаемости веры и церковного бытия, которое часто определяют как стремление объективировать христианство, то есть сделать его полностью доступным человеческому восприятию, низвести небесное к земной осязаемости. В результате такого упрощения видимая, земная составляющая постепенно вытесняет это незримое бытие из религиозных представлений человека и занимает его место. Напротив, православное богословие исходит из того, что организационная структура единство не образует, а может лишь выражать его внешним образом. Поэтому "кафоличность" или "вселенскость" имеют только "горизонтальное", но не "вертикальное измерение", означают организационное, а не органическое единство и лишь в термине "соборность" выражается глубинная имманентность вере и целостное причастие истине Церкви как в целом, так и в каждой из её частей, в том числе и в отдельных личностях святых отцов, являющих собой истину Церкви и бытийную причастность к ней.

Начавшись с определённых догматических уклонений (Filioque), основополагающая доктрина "догматического развития" завела католичество так далеко, что это создало серьёзные преграды по возрождению церковного воссоединения, поскольку данный процесс предполагает изменение всего строя жизни Римско-Католической Церкви. Нельзя не согласиться и с суждением о том, что на становление католичества огромное влияние оказала так называемая доктрина "панцерковности", подчёркивающая исключительную роль институализированной Католической Церкви в спасении верующих с её "юридическим" толкованием спасения как воздаяния за человеческие заслуги перед Богом, крайнее упорядочение и конституирование, а по существу - законничество, что в данном контексте роднит католическое представление о духовной жизни с её пониманием в рамках религий Закона: иудаизмом и исламом. Христова Божия Церковь заслоняется её земной и несовер-

шенной "юридической проекцией"; у Церкви как живого мистического организма, Тела Христова, оживотворяемого, водимого, просвещаемого и освящаемого Духом Святым, все её свойства автоматически переносятся на римского первоиерарха, святость для членов Церкви становится "сверхдолжной" и совсем не обязательной, в той же мере как и духовная жизнь.

В игнорировании истины Церкви как образа Святой Троицы протестантизм пошёл ещё дальше, оставаясь в то же время на позиции римокатолицизма в отождествлении сущности и энергии Божественных Лиц и признавая учение об исхождении Святого Духа "и от Сына" (Filioque). В этом отношении протестантизм остаётся верен концепции "абсолютно энергетической сущности" Бога-Троицы римокатоликов. Отличие заключается в том, что для реформаторов единственным "объективным и логически обоснованным авторитетом" является не истина Церкви, не абсолютизированный авторитет Римского первоиерарха, а исключительно Священное Писание как вербальное выражение этой истины: природа Церкви замещается природой Священного Писания. Основой церковного единства становится рационально воспринятый текст Писания: истина об общей новой природе Церкви как способе бытия перерождается в общность идеологии и этических норм обособленных индивидов. При этом неизбежно абсолютизируется инаковость, теперь уже не как личное, а индивидуальное отличие человеческих особей: абсолютизируется индивидуальная вера, индивидуальное эмоциональное и интеллектуальное религиозное восприятие и переживание, индивидуальное этическое применение истины. Истинная Церковь в западных христианских исповеданиях сначала институализируется, а затем и секуляризируется, становясь в итоге одной из разновидностей общественных или государственных институтов. Можно только поразиться прозорливости, с которой святые отцы (от Фотия Великого до Григория Паламы) предвидели, к каким историческим реалиям приведёт упразднение на Западе истины о Церкви в пользу институализации и обмирщения Церкви [1. С. 79].

Значение Великого Раскола до сих пор не вполне ясно и достаточно осознано и оценено: в конечном итоге, именно он

завёл нашу цивилизацию, порождённую и вскормленную его богословскими предпосылками, в очевидный тупик, выход из которого невозможен без возвращения к изначальной церковной жизни, к единству Церкви, – не к формальному объединению, союзу, а именно к органическому единству христианской жизни - "жизни во Христе". Бытийная истина церковного единства остаётся единственной возможностью спасения современного человека от его отчуждения в собственном существовании, восприятия в качестве безличного индивида и функционирующей единицы в условиях возрастающей политической, экономической и идеологической интеграции нашей эпохи. Важную роль в разрешении этой жизненно важной для всего человечества проблемы может сыграть религиозный дискурс, понимаемый в данном случае как межконфессиональное христианское общение, основной интенцией которого должно стать восстановление во всём христианском сообществе истинно евангельских жизненных начал и неукоснительное следование апостольской традиции, выраженной в неповреждённой и нераздельной целостности и единстве жизни Церкви. Правильное отношение человека к Богу непременно ведёт к правильному отношению и ко всему, Им сотворённому. Это отношение есть любовь как "онтологический принцип" истинного бытия, бытия Божественного, осуществляемого в общении Божественных Лиц между собой – "архетипом" любой человеческой личности и человеческого общения.

В ходе этого общения должно продолжиться служение Православной Церкви всему христианскому миру путём сохранения чистоты наследия неразделённой Вселенской Церкви и разъяснения причин уклонения от него, которые укоренились в инославном христианстве; осуществляться апология Православия от посягательств со стороны инославия, претендующего на отторжение христиан от правой веры, противодействие скрытому проникновению инославных воззрений в образ мысли Церкви и её жизнь; проводиться изучение инославного мира с целью критической оценки и осмысления церковного опыта и практической жизни западных христиан в современных условиях с целью избежать в развитии православ-

ной церковной жизни ошибок, совершённых нашими братьями [5. С. 6-7].

Библиографический список

1. Яннарас, Х. Истина и единство Церкви / перевод с новогреческого [Текст] / Христос Яннарас. – М., 2006. – 184 с.
2. Рауш, Т. Католичество в третьем тысячелетии [Текст] / Т.Рауш. – М., 2007. – 416 с.
3. Епископ Диоклийский Каллист (Уэр). Православная Церковь [Текст] / Каллист Уэр. - М., 2001.- 375 с.
4. Бердяев, Н.А. Истина и откровение. Прологемоны к критике Откровения [Текст] / Н.А.Бердяев. - СПб., 1996. – 384 с.
5. Васечко, В. Сравнительное богословие: учебное пособие [Текст] / В.Васечко. – М., 2006. – 100 с.

© Д.Е.Леонов (ЯрГУ)

Революция 1905-1907 гг. в России и низший клир Русской православной церкви

Русская православная церковь в начале XX века переживала тяжелое время. Кризис самодержавия, с которым Церковь была неразрывно связана, отразился на ней самым пагубным образом. С одной стороны, Православная церковь привыкла к своему подчиненному положению в государстве и состоянию «опоры существующего строя»; с другой стороны, наиболее дальновидные ее представители не могли не видеть того глубокого кризиса, который охватил самодержавное государство, а также всей опасности положения Церкви.

Первая российская революция, по свидетельству многих современников и исследователей, явилась катализатором социальной активности и в среде православного духовенства. 1905 год был временем рождения «русского издания реформации» - обновленческого движения, которое в дальнейшем привело к возникновению обновленческого раскола. Стремление обновленцев изменить давно сложившиеся в православии каноны было ни чем иным, как реакцией части духовной корпорации на революционные события. Обновленческое движение также выступало за расширение прав рядового священства,

против засилия монашествующих на руководящих церковных постах.

Не секрет, что отечественной исторической наукой различные социальные слои и их поведение в период революции 1905-1907 гг. изучены с разной степенью глубины. Духовенство, пожалуй, относится к наименее изученному сословию. Вместе с тем, в последние годы появились работы, посвященные приходскому духовенству [8], монашествующим [4], церковной интеллигенции [11]. До сих пор не существует специальных исследований о такой многочисленной прослойке среди приходского духовенства, как диаконы и псаломщики. В истории Церкви они никогда не выходили на первый план; в жесткой системе церковной иерархии их положение всегда было наиболее зависимым.

Революция 1905-1907 гг. сумела «расшевелить» и эту, самую низшую часть клира Русской церкви. Непопулярный в наши дни В.И. Ленин справедливо отмечал: «...отвратительная казенщина полицейски-крепостнического самодержавия вызвала недовольство, брожение и возмущение даже в среде духовенства. Как ни забито, как ни темно было русское православное духовенство, даже его пробудил теперь гром падения старого, средневекового порядка на Руси. Даже оно примыкает к требованию свободы, протестует против казенщины и чиновнического произвола, против полицейского сыска, навязанного «служителям Бога» [7].

В настоящей статье будет предпринята попытка охарактеризовать процессы, происходившие в среде диаконов и псаломщиков в период первой революции в России. Источниковую базу исследования составили общероссийские и региональные материалы, размещенные в «Ярославских епархиальных ведомостях» в 1905-1907 гг.

Прежде всего, необходимо еще раз напомнить о том, что духовенство как сословие в рассматриваемый период не было однородным. Советской историографии, несмотря на ее общую антирелигиозную направленность, принадлежит совершенно верный вывод о том, что «различия в правовом и имущественном положении отдельных разрядов духовенства порождали в нем противоречия». В частности, П.Н. Зырянову

принадлежит утверждение о противоречиях внутри белого духовенства между священнослужителями и низшим клиром. В XX век российское духовенство вступило в состоянии растущей разобщенности своих рядов, что являлось одним из проявлений кризиса церковной организации и кризиса самодержавного строя [5. С. 385].

Высшие церковные иерархи (митрополиты, архиепископы, епископы) вели вполне обеспеченный образ жизни. Для примера, доходы Московского митрополита на рубеже веков составляли порядка 80 тысяч рублей в год; Московская епархия не относилась к числу самых обеспеченных [3]. Приходское священство, служившее в городах, зарабатывало в среднем от 2 до 5 тыс. руб. в год, сельские священники получали значительно меньше [5. С. 383], 500-600 рублей в год [12. С. 26]. Наиболее социально не защищенными на общем более-менее благополучном фоне священнических доходов выглядели низшие служители культа – диаконы и псаломщики. Их положение было самым тяжелым, жалование – низким, сопоставимым с тяжелым положением рабочих и крестьян. Кроме того, данная прослойка духовенства являлась наиболее бесправной и притесняемой. Митрополит Вениамин (Федченков) в своих воспоминаниях констатировал, что «классовое различие распространялось даже и на клир», приводя в пример тот факт, что священников принято было хоронить рядом с храмом, на «барском» кладбище, а диаконов и псаломщиков хоронили на общем. Митрополит Вениамин отмечал, что в дни его молодости (в последней четверти XIX в.) «никого это не удивляло, такие порядки были искони» [2]. На рубеже XIX й XX вв. и, особенно в годы первой революции, такие «порядки» начали не только удивлять, но и возмущать.

Как известно, первая революция в России стала колыбелью российского профессионального движения. Потребность в объединении своих сил осознают рабочие, служащие, интеллигенция, студенчество и другие, самые разнообразные слои населения [1]. Интересно, что в профессиональный союз мечтают организоваться и столичные священники, а протоиерей Ф. Орнатский всерьез заявляет о желательном вхождении союза духовенства в «Союз союзов» [12. С. 183]. Тенденции к

объединению проявляются и в среде интересующих нас диаконов и псаломщиков.

Пробуждение правового сознания у низшей части духовной корпорации происходило с большим опозданием. Это связано с низкой концентрацией церковнослужителей на одном рабочем месте (причт приходских церквей состоял из минимально необходимого количества диаконов и псаломщиков); общение между причтами различных приходов было затруднено, особенно в сельской местности. Именно поэтому в авангарде движения низшего клира оказались городские диаконы и псаломщики. В губернских центрах ими создаются общества взаимопомощи, на базе которых происходит обсуждение актуальных вопросов общественной, государственной жизни, а также проблем духовного сословия. Уставные документы данных организаций отражают нелегкое материальное и правовое положение диаконов и псаломщиков. Разумеется, организации низшего клира ограничивались рамками законности и стремились в первую очередь приобрести благословение епархиального преосвященного. Необходимо также отметить, что в разных епархиях ситуация была неодинаковой.

Например, в Ярославле в годы революции возникает Общество взаимопомощи диаконов и псаломщиков, основанное официально 1 января 1906 г. Устав Общества был напечатан в мае 1906 года в «Ярославских епархиальных ведомостях». В Общество вошло большинство диаконов и псаломщиков, служивших в г. Ярославле; причиной, по которой общество создавалось, было крайне нестабильное материальное обеспечение низшего клира. По сути, Ярославское общество взаимопомощи диаконов и псаломщиков представляло собой кассу взаимопомощи, созданную с целью оказания единовременной помощи своим членам в случае потери трудоспособности или смерти одного из его членов. Следует отметить, что настоящее общество не имело никакого отношения к официальной «эмеритальной кассе» епархиального духовенства и являлось добровольным и самостоятельным объединением диаконов и псаломщиков. Разумеется, никаких политических требований устав общества не содержал [10]. Но так умеренно были настроены псаломщики и диаконы именно в г. Ярославле. В дру-

гих регионах ситуация отличалась, и движение приобретало более радикальные черты.

Диаконы и псаломщики Смоленска в январе 1906 года обратились «к своим сельским и иногородним собратиям по епархии с предложением организовать окружные собрания, на которых выяснить нуждающиеся в реформах стороны их быта, составить соответствующее ходатайство и выслать его в Смоленск. Из собранных таким образом ходатайств смолянами предположено составить одно общее». В статье «Пробуждение правового сознания в сфере церковнослужителей» [9] предложены для обсуждения достаточно радикальные, по сравнению с Ярославским обществом взаимопомощи, положения. Двадцать с лишним пунктов, содержащихся в статье, отражают насущные потребности низших служителей Церкви. «Необходимо участие наших представителей на предполагаемом Вселенском или Поместном соборе Российской Церкви», - значится в первом пункте. Вторым пунктом следует требование участия диаконов и псаломщиков в работе епархиальных съездов духовенства с равным голосом по отношению к голосам священников. Далее следует требование реформирования церковного суда, приведения его в соответствие с гражданским судопроизводством. Диаконы и псаломщики желают «вежливого обращения», разрешения свободно переходить из духовного ведомства на гражданскую службу без всяких ограничений, свободы женитьбы до и после получения сана. Таким образом, диаконы и псаломщики стремились к повышению своего статуса внутри сословия и видели предстоящий Поместный собор в качестве благоприятной возможности заявить о своих нуждах. Указанные требования можно выделить в первую группу и назвать их обновленческими, поскольку в них отразилось стремление низшего клира к реформе церковной организации.

Отражают бесправное положение низшего клира его экономические требования. При всей своей специфичности они оказываются вполне созвучными с требованиями рабочих промышленных предприятий. Диаконы и псаломщики требуют предоставления одномесячного отпуска с сохранением заработной платы, точного определения служебных обязанно-

стей, аккуратного и честного ведения и раздела братских доходов, устройства при всех церквах причтовых помещений с отоплением и освещением. В общую череду требований экономического и социального характера вплетаются такие пункты, как «уничтожение сборов натурой», а также замены денежной и натурной платы за требы содержанием от казны или общины и определения минимума этого содержания.

Низший клир стремился к повышению своего культурного уровня: среди необходимых мер указывалось устройство курсов для пополнения образования, «с целью дать возможность диаконам и псаломщикам быть не только требоисправителями, но и полезными сотрудниками священника в деле пастырского служения».

В целом можно сказать, что список требований диаконов и псаломщиков Смоленска был составлен под влиянием идей развивавшегося обновленческого движения и христианского социализма, а также общей политической, социальной, экономической обстановки в стране.

Вопрос о пробуждении правосознания в среде церковнослужителей вызвал резонанс и в среде их непосредственного начальства – приходских настоятелей. Реакцию их правильнее будет назвать раздражением. В феврале 1906 г. на страницах периодических изданий помещаются пожелания священнослужителей по поводу полного упразднения диаконских мест в приходах. «А между тем, - пишет один священник, - сколько о.о. диаконы принесли разладу в духовенство, сколько поотняли средств, и без того бедных, от священника и псаломщика, умножили своим институтом сирот в духовенстве, а дать ничего не дали ни духовенству, ни обществу, говоря по совести, кроме бедности, да лишних судов» [14. С. 87]. Другой священник пишет следующее: «...в диаконах в настоящее время нет никакой необходимости, они сильно умаляют доходность священника; почти ничего не делают, и очень часто воинствуют со своими священниками. Раз диаконство является одною роскошью и при том же очень обременительною для братской кружки, а подчас и вредною для блага и мира иереев, то вывод ясен: упразднить диаконов и этим увеличатся кружечные и земельные доходы священников и псаломщиков» [13. С. 101].

Такой утилитарный подход священников вызвал возмущение общественности, появились публикации, защищающие псаломщиков и диаконов, а вместе с тем, и канонический строй церковной жизни. Со стороны священников проявлялось желание устранить не только диаконскую, но и псаломщическую должности в приходе. «В Минской и Пензенской епархиях, - пишет автор «Курских епархиальных ведомостей», - вооружаются именно – против псаломщиков. В Минске на епархиальном съезде в прошлом году о.о. депутаты так выражались о штатных псаломщиках: «У каждого священника есть домашний враг псаломщик». «Мы не находим сколько-нибудь серьезных оснований к тому, чтобы обременять причт и приход псаломщиками», - пишет священник Пензенской епархии Н. Соколов [13. С. 102]. Таким образом, конфликт внутри белого духовенства представляется очевидным. «Нет, что бы ни говорить, а право нельзя сочувствовать чисто Дарвиновской борьбе за существование между членами православных причтов, - подводит итог безымянный автор «Ярославских епархиальных ведомостей». – Чего спрашивать с пасомых, если пастыри станут действовать по учению Гоббеса: homo homini lupus est?» [14. С. 88].

Таким образом, приведенные источники дают возможность сделать следующие заключения о поведении низшего клира в 1905-1907 гг. Во-первых, первая российская революция послужила катализатором социальной активности духовной корпорации, в том числе и низшего клира – диаконов и псаломщиков. Самая консервативная часть общества – духовенство – не смогла остаться в стороне от происходивших в стране перемен. Во-вторых, в среде низшего духовенства социальная активность проявлялась в создании организаций – касс взаимопомощи, обществ, определивших целью защиту своих узкокорпоративных интересов. Данные организации действовали в рамках закона. Духовенство, стремившееся к легализации своих начинаний, должно было получить благословение епархиального архиерея. В-третьих, движение, происходившее в период первой российской революции в среде низшего духовенства, встречало серьезное противодействие со стороны настоятелей приходов, что свидетельствовало о серь-

езных социальных проблемах, существовавших внутри сословия, об устарелости социальной доктрины Церкви, о кризисе церковной организации. В-четвертых, рассматриваемые явления можно изучать в рамках развивавшегося в период революции 1905-1907 гг. обновленческого движения. Об этом свидетельствуют как пожелания, высказывавшиеся смоленскими диаконами и псаломщиками, так и проекты священников касательно упразднения диаконских и псаломщических должностей. Вместе с отступлением революции наблюдается и ослабление внутрисословной борьбы в среде духовенства; на спад идет обновленческое движение. Первая российская революция положила начало изменению в облике империи. Страна стремительно менялась, и от перестройки не укрылись даже самые консервативные социальные группы, такие, как православное духовенство.

Библиографический список

1. Большая советская энциклопедия [Текст] / Изд. 3-е. - М., 1975. - Т. 21. - С. 148.
2. Вениамин (Федченков), митрополит. На рубеже двух эпох [Электронный ресурс]. – Режим доступа. - http://www.pravbeseda.ru/library/index.php?page=book&id=698
3. Грекулов, Е.Ф. Русская церковь в роли помещика и капиталиста [Текст] / Е.Ф. Грекулов. - М., Б.г. - С. 131.
4. Зырянов, П.Н. Русские монастыри и монашество в XIX и начале XX века [Текст] / П.Н. Зырянов. - М., 2002. - 320 с.
5. Зырянов, П.Н. Церковь в период трех российских революций [Текст] / П.Н. Зырянов // Русское православие. Вехи истории. - М., 1989. - С. 380-437.
6. История профсоюзов в СССР [Текст]: учебное пособие / Изд. 2-е. - М., 1977. - С. 35.
7. Ленин, В.И. Полн. собр. соч.[Текст] / В.И. Ленин. Изд. 5-е. - М., 1960. - Т. 12. - С. 144.
8. Леонтьева, Т.Г. Жизнь и переживания сельского священника (1861-1904 гг.) [Текст] / Т.Г. Леонтьева // Социальная история: ежегодник. – М., 2000. - С. 34-56.

9. Пробуждение правового сознания в сфере церковнослужителей [Текст] // Ярославские епархиальные ведомости. Ч. неоф. - Ярославль, 1906. - № 3. -15 января. - С. 45-47.
10. Проект устава Общества взаимопомощи диаконов и псаломщиков гор. Ярославля (основанного 1-го января 1906 года) [Текст] / Ярославские епархиальные ведомости. Ч. оф. - Ярославль, 1906. - № 22. - 28 мая. - С. 313-318.
11. Тарасова, В.А. Высшая духовная школа в России в конце XIX – начале XX вв. История императорских православных духовных академий [Текст] / В.А. Тарасова. - М., 2005.
12. Фирсов, С.Л. Русская Церковь накануне перемен [Текст] / С.Л. Фирсов. - М., 2002. - 624 с.
13. Ярославские епархиальные ведомости [Текст] / Ч. неоф. - Ярославль, 1906. - № 7. 12 февраля. - С. 101-102.
14. Ярославские епархиальные ведомости [Текст] / Ч. неоф. – Ярославль, 1906. - № 6. 5 февраля. - С. 87-88.

©Н. А.Давыдова (ЯГПУ)

Духовная музыка конца XIX – начала XX веков: взгляд со стороны традиций православного пения

Период конца XIX - начала XX вв. в отечественном церковно-певческом искусстве исследователи единодушно называют временем его расцвета. Однако означал ли высочайший подъем хорового исполнительского искусства и церковно-композиторского творчества соответствующее возвращение его богослужебности? Правильно ли говорить в данном случае о причастности композиторской музыки, написанной на православные тексты, к традициям церковного пения или следует говорить о художественной интерпретации этих традиций? Можно ли допускать на клирос произведения композиторов, не причастных в полной мере к церковной жизни, или их место в концертном зале? Насколько соответствует сам принцип музыкального оформления церковной службы, «составленной» из произведений разных авторов, сущности православного богослужения? В чем критерий «церковности» музыкальных произведений? Эти вопросы отражают суть коренных противоречий, особо остро вставших в церковном пении в России на

рубеже XIX-XX вв. и во многом до сегодняшнего дня не получивших разрешения.

Ключевой идеей церковно-певческого искусства того времени стала проблема возрождения традиций древнерусского православного пения и поиски национального направления в церковном пении. Русские композиторы, начиная с М. И. Глинки, задавались целью вернуть это искусство в национальное русло, найти подходящие приемы хоровой обработки древних церковных распевов. В конце 70-х – 80-е гг. XIX в. к написанию церковной музыки обращаются П. И. Чайковский, М. А. Балакирев и Н. А. Римский-Корсаков. В конце XIX в. появляется творчество композиторов «нового направления» - Д. А. Кастальского, А. А. Гречанинова, П. А. Чеснокова, С. В. Рахманинова, которое дает выдающиеся образцы художественного синтеза древней монодии и многоголосной хоровой обработки. Однако, несмотря на использование древнего распева и высокие музыкально-художественные достоинства этой музыки, произведения этих авторов далеко не однозначно были восприняты современниками и лишь в виде отдельных песнопений вошли в церковно-певческую практику. Причина столь сложного отношения к этой музыке со стороны Церкви, на наш взгляд, заключается, с одной стороны, в ее очевидной концертности и яркой музыкальной индивидуальности, чуждой целям и назначению церковного пения, с другой стороны – в том, что проблему церковности современники, как правило, понимали исключительно как проблему музыкального стиля. Однако вполне ли это справедливо?

Для понимания некоторых из поставленных вопросов мы рассмотрим духовные циклы П. И. Чайковского и С. В. Рахманинова с позиции церковного искусства. Выбор (в данном произведений П. И. Чайковского и С. В. Рахманинова) объясняется тем, что это выдающиеся русские композиторы-классики «первого ряда», духовно-музыкальное творчество которых представляет собой как в историческом, так и в стилистическом плане начало (П. И. Чайковский) и вершину (С. В. Рахманинов) тех явлений и процессов, которые характеризуют культурную ситуацию в русском церковно-певческом искусстве последней четверти XIX – начала XX вв.

Обращение к церковной музыке как для Чайковского, так и для Рахманинова не было случайным композиторским опытом. Чайковский, например, неоднократно высказывался о проблемах церковного пения и своей личной глубокой внутренней потребности создания национальной русской церковно-композиторской школы. Рахманинов очень любил монастырское пение, вспоминал, что мелодии Обихода еще в детстве пленили его и он всегда «чувствовал, что их особый характер требует хоровой обработки» [2. С. 169]. Но при этом оба все же оставались вполне светскими композиторами, обратившимися к «чужой» им области творчества.

Само понимание Православия П.И. Чайковским было глубоко субъективным, главным в Церкви для него было эстетическое переживание, в то время как его религиозные взгляды порой прямо противоречили православному учению. Например, незадолго до сочинения им «Литургии» композитор писал в одном из писем: «Для меня она (церковь) сохранила очень много поэтической прелести... Литургия Иоанна Златоустого есть, по-моему, одно из величайших художественных произведений... С одной стороны, я еще связан крепкими узами с церковью, с другой – я ... давно уже утратил веру в догматы...» [4].

Свои религиозные взгляды П.И. Чайковский переосмысливал за три года от «Литургии» (1878) до «Всенощной» (1881), много размышлял о стиле и свойствах древнерусского пения. В 1881 г. он писал С. Рачинскому: «Я стал веровать в Бога и любить Его, чего прежде не умел. Если Он пошлет мне силы, то я... потружусь для церковной музыки...» [5]. Однако, взявшись за написание песнопений Всенощного бдения, он совершенно не знал подробностей чинопоследования службы и требований Устава, о чем сам признавался в своих письмах. В результате он обратился за помощью к священникам-практикам Д. В. Разумовскому и А. Д. Тарнавичу, которые составили для него литургическую схему воскресного всенощного бдения без песнопений Минеи и отметили, что поется, а что читается и где найти тот или иной текст.

Тем не менее, Чайковский не совсем точно следует этой схеме, а в некоторых местах вообще строит композицию в

соответствии со своими собственными соображениями. Так, все ектеньи, прокимны и краткие молитвословия объединены в два номера - № 2 и № 11, при этом в № 2 «Господи, помилуй и другие краткие молитвословия» объединяются песнопения из разных частей службы – Вечерни и Утрени - и разных их моментов. Таким образом, реальное последование службы Всенощного бдения не отражено в партитуре, кроме того, стройность самой литургической формы и логика литургического процесса выглядят нарушенными в силу того, что песнопения, связанные с одним богослужебным моментом, находятся в разных, далеко отстоящих друг от друга частях цикла, как, например, молитвословия, обрамляющие чтение Евангелия и следующие сразу же после этого чтения, содержатся в № 2 и 11 соответственно, и наоборот, песнопения, относящиеся к разным богослужебным ситуациям, объединены в одном номере.

Во «Всенощной» Рахманинова также есть отступления от богослужебного канона на уровне уставности чинопоследования. Он открывает цикл величественным хоровым прологом «Приидите, поклонимся», продолжая традицию русских эпических опер, далее композитор включает в цикл песнопения «Ныне отпущаеши» и «Малое славословие», которые по Уставу «глаголет предстоятель», в чем Рахманинов отчасти опирается на существовавший композиторский опыт.

Авторский подход к чинопоследованию в музыке к Литургии Чайковского проявляется в свободном выборе песнопений, например, отсутствии в цикле антифонов, прокимна перед чтением Апостола, однако, вместе с тем, наличие «Аллилуйя», предшествующего чтению Евангелия, которое так же, как прокимен, является гласовым песнопением; замене гласовых песнопений – причастного стиха, «Аллилуйя» – собственными напевами. В этих моментах Рахманинов почти точно следует за Чайковским, с той лишь разницей, что в его «Песнопениях Литургии» есть первый изобразительный антифон, который нужен ему в качестве музыкальной интермедии между ектеньями, о чем он сам писал А. Д. Кастальскому [3]. Названия ектений у Чайковского даны по их местоположению в службе («После возглашения «Благословенно Царство»; «По-

сле чтения Евангелия» и т.д.) вместо их уставных названий («Великая ектенья», «Просительная», «Сугубая» и т.д.), у Рахманинова названия ектений частью соответствуют их названиям в Типиконе, частью – вообще никак не выделены.

Часто оба композитора интерпретируют литургическую схему, конструируя музыкальную форму отдельного номера или раздела цикла из последования нескольких богослужебных песнопений. Музыкальные границы формы не всегда совпадают с литургическими разделами службы, например, литургия оглашенных и литургия верных в музыкальном тексте никак не разделены, наоборот – ектенья об оглашенных и ектенья о верных, принадлежащие соответственно одной и другой частям службы, входят в состав одного номера, а у Рахманинова образуют единый раздел внутри одного номера.

Композиция циклов складывается на основаниях музыкальной драматургии. Причем, например, во «Всенощной» Рахманинова музыкально-драматургический центр вечерни «Благослови, душе моя, Господа» не совпадает с ее литургическим центром – песнопением «Свете тихий», исполняемым во время Вечернего входа, хотя разделение на Вечерню и Утреню в цикле есть. Вообще сам тип цикличности имеет совершенно иной принцип, по сравнению с цикличностью православного богослужения. Если там этот принцип связан с иерархией литургических ситуаций – совмещением суточного, седмичного, годового и т.д. кругов, то в циклах Чайковского и Рахманинова формообразующими в крупном плане являются собственно музыкальные факторы – образно-тематичекий и тонально-гармонический. Ярким примером является «Всенощная» Рахманинова, где образцовая стройность музыкальной формы цикла обусловлена направленностью драматургического развития и устойчивыми симфоническими связями. В цикле три величания Богородицы: в песнопениях вечерни «Богородице Дево, радуйся» и в песнопениях утрени «Величит душа моя Господа» и «Взбранной воеводе», которые являются тремя художественными образами Богоматери. Первое в духе русских хороводных песен, в нем выражено интимно-лирическое начало, второе – масштабное по форме, сложное в ладо-гармоническом отношении, соборное по духу, третье – с инто-

нациями колокольности, гимнического, прославляющего характера; два славословия - Малое и Великое – написаны в одной тональности на один знаменный распев, где глубокая медитативная сосредоточенность «Малого славословия» выливается в торжествующее прославление Господа в «Славословии великом». Тема Воскресения Христова раскрывается последовательно в двух песнопениях «Благословен еси, Господи» и «Воскресение Христово видевшее». Воскресные тропари «Днесь спасение» и «Воскрес из гроба» написаны на один знаменный распев и представляют собой разные интерпретации – два художественных воплощения этого распева. Завершает форму целого финал (№ № 13-15).

Проблему церковности и национальности оба композитора понимали именно как проблему стиля. Причем П.И. Чайковский опирался при этом на свои собственные представления об этом стиле, нисколько не пытаясь преодолеть композиторскую индивидуальность в смысле следования церковным образцам. Работая над «Всенощной», он писал М.И. Чайковскому: «Я хочу не столько теоретически, сколько чутьем артиста до некоторой только степени отрезвить церковную музыку от чрезмерного европеизма...» [6], добавляя в другом письме, что «с мелодиями Обихода и Ирмологиона ... обращался довольно свободно, немножко a la Бортнянский, то есть нимало не стеснялся укладыванием их в какой-либо ритм, иногда отступал, изменял, а местами вовсе оставлял и давал волю собственным измышлениям» [1. С. 19].

Богослужебный текст служит П. И. Чайковскому и С. В. Рахманинову литературной основой для создания художественного целого, за исключением некоторых номеров «Всенощной» Чайковского. Исходя из содержания текста, композиторы создают разные по эмоциональному характеру и настроению музыкальные образы: например, в «Литургии» Чайковского это торжественная «Великая ектенья», суровое и насыщенное драматизмом «Единородный Сыне», торжественное и повелительное «Приидите, поклонимся», светлое и лирическое «Господи, помилуй» после чтения Евангелия, победное «Яко за Царя всех подымем», ликующее «Аллилуйя» в причастном стихе и т.п., во «Всенощной» Рахманинова это

камерные, лирические образы вечерни «Свете тихий», «Богородице Дево, радуйся», лирическая кульминация цикла «Ныне отпущаеши», где сконцентрировано личностное начало, подчеркнутое сольным исполнением, черты оперно-эпического жанра в песнопениях утрени – масштабные, многоплановые, композиции сквозного развития с выделением солистов, яркими контрастами, образным разнообразием, разнообразием приемов хоровой фактуры, как, например, песнопения «Воскресение Христово видевше», «Славословие великое», «Хвалите имя Господне», «Благословен еси, Господи».

Часто Рахманинов применяет традиционный для православного пения принцип антифонного письма, особенно во «Всенощной», например, в песнопениях «Благослови, душе моя, Господа», «Блажен муж», «Воскресение Христово видевше», который из уставного принципа становится художественно-выразительным и изобразительным фактурным приемом. Один из наиболее ярких примеров художественной интерпретации антифонного принципа - песнопение «Воскресение Христово видевше», где взаимодействуют женская и мужская группы хора. В теме два контрастных элемента: 1-й – тема-шествие в октаву у теноров и басов; 2-й – у сопрано и альтов, очень напевно на *pp* с выделенной ямбической секундовой интонацией, выражающей поклонение, покаяние. В кульминации «Ты бо еси Бог наш» обе группы сливаются в мощное хоровое тутти. Кода вновь звучит антифонно, заканчиваясь на *ppp* мистически: «Смертию смерть разруши». Чайковский реже использует антифонный способ пения, но также использует его в качестве выразительного фактурного приема.

Кроме антифонного пения, во «Всенощной» оба композитора применяют и другие традиционные стилистические приемы богослужебного пения: основу мелодики составляет древний церковный распев, ритм близок словесному ритму церковной монодии, музыкальные формы часто определяются строением литургического текста, в качестве основного приема развития используется вариативность, характерная для древнерусского пения. В особенности перечисленные черты определили стиль «Всенощной» С.В. Рахманинова. Однако

все эти приемы транспонируются в сферу художественной выразительности, становятся средствами для создания художественных образов, в одних случаях – лирико-драматических, изображающих чувства героев, как, например, в большинстве номеров «Литургии» П.И. Чайковского, в других – лирико-эпических, рисующих сцены библейского повествования, как во многих песнопениях «Всенощного бдения» С.В. Рахманинова. И то, и другое одинаково далеко отстоит от цели богослужебного пения, сутью которого является *молитва*, а не ее музыкально-образное изображение.

Итак, обобщая, можно отметить, что высочайший расцвет композиторской духовной музыки и хорового церковно-певческого искусства в России на рубеже XIX-XX вв. вместе с тем отразил процесс дальнейшего обмирщения церковного пения, который заключается в том, что оно утрачивает свое основное свойство – богослужебности и перестает быть молитвой, становясь ее художественным образом. Духовные циклы П.И. Чайковского и С.В. Рахманинова, как и других композиторов «нового направления», являются законченными музыкальными произведениями и требуют целостного исполнения, как любое циклическое произведение (симфония, оратория, опера и т.д.), которое возможно только в концертном зале.

Библиографический список

1. Зверева, С. Александр Кастальский. Идеи. Творчество. Судьба [Текст] / С. Зверева. - М.: Вузовская книга, 1999. – 240 с.

2. Рахманинов, С.В. Воспоминания, записанные Оскаром фон Риземаном: пер. с англ. [Текст] / Послесловие, перевод, комментарий В.Н. Чемберджи. / М.: Радуга, 1992. – 256 с.

3. Рахманинов, С.В. Письмо А.Д. Кастальскому 19 июня 1910 г. [Текст] / ГЦММК.- Ф. 18. - № 286.

4. Чайковский, П.И. Письмо к Н.Ф. фон Мекк 23 ноября 1877 г. [Текст] // М.И. Чайковский. Жизнь Петра Ильича Чайковского. Т. 2. – М.-Лейпциг, 1900. - С. 265.

5.Чайковский, П.И. Письмо к С.А. Рачинскому 13 мая 1881 г. [Текст] / М.И. Чайковский. Жизнь Петра Ильича Чайковского. Т. 2 – М.-Лейпциг, 1900. - С. 260.
6.Чайковский, П.И. Полное собрание сочинений. Т. 63. Сочинения для хора. Без сопровождения / Том подготовлен Л.З. Корабельниковой и М.П. Рахмановой – М.: Музыка, 1990. - С. 12.

© А.В.Еремин (ЯГПУ)

Социокультурная деятельность Церкви в свете "Основ социальной концепции РПЦ"

90-е годы XX века стали временем становления государственно - церковных отношений в России. Несмотря на трудности формирования религиозного законодательства, на ряд нерешенных проблем в сфере обеспечения правового положения Церкви, ее социокультурная деятельность на протяжении 90-х годов развивалась быстрыми темпами, влияя на становление государственности и основ нового российского общества. Активное участие РПЦ в жизни российского общества определило ее статус в государстве. В условиях сложившейся модели государственно-церковных отношений Церковь воспринималась как один из самых авторитетных и важных для общественной стабильности социальных институтов, который принял непосредственное участие через свою социальную миссию в деле строительства новой российской государственности. Это обстоятельство требовало от Церкви скорейшего обнародования своей социальной концепции, которую ждали миллионы россиян и от которой зависело будущее развитие государственно-церковных отношений.2000-й год стал знаменательным периодом в истории Церкви - были приняты "Основы социальной концепции РПЦ", которые определили основные задачи и социальную позицию РПЦ.

В своем докладе участникам Юбилейного Архиерейского Собора 2000 года митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл, возглавлявший группу по подготовке документа, отметил: "...мы поняли: в условиях колоссальных исторических перемен, которые произошли в нашем обществе, да и

в мире в целом в конце второго тысячелетия, мы не можем ограничиваться отдельными заявлениями по злободневным вопросам. Необходима долгосрочная программа общественного служения Церкви, опирающаяся на православное богословское осмысление положения Церкви в плюралистическом секулярном обществе. Общество, к которому принадлежит большинство нашей Церкви, не определяется более идеологией государственного атеизма, как в предшествовавшие десятилетия, но отнюдь не является и однородно православным, как это было на протяжении долгих веков – большей части второго тысячелетия" [1].

В "Основах социальной концепции РПЦ" рассматривался широкий круг проблем, которые нашли свое выражение в разделах Церковь и нация; Церковь и государство; христианская этика и светское право; Церковь и политика; труд и его плоды; собственность; война и мир; преступность, наказание, исправление; вопросы личной, семейной и общественной нравственности; здоровье личности и народа; проблемы биоэтики; Церковь и проблемы экологии; светские культура, наука, образование; Церковь и светские средства массовой информации; международные отношения; проблемы глобализации и секуляризации.

Новый статус Церкви в обществе, позволяющий ей вести активно свою социальную деятельность, лейтмотивом отразился во всех разделах концепции. Социальная миссия Церкви во всех сферах жизни общества на протяжении 90-х годов определила перечень областей будущего сотрудничества Церкви и государства. Четкое определение областей их взаимодействия, наряду с конкретизацией своей позиции по отношению к государству, свидетельствовало о том, что Церковь в будущем всерьез рассчитывает на поддержку государства. Тесное сотрудничество на протяжении 90-х годов давало почву для таких надежд. Не случайно Патриарх Алексий II позже скажет: "современное состояние церковно-государственных отношений видится мне близким к оптимальному" [2].

"Основы социальной концепции РПЦ" – документ, определявший принципы социального служения Церкви в современном мире, поэтому необходимо выделить главные особен-

ности концепции, характеризующие социальную миссию РПЦ на современном этапе истории российского государства.

Одной из основных особенностей концепции является ее объединяющий и консолидирующий характер. Церковь призывает к диалогу всех людей независимо от их мировоззрения, ратует за сотрудничество людей в различных сферах - от сохранения культурного наследия, природной среды до защиты нравственности. Церковь стремится содействовать государству в решении важнейших социальных задач. Такое стремление продиктовано традицией многовекового участия Церкви в консолидации, мобилизации людей в трудные исторические периоды, утверждении самобытных духовных ценностей, основанных на православном мировоззрении, в котором основными являются идеи справедливости, любви к ближнему, готовности помочь слабому, верховенства нравственных норм. Помимо указанной особенности, необходимо выделить еще несколько методологических положений. С этой целью, на наш взгляд, можно проанализировать методологические постулаты, которые предложил директор Исследовательского центра "Религия в современном обществе" ИКСИ РАН М.П. Мчедлов [3].

Во-первых, это стремление оправдать само существование концепции в современном мире. Приоритет религиозных ценностей в обществе объясняется тем, что Церковь не стремится участвовать в мирской политике, а претендует на роль духовного наставника и озабочена сохранением нравственных устоев и норм общественной жизни. Церковь "призвана формировать сознание своих последователей, других членов общества с тем, чтобы их действия в любой сфере общественной жизни находились в гармонии с божественными законами" [4]. По данным общероссийского мониторинга, проведенного Исследовательским центром "Религия в современном обществе" Института комплексных социальных исследований РАН, из более чем 65% респондентов, признающих авторитет Церкви в социальных и нравственных вопросах, лишь около 5% поддерживают клерикальный вариант общественной жизни. Однако более 70% опрошенных стремятся преодолеть бездуховность, нравственный кризис, охвативший общество, обращаясь

к проповедуемым Церковью общечеловеческим ценностям, идеям духовности, сострадания, милосердия, добра, внимания к другому человеку. В 2003 году Патриарх Алексий II был признан человеком года, по результатам интернет-опроса.

Во-вторых, критический анализ социальной действительности. На протяжении всего последнего десятилетия XX столетия можно проследить эту особенность, которая нашла свое выражение и в социальной концепции. Критически оценивают действительность, как рядовые церковнослужители, так и высшие церковные иерархи. Если проанализировать заявления церковных Соборов, Святейших Синодов, послания и речи Патриарха, митрополита Кирилла и других представителей Церкви, то можно составить отчетливое представление о бедах и проблемах, которые заботят РПЦ [5]. Российское общество переживает нелегкий период: не только материальная сфера, но и нравственная находятся в удручающем состоянии, поэтому это не может не волновать Церковь. Позиция РПЦ на протяжении постперестроечного времени изменялась в более радикальную сторону, то есть критический взгляд Церкви на существующую жизнь постоянно усиливался. Это можно проследить как по речам рядовых священников, так и высших церковных иерархов – Патриарха Алексия II, а также Митрополита Кирилла [6].

В-третьих, Церковь выступает на стороне обездоленного и бедствующего народа. По данным общероссийского мониторинга, проведенного Исследовательским центром "Религия в современном обществе", лишь немногие верующие выиграли от реформ (около 5%), а большинство – проиграли (около 60%). Такие результаты объясняют подобную направленность социальной миссии РПЦ. В "Основах социальной концепции РПЦ" отмечается: "Традиционной областью общественных трудов Православной Церкви является печалование перед государственной властью о нуждах народа, о правах и заботах отдельных граждан или общественных групп. Такое печалование, являющееся долгом Церкви, осуществляется через устное или письменное обращение к органам государственной власти различных ветвей и уровней со стороны соответствующих церковных инстанций" [7]. Алексий II в своем

Рождественском послании в конце 2000 года, продолжая тезисы, изложенные в концепции, вновь отметил, что Церковь разделяет горести всего общества и каждого человека, она всегда была и будет с народом во всех испытаниях [8].

В-четвертых, Церковь видит свою миссию в миротворчестве и недопущении войны как зла. На протяжении постсоветского времени Церковь вела активнейшую социальную деятельность. Ее обширность и конкретное содержание настолько велики, что невозможно обобщить все факты ее социального служения.

Увеличение масштабов социальной деятельности Церкви напрямую связано с процессом становления вероисповедной политики государства. На протяжении 90-х годов можно наблюдать ее активизацию. Большая роль в этом процессе принадлежала Патриарху Московскому и всея Руси Алексию II, который в непростых условиях строительства российской государственности, происходившего в условиях острой политической борьбы, сумел объединить церковную полноту, сохранить независимость Церкви, и, более того, РПЦ к середине 90-х годов становится одним из самых важных социальных институтов, влияющих на становление вероисповедной политики, а также берущих на себя функцию попечения о духовно-нравственном состоянии общества. Власть нуждалась в Церкви как силе, способной воздействовать на социальную атмосферу, общественное спокойствие. С 90-х годов социальная деятельность Церкви развивалась в русле оформления кооперационной модели государственно-церковных отношений, что нашло отражение в "Основах социальной концепции РПЦ", в которой Церковь де-факто, определяя свое место в обществе, обозначает приоритет своего положения (как традиционной конфессии) по отношению к государственной власти. В социальной концепции Церковь выражает свое мнение по многим вопросам современной жизни, это необходимо было для Церкви, так как ее социальная миссия проникала во все сферы общества. В вопросах государственно-церковного сотрудничества РПЦ четко определила свою позицию, тем самым обобщив соборные решения.

Библиографический список

1. Митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл. Доклад Председателя отдела внешних церковных сношений Московского Патриархата: (об основах социальной концепции Русской Православной Церкви) [Текст] // Основы социальной концепции Русской Православной Церкви / Московская Патриархия. - М., 2000. - С.5.

2.См.: Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II. Интервью газете "Коммерсантъ": (отношения Церкви и государства близки к оптимальным) [Текст] // http://www.mospat.ru [режим доступа].

3.Мчедлов, М.П. Социальная концепция РПЦ: Методология, характерные черты [Текст] / М.П. Мчедлов // О социальной концепции русского православия [Текст]. - М., 2002. С.11-41.

4.Там же. - С.26.

5.См. напр.: Патриарх Алексий II. Обращение к законодателям [Текст] / Патриарх Алексий II // Журнал Московской Патриархии. - 1995. - №5.- С.23; Заявления священников Синода РПЦ от 1 марта 1996 [Текст] // Журнал Московской Патриархии. - 1996.- №4-6.-С.6-13; Патриарх Московский и всея Руси Алексий II. Доклад на Юбилейном Архиерейском Соборе [Текст] / Патриарх Алексий II // Журнал Московской Патриархии.- 2000.- №9.-С.16-54 и др.

6.См.: напр.: Кирилл, митрополит Смоленский и Калининградский. Церкви нужна перестройка [Текст] / Митр.Кирилл // Новое время.-1989.-№36.-С.42-43; Кирилл, митрополит Смоленский и Калининградский. Через духовное обновление русского народа к его национальному возрождению [Текст] / Митр. Кирилл // Журнал Московской Патриархии.-1995.-№1/4.-С39-48; Кирилл, митрополит Смоленский и Калининградский. Норма веры как норма жизни. Проблема соотношения между традиционными и либеральными ценностями в выборе личности и общества [Текст] / Митр.Кирилл // Служба коммуникации ОВЦС МП.- www.russian-orthodox-church.org.ru [режим доступа]; Кирилл, митрополит Смоленский и Калининградский. Обстоятельства Нового времени. Либерализм, традиционализм и моральные

ценности объединяющейся Европы [Текст] / Митр.Кирилл // НГ-религии. - 1999. - Май и др.
7.Основы социальной концепции Русской Православной Церкви [Текст]. - М.: Изд-во Московской Патриархии, 2000.-С.61.
8.См.: Патриарх Алексий II. Рождественское послание [Текст] / Патриарх Алексий II // Журнал Московской Патриархии.-2001.-№1.-С.6-7.

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ИСТОРИИ И ОБЩЕСТВОВЕДЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН

© И. Н. Баранова (ЯГПУ)

Организация самостоятельной работы студентов на основе диалогового подхода

В концепции модернизации российского образования на период до 2010 г. отражена основная цель профессионального образования – «подготовка квалифицированного работника соответствующего уровня и профиля, конкурентоспособного на рынке труда, компетентного, ответственного, свободно владеющего своей профессией и ориентированного в смежных областях деятельности, способного к эффективной работе по специальности на уровне мировых стандартов, социальной и профессиональной мобильности; удовлетворение потребностей личности в получении соответствующего образования» [1. С. 23]. Указанные задачи ставят во главу угла формирование и развитие тех компетенций, которые определят и обеспечат успех будущей профессиональной карьеры выпускника.

Важными целями образования должны стать:

- развитие у молодых людей самостоятельности и способности к самоорганизации;
- умение отстаивать свои права, формирование высокого уровня правовой культуры;
- готовность к сотрудничеству, развитие способности к созидательной деятельности;
- толерантность, терпимость к чужому мнению; умение вести диалог, искать и находить содержательные компромиссы [2. С. 14].

Отследить развитие личностных компетенций можно через анализ результатов самостоятельной работы студентов.

Интерес к проблемам организации самостоятельной работы и осознание ее значимости для развития личности обучаемого не являются новыми для российских педагогов и психологов. Вопросы организации самостоятельной работы рас-

сматривались в трудах К.Д. Ушинского, А.Н. Леонтьева, С.Л. Рубинштейна, Н.А. Менчинской, Ю.А. Самарина, Л.М. Фридмана, Б.П. Есипова, П.М. Пидкасистого и многих других. Но при этом рассматривалась в основном самостоятельная работа школьников.

Фундаментальные исследования дидактов и методистов по проблемам формирования познавательной активности, развития самостоятельности и творческого отношения обучающихся к процессу овладения знаниями (Г.И. Щукина и др.) убедительно доказали, что в основе организации эффективного учебного процесса должен лежать принцип активности обучающихся. «Активность в учении мы рассматриваем не просто как деятельностное состояние студента, а как качество этой деятельности, в которой проявляется личность самого учащегося с его отношением к содержанию, характеру деятельности и стремлением мобилизовать свои нравственно-волевые усилия на достижение учебно-познавательных целей...» [3. С. 54 - 55].

Наш интерес направлен на изучение возможностей самостоятельной работы студентов на аудиторных и внеаудиторных занятиях по обществоведческим дисциплинам. Учебно-воспитательный процесс при этом должен быть построен на использовании таких методов обучения, которые предполагают высокую долю активности и самостоятельности студентов, систематическое вовлечение их в исследовательскую деятельность, создают хорошие возможности для своевременного осуществления обратной связи, обеспечивают прозрачность текущих результатов обучения.

Современный этап развития высшего профессионального образования в вузах России характеризуется кардинальными изменениями в системе гуманитарной подготовки студентов. Гуманитаризация образования направлена на интеллектуальное, эстетическое и нравственное развитие личности, повышение уровня образованности будущего специалиста. Решение этих задач предполагает внедрение новых образовательных технологий, обновление организационных и методических форм активизации эвристического потенциала студентов.

С. Л. Рубинштейн подчёркивал, что обучение тогда способствует развитию ума, когда оно руководит самостоятельными поисками учащихся [4.С.167]. В первую очередь преподаватель должен помочь студенту увидеть внутреннюю логику учебной работы. Главное средство, при помощи которого преподаватель может управлять самостоятельной работой студентов, - учебно-методический комплекс для самостоятельной работы, куда входят план работы, цели изучения, информация, комментарии, предписания к деятельности на примерах типовых решений, задания для самостоятельной работы на базе сформулированных общих подходов и образцы правильных, рациональных решений, ответы и ориентировки для самоконтроля. Иными словами, в учебно-методическом комплексе по каждой теме конкретной дисциплины содержатся все элементы для вовлечения каждого в активную, самостоятельную, целенаправленную деятельность с заранее запланированным и постепенно открывающимся студенту результатом [5. С.64].

С этой целью автором данной статьи было разработано методическое пособие по курсу «Политология», адресованное, прежде всего, студенту. Оно подготовлено с расчетом оказать ему помощь в овладении курсом политологии, помочь вникнуть в суть и детали общественно-политической жизни, разобраться в сложностях мира политики, приобщиться к участию в ней. Пособие включает методические материалы к изучению основных тем курса «Политология»; словарь основных категорий и терминов; высказывания известных людей. Оно снабжено таблицами, схемами, контрольными тестами, способствующими усвоению материала и выработке самостоятельного творческого мышления.

Исходя из личного опыта преподавания политологии, автор статьи пришел к выводу, что «привычная» форма изучения данной дисциплины не способствует формированию интереса у студентов к одной из важных сфер общественной жизни - политики, а тем более к своей роли в ней. Большинство из них привыкли к повествовательной форме работы на семинарах по принципу «вопрос - ответ», что и является «привычной» или классической формой работы. Поэтому предлагаемое пособие разработано с целью максимально активизировать

учебно-познавательный процесс и творческий подход при подготовке студентов к семинарским занятиям.

Например, чтобы вызвать интерес студентов к предмету, на первом занятии им предлагается ответить в письменной форме на три вопроса:

1. Для чего, на ваш взгляд, необходимы знания по политологии современному человеку?

2. Почему очень часто политику называют «грязным делом»?

3. Сформировалось мнение, что политика - не женское дело. Как вы думаете, почему?

В процессе самостоятельной работы студент излагает индивидуальное мнение, которое отлично от всех остальных и не обязательно должно совпадать с мнением преподавателя. Именно с этого начинается знакомство с неведомой до этого предполагаемо «скучной» наукой - политологией.

Пособие располагает контрольными тестами, ответив на которые студенты могут проверить уровень своей подготовленности и знаний по предмету. Тестовая система изначально привлекает внимание студентов, так как содержит уже готовые возможные варианты ответов, из которых необходимо выбрать один правильный.

Также очень интересной является дискуссионная форма проведения занятия по политологии. Познавательно и увлекательно проходят такие семинары, так как студент имеет возможность высказать и доказать правоту собственной точки зрения на определенную проблему. В этом случае большое значение имеет и развитие умения высказывать свое видение проблемы, доказывать свою точку зрения, подводить итоги.

Например, студентам предлагается следующая проблема, связанная с правами человека. «В конце 80-х гг. в связи с правом на жизнь достаточно неожиданно и остро встал вопрос о том, имеет ли человек право на смерть.

Прецедент А: Тяжело и неизлечимо больная женщина 65 лет, переносящая невыносимые страдания, в здравом уме и твердой памяти обратилась к врачу с просьбой о прекращении жизни.

Прецедент Б: Приговоренный к пожизненному заключению за тяжкие преступления человек обратился в судебные инстанции с апелляцией об изменении приговора и замене пожизненного заключения смертной казнью.

Здесь нужно разобрать отдельно каждый прецедент. А: имеет ли право врач удовлетворить просьбу своей пациентки? Б: имеет ли право суд удовлетворить апелляцию лица, пожизненно лишенного свободы?»

Опыт проведения дискуссий в студенческих группах показывает, что такая форма работы наиболее активизирует студентов, так как у них появляется возможность высказать собственную точку зрения, при этом зная, что существует совершенно противоположная, с которой в процессе дискуссии можно либо согласиться, либо остаться при своем мнении. Это раскрывает каждого студента, принимающего участие в диалоге, с индивидуальной, личностной стороны и создает определенное впечатление о его духовных ценностях и ориентирах.

В целом широкое применение в организации семинарских занятий по политологии различных творческих заданий, проблемных задач, проведение дискуссий позволяют повысить интерес студентов к проблемам политической сферы общественной жизни, сделать учебный процесс более эффективным и познавательным.

Библиографический список

1. О Концепции модернизации российского образования на период до 2010 года. Приказ Министерства образования Российской Федерации от 11.02.2002.
2. Власова, Т.А. Личностно-ориентированный подход как современная ориентация в педагогической деятельности [Текст] / Т.А.Власова. – Сургут, 2007.
3. Шамова, Т.И. Активизация процесса учения [Текст] / Т.И.Шамова.- М., 1992.
4. Рубинштейн, С.Л. Основы общей психологии [Текст] /С.Л.Рубинштейн. – М., 2002.
5. Курманова, Э.А. Управление самостоятельной работой студентов на аудиторных занятиях [Текст] /Э.А.Курманова // Педагогика. – 2007. - №6.

© Н.А. Валеева (ЯГПУ)

Формирование информационной компетенции у школьников в учебно-познавательной деятельности на уроках истории и обществознания: постановка проблемы

Образовательный потенциал истории как учебного предмета в формировании компетенций разного уровня у школьников достаточно высок. По уровню компетенции подразделены на ключевые, общепредметные и предметные. К ключевым компетенциям относятся информационная, ценностно-смысловая, коммуникативная. *Информационная компетентность* связана с ориентацией школьника в различных источниках информации, владением способами ее поиска, обработки, преобразования и передачи на основе современных информационных технологий. *Ценностно-смысловая компетенция* включает развитие ценностных ориентаций школьника и их реализацию в поведенческом плане, освоение опыта принятия решений и осознания личной ответственности за сделанный выбор, в том числе на уровне жизненной стратегии индивида. *Коммуникативная компетенция* предполагает освоение способов взаимодействия с окружающими и удаленными событиями и людьми, владение различным ролевым репертуаром, навыками самопрезентации, языковыми и невербальными средствами выражения мысли.

Информационная компетенция является базовой по отношению к другим, поскольку в основе ценностных ориентаций и адекватного коммуникативного поведения личности лежит переработка ранее полученной информации. Она представляет собой вербализацию жизненного опыта другого человека и содержит данные о поведенческих установках, жизненных смыслах, свойственных данному конкретному человеку. При этом следует помнить, что любой из нас – это «продукт» определенной эпохи, которая формирует представления о смысле жизни, о нормах межличностного взаимодействия в обществе.

Информационная компетентность проявляется практически во всех сферах жизни личности:

• *в учебно-познавательной сфере* - усвоение способов действий и конструирования знаний на основе различных источников информации;

• *в гражданско-общественной сфере* - ориентация в ключевых проблемах общественно-политической жизни страны и мира, определение собственной позиции по отношению к событиям и явлениям общественно-политической жизни, выполнение ролей гражданина, избирателя;

• *в социально-трудовой сфере* - умение анализировать тенденции развития экономической ситуации в стране и в мире, анализировать ситуацию на рынке труда, оценивать собственные профессиональные возможности, ориентироваться в нормах и этике социально-трудовых взаимоотношений;

• *в культурно-досуговой сфере* - осуществление выбора путей и способов использования свободного времени, культурно и духовно обогащающих личность;

• *в сфере самосовершенствования* - готовность личности к постоянному самосовершенствованию в различных областях жизнедеятельности.

Внутри указанных сфер, в которых проявляются компетенции, можно выделить группы компетенций. Основой выделения трех групп ключевых компетенций послужили сформулированные в отечественной психологии положения относительно того, что человек есть субъект общения, познания, труда (Б.Г. Ананьев); человек проявляется в системе отношений к обществу, другим людям, к себе, к труду (В.Н. Мясищев); профессионализм включает компетентности (А.К. Маркова). С этих позиций разграничены три основные группы компетенций:

• компетенции, относящиеся к самому себе как личности, как субъекту жизнедеятельности;

• компетенции, относящиеся к взаимодействию человека с другими людьми;

• компетентности, относящиеся к деятельности человека.

Рассмотрим проявления информационной компетенции в учебно-познавательной сфере с точки зрения общепредметного уровня и развития ее на уроках истории (предметный уровень):

I. Направленность - отношение к себе как к личности

1. *по степени развития умения производить отбор необходимых ресурсов для решения учебной проблемы*:

• понимание необходимости исследования окружающей среды для выявления ее возможностей и ресурсов (материальных и человеческих);

• уровень владения информационными технологиями (компьютерными, интернет-технологиями);

2. *по степени развития навыков организации собственной деятельности*:

• умение определять область своего знания/незнания по отношению к изучаемой проблеме;

• организация планирования, анализа, рефлексии, самооценки своей учебно-познавательной деятельности;

• самостоятельность, оригинальность мышления в процессе обработки информации.

II. Направленность - взаимодействие с другими субъектами / объектами:

1. *взаимодействие с источниками информации*:

- на общепредметном уровне:

• прием и передача информации;

• поиск и использование обратной связи с другими субъектами информационного поля.

- на предметном уровне:

• оценка информационных возможностей исторических источников (письменных, вещественных, визуальных, устных) путем постановки к ним вопросов;

• использование различных памяток по анализу исторических событий, составлению аннотаций и рецензий, написанию сочинений.

2. *.способность к работе в команде:*

- на общепредметном уровне:

• способность к совместной работе ради достижения цели;

осознание персональной ответственности за результат.

- на предметном уровне:

• представление об альтернативности оценок, суждений, прогнозов в отношении исторического прошлого, настоящего и будущего.

III. Направленность - отношение к деятельности:

1. *степень сформированности исследовательских навыков по работе с информацией*:

- на общепредметном уровне:

• знание, как использовать информационные ресурсы для достижения познавательной цели;

• преобразование информации (чтение, конспектирование);

• представление информации в разной форме (карта, схема, текст, таблица, график, диаграмма, использование презентаций).

- на предметном уровне:

• знание основных фактов, процессов и явлений, характеризующих целостность и системность отечественной и всемирной истории;

• применение различных исторических источников для познания прошлого, знание их специфики;

• критический анализ источников исторической информации (характеризовать авторство источника, время, обстоятельства и цели его создания);

• выдвижение гипотез и их верификация на основе исторических источников;

• различение фактов и их интерпретации, исторических описаний и объяснений;

• представление результатов изучения исторического материала в формах конспекта, реферата, рецензии.

2. *владение научными инструментами познания*:

- на общепредметном уровне:

• готовность решать сложные вопросы и использовать для этого разные техники (метод «Шести шляп мышления», «мозгового штурма» ...).

- на предметном уровне:

• использование научных методов исторического исследования (поиск причин по следствиям, сравнительно-исторический метод...).

3. *«открытость» позиции*:

• рассмотрение исторической проблемы с мультиперспективной точки зрения.

Предлагаемые данные, конкретизирующие содержательный аспект информационной компетенции, не претендуют на полноту отражения сути указанной компетенции. В частности, в приведенном перечне характеристик информационной компетенции не отражен уровень развития и владения информационной компетентностью школьника (низкий – высокий или базовый – продвинутый, промежуточные показатели развитости компетенции); отсутствует данные по динамике развития предметной компетенции в соответствии со ступенями обучения (I и II концентры обучения истории). Согласно имеющимся в научной литературе представлениям о сущности компетенций, одним из основных моментов, характеризующих ту или иную компетенцию, признается, что целью обучения в школе должно стать не обучение школьников решать типовые задачи в соответствии с заученным алгоритмом, но действовать в ситуации неопределенности. Неразработанность указанных аспектов связана с тем, что существует проблема оценивания компетентности. Например, каким образом можно измерить показатель «готовности» к каким-либо действиям, «жизненного опыта»? На этот вопрос еще предстоит ответить.

Библиографический список

1. Зимняя, И.А. Компетентностный подход. Каково его место в системе современных подходов к проблемам образования? (теоретико-методологический аспект) [Текст] / И.А. Зимняя // Высшее образование сегодня : реформы, нововведения, опыт: журнал. - 2006. - N8. - С. 20-26.

2.Иванова, Т.В. Компетентностный подход к разработке стандартов для 11-летней школы: анализ, проблемы, выводы [Текст] / Т.В. Иванова //Стандарты и мониторинг в образовании. - 2004. - №1. - С.16-20.
3.Колесов, В.П. О классификации компетенций [Текст] / В.П. Колесов // Высшее образование сегодня: Реформы, нововведения, опыт: журнал. - 2006. - N2. - С. 20-22.
4.Лебедев, О.Е. Компетентностный подход в образовании [Текст] /О.Е. Лебедев // Школьные технологии.-2004. -№5.- С.3-12.
5.Петров, А. Основные концепты компетентностного подхода как методологической категории [Текст] / А. Петров // Альма Матер. Вестник высшей школы: журнал - 2005. - N2. - С. 54-60.
6.Селевко, Г. Педагогические компетенции и компетентность: Их классификация [Текст] / Г. Селевко // Сельская школа: российский педагогический журнал. - 2004. - N3. - С. 29-32.
7.Серякова, С.Б. Компетентностный подход как направление модернизации российского образования [Текст] / С.Б. Серякова // Педагогическое образование и наука: научно-методический журн. - 2004. - N1. - С. 32-35.

©В.Н.Пирогов (ЯГПУ)

Некоторые проблемы гуманизации исторического образования в вузе

Изменения, которые происходят в российском обществе в настоящее время, актуализируют проблему гуманизации образовательного процесса, в том числе и исторического. Среди причин, обусловивших внимание к ней, следует назвать проявляющиеся в сознании молодежи элементы нигилизма, индивидуализма; обилие учебников, учебных пособий по истории России с разными оценками происходившего вызывает трудности у студентов в понимании смысла и значения событий. Кроме того, учитывая, что будущий педагог-историк будет работать в новых условиях, необходимо уже сейчас ориентировать его на необходимость понимания той социокультурной среды, которая сложилась в нашем обществе. Наконец,

предстоящая реформа вузовского образования, связанная с переходом на многоуровневую систему, требует диференцированного подхода к решению ряда задач, в том числе гуманизации процесса обучения.

Изучение гуманитарных дисциплин в вузе создает основу возрождения духовности, а значит укрепления и оздоровления современного общества. Благодаря гуманитарным дисциплинам закрепляется этическая, эстетическая, нравственная позиция личности. Гуманитарное образование облегчает молодым специалистам ориентацию не только в социальных, но и экономических, производственных и других проблемах. Среди ряда гуманитарных наук отечественная история занимает одно из ведущих мест в вузе.

Гуманизация исторического образования предполагает овладение студентом определенной системой знаний об обществе, социально-экономических и политических отношениях, о роли личности и конкретного человека, о событиях, связанных с различными явлениями и преобразованиями в обществе (войнами, реформами и т.д.). Сегодня проблема гуманизации исторического образования находится в прямой зависимости от развития и расширения возможностей информационных технологий, компьютерной грамотности и других факторов.

Одним из направлений гуманизации исторического образования можно считать пересмотр принципов отбора мировоззренческих идей и понятий с целью обогащения содержания учебного материала ценностями общечеловеческого характера, правдивости и точности исторических документов, рассмотрение истории российского общества как части развития мировой цивилизации.

Важно включать в темы курса истории Отечества элементы социальной психологии, проявления которых связаны с конкретными историческими событиями для изучения духовно-нравственной атмосферы, исторического наследия предшествовавших поколений. Решение этой задачи позволит преодолеть сложившиеся стереотипы, включающие в историческое содержание человека лишь как средство раскрытия исторического явления. Необходимо, чтобы он стал целью исторического познания со всеми своими положительными и отрица-

тельными свойствами. История должна быть такой, какой она была в реальности, а не какой ее порой создают современные авторы.

Гуманизации исторического образования способствует широкое использование межпредметных связей. Особенно при изучении развития культуры следует отказаться от простого перечисления достижений, технических открытий и их авторов. Необходимо раскрывать их через эмоциональную и интеллектуальную стороны.

Наконец, в оценке исторических событий полезно добиваться единства социологического и культурно-исторического подходов, что приводит к обогащению представлений студентов о прошлом нашей страны.

Для иллюстрации сформулированных положений приводим ряд прмеров. Так, одним из способов их реализации является объективное раскрытие исторического наследия, показа того, что было положительного и отрицательного для судеб России, показа роли личности и масс в нашей истории. Воспитывающее значение учебного материала о государственных деятелях прошлого значительно возрастет, если преподаватель через события будет выходить на личности, показывать механизм взаимодействия личности и окружающего бытия, эволюцию взглядов и поступков и, конечно, обратную связь, то есть влияние самого общества, конкретных событий на личность.

Гражданский долг каждого преподавателя состоит в том, чтобы выразить свое отношение к рассматриваемым событиям. Однако необходимо удержаться от осуждения своих предков, на долю которых выпало столько трагических событий (революции, войны, перестройки и др). Способом преодоления естественной отчужденности студента от изучаемой эпохи может служить методический прием «погружения» его в духовно-нравственную атмосферу изучаемого прошлого. Это помогает преодолеть и идеологическую предопределенность исторической информации, выявить альтернативы развития событий и судеб, продемонстрировать сложность проблемы личного выбора.

Возможности Интернета позволяют студентам познакомиться с разными взглядами ученых-историков на одни и те

же события. Такой подход в какой-то степени может предотвратить эмоционально-душевные срывы, а порой и агрессивность, разочарование молодежи из-за навязывания ей однозначных оценок. Гуманизация заключается и в том, что так преодолевается конфликтность, находится общий язык, формируется терпимость к чужому мнению, открытость интеллектуального общения.

В конечном итоге каждому преподавателю важно определить свои конкретные пути и методы решения поставленной задачи: проанализировать материал лекций, семинарских занятий, конференций и т.д. Необходимо использовать создающиеся сегодня «банки» гуманизированной исторической информации, активно применять творческий потенциал опытных педагогов, методических комиссий, проводить семинары по проблемам толерантности, гуманизации исторического образования в вузе. Это способствует распространению положительного опыта открытых занятий творчески работающих в этом направлении преподавателей высшей школы.

© Н.С. Русина (ЯГПУ)

Учебник истории как социокультурный феномен: к постановке проблемы

В условиях современного образования перед школьным учителем истории стоят чрезвычайно сложные задачи. Ведь раньше одну и ту же программу можно было преподавать на протяжении не одного десятка лет, а теперь приходится признавать изменения современной жизни, использовать обновленные учебные пособия, персональный компьютер и по-новому подходить к преподаванию истории. Дискуссионными являются вопросы использования тех или иных школьных учебников по истории в школьном преподавании.

Что представляли собой учебники в годы политического лидерства Н.С. Хрущева, Л.И. Брежнева каковы учебники современные, 2006-2008 года выпуска, и что они позволяют воспитывать в учениках, каким должен быть учебник истории и какие ценности он должен прививать ученикам, какое мировоззрение сформировывать?

В качестве материала исследования были избраны школьные учебники по истории СССР разных лет выпуска [1-5]. Такой выбор продиктован, в первую очередь, тем, что при сравнении советских и современных учебников появляется возможность увидеть основную задачу, предназначение учебника истории прошлого и настоящего века. Уточним, что нами анализируются лишь те школьные учебники, которые не просто получили рекомендацию различных правительственных учреждений, но реально находятся или находились в работе учащихся и педагогов.

Содержание пробного учебника под редакцией Д.И. Ковалевского полностью соответствует государственной идеологии советского государства, идеологии коммунистической партии, предусматривающей превалирование общественных интересов над групповыми и личными, участие каждой личности в укреплении общества, создание обществом для всех своих членов максимальных возможностей для удовлетворения материальных и духовных потребностей; сотрудничество, взаимоуважение, взаимопомощь. В начале книги изображение В.И. Ленина как вождя партии, ее основателя, изначально настраивающее читателя, ученика на верность идеалам партии. По ходу повествования делаются ссылки в основном на сочинения В.И. Ленина, что позволяет видеть обоснование содержания излагаемого материала. То же мы видим в учебнике под редакцией А.М. Панкратовой. Примечательно, что ни на обложке, ни на форзаце учебников не указаны даты рассматриваемого в учебниках периода. Задачей истории как предмета в это время была воспитание гражданина, верного идеалам партии, воспитывалось уважение к руководству партии, чувство коллективизма. Соответственно, построение материала полностью соответствует государственной идеологии тех лет. Кроме того, в этих двух учебниках красной нитью проходит мысль о роли партии в жизни народа, главенствующей власти партии, неоспоримых достоинствах руководства партии, например, название параграфа: «КПСС – руководящая и организующая сила советского народа в борьбе за построение коммунизма» [1.С.271]. В учебнике под редакцией Панкратовой, изданного

годом позднее, мы видим те же черты коммунистической идеологии.

Относительно других вопросов анализа этих двух учебников следует отметить, что их наглядно-иллюстративный материал также способствует формированию коммунистической идеологии. В учебнике под редакцией Панкратовой увеличивается количество диаграмм, появляются карикатуры, плакаты. Каждый новый раздел этого учебника предваряет иллюстративная вставка с названием исторического периода, в который включены главы и параграфы. К этому учебнику уже прилагаются цветные исторические карты, а также по ходу повествования включены черно-белые карты. В учебнике Ковалевского есть вопросы репродуктивного характера только после окончания главы на повторение изученного. В учебнике Панкратовой заданий и вопросов не содержится. Цели и задачи учебников полностью выполняются, материал доступен и научен, актуален тому времени, изложен в системе. Содержание формирует личность, верную идеалам партии, способную следовать примеру В.И. Ленина и народа, восхищаться деятельностью руководящей партии страны.

В учебнике под редакцией Кима содержание материала направлено на формирование личности гражданина социалистического общества, способного понять и перейти на путь более качественного развития, развития коммунистического. Здесь мы не видим особенных изменений в идеологическом содержании, формационный подход продолжает оставаться преобладающим в учебнике 1978 года. Во введении курсивом выделено то, что будет являться главным идеологическим составляющим учебника – социализм. Учебник охватывает период с 1938 по 1976 гг. Делается упор на построение развитого социализма. Особое место отводится Великой Отечественной войне, которая задержала развитие социализма. Так, пишется: «социализм – прогресс, нерушимая идейно-политическая и социальная сплоченность, преданность идеалам Коммунистической партии, верность принципам марксизма-ленинизма присущи социалистическому обществу», «победа социализма – главный итог» (воспитание человека социалистического общества, каким он должен быть) [3. С. 171]. Те же черты ком-

мунистической идеологии здесь хорошо просматриваются. В этом учебнике есть приложение с цветными иллюстрациями, в основном посвященными военному времени, а также репродукции с картин годов первых послевоенных пятилеток. По иллюстрациям ученик делает вывод о верности Родине и партии, идеалам социализма. Кроме того, есть и черно-белые иллюстрации по тексту параграфов, цветные карты периода войны, пятилеток, социалистического строительства. После параграфов даются вопросы и задания, в основном репродуктивного характера. Присутствуют фрагменты документальных материалов, заданий к ним нет, но есть указания, где найти подлинный документ. Также есть вопросы обобщающего характера в конце каждой главы, вопросы по карте. Есть задания подготовить сообщения на основе данных о ходе выполнения пятилетнего плана и другие. Авторы учебника открыто заявляют о воспитании человека социалистического общества, комсомольца, говорят о союзе республик. Формационный подход прослеживается, и его объяснению посвящена глава «Дальнейшее развитие социалистического общества и перерастание его в коммунизм» и далее по тексту «социализм – первая фаза коммунистической формации. Более высшая фаза – коммунизм». Заканчивается повествование учебника словами из Постановления ЦК КПСС от 31 января 1977 года: «Наша страна, все прогрессивное человечество встречают эту знаменательную дату под знаком новых побед социализма, учения Маркса, Энгельса, Ленина, идей пролетарского интернационализма, ярко демонстрирующих свою великую революционно-преобразующую силу»[3. С.248].

Таким образом, советские учебники – продукт своего времени, содержание и особенности которых обусловлены социокультурным контекстом эпохи (господством коммунистической партии, коммунистической идеологии, формационным подходом), и они формировали историческое сознание и мировоззрение учеников советского поколения.

Если рассматривать учебники последних лет (2006-2008 гг.), мы наблюдаем более информативное содержание, совершенно иной (социокультурный) подход к отбору материала, который основывается на синтезе формационного и ци-

вилизационного подходов. Данный подход в изучении истории имеет своей целью воссоздание «образов» культуры каждой исторической эпохи как единого целого, где вызревает, концентрируется и реализуется новый, более высокий этап развития творческих сил человека. Ключевыми понятиями здесь выступают историческое время и историческое пространство.

Социокультурный подход предназначен для того, чтобы помочь ученику сформировать свой культурный «образ истории», свою мировоззренческую и гражданскую позицию через постижение истории и культуры во всей полноте, совокупности актуально-значимых фактов и их исторически-закономерных интерпретаций. Учащиеся постигают многообразие мира, погружаются в культурную среду, созданную предыдущими поколениями, получают представление о множестве образов истории, различных перспективах развития будущего человечества. Предполагается самостоятельное размышление над историческими фактами, обращение к различным их толкованиям, выработка собственных оценочных критериев на данной основе. В связи с этим перед современным учителем ставятся задачи развития творческой деятельности учащихся, формирование независимого стиля мышления и обеспечение мотивационной сферы.

Так, в учебнике Н.В. Загладина, С.И. Козленко, С.Т. Минакова, Ю.А. Петрова уже во вступительном слове говорится: «приводимые в учебнике факты позволят учащимся не только понять и осмыслить суть происшедших событий, но и сформировать собственный взгляд на нашу страну и ее роль в мировом развитии XX – начале XX1 века». По ходу повествования даются точки зрения, одна или несколько. Задания: оцените результаты, покажите влияние - на развитие России. Перед параграфами предварительные вопросы, например: «какие имена деятелей культуры России вы считаете наиболее значимыми?». Документальные материалы в большом количестве, например: «Из сборника «Осмысление истории». Здесь осуществление воспитательной задачи: воспитание патриотизма, гражданственности, общенационального самосознания, исторического оптимизма, уважения к историческому и культурному наследию народов России и всего мира. Особенно это

касается темы Великой Отечественной войны: «страну охватил патриотический подъем», «сохранившиеся на стене Брестской крепости слова советских воинов «Погибаю, но не сдаюсь! Прощай, Родина!»[4. С. 227], мы воспринимаем теперь как символ сопротивления нашего народа немецко-фашистским захватчикам». Подборка иллюстративного материала плакатов, репродукций приводится в сравнении их друг с другом и выработки на этой основе своей точки зрения. Так, название раздела: «Переосмысление прошлого и будущего», параграфа «Новое политическое мышление: достижения и проблемы».

Что касается недавно выпущенного учебника авторов Уткина, Филиппова, вызвавшего большое количество споров по своему содержанию, можно отметить следующее: он соответствует практически всем критериям современного учебника истории, который не дает окончательных ответов, а, наоборот, открывает школьнику путь для новых вопросов и дальнейшего творческого исследования заинтересовавших его проблем; стимулирует развитие критического мышления на основе работы с разнообразными источниками и освоения методов исторической науки; учитывает и отражает достижения современной науки; показывает, что люди по-разному воспринимают историю, в зависимости от их принадлежности к определенному социальному слою, к определенной религиозной, политической, профессиональной и возрастной группе, их пола и т.д.; демонстрирует многообразие интерпретаций исторического прошлого и помогает школьнику понять причины этого многообразия; раскрывает перспективы изучения прошлого и анализа современных событий в контекстах региональной, общенациональной и всемирной истории [7]

Методический аппарат учебника заслуживает самой положительной оценки. Вызывают интерес у учителя и ученика такие задания: «Давайте вспомним» (повторение изученного материала), «Попробуйте назвать фильмы этого периода», «Думаем. Обсуждаем. Проверяем себя» (новый характер заданий). Учебник снабжен справочным материалом о личностях изучаемой эпохи. Много цветных иллюстраций (плакаты, фотографии, карикатуры). В достаточном количестве имеются исторические карты, таблицы, схемы, диаграммы. Несомнен-

ным достоинством учебника является продуманный подбор исторических документов самого разного плана: воспоминания, отрывки из писем, соглашений, договоры, выступления политиков, высказывания писателей и т.д. Вызывают интерес учеников и учителя вопросы и задания нового типа: составьте справочник, проанализируйте, организуйте диспут, напишите эссе, поддерживаете ли вы такую точку зрения? Продуманы задания и к иллюстрациям, диаграммам, картам, документам. Есть масса других достоинств.

Тем не менее, в ходе дискуссий по поводу использования этого учебника в школе среди основных недостатков пособия по истории учителя назвали безальтернативную оценку событий и слабое методическое обеспечение. Оппоненты усмотрели в ней оправдание сталинских репрессий, а в изложении событий последних восьми лет — отражение кремлевской пропаганды. Следовательно, мы должны признать, что каждый учебник, причем в свое время, можно оценить по-разному и применение социокультурного подхода к анализу содержания учебников может быть очень полезно для становления мировоззрения современного старшеклассника.

Учебник должен научить мыслить, чтобы школьник мог не просто запоминать факты, а делать выводы. Говорят, что история не терпит сослагательного наклонения. Она не терпит его в том смысле, что те события, которые произошли, уже произошли, но история немыслима без интерпретации. Ученик должен понять, что в истории, как и в его собственной жизни, всегда есть право выбора, возможность выбора. Также он должен научиться понимать, что вся его жизнь - это выбор.

Учебник истории является, с одной стороны, продуктом социокультурной действительности, с другой, - он направлен на формирование социокультурных особенностей учащихся. Он призван сформировать ценностные ориентации, представления учащихся о событиях прошлого, мировоззрение.

Являясь продуктом той или иной эпохи, учебники (их содержание, дидактические особенности, методический аппарат) сами направлены на формирование исторического созна-

ния, системы ценностей, представлений, мировоззрения учащихся – представителей нового поколения общества.

Библиографический список

1. История СССР. Пробный учебник для X-XI классов средней школы [Текст] / под ред. Д.И. Ковалевского. - М.: Учпедгиз, 1961.
2. История СССР. Учебник для 10 класса средней школы [Текст] / под ред. А.М. Панкратовой. - М.: Учпедгиз, 1962.
3. История СССР (1938-1976 гг.). Учебник для 10 класса [Текст] / под ред. М.П. Кима.- М.: Просвещение,1978.
4. Загладин, Н.В., Минаков, С.И., Козленко, С.И., Петров, Ю.А. История Отечества XX – начала XXI века. Учебник для 11 класса [Текст] / Н.В.Загладин, С.И.Минаков и др. - М.: Русское слово, 2006.
5. Уткин, А.И., Филиппов, А.В. История России 1945-2008 [Текст] / А.И.Уткин, А.В.Филиппов. - М.: Просвещение, 2008.
6. Ерыгин, А. Н. Восток-Запад-Россия: Становление цивилизационного подхода в исторических исследованиях [Текст] / А.Н.Ерыгин. – Ростов н/Д,1993.
7. Стрелова, О.Ю. Учебник истории как сложный социокультурный, научно-исторический и педагогический феномен [Текст] / О.Ю.Стрелова //Вяземский Е.Е., Стрелова О.Ю. Как преподавать историю в современной школе. Курс лекций для дистанционного обучения // История.-2006.-№22.

© Я.С. Соловьёв (ЯГПУ)

Роль активных педагогических технологий в процессе формирования гендерного мировоззрения студентов

Современная система образования претерпевает значительные изменения, связанные с поиском актуальных подходов к обучению, соответствующих новым тенденциям развития российского общества. В связи с этим в отечественной педагогике совершается переход от традиционной образовательной парадигмы, предполагающей репродуктивный тип деятельности, к личностно-ориентированной, предусматриваю-

щей активное восприятие учебной информации и, шире, - жизненной реальности.

Одним из путей решения этой задачи представляется внедрение гендерного подхода в образовательный процесс. Это позволяет снять отношения соперничества между полами и установить отношения сотрудничества, сформировать гендерное мировоззрение. Гендерное мировоззрение – это система взглядов личности на окружающий мир и на место человека в нем с точки зрения гендерной проблематики.

Гендерное мировоззрение составляют несколько категорий, иерархично подчиненных друг другу. Так, на макросоциальном уровне составляющей гендерного мировоззрения становятся гендерные представления – взгляды личности на государственное и общественное устройство и на социальное положение мужчины и женщины. Межличностный уровень взаимоотношений определяет такая составляющая гендерного мировоззрения, как гендерные установки – взгляды, определяющие восприятие личностью представителей своего и противоположного пола. И, наконец, на внутриличностном уровне гендерное мировоззрение определяется гендерной идентичностью, понимаемой как отождествление себя с определённым полом, усвоение правил и норм, характерных для этого пола, и демонстрация их в своём поведении.

Формирование адекватного современному обществу гендерного мировоззрения позволяет решить основные задачи современного гуманитарного образования. Особую роль в этом отношении играют история и обществознание.

Гендерное образование предполагает формирование у студентов активной жизненной позиции, творческого отношения к жизни, поэтому ведущую роль в реализации задач гендерного подхода на занятиях истории играют активные педагогические технологии: работа с историческими источниками (письменными, визуальными, вещественными); проектная технология, дебаты, ролевая игра.

Анализ исторических источников, отражающих гендерные отношения в разные эпохи, позволяет в эвристической форме вскрыть закономерности развития истории взаимоотношения полов (например, при изучении темы «Европейские

революции конца XVII –XVIII вв.» в рамках учебного занятия студентам для анализа предлагались следующие источники: фрагменты «Декларации прав человека и гражданина», «Декларации прав женщины и гражданки» Олимпии де Гуж, «В защиту прав женщины» Мэри Уоллстоункрафт.

Изучение перечисленных исторических документов позволило взглянуть на события Французской революции 1789-1894 гг. глазами их участников, а также обнажило неравноправие представителей разных полов, отличия в их социальном бытии. Особо ярко представить это позволил сопоставительный анализ первых двух документов: каждая статья «Декларации» О. Де Гуж является женским ответом на «Декларацию прав человека и гражданина»).

Проектная технология решает задачи гендерного образования, вовлекая студентов в совместную деятельность, нацеленную на конкретный ощутимый результат (например, в ЯрТБС нами был реализован творческий проект создания программы студенческого радио ко Дню Победы. Он носил межпредметный характер, так как был интегрирован с учебной дисциплиной «Информатика» в плане технического обеспечения радиовещания. На занятии по истории, посвященном Великой Отечественной войне, студентам было предложено разработать примерный план программы, который был откорректирован в ходе коллективного обсуждения. Было решено, что программа должна начинаться с общей исторической справки, затем следует материал о ветеране (женщине), рассказывающий о том, как война отразилась на судьбе конкретного человека, а последняя часть программы посвящена проблеме исторической памяти, тому, как мы сегодня воспринимаем события Великой Отечественной войны).

Осуществление проекта способствовало решению задач гендерного исторического образования: знакомство с женским опытом на войне (из первых уст), работа с историческими источниками, отражающими гендерные отношения (солдат и его семья, женщина и мужчина в песнях военных лет), попытка осознать собственную роль в историческом творчестве (создание сочинений о своей семье).

Полифония гендерных ролей в современном обществе предполагает дискуссионность образовательного процесса. Создать пространство для дискуссии студентов позволяет технология дебатов, в ходе реализации которой учащиеся обсуждают вопросы гендерной истории (например, при изучении темы «Европейские революции XVII – XVIII вв.» во второй части урока педагог может дать студентам тему для обсуждения: «Декларация прав человека и гражданина» наделила всех французов гражданскими правами». В результате обсуждения данной темы в группе студентов формируются две точки зрения: одни считают, что этот тезис правдив, другие отрицают его, ссылаясь на то, что гражданские права получили только мужчины). Технология дебатов позволяет затронуть злободневные исторические проблемы взаимодействия полов и в интересной для студентов форме определить возможные механизмы их решения.

Особенно большое значение в процессе внедрения гендерного подхода в историческое образование имеет ролевая игра, позволяющая использовать прием эмпатии, когда студенты на занятии проигрывают, переживают гендерные роли людей разных эпох. Например, при изучении темы «Неолитическая революция» мы разбили класс на 3 группы, которые представляли племена эпохи первобытного общества, каждое «племя» получило рисунки с изображениями орудий труда. Так, первому племени достались изображения наконечников стрел, копий, лука; второе получило в свое распоряжение изображение керамики, плуга, рыболовных крючков; у представителей третьего были рисунки с изображением украшений, маски, лодки-долблёнки. Каждому племени соответствовало определённое пространство в классе, где они воссоздавали один день из жизни своего племени. Использоваться могли все предметы и материалы, находящиеся в классе. Затем студенты садились на свои места и рассказывали о том, что они только что изобразили. Успешней всех с заданием справилась вторая группа, нарисованные ими рисунки в виде слайдов показали жизнь скотоводческо-земледельчиского племени: работу на поле с использованием деревянного плуга, который тащил за собой буйвол, женщин, лепящих глиняную посуду, мужчин,

строящих с помощью каменного топора загон для скота и ловящих рыбу. Анализируя выступление второй группы, студенты воссоздали гендерный уклад первобытного общества. Они распределили обязанности в соответствии с половой принадлежностью. Первая группа не сумела определить назначение некоторых «военных» орудий труда и использовала их в качестве скребков, иголок и т. д. Если бы в этой группе были юноши, то результат мог быть иным. Третья группа не сумела понять назначение многих предметов труда и сделала упор на изображениях бус. Студенты не смогли полностью почувствовать характер эпохи, но в то же время они изобразили ритуальный праздник племени, девушки долго приводили себя в порядок: примеряли украшения, чем-то подводили себе брови и т.д., где-то вдалеке юноша катал на лодке свою возлюбленную. Представители третьей группы, используя материалы прошлого, воссоздавали жизнь первобытного человека, опираясь на гендерные реалии сегодняшнего дня.

Таким образом, ролевые игры на занятиях по истории позволяют студентам «примерять» гендерные роли разных исторических персонажей, живших в разные эпохи и принадлежавших к разным слоям общества.

Содержание

Актуальные проблемы всеобщей истории

Е.Е.Лях. Опыт выбора веры в текстах новозаветных апокрифов..... 3

Р. Ю. Белькович. Концепция автономии в США XVII-XIX вв..... 11

А.С.Осипов. Индустрия развлечений в Англии в середине XVIII в. Театр Дэвида Гаррика..... 16

Ю. Е. Барлова. Жизнь английской бедноты XVIII столетия в трактате Ф. М. Идена «Положение бедных»..... 22

А.Э. Афанасьева. Новые подходы к истории медицины в зарубежной историографии..... 31

Ю.С.Никифоров. Методологическая культура историка последней четверти XIX – начала XX вв. (по воспоминаниям представителей «русской исторической школы»)..... 37

А. В. Литвинов. К вопросу о модернизации Эфиопии (восприятие инноваций эфиопским традиционным обществом во второй половине XIX – начале XX в.)..... 45

Н.В.Бородкина. Франко-иранские отношения в конце XX – начале XXI в..... 51

Г.М. Ермолина. Общественное мнение Великобритании о Германии 1933-1938 гг. (по материалам «Дейли Мейл» и «Панч»)..... 56

А. М. Ермаков. «Штюрмер» - главная антисемитская газета Третьего рейха..... 63

Д.Н. Христенко. Военная цензура и деятельность американских СМИ в период войны в Персидском заливе (1990-91 гг.)..... 71

А.С. Ходнев. Мандатная система Лиги Наций и судьба «несостоявшихся» государств в историографии начала XXI века..... 80

Народ, политика, власть в истории России

М.В. Талашов. "Как ныне сбирается вещий Олег... ": к вопросу о характере славяно-хазарских отношений в IX–X вв..... 88

Е.Л. Сараева. Западнические идеи цивилизационного развития России в петербургский период..... 97

В.В. Кудрявцев. Крымская война: взгляд представителей российской бюрократии..... 102
Е.Е.Белова. Медико-социальная помощь раненым и больным воинам в Ярославской губернии во время русско-турецкой войны 1877-1878 гг. 108
Л.М.Архипова. Характеристика основных явлений в аграрном строе России в пореформенный период..... 115
А.М. Новоторцева. Дифференцированность в налогообложении юридических лиц в России в конце XIX – начале XX в..... 123
О.В.Дубичев. Значение травосеяния в модернизации крестьянского хозяйства Ярославской губернии в начале XX в..... 128
Н.А. Лихова. Социокультурный образ русского крестьянина-общинника на рубеже XIX-XX веков: обряды и обычаи, связанные с рождением детей 134
А.Г. Любарец. Просветительская и образовательная деятельность духовенства Ярославской епархии в конце XIX - начале XX в..... 138
Г.В. Карандашев. Влияние алкоголизации населения на рост преступности в России в конце XIX – начале XX в..... 146
А.Е. Коняев. Достоинства и недостатки деятельности школ при исправительных арестантских отделениях Европейской России конца XIX – начала XX в. По материалам Ярославской и Владимирской губерний..... 150
В.В. Таточенко. Роль «Русских ведомостей» в формировании гражданственности во второй половине XIX – начале XX в..... 158
С.Д.Кудрявцев. Исторические связи Белоруссии и Ярославского края..... 164
С.И. Смирнов. Планы создания Славяно-Сербского автономного государства на Балканах в российско-черногорских отношениях начала XIX века..... 167
Н.А. Миронова. Ассенизационный аспект санитарного состояния Ярославля в 1918 году..... 177
О.Е. Феофанов. Финансово – кредитная политика советского государства в годы индустриализации..... 184
О.Н. Литвинова. Гендерный подход к изучению партизанского движения в годы Великой Отечественной войны (на примере Брянского региона)..... 189

П. Г. Аграфонов. Братья Радциги..... 195
Н.С. Новожилов. Методологические аспекты изучения политической системы СССР в 1930-е гг..... 205

Актуальные проблемы политологии и социологии

В.Н. Шеминов. Социология депривации современного общества..... 212
В. П. Басков, А. В. Кузьменко. Молодежь на рынке труда..... 216
О.А. Коряковцева. Особенности взаимодействия органов государственной власти и молодежных движений в современной России..... 219
А.В. Гаврилов. Европейский правый радикализм в 1990-е годы (на примере Австрии и Германии)..... 227
Л. Н. Талызина. Особенности конфликтов в кризисном обществе..... 232
Е.А.Пелевина. Политическое поведение различных социальных групп в периоды экономических кризисов..... 236
И. А.Мамзелев. Информационные бюллетени на выборах в Госдуму РФ 2 декабря 2007 года в Ярославской области как средство агитации..... 243
В.А. Соколов. Трансформация партийно-политической системы России в 1993-2007 гг. и ее роль в изменении электорального предложения на парламентских выборах в России..... 248

Актуальные проблемы теологии

В.В. Добродеев. Богословский анализ масоретских текстов Священного Писания Ветхого Завета..... 255
В.А. Марченко. Протоиерей Г.В.Флоровский о преодолении дезинтеграции..... 265
Д.И. Чистюхин. Традиции благочестия в Ярославском крае в XIX в..... 274
В.Т.Юсупов. Религиозный дискурс: православие, католицизм, протестантизм..... 283
Д.Е. Леонов. Революция 1905-1907 гг. в России и низший клир Русской православной церкви..... 291
Н. А. Давыдова. Духовная музыка конца XIX – начала XX веков: взгляд со стороны традиций православного пения..... 299

А.В. Еремин. Социокультурная деятельность Церкви в свете " Основ социальной концепции РПЦ"..... 307

Методика преподавания истории и обществоведческих дисциплин

И. Н. Баранова. Организация самостоятельной работы студентов на основе диалогового подхода..... 314
Н.А. Валеева. Формирование информационной компетенции у школьников в учебно-познавательной деятельности на уроках истории и обществознания: постановка проблемы..... 319
В.Н. Пирогов. Некоторые проблемы гуманизации исторического образования в вузе..... 324
Н.С. Русина. Учебник истории как социокультурный феномен: к постановке проблемы..... 327
Я.С. Соловьёв. Роль активных педагогических технологий в процессе формирования гендерного мировоззрения студентов..... 334

Научное издание

Вопросы отечественной и зарубежной истории, политологии, теологии, образования

Материалы конференции «Чтения Ушинского» исторического факультета

Редактор Л.К.Шереметьева
Компьютерная верстка - Ю.В. Машонина

Подписано в печать 06.07.09
Формат 60x90/16.
Объем 21,5 п.л. Тираж 100 экз. Заказ 480

Редакционно-издательский отдел
ГОУ ВПО «Ярославский государственный педагогический университет им.К.Д. Ушинского»
150000, Ярославль, Республиканская ул., 108

Типография ЯГПУ
150000, Ярославль, Которосльная наб., 44